ИПОС СО РАН

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

4 (43)
2018
ISSN 2071-0437 (Online)

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 4 (43)
2018**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:
Багашев А.Н., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:
Молодин В.И. (председатель), акад. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бужилова А.П., акад. РАН, д.и.н., НИИ и музей антропологии МГУ им М.В. Ломоносова;
Головнев А.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера);
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Васильев С.В., д.и.н., Ин-т этнологии и антропологии РАН; Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия);
Логвин В.Н., д.и.н., Сургутский госуниверситет; Миненко Н.А., д.и.н., Уральский госуниверситет;
Рындина О.М., д.и.н., Томский госуниверситет; Томилов Н.А., д.и.н., Омский госуниверситет;
Хлахула И., Dr. hab., университет им. Адама Мицкевича в Познани (Польша);
Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США); Чиндина Л.А., д.и.н., Томский госуниверситет;
Чистов Ю.К., д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)

Редакционная коллегия:
Агапов М.Г., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Валь Й., PhD, Общ-во охраны памятников Штутгарта (Германия);
Дегтярева А.Д., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Зимина О.Ю. (зам. главного редактора), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Клюева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, ун-т Тулузы, проф. (Франция); Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лискевич Н.А. (ответ. секретарь), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США);
Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия); Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство ЭЛ № ФС 77-71754 от 8 декабря 2017 г.

Адрес: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, телефон: (345-2) 406-360, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: http://www.ipdn.ru

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2018

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 4 (43)
2018**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief
Bagashev A.N., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Editorial board members:
Molodin V.I. (chairman), member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Buzhilova A.P., member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History, Institute and Museum Anthropology University of Moscow
Golovnev A.V., corresponding member of the RAS, Doctor of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Chindina L.A., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Chistov Yu.K., Doctor of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Chlachula J., Doctor hab., Professor, University of a name Adam Mickiewicz in Poznan (Poland)
Hanks B., PhD, Proffessor, University of Pittsburgh, USA
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki, Finland
Logvin V.N., Doctor of History, Professor, University of Surgut
Minenko N.A., Doctor of History, Professor, Ural federal university
Ryndina O.M., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk
Vasilyev S.V., Doctor of History, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Editorial staff:
Agapov M.G., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse, France
Degtyareva A.D., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu, Estonia
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology RAS
Liskevich N.A. (senior secretary), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York, USA
Pinhasi R. PhD, Professor, University College Dublin, Ireland
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege, Germany
Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Zimina O.Yu. (sub-editor-in-chief), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Address: Malygin St., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: http://www.ipdn.ru

Содержание

Археология

Сериков Ю.Б., Балуева Ю.В., Коноваленко М.В. Каменный инвентарь нового мезолитического поселения на севере Западной Сибири 5
Зах В.А. Появление керамики в Западной Сибири (к обсуждению проблемы) 20
Костомаров В.М., Новиков И.К. Топография поселения Золотое 1 — нового памятника позднего бронзового века Тоболо-Ишимья 32
Рябогина Н.Е., Иванов С.Н., Насонова Э.Д. Жилой ландшафт: природное окружение поселений позднего бронзового века в Притоболье 39
Костомарова Ю.В. Инвентарный комплекс журавлевского населения Нижнего Приишимья (по материалам исследований 2012–2014 гг. городища Борки 1) 51
Илюшина В.В., Рафикова Т.Н. Комплекс раннего этапа эпохи железа городища Ласточкино Гнездо 1 в Нижнем Приишимье 61
Казаков А.А. Керамический комплекс майминской археологической культуры 74
Тигеева Е.В., Белоногова Л.Н. Зеркала саргатской культуры Тоболо-Ишимского междуречья 84
Голдина Р.Д. О находках предметов из раковин турбинелла пирум на памятниках III–IV вв. Среднего Прикамья 97

Антропология

Герасимова М.М., Фризен С.Ю., Васильев С.В. Краниологические материалы из средневековых могильников Краснодарского края 108
Солодовников К.Н., Кравченко Г.Г., Рыкун М.П. Морфологические особенности населения энеолита — ранней бронзы как результат адаптации к географическим и биоклиматическим условиям Алтайской горной страны 120
Сюткина Т.А. Искусственная деформация черепа у аборигенного населения доколумбовой Кубы 136

Этнология

Федоров Р.Ю., Аболина Л.А. Некоторые особенности материальной культуры белорусских переселенцев Братского района Иркутской области: маркеры идентичности 147
Лискевич Н.А., Копыльцова И.Ю., Поршунова Л.С. Роль погодных условий в производственной практике оленеводов Приполярного Урала 156
Конев А.Ю., Поплавский Р.О. Дар в политике и практике христианизации сибирских «иноверцев» (по материалам Западной Сибири конца XVI — XVIII в.) 165
Мавлютова Г.Ш. Правовой статус мусульманского духовенства Тобольской губернии в конце XVIII — начале XX в. 175
Бакиева Г.Т. Проблемы подготовки учителей для национальных школ Зауралья в 1930–1950-е гг. (на примере Тобольского татарского педагогического училища) 184
Бобров И.В., Черепанов М.С. Исламский ландшафт городского округа Тюмень: места, численность и социально-демографический состав молитвенных собраний 193
Островская Е.А., Алексеева Е.В. Исповедь в цифровом измерении: единицы структурированного наблюдения 204

Информация для авторов 213
Список сокращений 215

На передней стороне обложки: инвентарь раннего этапа эпохи железа с городища Борки 1 (Нижнее Приишимье): застежка, наконечник стрелы (бронза), имитация литейной формы (камень); переход через ручей, Приполярный Урал, 2008 г. (фото А.С. Хозяинова).

Contents

Archaeology

Serikov Yu.B., Balueva Y.V., Konovalenko M.V. Stone inventory discovered at a Mesolithic site in the North of Western Siberia 5
Zakh V.A. Origin of pottery in Western Siberia (to the discussion of the problem) 20
Kostomarov V.M., Novikov I.K. The topography of the Zolotoe 1 settlement — a newly discovered Late-Bronze site in the Tobol-Ishim interfluve 32
Ryabogina N.E., Ivanov S.N., Nasonova E.D. Residential landscape: the natural environment of the Late Bronze settlements in the Tobol region 39
Kostomarova Yu.V. Inventory complex of the Zhuravlevo culutre in the Lower Ishim river areas (based on the 2012–14 research at the Borki 1 site) 51
Ilyushina V.V., Rafikova T.N. Early Iron Age complex of the Lastochkino Gnezdo 1 settlement in the Lower Ishim river basin 61
Kazakov A.A. The ceramic complex of the Mayma archaeological culture 74
Tigeeva E.V., Belonogova I.N. Mirrors of the Sargatka culture in the Tobol-Ishim interfluve basin 84
Goldina R.D. Artefacts from the *Turbinella pyrum* shell found at 3rd–4th century sites in the Middle Kama region 97

Anthropology

Gerasimova M.M., Frizen S.Yu., Vasiliev S.V. Craniological materials from Medieval grave fields in Krasnodar Krai 108
Solodovnikov K.N., Kravchenko G.G., Rykun M.P. Morphological features of the Eneolithic — Early Bronze population as a result of adaptation to the geographical and bioclimatic conditions of the Altai highlands 120
Syutkina T.A. Artificial cranial deformation among the aboriginal population of pre-Columbian Cuba 136

Ethnology

Fedorov R.Yu., Abolina L.A. Material culture of Belarusian migrants in the Bratsk district: identity markers 147
Liskevich N.A., Kopyltsova I.Yu., Porshunova L.S. The effect of weather conditions on the practice of reindeer herders in the Sub-polar Urals 156
Konev A.Yu., Poplavskiy R.O. The gift in the policy and practice of Siberian non-Orthodox people christianisation (based on materials for Western Siberia in the late 16th–18th centuries) 165
Mavlyutova G.Sh. Legal status of Muslim clergy in the Tobolsk province at the end of 18th — beginning of the 20th century 175
Bakieva G.T. Problems of training teachers for national schools in the Trans-Urals in 1930s–1950s (on the example of the Tobolsky Tatar Pedagogical College) 184
Bobrov I.V., Cherepanov M.S. The Muslim landscape of the urban district of Tyumen: places, size and socio-demographic composition of prayer meetings 193
Ostrovskaya E.A., Alexeeva E.V. Digital dimension of confession: results of structured field observation 204

Memo to the authors 213
Abbreviations 215

АРХЕОЛОГИЯ

Ю.Б. Сериков*, Ю.В. Балуева, М.В. Коноваленко****

*Российский государственный профессионально-педагогический университет (филиал в Нижнем Тагиле)
Красногвардейская ул., 57, Нижний Тагил, 622031
E-mail: u.b.serikov@mail.ru
**ООО НПО «Северная археология-1»
Проезд 5П, 9, Нефтеюганск, 628305
E-mail: balueva000@rambler.ru;
konovalenkomarinav@yandex.ru

КАМЕННЫЙ ИНВЕНТАРЬ НОВОГО МЕЗОЛИТИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Детально анализируется каменный инвентарь нового мезолитического памятника, расположенного на р. Салым на территории Ханты-Мансийского автономного округа. В его коллекции представлено 22 тыс. находок, которые характеризуют полный цикл обработки камня — от расщепления галек до производства пластин и изготовления орудий. Технология расщепления была ориентирована на получение ножевидных пластин с торцовых нуклеусов. 90 % нуклеусов имеют высоту до 3 см. Изделия с вторичной обработкой (4,7 %) представлены скребками, остриями, резцами, резчиками и отретушированными пластинками. Комплекс пластин имеет микролитоидный характер. Ширина 97,5 % пластин составляет до 1 см. Анализ различных частей пластин показывает, что мезолитическое население предпочитало использовать сечения (30,4 %) и пластинки с отсеченным дистальным концом (14,2 %). Для оформления орудий чаще применялась ретушь со стороны спинки — 72,6 %. Доля пластинчатости комплекса (соотношение изделий на пластинах и отщепах) составляет 47,6 %. Список минерального сырья на памятнике состоит более чем из 40 видов. Чаще всего использовались песчаник, сланец, кремнистый сланец, халцедон, кремень и яшма — 87,4 %. Своеобразием памятника можно считать наличие на нем геометрических микролитов, архаичных вогнуто-ретушных резцов, бифаса и фигурных зооморфных галек. По технико-типологическим характеристикам комплекс поселения Большой Салым 4 полностью соответствует материалам исследованных раскопками западно-сибирских памятников. Поскольку на Урале известны сотни мезолитических памятников разных типов: стоянки, поселения, мастерские, святилища, погребения, можно предположить, что освоение Западной Сибири мезолитическим населением происходило с запада — с территории Урала и Зауралья. Комплекс каменных изделий поселения Большой Салым 4 является самым крупным в Западной Сибири и в силу этого приобретает большое значение для понимания процессов освоения Западно-Сибирской равнины мезолитическим населением.

Ключевые слова: Западно-Сибирская равнина, мезолит, сырьевой кризис, микролитизация, геометрический микролит, фигурная галька.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-005-019

Введение

Археологический комплекс Большой Салым находится на правобережье среднего течения р. Большой Салым (Ханты-Мансийский автономный округ — Югра), в 128 км к юго-западу от г. Нефтеюганска и в 6 км к востоку от п. Салым (рис. 1, *1*). Открыт он в 2012 г. разведочным отрядом под руководством Е.И. Кочегова [Кочегов, 2013]. В комплекс входят мезолитическое поселение, энеолитический могильник и группа ям-ловушек раннего железного века и средневековья. В 2014–2015 гг. памятник исследовался аварийно-спасательными раскопками. Исследования проводили сотрудники ООО «НПО «Северная археология-1» (г. Нефтеюганск) М.В. Коноваленко, Ю.В. Балуева и Е.И. Кочегов [Коноваленко, 2014; Балуева, 2015]. Общая вскрытая площадь составила 5374 м^2.

При изучении каменного инвентаря памятника применялся технологический подход. Он позволяет выявить характер использования минерального сырья. Весь комплекс каменных изделий был обработан при помощи статистико-типологического метода. Прежде всего определялся тип исходного сырья — гальки, плитки, окатанные куски. На каждом изделии фиксировалось наличие первичной корки — галечной или плиточной. Высчитывалось их процентное соотношение. С помощью специалистов из Института минералогии УрО РАН (г. Миасс) определялся вид

минерального сырья каждого каменного изделия. Типологический метод позволил установить тип каждого изделия. Для статистико-типологической характеристики памятника проводились замеры всех изделий. Замерялись высота нуклеусов, длина и ширина пластин и изделий из них, длина скребков и отщепов. Полученные данные сводились в типолисты и таблицы, две из которых представлены в данной статье. Часть каменного инвентаря изучена посредством трасологического анализа.

Рис. 1. Местоположение комплекса Большой Салым (*1*). Большой Салым 4. Нуклеусы (*2–17*).
Fig. 1. Location of complex Bolshoi Salym (*1*). Bolshoi Salym 4. Cores (*2–17*).

Обсуждение материалов

Мезолитический комплекс памятника состоит из 22 068 каменных изделий. На поселении производился полный цикл обработки камня — от расщепления галек до производства пластин и изготовления орудий [Коноваленко и др., 2017]. Технология расщепления была ориентирована на получение ножевидных пластин с торцовых нуклеусов. Для этого использовали гальки (172 экз. — 36,6 %), плитки (27 экз. — 5,8 %), окатанные куски (128 экз. — 27,2 %) и отщепы (14 экз. — 3 %). Исходный тип сырья 129 нуклеусов (27,4 %) не определим. Окатанность минерального сырья свидетельствует, что местное население получало его с окрестных речных галечников. Их местонахождение установить пока не удалось. Из-за отсутствия в галечниках крупных фракций минерального сырья мезолитическое население было вынуждено использовать мелкие гальки, плитки и куски. Высота нуклеусов колеблется от 0,8 до 5,1 см. Высоту до 3 см имеют 421 нуклеус (89,6 %). Нуклеусы высотой от 1,6 до 2,5 см составляют больше половины комплекса — 285 экз. (60,6 %).

Нуклеусы стоянки (470 экз.) представлены торцовыми, призматическими и коническими типами. В процессе обработки комплекса выяснилось, что все многообразие типов нуклеусов на самом деле отражает различные стадии обработки исходной заготовки — гальки или плитки. Обычно скалывание пластин начинали производить с узкой стороны гальки или плитки (далее — заготовки). Если обработка заготовки на этой стадии прекращалась, то получался нуклеус торцовый однофронтальный одно- или двухплощадочный (рис. 1, *2*). При продолжении обработки скалывать пластины начинали либо с противоположной узкой стороны заготовки, либо со стороны, прилегающей к уже обработанной (смежной). В первом случае получался нуклеус торцовый двухфронтальный (рис. 1, *3, 10*) (43 и 13), во втором — торцовый двухфронтальный смежный (рис. 1, *4, 5, 14–16*) (102 и 23). При продолжении обработки мастер переходил на третью плоскость заготовки, что приводило к получению нуклеуса торцового трехфронтального (рис. 1, *6, 9, 12, 13*) (46 и 19). При хорошем качестве сырья мастер обрабатывал и четвертую сторону заготовки. В результате получался нуклеус призматический (рис. 1, *17*) (26), если заготовка имела прямоугольные очертания, или конический (рис. 1, *7, 8*) (17), если один конец у заготовки заметно сужался книзу [Сериков, 2000, с. 98–99]. Два нуклеуса имеют нестандартную обработку.

Одноплощадочных нуклеусов в коллекции 403 экз. (85,7 %). Около трети ударных площадок заметно скошены по отношению к плоскости скалывания. Отмечены единичные случаи использования гладких ударных площадок, обычно у расколотых галек.

Для изготовления нуклеусов использовалось минеральное сырье свыше 20 видов. Почти половина (47,2 %) нуклеусов выполнены из сланца (9,1 %) и песчаника (38,1 %). Неясно, чем объяснялся выбор этих пород. Некоторые из них очень мягкие и пористые, другие имеют абразивную структуру, которая не может дать пластин с острым краем. Использовались также халцедон (14,9 %), кремнистые сланцы (13,2 %), кремень (8,5 %) и яшмы разных цветов (9,4 %). Остальные минералы (6,8 %) представлены немногочисленными сериями или единично: кварцит, кварц, сердолик, углистый сланец, лимонит.

Пластинки без ретуши (7464) имеют ширину от 0,2 до 1,8 см (табл. 1). Пластинок шириной до 0,8 см в коллекции 6828 экз. (91,5 %), до 1,0 см — 7316 экз. (98 %). Преобладают пластинки шириной 0,4–0,7 см — 5415 (72,5 %). Пик графика ширины пластинок без ретуши приходится на 0,5 см — 1648 (22,1 %). На памятнике использовались даже пластинки шириной 0,2–0,3 см — 10,87 % (рис. 5, *14–25*).

Целых пластин в коллекции всего 8,1 % (602). Основную их часть составляют пластинки выклинившиеся, заметно изогнутые, с первичной коркой. Остальные — различные части пластин (табл. 2). Самая малочисленная группа — пластинки с отсеченными проксимальными концами (218 экз. — 2,9 %). Среди пластинок с отсеченными дистальными концами (1036 экз. — 13,9 %) преобладают прямые пластинки из качественного минерального сырья. В этой группе много узких (0,3–0,4 см) пластинок, первичная корка встречается редко. Отсеченных проксимальных концов пластин в коллекции 2070 экз. (27,7 %). Отсеченные дистальные концы (1375 экз. — 18,4 %) представлены фрагментами с сильно загнутым концом, с утолщением на конце, с сильно сходящимися краями. Среди сечений (2163 экз. — 29 %) преобладают пластинки качественного сырья с параллельными краями. Первичная корка отмечена на 952 пластинках (12,75 %).

Пластинки из качественного минерального сырья изготовлены из кремня (11,3 %), халцедона (9,3 %), кремнистого сланца (15,9 %) и яшмы (26,2 %). Использовалась яшма разных цветов и оттенков: зеленая, бурая, сургучная, кремовая, охристая, светло-серая, серо-зеленоватая, красно-зеленая и бежевая. Количество пластин из яшмы существенно превышает количественные показа-

тели пластинчатых яшмовых комплексов Среднего Зауралья, которые редко достигают 1,5 % [Сериков, 2000, с. 160]. Значительно реже использовались кварц, кварцит, сердолик, опока. Единичны пластинки из опаловидной породы и горного хрусталя. Интересно сечение, изготовленное из черного полупрозрачного материала, очень напоминающего обсидиан. Директор минералогического музея в Ильменском заповеднике Т.П. Нишанбаев (Институт минералогии УрО РАН, г. Миасс) определил, что пластинка изготовлена из фульгурита — «окаменевшей молнии»[1] (рис. 5, *6*). Удивляет широкое использование пластинок из некачественного сырья — песчаника (14,2 %) и сланца (14,9 %), которые суммарно составляют почти треть пластинчатого комплекса. Можно предположить, что такие пластины предназначались для увеличения массы вкладышевого наконечника стрелы, что усиливало его пробивную способность. Возможно, верхняя (боевая) часть наконечника оснащалась пластинками из изотропного сырья, а оставшаяся — пластинками с тупыми лезвиями.

Таблица 1

Ширина ножевидных пластинок и изделий из них, см

Table 1

Width of bladelets and products made of them

	Ребристые пластинки	Пластинки без ретуши	Пластинки с ретушью утилизации	Пластинки с ретушью со спинки	Пластинки с ретушью с брюшка	Пластинки с ретушью со спинки и с брюшка	Пластинки с отретушированным концом	Пластинки с отретушированными выемками	Резцы	Резцы-резчики	Резчики	Острия	Геометрические микролиты	Индивидуальные изделия	*Всего*	%
0,2	2	100	1	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	108	1,28
0,3	27	711	4	1	5	3	—	2	4	—	—	2	—	—	759	8,99
0,4	31	1246	21	10	18	2	1	8	10	—	8	5	—	—	1360	16,11
0,5	64	1648	25	15	16	13	8	12	16	3	19	4	2	—	1845	21,86
0,6	57	1374	20	16	13	5	8	8	12	1	15	5	—	—	1534	18,18
0,7	36	1147	28	14	7	1	8	8	18	3	15	8	1	—	1294	15,33
0,8	12	602	15	10	1	1	10	12	10	3	17	2	—	—	695	8,24
0,9	12	326	8	10	5	7	9	5	12	1	11	3	2	1	412	4,88
1,0	6	162	8	7	5	2	3	4	9	4	10	—	—	—	220	2,61
1,1	2	84	6	5	1	—	5	1	4	—	3	3	—	1	115	1,36
1,2	1	36	2	3	—	—	4	1	1	—	1	1	—	—	50	0,59
1,3	—	19	1	3	—	—	1	—	—	—	3	—	1	—	28	0,33
1,4	1	5	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7	0,08
1,5	1	2	1	1	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	7	0,08
1,6	1	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	0,04
1,7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1,8	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	2	0,02
1,9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
2,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
2,1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
2,2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
2,3	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—		—			2	0,02
Всего	256	7464	141	98	72	35	57	62	98	15	102	33	6	2	8441	100

Пластинки с вторичной обработкой (324 экз.) представлены пластинками с ретушью со спинки, с ретушью с брюшка, с ретушью со спинки и с брюшка, с отретушированными выемками и с обработанным ретушью концом. Почти половина отретушированных пластинок (45,4 %) представлена сечениями.

Длина пластинок с ретушью со спинки (98 экз.) колеблется от 0,4 до 4,9 см, ширина — от 0,3 до 2,3 см. Преобладают пластинки шириной 0,5–0,8 см (56,1 %). Ретушь на пластинках всегда мелкая, краевая. У 72 пластин ретушь нанесена по одному краю. Ретушь по двум краям отмечена на 26 прямых пластинках.

Пластинок с ретушью с брюшка 72 экз. (рис. 2, *16, 18*). Их длина колеблется от 0,2 до 2,8 см, ширина — от 0,2 до 1,1 см. Преобладают пластинки шириной 0,4–0,6 см — 65,3 %. Почти все они прямые, 62,5 % представлены сечениями. 55 пластинок отретушированы по одному краю, 17 — по двум.

[1] Фульгурит — спекшиеся от удара молнии SiO_2 (песок, кварц, кремнезем).

Пластинки с ретушью со спинки и с брюшка (35 экз.) имеют ширину от 0,3 до 1,8 см (рис. 2, *4, 13, 17*). Обычно мелкая краевая ретушь нанесена по разным краям (21 экз.). По всей длине края ретушью обработано 18 пластинок. Все пластинки этой группы прямые. Представляют интерес нестандартное изделие из зеленой яшмы, выполненное на отсеченном проксимальном конце пластинки шириной 0,9 см и длиной 1,2 см. Оно имеет форму равнобедренного треугольника с вершиной в виде тупого угла. Боковые стороны треугольного выступа обработаны мелкой ретушью, одна со спинки, вторая с брюшка (рис. 5, *5*). Возможно, изделие следует рассматривать как своеобразный геометрический микролит.

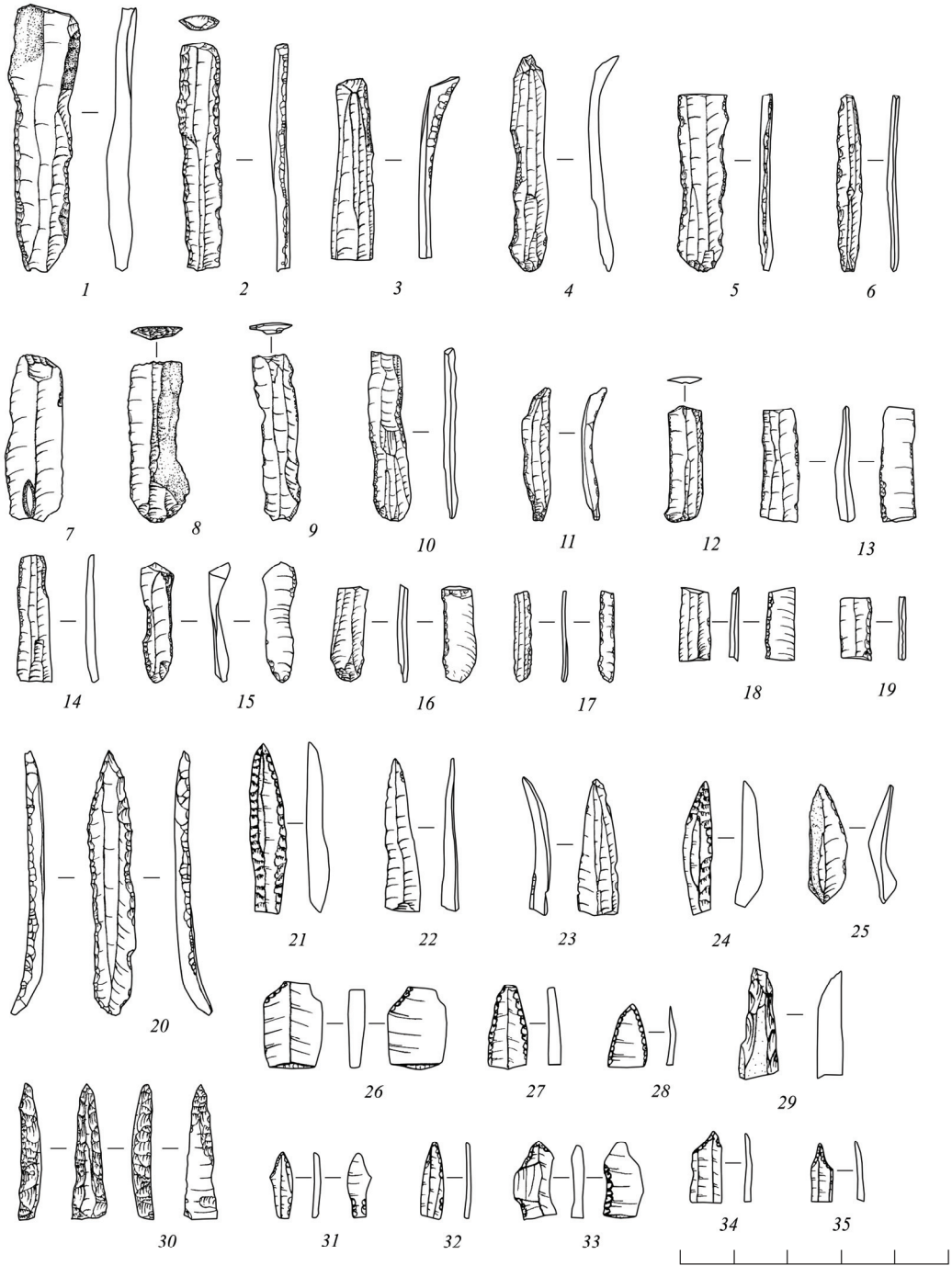

Рис. 2. Большой Салым 4. Каменные изделия (*1–19* — пластинки с вторичной обработкой; *20–35* — острия).
Fig. 2. Bolshoi Salym 4. Stone products (*1–19* — retouched bladelets; *20–35* — points).

Пластинки с обработанным ретушью концом (57 экз.) имеют длину до 3,1 см, преобладают пластинки длиной до 1,5 см (рис. 2, *7–9*). Их ширина колеблется от 0,4 до 1,3 см. Пластинок шириной 0,5–0,8 см — 60 %. Притупленный ретушью конец имеется у 24 пластинок, скошенный — у 18. У 9 пластинок ретушью образованы выемчатые концы. Еще у 6 концы закруглены ретушью. Ретушь всегда мелкая, краевая. Преобладает ретушь со стороны спинки (87,7 %).

Пластинки с отретушированными выемками (62 экз.) имеют сильный разброс по длине — от 0,4 до 4,1 см (рис. 2, *15*). Ширина пластинок колеблется от 0,3 до 1,5 см. Преобладают пластинки шириной 0,5–0,8 см (77,4 %). На 38 пластинках находится по одной выемке. По две выемки имеют 9 пластинок. Располагаются они как по одному краю (6), так и по двум (3). Имеются в коллекции и пластинки с тремя выемками — 15 экз. Преобладают выемки, обработанные ретушью с брюшка — 61,3 %.

Значительная часть обработанных ретушью пластинок (87,4 %) изготовлена из качественного минерального сырья: яшмы (42 %), кремнистого сланца (15,7%), халцедона (14,5 %), кремня (9 %), кремнистой породы (6,2 %). Из песчаника и сланца выполнено 9,6 % пластинок.

Резцы (100 экз.) изготовлены на пластинках длиной от 0,5 до 3,2 см (рис. 3, *8–27*). Ширина пластинок с резцовыми сколами колеблется от 0,2 до 1,5 см. Преобладают пластинки шириной 0,5–0,9 см — 68 экз. Чаше всего для изготовления резцов использовались сечения — в 55 случаях. 92 резца изготовлены на углу сломанной пластинки. Из них 85 резцов являются одинарными, 7 — двойными. Редкими находками являются резцовые отщепки (2), которые образовались при нанесении резцового скола (рис. 3, *6, 7*).

Кроме угловых резцов в коллекции имеются резцы боковые. Три резца относятся к типу вогнуто-ретушных. Один резец изготовлен на расколотом вдоль нуклеусе высотой 1,7 см, шириной 1,1 см и толщиной 0,6 см (рис. 3, *4*). Второй резец выполнен на плитке белой кремнистой породы размером 4,4×2,2×0,45 см (рис. 3, *1*). Один из концов плитки обработан крутой перпендикулярной ретушью, которая образовала глубокую выемку. С выступающих концов выемки нанесены резцовые сколы. Такой же скол нанесен на одном из краев противоположного конца плитки. Ширина резцовых сколов доходит до 0,4 см. Третий резец изготовлен на пластинке яшмы длиной 1 см, шириной 0,7 см.

Также из яшмы выполнены поперечно-ретушные резцы. На отсеченном, изогнутом в профиле, дистальном конце пластины длиной 1,3 см и шириной 1,0 см изготовлен двойной резец (рис. 3, *2*). Второй резец изготовлен на пластинке длиной 2,6 см, шириной 0,8 см (рис. 3, *5*). У третьего резца место слома обработано ретушью со спинки, затем с отретушированного конца было нанесено два резцовых скола шириной до 2 мм (рис. 3, *3*).

Небольшие серии боковых резцов известны в мезолите Среднего Зауралья. Но там все резцы выполнены на мелких и узких пластинках [Сериков, 2000, с. 101; рис. 90, *24–34*]. Боковые резцы на нуклеусе и плитке выглядят очень архаично и больше напоминают изделия верхнего палеолита.

От резцов резчики (102 экз.) отличаются тем, что их рабочий край оформлялся не резцовым сколом, а ретушью. В коллекции присутствуют резчики одинарные (81 экз.), двойные (20 экз.) и тройной. Длина пластинок с резчиками отличается большим разбросом — от 0,5 до 4,1 см. Ширина пластинок колеблется от 0,4 до 1,3 см. Преобладают пластинки шириной 0,5–0,8 см — 66 экз. Как и резцы, большая часть резчиков изготовлена на сечениях (49 %).

Одинарные резчики подразделяются на орудия с клювовидным рабочим краем (38 экз.), с прямым (27 экз.) и скошенным (16 экз.) рабочими краями. Двойные резчики имеют разное оформление рабочих лезвий: прямое (2), клювовидное (5), скошенное (5), прямое и клювовидное (5), клювовидное и скошенное (2), прямое и скошенное (1). В 28 случаях рабочие края резчиков оформлены ретушью со спинки, в 12 — ретушью с брюшка. У тройного резчика все рабочие лезвия имеют разную форму. Оформление рабочих лезвий производилось мелкой ретушью как со стороны спинки, так и со стороны брюшка (рис. 3, *33–50*).

Иногда резцы скомбинированы с резчиками (15 экз.) (рис. 3, *28–32*). Они образуют различные комбинации: резец-резчик, двойной резец-резчик, двойной резец-двойной резчик, резец-двойной резчик.

Все острия (33 экз.) можно разделить на несколько категорий: игловидные, с намеченными плечиками, с заостренным концом и скошенные.

Игловидные острия (7) изготовлены на пластинках длиной от 1,5 до 4,9 см. Ширина пластин варьируется от 0,3 до 0,7 см. Острия по всей своей длине обработаны по обоим краям пластин крутой ретушью со спинки (рис. 2, *20, 21, 30*).

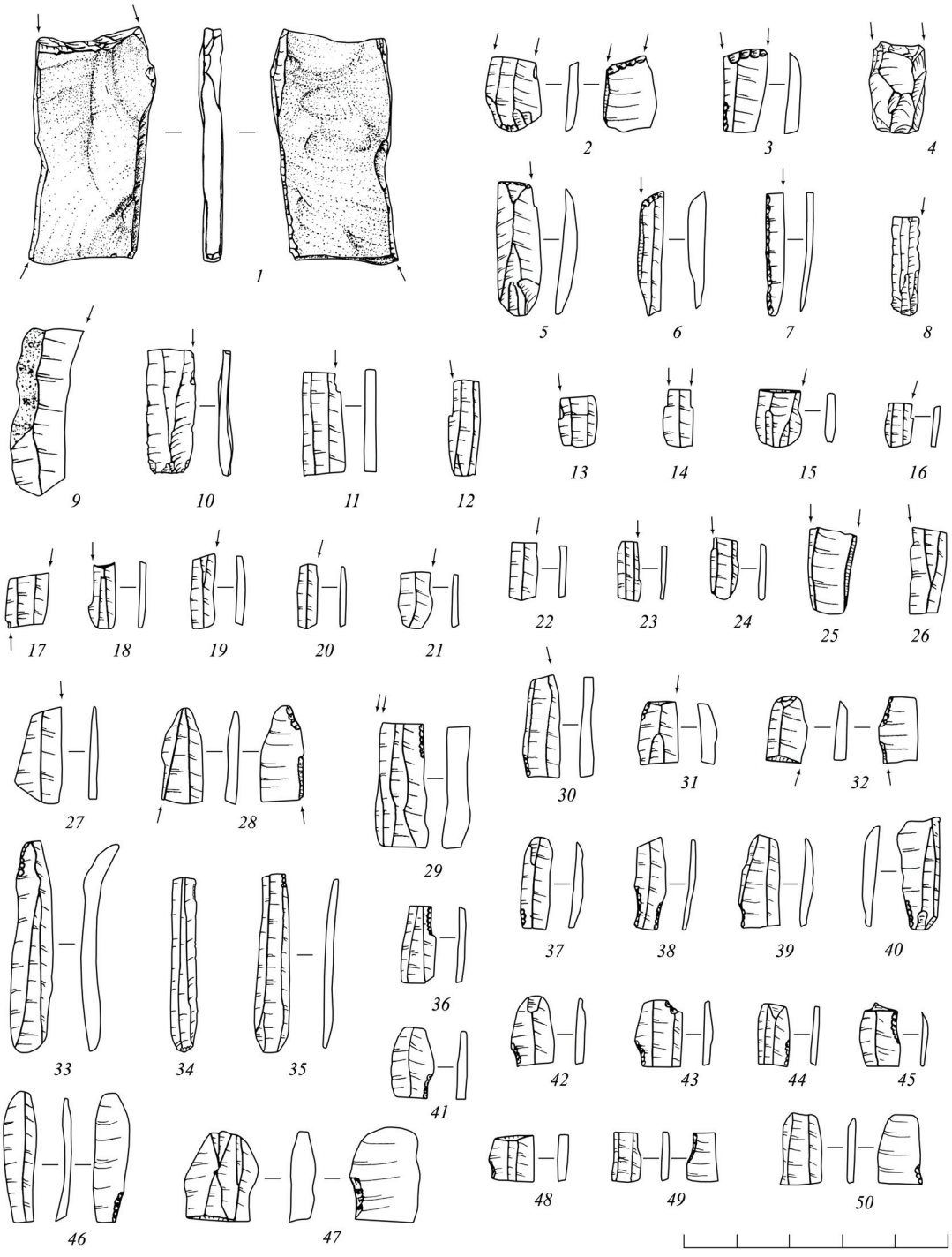

Рис. 3. Большой Салым 4. Каменные изделия (*1–27* — резцы; *28–32* — резцы-резчики; *33–50* — резчики).
Fig. 3. Bolshoi Salym 4. Stone products (*1–27* — burins; *28–32* — burins-cutters; *33–50* — cutters).

Все острия с намеченными плечиками (6) повреждены (рис. 2, *26, 34, 35*). У 5 отбиты кончики острий, у всех отколоты нижние части. Длина сохранившихся частей 1,0–1,6 см, ширина пластин с остриями 0,4–1,1 см. Плечики выделены чаще ретушью со спинки (4). Кончики острий оформлены ретушью со спинки, у двух острий присутствует подправка и со стороны брюшка.

У острий с заостренным концом (13) ретушью оформлялись только кончики острий (рис. 2, *24, 31, 32*). Обработка острий производилась как ретушью со спинки, так и ретушью с брюшка.

Интересны два острия на пластинках охристой яшмы. У одного крутой ретушью с брюшка оформлена боковая выемка (рис. 2, *33*). Второе имеет два заостренных кончика.

Таблица 2

Изделия на пластинках и их частях

Table 2

Products on bladelets and on parts of them

Типы изделий	Ребристые пластинки	Пластинки без ретуши	Пластинки с ретушью утилизации	Пластинки с ретушью со спинки	Пластинки с ретушью с брюшка	Пластинки с ретушью со спинки и с брюшка	Пластинки с отретушированным концом	Пластинки с отретушированными выемками	Резцы	Резцы-резчики	Резчики	Острия	Геометрические микролиты	Индивидуальные изделия	*Всего*	%
Целые пластинки	63	602	6	9	1	—	8	4	5	—	5	3	—	—	706	8,4
Пластинки с отсеченным дистальным концом	32	1036	33	18	12	11	3	16	11	1	23	-	—	—	1196	14,2
Пластинки с отсеченным проксимальным концом	21	218	8	5	2	2	4	5	2	—	3	-	—	—	270	3,2
Отсеченные проксимальные концы пластинок	34	2070	18	12	10	1	9	10	16	1	14	7	—	1	2203	26,1
Отсеченные дистальные концы пластинок	61	1375	7	11	2	1	17	4	9	—	7	3	—	1	1498	17,7
Сечения	45	2163	69	43	45	20	16	23	55	13	50	20	6	—	2568	30,4
Всего	256	7464	141	98	72	35	57	62	98	15	102	33	6	2	8441	100

Все скошенные острия (3) изготовлены из яшмы и обработаны ретушью со спинки (рис. 2, *25*).

Отломанные кончики острий (4) имеют длину от 0,5 до 1,2 см (рис. 2, *27–29*). Три кончика обработаны ретушью со спинки, один — ретушью с брюшка.

Представляют интерес две изогнутые пластинки с ретушью утилизации. Их нижние концы имеют конвергентные края, которые образуют острия. На кончиках острий присутствует микровыкрошенность, которая свидетельствует об их использовании в качестве проколок (рис. 2, *22, 23*).

Для изготовления острий чаще всего использовались разноцветные яшмы (19 экз.), а также кремнистый сланец, кремень, халцедон, сланец.

Из 178 скребков только 4 изготовлены на пластинах, в основном укороченных (рис. 4, *5*). Ширина пластин составляет от 0,9 до 1,3 см. Толщина пластин доходит до 0,4–0,6 см. Изготовлены они из яшмы (3) и халцедона. Лезвия трех скребков оформлены крутой ретушью со спинки. Лезвие одного обработано приостряющей ретушью также со спинки. Все скребки на пластинах имеют дополнительную обработку краевой ретушью по боковым краям.

Девять скребков изготовлено на расколотых гальках (рис. 4, *7, 11, 20, 21*). Их диаметр составляет от 1,2 до 4,1 см. Обычно скребки имеют одно лезвие, но четыре скребка обработаны ретушью почти по всему периметру. Среди них интересен скребок из гальки полупрозрачного кварца. Остальные скребки (165) выполнены на отщепах (рис. 4, *1–4, 6, 8–10, 12–19, 22–29*). Их длина колеблется от 0,7 до 4,9 см. Длину до 2 см имеют 82 скребка, до 3 см — 139 (84,2 %). Своим размером выделяются два изделия диаметром 4,9 см, которые можно отнести к скреблам (рис. 4, *1*). Изготовлены они из сланца и песчаника. Только два скребка имеют лезвие, оформленное ретушью с брюшка, все остальные обработаны ретушью со спинки. Обычно лезвия скребков дугообразные, обработанные крутой, иногда перпендикулярной, ретушью. Но есть единичные скребки, у которых лезвие оформлено приостряющей ретушью. Также имеются скребки с прямым или скошенным рабочим лезвием.

Большая часть скребков (160) являются однолезвийными. Интересен скребок на отщепе, который имеет два смежных лезвия, сходящихся углом. Изготовлен он из сильно патинированного отщепа черного кремня. Обработка лезвия сняла патину. Возможно, отщеп относится к палеолиту и является свидетельством вторичного использования изделий предшествующих эпох. Выделяется группа миниатюрных скребков округлой формы длиной около 1 см и меньше (рис. 4, *24–29*) (14 экз.). Среди них интересен скребок из горного хрусталя.

Чаще всего скребки на отщепах применялись для обработки твердых материалов — кости или дерева. На рабочих лезвиях фиксируется лишь мелкая выкрошенность. Это свидетельст-

вует об их недолгом использовании в работе. Скребки по коже немногочисленны, они также слабо сработаны. Представляет интерес крупный скребок на отщепе кремнистого сланца. Его размеры 3,3×3,9 см, длина рабочего лезвия 3,7 см (рис. 4, *1*). На лезвии выявлены линейные следы, характерные для волососгонки.

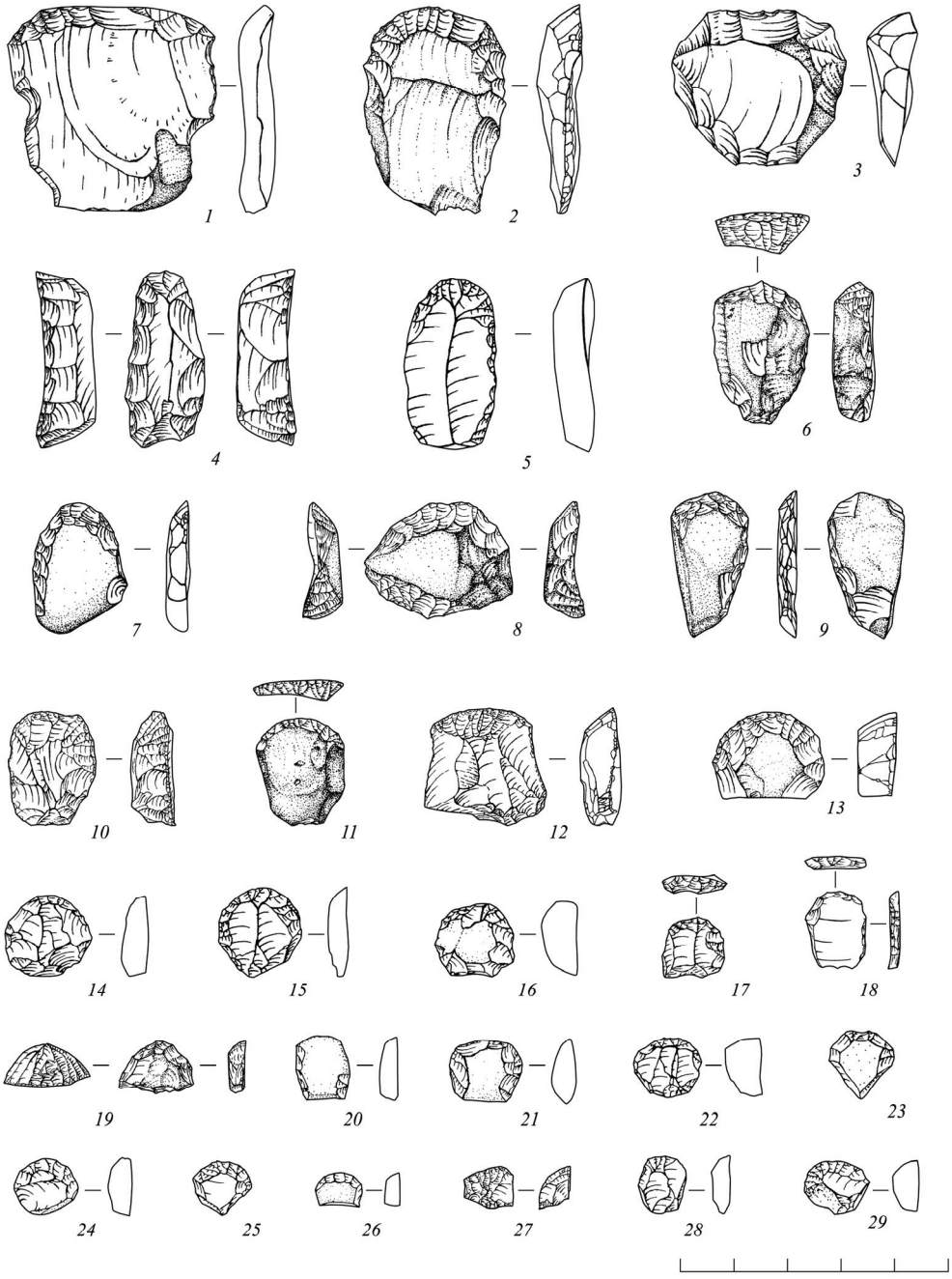

Рис. 4. Большой Салым 4. Скребки.
Fig. 4. Bolshoi Salym 4. Endscrapers.

Для изготовления скребков использовались отщепы сланца (43), песчаника (28), халцедона (40), кремня (22), кремнистого сланца (17), яшмы (14), кварца (8), сердолика (4), кварцита и горного хрусталя (по 1). Галечная корка присутствует на 104 скребках (63 %).

Геометрические микролиты — 3 экз. Один микролит изготовлен на сечении пластинки кремнистого сланца шириной 0,5 см и длиной 1,4 см. Он выполнен в виде трапеции со слабо

скошенными боковыми сторонами. По одному краю она обработана мелкой ретушью со стороны спинки, по второму — со стороны брюшка (рис. 5, *7*).

Второй микролит выполнен в виде неправильного ромба шириной 0,7 см, длиной 0,8 см. Боковые края обработаны крутой ретушью со спинки (рис. 5, *8*). Изготовлен из светло-серой кремнистой породы.

Третий микролит выполнен в виде прямоугольника длиной 0,7 см, шириной 0,5 см. Боковые края слегка вогнуты, обработаны мелкой крутой ретушью со спинки. Длинные края микролита также обработаны мелкой ретушью со спинки. Один край отретуширован по всей своей длине, второй — частично (рис. 5, *9*). Изготовлен микролит из кремня.

Также к геометрическим микролитам можно отнести еще три обломка. Один микролит был изготовлен на сечении пластинки светло-серой яшмовидной породы шириной 1,2 см. Один из концов пластины обломан, а второй усечен достаточно крупной ретушью. На этом же конце со стороны спинки присутствует подтеска (рис. 5, *12*). Такая обработка, как и минеральное сырье, характерны для асимметричных вытянутых трапеций с боковой выемкой, которые хорошо известны на территории Среднего и Южного Зауралья [Сериков, 2000, с. 109–110]. Возможно, данное изделие является обломком такой трапеции. К этому же типу микролитов можно отнести обломок на пластине кремня шириной 0,9 см при сохранившейся длине 1 см. Уцелели боковая выемка и начальная часть скошенного острия. Обработаны они крутой ретушью со спинки. Кончик скошенного острия отсутствует (рис. 5, *10*). Большой интерес представляет обломок расколотой поперек трапеции. Боковая выемка, обработанная крутой ретушью со спинки, сильно вогнута (рис. 5, *11*). Изделие аналогично высоким трапециям с двумя боковыми выемками. Микролит изготовлен из белой кремнистой породы.

На территории Западной Сибири уже известны единичные находки геометрических микролитов. Все они происходят с мезолитических памятников р. Конды в южной части Ханты-Мансийского автономного округа. На поселении Леуши IX найдены две асимметричные трапеции [Беспрозванный, 1997, рис. 4, *22*–*23*], еще одна выявлена на поселении Кондинское III [Сериков, 1998, рис. 4, *56*].

Среди индивидуальных изделий (14 экз.) представляют интерес кресальный кремень из халцедона, абразив из песчаника, 2 «карандаша» из охры со стертыми поверхностями (рис. 5, *4*), 2 плитки с переливающейся поверхностью, 5 кусков песчаника с гравированными линиями и бифас.

Бифас имеет асимметричную листовидную форму. Его размер 9,2×6,9×4,2 см. Изготовлен из серо-синеватой породы типа алевролита путем двусторонней оббивки (рис. 5, *1*). Оба края имеют сглаженные зигзагообразные очертания. Изделие выглядит очень архаично и вполне может иметь более ранний возраст. На территории Среднего Зауралья раннепалеолитические артефакты неоднократно встречены именно на мезолитических памятниках. На них раннепалеолитические изделия попадали в качестве необходимого мезолитическому населению минерального сырья [Сериков, 2000, с. 39].

Галечные изделия представлены отбойниками (12), наковальнями, молотами (по 2), терочником для растирания охры, подпятником (рис. 5, *2*) и заготовкой орудия в виде диска.

Единственное костяное изделие представлено обломком (рис. 5, *3*).

Отщепов в коллекции 8913 экз. Свыше половины отщепов (5099 экз. — 57,2 %) являются чешуйками. Они имеют длину менее 1 см, что позволяет отнести их к отходам производства. Мелких отщепов длиной до 3 см в коллекции 3573 экз. (40,1 %). Среди них преобладают отщепы длиной до 1,5 см — 2041 экз. (57,1 %). Средних отщепов длиной до 5 см в коллекции 222 экз. (2,5 %), крупных — свыше 5 см — только 18 экз. (0,2 %).

Отщепы изготовлены из 25 видов минерального сырья. Около половины отщепов — из некачественных песчаников (2013) и сланцев (1957), что составляет 44,5 % всего комплекса отщепов. Широко применялся кремнистый сланец разных цветов (12,8 %), ярких оттенков халцедон (9,5 %) и разноцветная яшма (13,9 %). Суммарно эти виды сырья составляют 80,7 %. Заметно представлены отщепы из кремня (5,6 %), кварца (6 %) и светло-серой кремнистой породы (3,8 %). Остальные виды сырья (3,9 %) использовались эпизодически или единично: опока, белая кремнистая порода, кварцит, сердолик, розовый кварц, горный хрусталь, серпентинит, моховой опал, талькохлорит и агат. Следует отметить небольшой отщеп, который также изготовлен из фульгурита. Первичная корка присутствует на 1551 отщепе (17,4 %): на 1478 — галечная корка, на 73 — плиточная.

Целые гальки (1592 экз.) имеют диаметры от 0,4 до 12,7 см. Преобладают гальки диаметром до 3 см. Галек диаметром свыше 4 см зафиксировано всего 55 экз.

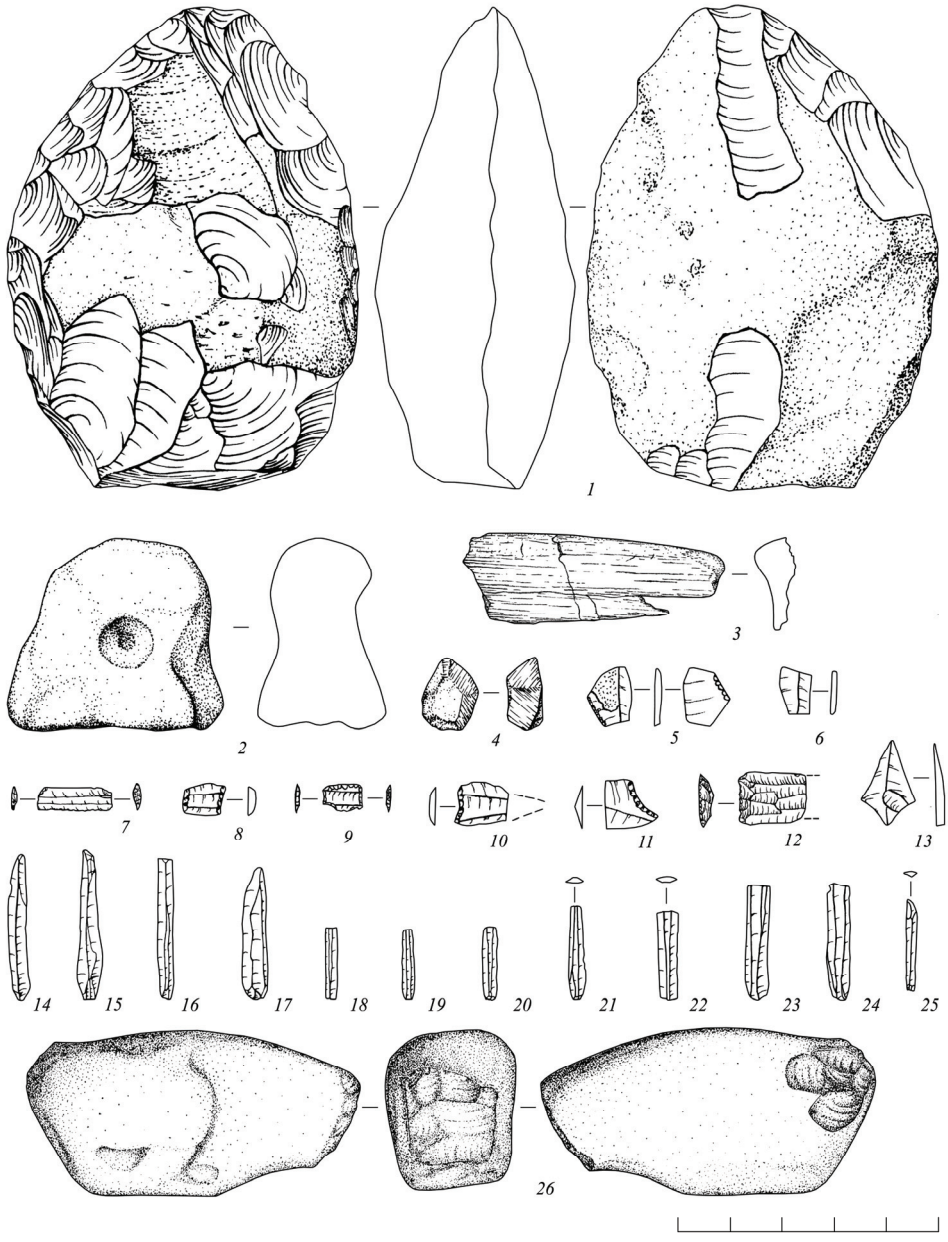

Рис. 5. Большой Салым 4. Костяное (*3*) и каменные изделия (*1–2, 4–25*) (*1* — бифас; *2* — подпятник; *3* — обработанная кость; *4* — кусочек охры со стертыми поверхностями; *5* — индивидуальное изделие; *6* — пластинка из фульгурита; *7–9* — геометрические микролиты; *10–12* — обломки геометрических микролитов; *13* — пластинка в виде наконечника стрелы; *14–25* — узкие микропластинки без ретуши; *26* — зооморфная галька).
Fig. 5. Bolshoi Salym 4. Bone (*3*) and stone products (*1–2, 4–25*) (*1* — bifas; *2* — thrust bearing; *3* — treated bone; *4* — piece of ochre with erased surface; *5* — individual product; *6* — bladelet of fulgurite; *7–9* — geometric microlites; *10–12* — chips of geometric microlites; *13* — bladelet in the form of arrowhead; *14–25* — narrow unretouched bladelets; *26* — zoomorphic pebble).

Несколько галек представляют особый интерес. На одной из них, окрашенной охрой, присутствует гравированный орнамент в виде многочисленных коротких параллельных линий. Две фигурные гальки своими очертаниями напоминают голову медведя (рис. 5, *26*). Для большего сходства с животным гальки подработаны сколами и пришлифовкой.

Гальки зооморфной формы хорошо известны на территории Среднего Зауралья [Сериков, 2014, с. 43–52]. Однако в мезолите такие гальки пока единичны. На раннемезолитической сто-

янке Горная Талица (Прикамье) найдена галька зеленоватого сланца, похожая на голову лося. Интересно, что на ее поверхности выгравировано изображение головы лося. На мезолитический стоянке Андреевка III (Челябинская обл.) галька подквадратного сечения также имеет зооморфные очертания [Там же, с. 44–45].

Полный список минерального сырья состоит более чем из 40 видов. На самом деле сырье отличается большой индивидуальностью, что характерно для галечников. Но приходилось объединять их в более крупные группы. Чаще всего местным населением использовалось шесть видов минерального сырья: песчаник, сланец, кремнистый сланец, халцедон, кремень и яшма. В сумме это 87,4 %. Цветные минералы представлены яшмами (17,7 %) и халцедонами (9,2 %). Большой процент цветного сырья свидетельствует, что в первую очередь на галечниках выбирали легко заметные яркие минералы. Они-то как раз и обладают высокими изотропными свойствами. Очень разнообразны кремнистые сланцы (13 %). Они различаются структурой, цветом и качеством. Кремень (7,6 %) всегда хорошего качества, черного и темно-коричневого цветов. Другие виды сырья представлены в коллекции количественно от 5 до 1 %. К ним относятся сердолик (84), розовый кварц (75), железная руда (47) и горный хрусталь (16), гранодиорит, моховой опал, серпентинит (по 9), агат, талькохлорит (по 6), амфиболит, известняк, фульгурит (по 2). По одному экземпляру отмечего изделий из алевролита, гранитоида, кахолонга, полевого шпата, углистого сланца и пирофиллитового сланца.

Доля пластинчатости комплекса (соотношение изделий на пластинах и отщепах) составляет 47,6 % — заметно ниже, чем на памятниках Среднего Зауралья (в среднем 80 %). Такое соотношение можно объяснить тем, что на памятнике из-за низкого качества сырья присутствует большое количество невостребованных отщепов, осколков и кусков.

Анализ различных частей пластин показывает, что мезолитическое население предпочитало использовать сечения (30,4 %) и пластинки с отсеченным дистальным концом (14,2 %), суммарно 44,6 %. Преобладание прямых пластинок свидетельствует, что на памятнике изготовляли вкладыши для составных вкладышевых орудий. Сюда же следует добавить пластинки с отсеченным ударным бугорком — 3,2 %. Отходами производства вкладышей являлись отсеченные проксимальные (26,1 %) и дистальные (17,7 %) концы пластинок.

Для оформления орудий чаще всего применялась ретушь со стороны спинки. Из 825 обработанных ретушью изделий в 599 случаях (72,6 %) ретушь наносилась со стороны спинки и только в 226 (27,4 %) — со стороны брюшка. Ретушь всегда краевая, крутая, мелкая. Крупной ретушью обрабатывались только скребки.

Своеобразием памятника можно считать наличие на нем геометрических микролитов, архаичных вогнуто-ретушных резцов, бифаса и фигурных галек.

Время функционирования мезолитического поселения — предположительно середина VIII тыс. до н.э. — VII тыс. до н.э. В лаборатории изотопных исследований Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург) по образцам угля, собранным из культурного слоя, получено 27 AMS ^{14}C-дат, среди которых: 8994 ± 70 л.н. (SPb_1578 R), 8543 ± 100 л.н. (SPb_1586 R), 8132 ± 80 л.н. (SPb_1576 R), 7786 ± 80 л.н. (SPb_1587 R), 7493 ± 100 л.н. (SPb_1585 R), 7457 ± 100 л.н. (SPb_1581 R), 7347 ± 89 л.н. (SPb_1582 R).

Заключение

Сегодня в северной части Западной Сибири известно около 50 мезолитических поселений и стоянок. Раскопками изучено только 11 памятников. Начало изучению западно-сибирского мезолита положил Л.П. Хлобыстин, который в 1976 г. в окрестностях г. Салехарда открыл и исследовал мезолитическую стоянку Корчаги I-Б [1987]. Спустя пять лет мезолитические памятники были выявлены и на территории Ханты-Мансийского автономного округа — в среднем течении р. Конды [Стефанова, 1983]. Со временем их число на берегах Конды достигло 40 [Беспрозванный, 1997].

По технико-типологическим характеристикам комплекс поселения Большой Салым 4 полностью соответствует материалам исследованных раскопками памятников [Беспрозванный, 1997; Сериков, 1998; Кокшаров, Погодин, 2000; Погодин, 2006]. Наиболее близкие аналогии данному комплексу имеются в мезолитических памятниках Конды. Возможно, именно с Конды и происходило заселение северных районов территории Ханты-Мансийского автономного округа.

Освоение Западной Сибири мезолитическим населением, по всей видимости, шло с запада — с территории Урала и Зауралья. Именно в Южном и Среднем Зауралье известны сотни мезолитических памятников разных типов: стоянки, поселения, мастерские, святилища, погребения

[Сериков, 2000; Беспрозванный, Мосин, 1996]. Наибольшее сходство выявляется с наиболее изученными памятниками Среднего Зауралья. Единственное отличие — бóльшая микролитоидность комплекса. На Большом Салыме 4 преобладают пластинки шириной 0,4–0,6 см, тогда как в Среднем Зауралье преимущественно распространены пластинки шириной 0,5–0,8 см. Объясняется это выраженным дефицитом минерального сырья на значительной части Западной Сибири. Именно поэтому мезолитическим населением использовалось самое разнообразное сырье — свыше 40 видов, в том числе слабо изотропное типа сланцев и песчаников, насыщенных глинистыми минералами.

Особенностью сибирских и зауральских комплексов является наличие в них таких характерных изделий, как боковые резцы и геометрические микролиты. Некоторые исследователи мезолита Конды специфической чертой мезолитических комплексов данной территории считают отсутствие в них геометрических микролитов и каменных наконечников стрел [Погодин, 2006, с. 9; Беспрозванный, Погодин, 2006, с. 168]. Однако выше уже упоминалось о находках трех геометрических микролитов на поселениях Леуши IX и Кондинское III. Теперь к ним добавилось еще три геометрических микролита с Большого Салыма 4. По всей видимости, на территории Западной Сибири складывается ситуация, которая 35 лет назад проявилась и в Среднем Зауралье. В начальный период накопления мезолитических материалов характерной особенностью каменного инвентаря в мезолите Среднего Зауралья полагали полное отсутствие каменных наконечников стрел и геометрических микролитов [Старков, 1980, с. 34]. В настоящее время в Среднем Зауралье известно свыше 130 наконечников из камня и 216 геометрических микролитов с 41 памятника [Сериков, 2000, с. 105–110]. Геометрические микролиты Западной Сибири выполнены в виде трапеций и относятся к 1-му (Леуши IX, Кондинское III, Большой Салым 4) и 3-му (Леуши IX, Большой Салым 4) типам. Геометрические микролиты 1-го типа представлены симметричными и асимметричными трапециями, прямоугольниками и параллелограммами, выполненными на мелких и узких (0,6–0,8 см) пластинках. Функционально все эти микролиты являлись вкладышами для составных вкладышевых орудий. Именно этот тип геометрических микролитов является преобладающим на территории Среднего Зауралья. Они встречены на 17 памятниках в количестве 110 экз. К 3-му типу отнесены низкие вытянутые асимметричные трапеции с одной боковой выемкой. Обычно они изготовлены на пластинах шириной 1,1–1,3 см. Выполнены трапеции из разных минералов, но в основном из светло-серой яшмовидной породы, возможно, южно-уральского происхождения. Они зафиксированы на 20 памятниках в количестве 74 экз.

Таким образом, технико-типологические характеристики мезолитических памятников Среднего Зауралья и Большого Салыма 4 во многом совпадают, что, возможно, свидетельствует об общности их происхождения.

Наличие в столь высоких широтах мезолитического памятника с комплексом, насчитывающим более 20 тыс. каменных изделий,— уникальное явление. В силу этого комплекс Большого Салыма 4, самый крупный в северной части Западной Сибири, приобретает особое значение для понимания процессов освоения севера Западно-Сибирской равнины мезолитическим населением.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Балуева Ю.В. Отчет по результатам противоаварийных спасательных археологических раскопок объектов археологического наследия селища Большой Салым 4 и группы ям-ловушек Большой Салым 3, расположенных в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2015 г. Нефтеюганск, 2015 // Архив НПО СА. Ф. 1. Д. 450.

Коноваленко М.В. Отчет по результатам аварийно-спасательных археологических раскопок объекта археологического наследия селища Большой Салым 4, расположенного в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2014 г. Нефтеюганск, 2014 // Архив НПО СА. Ф. 1. Д. 449.

Кочегов Е.И. Отчет о НИР: Разведочные археологические исследования в Нефтеюганском и Ханты-Мансийском р-нах Ханты-Мансийского авт. окр. — Югры, проведенные в 2012 г. Нефтеюганск, 2013 // Архив НПО СА. Ф. 1. Д. 359.

Литература

Беспрозванный Е.М. Мезолит таежной зоны Западной Сибири: (Предварительные итоги изучения) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1997. Вып. 1. С. 26–38.

Беспрозванный Е.М., Мосин В.С. К характеристике мезолита Южного Зауралья // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск: Рифей, 1996. С. 18–47.

Беспрозванный Е.М., Погодин А.А. Мезолит Севера Западной Сибири: Итоги изучения // Современные проблемы археологии России. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. Т. 1. С. 167–169.

Кокшаров С.Ф., Погодин А.А. Мезолитическое поселение на Затуманной Конде // РА. 2000. № 4. С. 109–127.

Коноваленко М.В., Балуева Ю.В., Сериков Ю.Б. Большой Салым 4 — новое мезолитическое поселение на севере Западной Сибири: (Первые результаты исследования) // Stratum plus. Микролитический бум. Кишинев: Высш. антропол. шк., 2017. № 1. С. 201–218.

Погодин А.А. Каменный век на территории Северо-Западной Сибири (по материалам исследований палеолита и мезолита) // Археологическое наследие Югры. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Чароид, 2006. С. 5–12.

Сериков Ю.Б. Мезолитические памятники на реке Конде // Археология Западной Сибири. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 1998. С. 3–23.

Сериков Ю.Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. Ниж. Тагил: Полиграфист, 2000. 430 с.

Сериков Ю.Б. Очерки по первобытному искусству Урала. Ниж. Тагил: НТГСПА, 2014. 268 с.

Старков В.Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.: Наука, 1980. 220 с.

Стефанова Н.К. Работы в Кондинском районе // АО 1981 г. М.: Наука, 1983. С. 232–233.

Хлобыстин Л.П. Находки близ г. Салехарда // КСИА. 1987. Вып. 189. С. 108–111.

Yu.B. Serikov*, Y.V. Balueva, M.V. Konovalenko****

*****Russian State professional-pedagogical university
(Nizhniy Tagil branch)
Krasnogvardeyskaya st., 57, Nizhnij Tagil, 622031, Russian Federation
E-mail: u.b.serikov@mail.ru

**Research and Production Association «Northern archaeology-1»
Proezd 5P, 9, Nefteyugansk, 628305, Russian Federation
E-mail: balueva000@rambler.ru;
konovalenkomarinav@yandex.ru

STONE INVENTORY DISCOVERED AT A MESOLITHIC SITE IN THE NORTH OF WESTERN SIBERIA

In this article, we investigate a stone inventory from a newly-discovered Mesolithic site. This site is located by the Salym River on the territory of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug. The collection of artefacts contains about 22 thousand findings, which characterize the entire cycle of stone processing from the splitting of cobbles to the production of flakes and implements. The splitting technology was aimed at making flakes from lithic cores, with 90 % of these cores being up to 3 cm in diameter. Secondary processing products (4.7 %) consist in scrapers, awls, chisels, cutters and reworked flakes. The flakes have a microlithic character, with 97.5 % of them being up to 1 cm in width. The analysis of different parts of the flakes shows that Mesolithic people preferred to use stone fragments (30.4 %) and flakes having a clipped dorsal surface (14.2 %). When creating tools, retouching was frequently used (in 72.6 % of cases). The ratio between the number of artefacts made from primary and secondary flakes equals 47.6 %. In terms of mineralogical composition, the site features over 40 types, with sandstone, shale, siliceous shale, chalcedony, flint and jasper most frequently used (in 87.4 % of cases). A distinctive feature of the site consists in its geometric microliths, archaic concave retouched burins, bifacial and pebbles depicting various zoomorphic shapes. In terms of technical and typological characteristics, the data obtained from the Bolshoi Salym 4 settlement is fully consistent with the excavation data from other Western Siberian sites. Since hundreds of Mesolithic sites, consisting of encampments, settlements, work sites, sanctuaries and graves, have been discovered in the Urals, it can be supposed that the inhabitation of the Western Siberia by Mesolithic population proceeded from the territory of the Urals towards Siberia. The inventory of stone artefacts at the Bolshoi Salym 4 Mesolithic site is the largest so far discovered in Western Siberia, thus having great importance for an understanding of how Mesolithic people came to settle the West Siberian Plain.

Key words: West Siberian plain, Mesolithic, raw materials crisis, mikrolitizatsiya, geometric microlite, curly pebble.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-005-019

REFERENCES

Besprozvannyi E.M. (1997). Mesolithic of taiga zone of Western Siberia: (Preliminary results of investigation. *Okhrannye arkheologicheskie issledovaniya na Srednem Urale*, (1). Ekaterinburg: Ekaterinburg, 26–38.

Besprozvannyi E.M., Mosin V.S. (1996). To feature of Mesolithic of South Transural. *Novoe v arkheologii luzhnogo Urala*, Cheliabinsk: Rifei, 18–47.

Besprozvannyi E.M., Pogodin A.A. (2006). Mesolithic of the north of Western Siberia: Results of research. *Sovremennye problemy arkheologii Rossii, 1*, Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii SO RAN, 167–169.

Khlobystin L.P. (1987). Finds near Salekhard city. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*, (189), 108–111.

Koksharov S.F., Pogodin A.A. (2000). Mesolithic settlement on Zatumannaja Konda. *Rossiiskaia arkheologiya*, (4), 109–127.

Konovalenko M.V., Balueva Iu.V., Serikov Iu.B. (2017). Bolshoi Salym 4 — new Mesolithic settlement in the north of Western Siberia: (The first results of investigation). *Stratum plus. Mikroliticheskii bum*, (1), Kishinev: Izdatel'stvo universiteta Vysshaia antropologicheskaia shkola, 201–218.

Pogodin A.A. (2006). The Stone Age on the territory of the North-West Siberia: (After materials of investigation of Paleolithic and Mesolithic). *Arkheologicheskoe nasledie lugry*, Ekaterinburg; Khanty-Mansiisk: Charoid, 5–12.

Serikov Iu.B. (1998). Mesolithic sites on the Conda river. *Arkheologiya Zapadnoi Sibiri*, Nizhnevartovsk: Nizhnevartovskii pedagogicheskii institut, 3–23.

Serikov Iu.B. (2000). *Paleolithic and Mesolithic of the Middle Transural*, Nizhnii Tagil: Poligrafist.

Serikov Iu.B. (2014). *Issues on primitive art of the Urals*, Nizhnii Tagil: NTGSPA.

Starkov V.F. (1980). *Mesolithic and Neolithic of the forest Transural*, Moscow: Nauka.

Stefanova N.K. (1983). Works in Kondinskiy region. *Arkheologicheskie otkrytiia 1981 goda*, Moscow: Nauka, 232–233.

В.А. Зах

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: viczakh@mail.ru

ПОЯВЛЕНИЕ КЕРАМИКИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (к обсуждению проблемы)

С проблемой появления в Западной Сибири керамики взаимосвязаны вопросы формирования и последующего развития неолитических культур, их периодизации и хронологии. Мы уже неоднократно касались этой проблемы, однако вновь полученные ранненеолитические поселенческие материалы в Барабе, публикация данных массового датирования по органике из керамики неолитических комплексов Волго-Уральского региона заставили вновь обратиться к ее обсуждению. Остановимся на следующих аспектах: сохранения традиций гончарства на различных территориях, путей развития западносибирского неолита, соотношения боборыкинских и кошкинских комплексов. В последние годы введено в научный оборот большое количество дат по органике из керамики, которые не всегда соответствуют значениям, полученным по углю и кости: например, из комплексов притобольского поселения Юртобор 3 (уголь: 7701 ± 120 ВР (УПИ 559); керамика: 6064 ± 100 ВР; нагар: 7110 ± 70 ВР), Мергень 6 (жил. 15, керамика: 5870 ± 110 ВР (Ki-17085)). Разница в данных составляет в среднем от 500 до 1500 лет в сторону омоложения дат по керамике. Массовость дат по керамике как бы подтверждала точку зрения о двухлинейности развития западно-сибирского неолита и более позднем хронологическом положении боборыкинских комплексов по отношению к кошкинским и козловским. Однако серия радиоуглеродных дат по углю для боборыкинско-кошкинских материалов поселения Мергень 6, среди которых 14 из 17 укладываются в интервал 6361−6068 ВС, и даты для боборыкинских поселений Ташково 1 и Юртобора 3: 6660−6420 ВС и 6390−6230 ВС — позволяют трактовать развитие неолитических комплексов как постепенный и последовательный процесс без хронологического разрыва между боборыкинскими и кошкинскими древностями. Плоскодонная и круглодонная посуда в Притоболье, Приишимье, Прииртышье, Барабинской лесостепи и на северных территориях схожа по форме и орнаменту и выглядит как продукт развития уже существующей, привнесенной керамической традиции. Судя по радиоуглеродным датам, на западно-сибирских территориях она появляется в пределах VII тыс. до н.э.

Ключевые слова: Западная Сибирь, ранний неолит, керамическая посуда, автохтонное развитие, две линии развития, миграции, керамика, боборыкинские, кошкинские комплексы.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-020-031

Работа выполнена по госзаданию согласно Плану НИР ТюмНЦ СО РАН на 2018–2020 гг., протокол № 2 от 08.12.2017 г. Приоритетное направление XII.186.; Программа XII.186.2; проект № 0371-2018-0036.

С открытием и исследованием новых неолитических комплексов, в том числе раннего периода, в Западной Сибири, особенно в лесостепной и лесной зонах, актуализируются вопросы о процессе развития на этой территории неолита, в том числе о происхождении гончарства. Проблему появления керамики нельзя обойти, поскольку с ней взаимосвязаны вопросы формирования и последующего развития неолитических культур, их периодизации и хронологии. Ранее мы уже касались этой проблемы (см., напр.: [Зах, 2009]), но вновь полученные ранненеолитические поселенческие материалы в Барабе, публикация результатов массового датирования по органике из керамики неолитических комплексов Волго-Уральского региона заставили вновь к ней обратиться.

Проблематика появления гончарства на разных территориях включает множество аспектов, связанных с особенностями и динамикой как палеоландшафтов, так и древних обществ. Решения заложены в материалах археологических исследований (планиграфический, стратиграфический, типологический анализы) и огромного спектра сопровождающих их естественно-научных изысканий (спорово-пыльцевой, радиоуглеродный анализы и др.), а также должны опираться на данные изучения собственно технико-технологических характеристик керамики. В рамках данной работы мы остановимся на обсуждении лишь некоторых аспектов проблемы: сохранения традиций гончарства на территориях, где оно появилось и куда, вероятно, было привнесено; путей развития западно-сибирского неолита, и в частности соотношения боборыкинских и кошкинских комплексов.

В последние годы в связи с доступностью проведения радиоуглеродного датирования органического вещества в керамике появилось достаточно большое количество дат, причем доминируют определения радиоуглеродной лаборатории Института геохимии окружающей среды НАН Украины (г. Киев). Считается, что при датировании по органике в керамике происходит удревнение части значений, но известны и случаи омоложения [Выборнов и др., 2014]. Отметим, что по отношению к комплексам поселений Юртобор 3 (Нижнее Притоболье) [Зах, 1995] и Мергень 6 (Нижнее Приишимье) (для последнего: жил. 15, керамика — 5870 ± 110 BP (Ki-17085)), для которых имеются даты по керамике, нагару, углю и кости, разница между данными составляет в среднем от 500 до 1500 лет в сторону омоложения дат по керамике [Мосин и др., 2017]. Учитывая этот момент и то, что для определений бралась керамика из поселений, исследовавшихся десятилетия назад, не исключаем возможность заражения образцов микроскопической биотой, приводящего к омоложению дат. Результаты радиоуглеродного датирования по органике из керамики неоднозначны [Кузьмин, 2017, с. 186]. Несмотря на то «что в настоящее время именно абсолютное датирование независимыми методами занимает ведущие позиции в хронологической диагностике археологических памятников» [Молодин и др., 2018], полагаем, принимая во внимание нюансы радиоуглеродного датирования различных материалов, что нельзя считать его безоговорочно объективным. Как и ранее, следует опираться на все доступные, в том числе полученные археологическими методами, данные.

В силу особенностей палеогеографической обстановки, характеристик керамических материалов и имеющихся радиоуглеродных дат [Зах, 2009] юго-западное направление (ближневосточный очаг), на наш взгляд, следует рассматривать как наиболее вероятное из всех, откуда могло происходить распространение керамики на западно-сибирские территории. Восточное направление (например, Приамурье), где керамика существовала уже 13 тыс. л.н. [Кузьмин, 2005], судя по времени и характеристикам посуды, не являлось территорией, исходной для миграций в западном направлении в бореальный и атлантический периоды голоцена.

Керамика — первый искусственный материал, силикат, свойства которого на территориях, окружающих Западную Сибирь, стали известны человеку еще в позднеплейстоценовое время и из которого он начал изготовлять мелкие простые изделия [Васильев, 1983; Щелинский, Вандивер, 2016]. С голоценового периода керамика присутствует в виде глиняной посуды и инвентаря практически повсеместно в Евразии. Использование керамики на территориях с различными природными ресурсами для ее производства, климатическими условиями и многочисленными этническими группами привело к формированию разнообразных традиций ее изготовления. Разнообразие заключалось в различном генезисе применявшихся глин, добавках в керамическом тесте и орнаментах на посуде (см., напр.: [Косарев, 1974; Зах, 2001, 2004]). Казалось бы, первый опыт знакомства человека со свойствами обожженной глины — находки из керамики палеолитического времени в Приуралье (Каповая пещера) и Хакасии (Майнинская стоянка) может свидетельствовать о знаниях ее свойств населением Западной Сибири. Однако подобных свидетельств недостаточно для вывода о возможности формирования в Западной Сибири самостоятельного очага керамического производства. Судя по материалам немногочисленных исследованных местонахождений, люди появлялись на рассматриваемой территории лишь в целях пополнения пищевых ресурсов и скорее всего не оставили на равнине долговременных поселений. Об этом позволяют судить находки каменных орудий, связанные в основном с местонахождением костей мамонтовой фауны [Зенин, 2003]. Сезонной, учитывая наличие трех палеолитических слоев, является и стоянка финального палеолита Черноозерье 2 [Петрин, 1986]. Во всех случаях орудия среди костей мамонтовой фауны, вероятно, были оставлены небольшими бродячими коллективами.

О более активном присутствии человека на западно-сибирской территории можно говорить в раннеголоценовый период. Охотники, рыболовы и собиратели мезолитического времени наряду с южными областями осваивают северные территории, в частности бассейн р. Конды [Беспрозванный, 1985, 1997]. Население вело подвижный (сезонный) образ жизни, немногочисленные материалы показывают, что поселения были недолговременными, а судя по расположению культурного слоя на Ташково 4 [Крижевская, 1991], существовали жилища наземного типа, возможно, в виде чума. Но появляются и конструкции, углубленные в грунт: так, на р. Конде на поселении мезолитического времени Леуши 9 исследованы жилища, представляющие собой полуземлянки [Беспрозванный, 1985]. Подвижность палеолитического и мезолитического населения в условиях Западной Сибири, обусловленная хозяйственной деятельностью (охота,

рыболовство), не могла способствовать зарождению и развитию керамического производства. Кроме того, на северных территориях наиболее распространенным поделочным материалом начиная с раннего голоцена вплоть до настоящего времени являются древесина различных пород и береста, из которых строили жилища, изготовляли лодки, посуду и различные мелкие предметы обихода.

Глина как строительный и поделочный материал применялась на территориях Ближнего Востока, Средней Азии и Китая. В условиях лессовых равнин и при относительной оседлости население Китая и сопредельных с ним территорий Дальнего Востока и Японии открыло свойства глины в позднеплейстоценовое время. Столь раннее знакомство со свойствами этого материала, появление и совершенствование соответствующих технологий сделало Китай страной, где очень рано начали изготовлять фаянс и фарфор. Это стало возможным, скорее всего, благодаря длительному, в течение 14–13 тысячелетий, знакомству и работе с глинистым материалом.

На Ближнем Востоке глина использовалась в качестве материала для обмазки полов и стен жилищ. Глиной скрепляли каменные блоки при строительстве стен и коммуникаций Иерихона еще в докерамический период, когда посуда изготовлялась из известника, прутьев, обмазанных известью или битумом; возможно, бытовали и сосуды из кожи [Мелларт, 1982, с. 43]. Восточнее, на поселениях Джармо, Джейтун и других, отмечаются близкие традиции: применение глины при строительстве жилищ (позже — дворцов и храмов), известны сосуды из камня. Керамика появляется здесь в разное время между VII и VI тыс. до н.э. [Мелларт, 1982]. Возникшая столь давно традиция использования глины и изготовления из нее посуды сохраняется и в настоящее время.

На лесных и лесостепных территориях Приуралья и Западной Сибири в мезолитическое время посуда и другие емкости, безусловно, существовали и, вероятнее всего, изготовлялись из дерева, бересты и прутьев. Эти материалы на всем обширном лесном пространстве были универсальны, из них строили жилища, использовали их в погребальной практике, в конструкциях святилищ, из дерева делали лодки, идолов, различные ловушки для ловли зверя и рыбы. Из бересты, как и в настоящее время, могли мастерить лодки и различного рода емкости: посуду, короба для сбора дикоросов, переноски и хранения вещей и пищевых продуктов. На этих территориях отсутствует традиция использования глины как строительного материала, в отличие от юга здесь традиционным материалом являются дерево и береста. Однако на протяжении длительного периода (с неолита до позднего средневековья) население Западной Сибири применяло керамическую посуду. По нашему мнению, впервые она появилась в этом регионе благодаря мигрантам. Керамическая посуда прижилась, так как упрощала приготовление пищи на огне. Но с проникновением в Западную Сибирь с конца XVI в. медных и чугунных котлов и русской посуды, выполненной на гончарном круге, аборигенное население постепенно сокращает изготовление собственной лепной керамики (см., напр.: [Молодин и др., 1990, с. 192]). Вместе с тем широко, вплоть до настоящего времени, продолжают бытовать емкости из дерева и бересты, что может косвенно, на наш взгляд, свидетельствовать об отсутствии первоначального очага керамического производства на западно-сибирских территориях.

Таким образом, в очагах появления керамики продолжают существовать традиции ее изготовления и совершенствоваться технологии: в Китае научились делать фаянс и фарфор, на Ближнем Востоке и на сопредельных территориях при наличии альтернативных материалов для изготовления посуды производство керамики не угасло. На тех же территориях, население которых не имело навыков и традиций работы с глиной до появления керамической посуды, ее изготовление с течением времени прекратилось, хотя древние, местные традиции и технологии производства посуды и емкостей из других материалов (дерева, бересты) сохраняются и сегодня.

Обсуждая проблему происхождения керамики в Западной Сибирои, необходимо рассмотреть вопрос «о соотношении мезолита и раннего неолита, о происхождении последнего и возможной (или невозможной) генетической увязке двух последовательно развивающихся эпох» [Крижевская, 1991, с. 44]. Немногочисленные палеогеографические и археологические материалы по мезолиту свидетельствуют, что в бореальном — начале атлантического периода голоцена в западно-сибирской лесостепи преобладали березовые леса, поселки сооружались по берегам рек, состояли в основном из наземных жилищ. Преобладала пластинчатая каменная индустрия. На пластинах изготовлялись ножи, резцы, резчики, концевые скребки и острия с крутой притупляющей ретушью. В лесостепных мезолитических комплексах полностью отсутствуют каменные наконечники стрел и геометрические микролиты. Вероятно, существовали костя-

ные наконечники, не сохранившиеся в супесчаных слоях, аналогичные найденным в сапропелях зауральских торфяников. Тяжелые костяные наконечники предполагали древки стрел из дерева и достаточно мощные луки или самострелы. На восточных склонах Урала и р. Конде еще в мезолитическое время появляются углубленные жилища и микролиты геометрических форм. Признаки бытования глиняной посуды и изделий из керамики в мезолитических комплексах не зафиксированы, однако в торфяниках встречается посуда из дерева, отдельные экземпляры которой могут относиться к эпохе мезолита. Во всяком случае, обилие в лесах березы, т.е. бересты как поделочного материала, с большой долей вероятности позволяет допустить изготовление из нее различного рода емкостей.

При отсутствии керамической посуды в мезолитических комплексах можно исследовать соотношение материалов эпохи мезолита и неолита и их возможную генетическую связь лишь на основе данных по домостроительству и каменному инвентарю. Ранненеолитические поселки, как и мезолитические, сооружаются на надпойменных террасах рек и озер, постепенно спускаясь в пойму, непосредственно к воде, в местах слияния рек или проток, соединяющих озера и речные системы. Долговременные поселения насчитывают несколько жилищ-полуземлянок, углубленных в грунт на 1 м и более, что свидетельствует об оседлости населения, связанной, скорее всего, с запорным рыболовством. Наряду с сооружением привязанных к одному месту поселков и капитальных углубленных жилищ отмечаются изменения в наборе каменного инвентаря и, конечно, появление глиняной посуды. С новыми технологиями связаны соответственно новые изделия из камня, кроме каменных наконечников стрел с черешком (свидерского типа) фиксируются «утюжки», которых не было на западно-сибирской территории в мезолитическое время и которые указывают на развитие нового способа изготовления древков стрел и, видимо, лука.

По мнению М.Ф. Косарева [1991] и В.И. Молодина [1985, 1995], керамика в Западной Сибири появилась самостоятельно; наиболее древняя местная керамическая посуда украшена в отступающе-накольчатой орнаментальной традиции. В.Ф. Старков считал, что восточно-уральская и среднеиртышская неолитические культуры сформировались на единой мезолитической основе, также предполагая ее автохтонность [1980]. Точка зрения о формировании неолитической культуры на основе местной мезолитической появилась в период, когда ранней считалась посуда круглодонной формы, орнаментированная прочерченными линиями и рядами отступающей палочки, а керамические комплексы с плоскодонной и круглодонной посудой рассматривались за хронологическими пределами неолита [Чернецов, 1968; Бадер, 1970; Старков, 1980].

С точки зрения же О.Н. Бадера, умение делать керамику было заимствовано древними уральцами у южных соседей [1970, с. 159]. Есть и другие мнения о становлении западно-сибирского (зауральского) неолита. Так, В.Т. Ковалева видит в неолите лесного Зауралья две линии развития: козловская продолжала местные традиции, кошкинская испытывала влияние, а возможно, и прямую инфильтрацию южного населения [1989, с. 62]. Л.Л. Косинская, отмечая сходство ранненеолитической посуды Урала и Западной Сибири с керамическими комплексами некоторых культур центральной и северо-восточной части Европейской России, связывает его с одинаковыми процессами становления неолита на указанных территориях. «Миграционную гипотезу сегодня можно принять лишь для боборыкинской археологической культуры... В остальных случаях следует рассматривать продвижение керамики на север как результат культурной диффузии, т.е. как поэтапное заимствование готовой технологии все более северными группами населения УЗС КО — последнюю стадию процесса, начавшегося еще в период неолитической революции на Ближнем Востоке» [Косинская, 2002, с. 222].

Несомненно, становление неолита было сложным процессом и появление керамической посуды в разных регионах могло различаться: быть результатом миграции или диффузии. Однако, на наш взгляд, очевидно, что рассматриваемая территория не входила в ареал зарождения и формирования керамического производства. Во всяком случае, не выявлено объективных предпосылок для его возникновения, к которым, вероятно, можно отнести оседлость населения, близкое знакомство и работу с сырьем, знание его свойств, предполагающее длительную практику обработки.

Некоторые керамические комплексы, содержащие плоскодонную и круглодонную посуду, боборыкинские и кошкинские, считающиеся сегодня неолитическими, в свое время были недостаточно изучены и датировались поздним неолитом или эпохой ранней бронзы [Крижевская, 1977]. Сегодня исходя из всей совокупности данных: радиоуглеродных дат, стратиграфии, гипсометрии, палеогеографических реконструкций и типологического исследования неолитической посуды — наиболее ранними в западно-сибирской лесостепи, полагаем, следует считать мате-

риалы боборыкинской культуры с двумя этапами развития — боборыкинским и кошкинским [Зах, 2009]. Не все исследователи с этим согласны. Прежде всего, по нашему представлению, это обусловлено непроработанностью базы радиоуглеродных дат неолитических комплексов западносибирского региона. К сожалению, при определении последовательности существования различных (боборыкинских, кошкинских, козловских и т.д.) комплексов на основе радиоуглеродного датирования, т.е. хронологии западно-сибирского неолита, во внимание берутся даты без сколько-нибудь должного анализа их происхождения [Выборнов и др., 2014], не учитываются вышеупомянутые стратиграфические, палеогеографические и типологические данные, что, безусловно, снижает достоверность выводов. При многослойности большинства неолитических поселений Западной Сибири и супесчаном характере почв и культурных слоев существует проблема сопоставления определенных керамических комплексов с полученными датами. Она усугубляется тем, что нет четкого представления о критериях отнесения керамики к тому или иному неолитическому комплексу, особенно это касается боборыкинской, кошкинской и козловской посуды.

О появлении на лесостепных западно-сибирских территориях новых технологий и связанных с ними каменных изделий под влиянием культуры мигрантов может свидетельствовать и постепенное изменение состава каменного сырья. Так, на смену кварцевым песчаникам из мест-ных русловых галечников и Казахского мелкосопочника, преобладающим в мезолите, в неолитическое время приходят яшмы и яшмоиды Южного Урала [Зах, Скочина, 2010]. О притоке какого-то количества нового населения на лесостепные и южно-таежные территории можно судить по возросшему числу поселков в боборыкинское и кошкинское время по сравнению с мезолитическим периодом.

Обобщив данные, правомерно поставить вопрос: возможно ли генетически увязать фиксируемые на рассматриваемой территории культуры, относящиеся к двум последовательно существующим эпохам? По нашему мнению, генетическая преемственная связь отсутствует, ей противоречат различия в конструкции жилых построек и составе пород в каменных индустриях. Мнение исследователей — сторонников идеи генетической преемственности западно-сибирского мезолита и неолита сложилось на основе анализа каменных мезолитических индустрий и комплексов развитого и позднего неолита (козловских, полуденковских, сосновоостровских, кокуйских, екатеринин-ских), в которых уже исчезли геометрические микролиты и черешковые наконечники стрел на пластинах. Исследованные в последнее время каменные комплексы и вместе с ними керамика плоскодонной и круглодонной форм с уже устоявшимися рецептурой глиняного теста и орнаментацией не позволяют говорить о преемственной связи материалов и тем более о местном происхождении гончарного производства.

Появившиеся недавно неолитические комплексы из Барабы (Автодром 2/2, Усть-Тартас 1, Тартас 1), их радиоуглеродная датировка и интерпретация вновь активизировали интерес к вопросам о переходе от мезолита к неолиту и появлении в Западной Сибири гончарства. В юго-западной части памятника Автодром 2/2 исследованы остатки округлых и подпрямоугольной формы полуземлянок площадью от 12 до 80 м^2, углубленных до 1 м. Среди каменного инвентаря, включающего нуклеусы, пластины, скребки, концевые скребки, отщепы, встречаются острия с притупляющей ретушью и пластины со скошенными концами [Бобров и др., 2012, рис. 1, *4, 6, 10, 11*]. Керамический комплекс представлен толстостенными слабопрофилированными сосудами плоскодонной формы. Венчик округлый, иногда с утолщением на внутренней стороне и канальчиками от обвязывавшего верхнюю часть емкости шнура. Большинство сосудов неорнаментированные или орнаментированные прочерченными линиями и различного рода наколами: овальными, подтреугольными, округлыми и семечковидными вдавлениями [Там же, рис. 3, 4]. Из керамики изготовлен и «утюжок» [Там же, рис. 1, *26*]. В пределах памятника Тартас 1, в северо-восточной склоновой части правобережной террасы р. Тартас, был исследован так называемый производственный комплекс, состоящий из ям и слабоуглубленного сооружения. В ямах и котловане постройки обнаружены обломки двух толстостенных плоскодонных сосудов, на изломе венчиков которых отмечался канальчик от шнура. При формировании сосудов применена техника лоскутного налепа. Орнамент в виде длинных овальных вдавлений покрывал тулово, на дно одного из сосудов нанесена сетка. Каменный инвентарь содержит пластины, отщепы, скребки, концевые скребки, острия с крутой притупляющей ретушью [Молодин и др., 2015, рис. 1, 2].

Культурный слой комплекса Старый Тартас 1 находится на краю террасы, возвышающейся над поймой на 8 м. Как и Тартас 1, комплекс представлен несколькими ямами хозяйственного назначения, в заполнении которых обнаружены кости и чешуя рыбы, кости животных, каменные и костяные орудия и немногочисленные фрагменты керамики [Молодин и др., 2017].

По мнению В.И. Молодина и его коллег, керамические комплексы Усть-Тартас 1 и Тартас 1 имеют прямые аналогии в посуде поселения Автодром 2/2, а на основе радиоуглеродных дат, полученных по костям животных, относятся к раннему неолиту и датируются в пределах VII тыс. до н.э. [Там же, с. 174]. Происхождение плоскодонной посуды в регионе авторы исследования считают явлением автохтонным и конвергентным [Там же, с. 175]. Полагают, что на территории лесостепи и тайги размещалось несколько культурных образований с плоскодонной посудой, носители которых в определенные периоды сосуществовали с населением западно-сибирских неолитических культур, изготовляющих остро- и круглодонную посуду [Марченко, 2006]. По сути, авторы придерживаются точки зрения о развитии неолита, предложенной В.Т. Ковалевой, только для Барабинской лесостепи комплексы с плоскодонной посудой рассматриваются как автохтонные, в отличие от зауральских (кошкинских и боборыкинских), принесенных мигрантами.

Первооткрыватели неолитических материалов с плоскодонной посудой на Автодроме 2/2 [Бобров и др., 2012, с. 9, 10], с определенными оговорками, интерпретируют их как боборыкинские, с чем можно согласиться. Несмотря на то что к настоящему времени с поселений Автодром 2/2, Усть-Тартас 1 и Тартас 1 в общей сложности происходят всего около 40 сосудов (по венчикам) и более представительный комплекс каменного и костяного инвентаря, можно отметить большое сходство между ними и материалами боборыкинской (имеются в виду боборыкинский и кошкинский этапы) культуры Зауралья. Наряду с домостроительством, сходство видится в наличии толстостенной плоскодонной посуды, сосудов с плоскими венчиками и венчиками с намечающимся утолщением с внутренней стороны [Там же, рис. 4, *5*] и с дугообразной формой верхней части [Там же, рис. 4, 8]. В глинистое тесто, как правило, добавлялись шамот, песок и органические примеси. При формовке верхняя часть сосуда обвязывалась шнуром, сосуды с орнаментом украшались в технике прочерчивания, в Зауралье — еще и отступания, а также накола. Отмечается орнамент в виде прочерченных линий, зигзага, сетки, геометрических фигур и рядов наколов.

Значительное сходство барабинских и тоболо-ишимских материалов наблюдается и в инвентаре: в комплексах присутствуют острия на пластинах с крутой притупляющей ретушью, пластины со скошенными торцами. На Мергене 6 и Тартасе 1 наличествуют проколоки, изготовленные из трубчатых костей птиц и орудий из зубов животных, в которых в качестве рабочей части использовалась эмаль [Зах, 2009, рис. 43, *7−9*; 44, *3, 6*; 45, *2−5*; Молодин и др., 2016, рис. 1, *10−13*]. О близости боборыкинских и барабинских комплексов свидетельствует и наличие в материалах Автодрома 2/2 глиняного «утюжка» [Бобров и др., 2012, рис. 1, *26*].

По органическому веществу из боборыкинской керамики Автодрома 2/2 получены три даты: 5748 ± 130, 5967 ± 100, 5884 ± 100 л.н., которые после калибровки позволили датировать комплекс первой половиной — серединой V тыс. до н.э. [Мосин и др., 2017]. Не признавая присутствия боборыкинских материалов в Барабинской лесостепи, исследователи объединили материалы этого памятника с материалами Усть-Тартаса 1 и Тартаса 1, датировали их VII тыс. до н.э. и выделили в «барабинскую неолитическую культуру» [Молодин и др., 2017, с. 175]. Несоответствие дат объяснили несовершенством метода прямого радиоуглеродного датирования керамических образцов и, возможно, достаточно длительным обитанием в Барабе носителей традиции изготовления плоскодонной посуды [Молодин и др., 1918, с. 47].

Говоря о некорректности сравнения боборыкинских комплексов из Зауралья с материалами из Барабы и отсутствии миграции ее носителей на восток, исследователи основываются на мысли о том, что боборыкинская культура Зауралья по морфологии и технологии посуды и радиоуглеродным датам является завершающей стадией западно-сибирского неолита.

Остановимся на возрасте боборыкинских комплексов. Рассмотрим две работы, касающиеся хронологии неолита Урала [Выборнов и др., 2014; Мосин и др., 2017]. В первой работе из всех приведенных радиоуглеродных дат «басьяновско-боборыкинской традиции» только три получены по углю, остальные — по органике из керамики, при этом наряду со всеми рассматривается дата Ташково 1 (5490 ± 60 (LE-1535)) [Выборнов и др., 2014, с. 39] с достаточно загадочной историей. В свое время в лабораторию археологической технологии ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН). В.Т. Ковалевой были переданы три пробы, сразу получившие номера, но только в одной оказалось достаточное количество угля, по которому получена дата 7440 ± 60 л.н. (LE-1534). Она приведена в списке радиоуглеродных дат неолита, опубликованном в томе «Неолит Северной Евразии», но в этом списке отсутствует вышеупомянутая дата 5490 ± 60 (LE-1535), происхождение которой не ясно [Археология…, 1996, с. 343]. В той же работе [Выборнов и др.,

2014] нет определений по углю из ямы, в которой находился сосуд боборыкинского комплекса поселения Юртобор 3: 7701 ± 120 л.н. (УПИ 559) [Зах, 1995; Зах и др., 2011], которая, как мы представляем, наиболее объективно отражает время существования боборыкинских материалов. Во второй публикации [Мосин и др., 2017] даты по углю из Юртобора 3 рассматриваются, но для их уточнения и проверки по углероду из керамического теста нами были предоставлены фрагменты посуды. Мы сообщили коллегам, что Юртобор 3 исследовался в конце 1980-х гг., его керамические материалы хранились в подвальном помещении, которое затапливалось, и предупредили, что керамику необходимо тщательно очистить от микроскопической современной биоты. В 2014 г. была получена дата по органике из керамики: 6064 ± 100, в 2015 г. — по нагару с того же сосуда в Германии AMS-дата 7110 ± 70 л.н. По мнению исследователей, столь ранняя дата может объясняться наличием резервуарного эффекта [Там же, с. 66]. Как видим, с датировкой по керамике все далеко не просто (и не только для боборыкинских материалов), так же как с отнесением боборыкинских комплексов к завершающей стадии западно-сибирского неолита.

О ранней позиции боборыкинско-кошкинских материалов свидетельствуют 14 из 17 дат, полученных по керамике, костям животных и человека[1] с поселения Мергень 6, относящихся ко второй половине VII тыс. до н.э.

По нашему представлению, восприятие комплексов с плоскодонной посудой, исследованных к востоку и северу от Притоболья, как во многом аналогичных боборыкинским никоим образом не искажает представление о сути процесса формирования неолита Западно-сибирского региона. Вероятно, он заключался в расселении и освоении мигрирующего населения в среде аборигенов — носителей мезолитических традиций. По нашему мнению, мигранты, наряду с инновациями в каменном инвентаре и метательном оружии, приносят за Урал керамику и технологию ее изготовления. Все керамические комплексы с плоскодонной и круглодонной посудой в Притоболье, Приишимье, Прииртышье, Барабинской лесостепи и на северных территориях [Ивасько, 2002; Морозов, Стефанов, 1993] сближают между собой форма сосудов, присутствие в керамическом тесте шамота и органических добавок и орнамент в виде линий, зигзагов и пр., выполненных прочерчиванием, палочкой или раздвоенной отступающей палочкой. Гребенчатые оттиски редки. Западно-сибирская керамика выглядит как продукт уже сложившейся, существующей керамической традиции. Близкая по форме и орнаменту посуда присутствует в неолитических комплексах Прикаспия, Казахстана [Васильев и др., 1989; Мерц, 2014]. О проникновении носителей этой посуды в среду еще мезолитического населения и о постепенном слиянии пришлого населения с аборигенным позволяют говорить появление как новых форм сосудов и орнаментальных традиций, так и присутствие в неолитических наборах каменного инвентаря изделий, характерных для мезолита, например острий с крутой притупляющей ретушью.

На наш взгляд, двухлинейная схема развития неолита не способствует пониманию процесса неолитизации. Согласно этой схеме, местные западно-сибирские неолитические культуры на определенных этапах сосуществуют с культурами, носители которых пользовались посудой и плоскодонной, и круглодонной форм. В Зауралье местными считаются козловские, полуденковские, сосновоостровские комплексы, пришлыми — кошкинская и боборыкинская культуры. В Барабе местная — вероятно, посуда круглодонной и остродонной форм с прочерченным и отступающе-накольчатым орнаментом и «артынская» керамика с отступающе-ямочным орнаментом [Марченко, 2006], эти комплексы сосуществуют с керамикой «барабинской неолитической культуры» [Молодин и др., 2017, с. 175]. Такой подход к объяснению процесса развития западно-сибирского неолита не снимает проблемы появления керамики в Западной Сибири. Если в Зауралье кошкинская и боборыкинская посуда трактуется как появившаяся извне, то для Барабы посуда обеих линий развития считается автохтонной [Там же, с. 175]. Однако и в Зауралье, и в Барабе ранняя посуда, как продукт уже развитого керамического производства, больше свидетельствует о привнесении гончарства на эти территории.

Точка зрения о местном, западно-сибирском происхождении керамики и двухлинейном развитии неолита порождает нестыковки и вопросы, касающиеся не только гончарства, но и каменного инвентаря. Не ясно, например, как могли проживать разнокультурные группы населения с присваивающей формой хозяйства в течение длительного времени практически на одной и той же территории без видимого взаимовлияния в материальной культуре. Так, носители поздненеолитических культур (полуденковской с отступающе-гребенчатой и сосновоостровской

[1] Полная сводка радиоуглеродных дат поселения Мергень 6 готовится к изданию.

с гребенчатой посудой) не изготовляли плоскодонную посуду, в их наборе каменного инвентаря нет геометрических микролитов, как в боборыкинских комплексах. И наоборот, на боборыкинской посуде отсутствуют наплывы с внутренней стороны венчика, гребенчатые орнаменты составляют менее 5 %. В козловских комплексах не зафиксированы плоскодонные сосуды, объединяет их наличие под внутренним краем венчиков наплывов, причем на кошкинской посуде они небольшие, а с внешнего края иногда отмечается «карнизик». На кошкинской и козловской посуде сочетаются орнаменты, выполненные в отступающе-прочерченной и гребенчатой традициях, на кошкинских сосудах гребенчатые оттиски составляют 16−25 %, а на козловских — около 50 %. Радиоуглеродные даты боборыкинско-кошкинского поселения Мергень 6 определяют его хронологическую позицию второй половиной VII тыс. до н.э., а поселения Мергень 7 — серединой — второй половиной V тыс. до н.э. [Еньшин, 2015].

Вероятно, двухлинейная схема развития неолита была предложена В.Т. Ковалевой после того, как не удалось интегрировать вновь исследованные боборыкинские и кошкинские материалы в существовавшую уже периодизацию зауральского неолита. В это же время возникают дата 5490 ± 60 л.н. (ЛЕ-1535), связанная, по В.Т. Ковалевой, с боборыкинским слоем Ташково 1, и дата 6380 ± 120 л.н. (ЛЕ-4344) для кошкинских материалов поселения Ташково 3 [1989, с. 56]. Так появляется представление о кошкинской линии развития, в которой боборыкинские материалы благодаря дате 5490 ± 60 (ЛЕ-1535) занимают более позднюю позицию.

Полагаем, что появление и развитие неолитических комплексов нужно рассматривать скорее как постепенный и последовательный процесс проникновения в лесостепь и тайгу Западной Сибири, в среду мезолитических охотников, рыболовов и собирателей, населения, обладавшего новыми для данных территорий технологиями и навыками изготовления каменных орудий, стрел и керамики. В этом плане мы не можем хронологически разрывать боборыкинские и кошкинские комплексы, в соответствии с серией дат боборыкинско-кошкинских материалов поселения Мергень 6 и радиоуглеродными датами по углю из Ташково 1 и Юртобора 3 для боборыкинских материалов: 6660−6420 ВС и 6390−6230 ВС.

Мигрирующие коллективы, адаптируясь на новых территориях, были вынуждены выстраивать брачные связи, нарушенные при исходе из «метрополии». В условиях малозаселенных западно-сибирских пространств их партнерами могли быть такие же экзогамные коллективы мигрантов или представители местного населения. По нашему мнению, преобладали связи с аборигенным населением, о чем можно судить по изменениям в керамических комплексах: в формах сосудов, профилировке венчиков, орнаментации — появляются гребенчатые и отступающе-гребенчато-ямочные узоры; причем со временем изменения усиливаются. В каменном инвентаре наблюдается присутствие как местных изделий мезолитического времени (острия с крутой притупляющей ретушью), так и привнесенных (черешковые наконечники на пластинах, геометрические микролиты), которые впоследствии полностью исчезают. В процессе ассимиляции при брачных контактах аборигенов и мигрантов при изготовлении керамической посуды на ней могли «воспроизводиться» такие элементы оформления и детали берестяной посуды, как, например, обручи, формирующие устье или поддерживающие форму в центральной части, орнамент в виде стежков, сшивающих отдельные выкройки или прикрепляющих обручи к бересте. Эти элементы формы: валики [Ковалева, Зырянова, 2010], наплывы с внутренней стороны венчика — и орнамент в виде гладкой и гребенчатой «качалки» [Зах, Исаев, 2010] появляются уже на боборыкинских сосудах, их значительное количество в кошкинских, козловских и полуденковских комплексах. Впоследствии отступающе-прочерченный декор и сочетания прочерченных и выполненных отступающей палочкой и гребенкой узоров, иногда наложенных друг на друга, уступают место полностью гребенчатым орнаментам (сосновоостровские, шапкульские комплексы), а в Приишимье, Прииртышье и Барабе — комплексам, посуда которых орнаментировалась в отступающе-гребенчато-ямочной и гребенчато-ямочной традиции [Зах, 2017].

Полагаем, что идея прямой преемственной связи мезолита и неолита и автохтонного происхождения гончарства в Западной Сибири не имеет под собой достаточных оснований, так же как и схема двухлинейного развития неолита, предложенная В.Т. Ковалевой и отчасти воспринятая новосибирскими коллегами. Появление на западно-сибирских территориях глиняной посуды связываем с миграционными процессами, когда наряду с керамикой мигрирующее население приносит новые технологии в домостроительстве и изготовлении орудий (приемы выпрямления тростниковых древков стрел, геометрические микролиты и черешковые наконечники стрел на пластинах). Соглашаясь с датировкой первой плоскодонной и круглодонной керамики

в Западной Сибири в пределах VII тыс. до н.э., считаем, что распространение керамики шло в восточном и северном направлениях. Ядро его составляли комплексы боборыкинской культуры, носители которой на лесостепных и таежных территориях взаимодействовали с различными группами местного населения. В результате видоизменялась материальная культура, в том числе глиняная посуда. Принимая во внимание сходство и различия боборыкинских и барабинских керамических комплексов и учитывая расстояние между ними, думаем, преждевременно, в силу незначительного количества исследованной барабинской керамики, отсутствия ее точной хронологической привязки на объектах с продатированными костями на памятнике Тартас 1, рассматривать тартасские материалы в рамках боборыкинской культуры или иного культурного образования раннего неолита.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Археология. Неолит Северной Евразии. М.: Наука, 1986. 379 с.

Бадер О.Н. Уральский неолит // МИА. 1970. № 166. С. 157–171.

Беспрозванный Е.М. Мезолит таежной зоны Западной Сибири: (Предварительные итоги изучения) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург: «Екатеринбург», 1997. Вып. 1. С. 26–38.

Беспрозванный Е.М. Первые мезолитические жилища в таежной зоне Западной Сибири // Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск: Изд-во ИИФиФ СО АН СССР, 1985. С. 91–95.

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Поселение боборыкинской культуры Автодром-2/2 (северо-западные районы Барабинской лесостепи) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 3 (18). С. 4–13.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В. Исследование неолитической стоянки Каир-Шак 3 // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1989. С. 18–45.

Васильев С.А. Глиняная палеолитическая статуэтка из Майнинской стоянки // КСИА. Вып. 173. 1983. С. 76–77.

Выборнов А.А., Мосин В.С., Епимахов А.В. Хронология уральского неолита // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 1 (57). С. 33–48.

Еньшин Д.Н. Керамический комплекс поселения Мергень 7 (Нижнее Приишимье): Характеристика и интерпретация // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 2 (29). С. 15–27.

Зах В.А. Боборыкинский комплекс поселения Юртобор 3 в Нижнем Притоболье // Древняя и современная культура народов Западной Сибири. Тюмень, 1995. С. 12–28.

Зах В.А. Отступающе-гребенчато-ямочная орнаментальная традиция в неолите Западной Сибири // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. 2001. С. 37–46.

Зах В.А. Развитие общности культур с гребенчато-ямочной керамикой // Вестник археологии, антропологии, этнографии. 2004. № 5. С. 4–12.

Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск: Наука, 2009. 320 с.

Зах В.А. О гребенчато-ямочной орнаментальной традиции и периодизации неолита Нижнего Приишимья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 2 (37). С. 5–14.

Зах В.А., Исаев Д.Н. Ранняя керамика и формирование гребенчатой и гребенчато-ямочной орнаментальных традиций в неолите Тоболо-Ишимья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 1. С. 4–14.

Зах В.А., Зимина О.Ю., Рябогина Н.Е. Радиоуглеродные даты археологических и природных комплексов Тоболо-Ишимья (по материалам Тоболо-Ишимской экспедиции ИПОС СО РАН) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 1. С. 219–233.

Зах В.А., Скочина С.Н. Каменное сырье комплексов Тоболо-Ишимья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2 (13). С. 4–11.

Зенин В.Н. Поздний палеолит Западно-Сибирской равнины: Автореф. дис… д-ра ист. наук. Новосибирск, 2003. 33 с.

Ивасько Л.В. Укрепленное поселение каменного века Каюково-2 // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2002. С. 7–25.

Ковалева В.Т. Неолит Среднего Зауралья. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1989. 80 с.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Неолит Среднего Зауралья: Боборыкинская культура. Екатеринбург: Учеб. книга, 2010. 308 с.

Косарев М.Ф. К проблеме западно-сибирской культурной общности // СА. 1974. № 3. С. 3–13.

Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. М.: Наука, 1991. 302 с.

Косинская Л.Л. О некоторых проблемах неолитоведения Урала и Западной Сибири // Северный Археологический конгресс: Доклады. 9–14 сент. 2002 г. Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Академкнига, 2002. С. 172–179.

Крижевская Л.Я. Раннебронзовое время в Южном Зауралье. Л.: Наука, 1977. 160 с.

Крижевская Л.Я. Мезолитическое поселение Ташково 4 и некоторые общие вопросы мезолита Урала // ВАУ. 1991. Вып. 20. С. 30−45.

Кузьмин Я.В. Геохронология и палеосреда позднего палеолита и неолита умеренного пояса Восточной Азии. Владивосток: Тихоокеан. ин-т геогр. ДВО РАН, 2005. 282 с.

Кузьмин Я.В. Геоархеология: Естественнонаучные методы в археологических исследованиях. Томск: Издат. Дом ТГУ, 2017. 396 с.

Марченко Ж.В. К проблеме появления керамики в Западной Сибири: (Хронологический и теоретический аспекты) // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2006. Т. 5. Вып. 3. С. 44–49.

Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М.: Наука, 1982. 149 с.

Мерц В.К. Боборыкинский комплекс поселения Борлы (Северо-Восточный Казахстан) // Труды IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. 1. С. 297−301.

Молодин В.И. Проблема мезолита и неолита лесостепной зоны Обь-Иртышского междуречья // Археология Южной Сибири. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1985. С. 3−17.

Молодин В.И. Этногенез // История и культура хантов. Томск: Изд-во ТГУ, 1995. С. 3−44.

Молодин В.И., Кобелева Л.С., Мыльникова Л.Н. Ранненеолитическая стоянка Усть-Тартас-1 и ее культурно-хронологическая интерпретация // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. Т. 23. С. 172−177.

Молодин В.И., Ненахов Д.А., Нестерова М.С., Дураков И.А., Васильев С.К. Оригинальный производственный комплекс на Тартасе-1 (Барабинская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. Т. 21. С. 326−331.

Молодин В.И., Райнхольд С., Мыльникова Л.Н., Ненахов Д.А., Хансен С. Радиоуглеродные даты неолитического комплекса памятника Тартас-1: (Ранний неолит в Барабе) // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2018. Т. 17. № 3: Археология и этнография. С. 39–56.

Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 262 с.

Молодин В.И., Хансен С., Ненахов Д.А., Райнхольд С., Ненахова Ю.Н., Нестерова М.С., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Кобелева Л.С., Васильев С.К. Новые данные о неолитических комплексах на памятнике Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. Т. XXII. С. 135–140.

Морозов В.М., Стефанов В.И. Амня-1 — древнейшее городище Северной Евразии? // ВАУ. 1993. Вып. 21. С. 161−163.

Мосин В.С., Бобров В.В., Марочкин А.Г. Новые данные по хронологии неолита и эпохи раннего металла в лесостепной зоне Зауралья и Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. № 4. Т. 45. С. 65−73.

Петрин В.Т. Палеолитические памятники Западно-Сибирской равнины. Новосибирск: Наука, 1986. 143 с.

Старков В.Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.: Наука, 1980. 220 с.

Щелинский В.Е., Вандивер П.Б. Глиняная чашечка из культурного слоя палеолитического святилища в Каповой пещере: Первые опыты изготовления и использования изделий из глины // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики: Материалы междунар. науч. конф., 24–27 мая, Санкт-Петербург. СПб.: ИИМК РАН, 2016. С. 56–61.

Чернецов В.Н. К вопросу о сложении уральского неолита // История, археология и этнография Средней Азии. М.: Наука, 1968. С. 41−53.

V.A. Zakh

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: viczakh@mail.ru

ORIGIN OF POTTERY IN WESTERN SIBERIA (TO THE DISCUSSION OF THE PROBLEM)

The problem of the origin of pottery to a large extent determines the choice of directions in the study of Early-Neolithic complexes, including the formation and development of Neolithic cultures, their periodization and chronology. We have repeatedly addressed these issues in our previous publications; however, newly-collected information on Early-Neolithic settlements in Baraba, along with the publication of radiocarbon dating results obtained during the study of ceramics from Volga-Ural Neolithic complexes, have prompted us to raise this topic anew. In this paper, we consider the following three aspects: the preservation of pottery traditions in various territories, the development of the West Siberian Neolithic and the chronological sequence of the Boborykino and Koshkino complexes (the last two aspects complement each other). In recent years, a large number of ages obtained by dating using organic remains in ceramic artefacts have been introduced; however, these are not always consistent with the values obtained using charcoal and bone dating, e.g. for the Yurtobor 3 complex in a Lower Tobol river settlement (coal: 7701 ± 120 BP (UPI 559); ceramics: 6064 ± 100 BP; carbon: 7110 ± 70 BP), for the Mergen 6

settlement (settl. 15, ceramics: 5870 ± 110 BP (Ki-17085)). The data differs by 500–1500 years on average, with the ages obtained using ceramic dating being younger. The abundance of data on ceramics seemed to confirm the standpoint about the two-linear development of the West Siberian Neolithic and a later chronological position of the Boborykino complexes with regard to the Koshkino and Kozlov complexes. However, a series of radiocarbon dating analyses using charcoal for the Boborykino-Koshkino materials from the Mergen 6 settlement (for which, 14 out of 17 artefacts fit in the 6361–6068 BC interval), as well as for the Boborykino Tashkovo 1 and Yurtobor 3 settlements (6660–6420 BC and 6390–6230 BC), allow the development of the Neolithic complexes to be treated as a gradual and consistent process, without a chronological gap between the Boborykino and Koshkino antiquities. Flat-bottomed and round-bottomed dishes found in the areas of the Ishim and Irtysh rivers and Baraba forest-steppe are similar in shape and ornamentation to those from the northern territories. These artefacts are likely to have been the products of the development of an already existing, introduced ceramic tradition. According to radiocarbon dating, this tradition seems to have appeared in the West Siberian territories around the 7th century BC.

Key words: Western Siberia, the Early Neolithic, pottery, autochthonous development, two lines of development, migration, ceramics, Boborykino, Koshkino complexes.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-020-031

REFERENCES

Belanovskaya T.D., (Ed.), (1986). *Archeology. Neolithic of North Eurasia*, Moscow: Nauka.

Bader O.N. (1970). Ural Neolithic. *Materialy i issledovania po arkheologii SSSR*, (166), Moscow: Nauka, 157−171.

Besprozvannyi E.M. (1997). Mesolithic of the taiga zone of Western Siberia: (Preliminary results of the study). *Okhrannye arkheologicheskie issledovaniia na Srednem Urale*, (1), Ekaterinburg: «Ekaterinburg», 26−38.

Besprozvannyi E.M. (1985). The first Mesolithic dwellings in the taiga zone of Western Siberia. *Problemy drevnikh kul'tur Sibiri*, Novosibirsk: Izd-vo IIFiF SO AN SSSR, 91−95.

Bobrov V.V., Marochkin A.G., Iurakova A.Iu. (2012). Settlement of Boborykino culture Avtodrom-2/2 (North-Western areas of the Baraba forest-steppe). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (3), 4–13.

Chernetsov V.N. (1968). On the question of the addition of the Ural Neolithic. *Istoriia, arkheologiia i etnografiia Srednei Azii*, Moscow: Nauka, 41−53.

En'shin D.N. (2015). Ceramic complex of settlement Mergen 7 (Lower Ishim basin): Characteristics and interpretation. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (2), 15−27.

Ivas'ko L.V. (2002). Fortified settlement of the Stone Age Kayukovo-2. *Materialy i issledovaniia po istorii Severo-Zapadnoi Sibiri,* Ekaterinburg: Izd-vo UrGU, 7−25.

Kosarev M.F. (1974). To the problem of the West-Siberian culture. *Sovetskaia arkheologiia*, (3), 3−13.

Kosarev M.F. (1991). *The ancient history of Western Siberia: Man and the natural environment*, Moscow: Nauka.

Kosinskaia L.L. (2002). On some problems of the Neolithology of the Urals and Western Siberia. *Severnyi Arkheologicheskii kongress: Doklady. 9−14 sentiabria 2002 g.*, Khanty-Mansiisk; Ekaterinburg: «Akademkniga», 172−179.

Kovaleva V.T. (1989). *Neolithic of the Middle Trans-Urals*, Sverdlovsk: Izd-vo UrGU.

Kovaleva V.T., Zyrianova S.Iu. (2010). Neolithic of the Middle Trans-Urals: Boborykino culture, Ekaterinburg: Uchebnaia kniga.

Krizhevskaia L.Ia. (1977). *Early Bronze time in the Southern Trans-Urals*. Leningrad: Nauka.

Krizhevskaia L.Ia. (1991). Mesolithic settlement of Tashkovo 4 and some general questions of the Ural Mezolith. *Voprosy arkheologii Urala*, (20), 30−45.

Kuz'min Ia.V. (2005). *Geochronology and paleo-environment of the Late Paleolithic and Neolithic temperate zones of East Asia*, Vladivostok: Tikhookean. in-t geogr. DVO RAN.

Kuz'min Ia.V. (2017). *Geoarchaeology: Natural science methods in archaeological research*, Tomsk: Izdatel'skii Dom TGU.

Marchenko Zh.V. (2006). To the problem of the appearance of ceramics in Western Siberia: (Chronological and theoretical aspects). *Vestnik NGU. Ser. Istoriia, filologiia, 5*(3), 44–49.

Mellart Dzh. (1982). *The most ancient civilizations of the Middle East*, Moscow: Nauka.

Merts V.K. (2014). Boborykino complex Borly settlement (North-Eastern Kazakhstan). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani, 1*, Kazan': Otechestvo, 297−301.

Molodin V.I. (1985). The problem of the Mesolithic and Neolithic forest-steppe zone of the Ob-Irtysh interfluve. *Arkheologiia luzhnoi Sibiri*, Kemerovo: Izd-vo KemGU, 3−17.

Molodin V.I. (1995). Ethnogenesis. *Istoriia i kul'tura khantov*, Tomsk: Izd-vo TGU, 3−44.

Molodin V.I., Khansen S., Nenakhov D.A., Rainkhol'd S., Nenakhova Iu.N., Nesterova M.S., Durakov I.A., Myl'nikova L.N., Kobeleva L.S., Vasil'ev S.K. (2016). New data on the Neolithic complexes on the monument Tartas-1. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii,* XXII, Novosibirsk: IAET SO RAN, 135–140.

Molodin V.I., Kobeleva L.S., Myl'nikova L.N. (2017). Early Neolithic site Ust-Tartas-1 and its cultural and chronological interpretation. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii, XXIII*, Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 172−177.

Molodin V.I., Nenakhov D.A., Nesterova M.S., Durakov I.A., Vasil'ev S.K. (2015). The original production complex on Tartas-1 (Baraba forest-steppe zone). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii, 21*, Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 326−331.

Molodin V.I., Rainkhol'd S., Myl'nikova L.N., Nenakhov D.A., Khansen S. (2018). Radiocarbon dates of the Neolithic complex of the monument Tartas-1: (Early Neolithic in Baraba). *Vestnik NGU. Seriia Istoriia, filologiia, 17*(3), 39–56.

Molodin V.I., Sobolev V.I., Solov'ev A.I. (1990). *Baraba in the Late Middle Ages*, Novosibirsk: Nauka.

Morozov V.M., Stefanov V.I. (1993). Amnya-1, the oldest settlement of Northern Eurasia? *Voprosy arkheologii Urala*, (21), 161−163.

Mosin V.S., Bobrov V.V., Marochkin A.G. (2017). New data on the chronology of the Neolithic and the Epoch of the Early metal in the forest-steppe zone of the Trans-Urals and Western Siberia. *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii, 45*(4), 65−73.

Petrin V.T. (1986). *Paleolithic monuments of the West Siberian Plain*, Novosibirsk: Nauka.

Shchelinskii V.E., Vandiver P.B. (2016). The clay cup from the cultural layer of the Paleolithic sanctuary in Kapova Cave: The first experiments in the manufacture and use of clay products. *Traditsii i innovatsii v izuchenii drevneishei keramiki: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 24–27 maia, Sankt-Peterburg*, St. Petersburg: IIMK RAN, 56–61.

Starkov V.F. (1980). *Mesolithic and Neolithic of forest Trans-Urals*, Moskow: Nauka.

Vasil'ev S.A. (1983). Clay Paleolithic statuette from Maininskaya site. *Kratkie soobshceniia Instituta arkheologii*, (173), 76−77.

Vasil'ev I.B., Vybornov A.A., Kozin E.V. (1989). Study of the Neolithic site Cair Shak 3. *Neolit i eneolit Severnogo Prikaspiia,* Kuibyshev: Izd-vo KGPI, 18−45.

Vybornov A.A., Mosin V.S., Epimakhov A.V. (2014). Chronology of the Ural Neolithic. *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii*, (1), 33−48.

Zakh V.A. (1995). Boborykino complex of settlement Yurtobor 3 in Lower Tobol basin. *Drevniaia i sovremennaia kul'tura narodov Zapadnoi Sibiri*, Tiumen', 12−28.

Zakh V.A. (2001). Retreating comb-patching ornamental tradition in the Neolithic of Western Siberia. *Problemy izucheniia neolita Zapadnoi Sibiri,* Tiumen': Izd-vo IPOS SO RAN, 37−46.

Zakh V.A. (2004). The development of common cultures with comb-patching ceramics. *Vestnik arkheologii, antropologii, etnografii*, (5), 4−12.

Zakh V.A. (2009). *Chronostratigraphy of the Neolithic and Early Metal of the forest Tobol-Ishim basin*, Novosibirsk: Nauka.

Zakh V.A. (2017). On the comb-patching ornamental tradition and the periodization of the Neolithic of the Lower Ishim basin. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (2), 5–14.

Zakh V.A., Isaev D.N. (2010). Early ceramics and the formation of the comb and comb-patchy organic traditions in the Neolithic Tobol-Ishim basin. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (1), 4−14.

Zakh V.A., Skochina S.N. (2010). Stone raw materials of Tobol-Ishim complexes. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (2), 4−11.

Zakh V.A., Zimina O.Iu., Riabogina N.E. (2011). Radiocarbon dates of the archaeological and natural complexes of Tobol-Ishim basin (based on materials from the Tobol-Ishim expedition of the IPDN SB RAS). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (1), 219–233.

Zenin V.N. (2003). *Late Paleolithic of the West Siberian Plain.* Avtoref. dis. … d-ra ist. nauk. Novosibirsk.

В.М. Костомаров, И.К. Новиков

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: vkostomarov@yandex.ru
Курганский государственный университет
ул. Советская, 63, стр. 4, Курган, 640020
E-mail: novikov2479@mail.ru

ТОПОГРАФИЯ ПОСЕЛЕНИЯ ЗОЛОТОЕ 1 — НОВОГО ПАМЯТНИКА ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА ТОБОЛО-ИШИМЬЯ

Многолетнее исследование разнокультурных памятников позднего бронзового века Тоболо-Ишимского междуречья позволило сделать вывод об особенности их топографии, заключавшейся в приуроченности к водным артериям бассейна этих рек. В этом контексте особый интерес представляют результаты изучения в 2018 г. поселения Золотое 1, расположенного на водоразделе Тобола и Ишима, на значительном удалении от их русел, на берегу оз. Золотинское Половинского района Курганской области. В ходе работ были получены алакульские и алексеевско-саргаринские материалы. В статье приводятся предварительные результаты исследований с упором на специфику топографии памятника. Новые данные позволили уточнить ареал обозначенных древностей, расширить сведения об особенностях расселения носителей алакульских и алексеевско-саргаринских традиций и поставить вопрос об использовании территорий междуречий в эпоху поздней бронзы в указанном регионе.

Ключевые слова: расселение, адаптация, Тоболо-Ишимье, поселение Золотое 1, ландшафт, алакульская культура, алексеевско-саргаринская культура.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-032-038

Работа выполнена по госзаданию согласно Плану НИР ТюмНЦ СО РАН на 2018–2020 гг., протокол № 2 от 08.12.2017 г. Приоритетное направление XII.186.; Программа XII.186.4; проект № 0372-2016-001.

Введение

Археологические памятники позднего бронзового века Тоболо-Ишимья неоднократно становилась объектом изучения и историко-культурных построений в работах многих исследователей [Кривцова-Гракова, 1948; Косарев 1981; Зданович, 1979; Потемкина 1985; Кузьмина, 1994; Матвеев, 1998, 2000; Ткачев, 2002; и др.]. В результате установлено, что подавляющее большинство объектов, которыми оперировали ученые, тяготеют к речным системам. Так, К.В. Сальников отмечал, что поселки бронзового века рассматриваемой территории локализованы по низким берегам рек, на самом краю современной поймы, а иногда в пойме [1967, с. 247]. Об этом же свидетельствуют результаты картографирования памятников этого периода [Евдокимов, 1975, с. 109; Потемкина, 1985, рис. 1]. При исследовании долины р. Большая Караганка, притока р. Тобол на Южном Урале, зафиксированы: во-первых, высокая плотность памятников, с интервалом от 2 до 5 км; во-вторых, их расположение в нижнем течении притоков рек, в районе их устья и на прилегающих возвышенностях [Петрова, 2010, с. 197]. Поселения, как правило, находятся достаточно высоко, от 1,5 до 5,5 м, их площадки не затапливались во время паводков, при этом нет ни одного поселения эпохи бронзы, которое располагалось бы в пространстве поймы [Петров, Куприянова, 2016, с. 210]. Принимая во внимание эти данные, считаем важной информацию, полученную в результате разведочных работ последних лет на территории водораздела Тобола и Ишима по берегам многочисленных озер, о наличии здесь поселений эпохи бронзы. К сожалению, эти сведения не опубликованы и содержатся лишь в отчетной документации. Учитывая нестандартную топографическую характеристику объектов, мы приняли решение исследовать один из них — поселение Золотое 1, которое по разведочным данным отнесено к алакульской культуре.

Настоящая публикация вводит в научный оборот предварительные результаты исследования в 2018 г. поселения Золотое 1, территория которого, как выяснилось в ходе раскопок, в эпоху поздней бронзы заселялась дважды: носителями алакульской и алексеевско-саргаринской культур. Упор сделан на топографические особенности памятника, также даются описание и интерпретация археологического материала и построек.

Материалы исследования

Поселение Золотое 1 расположено на северном берегу оз. Золотинское, неподалеку от с. Золотое, в Половинском районе Курганской области. Площадка памятника лежит на второй террасе озера, характеризуется средними гипсометрическими отметками и в настоящее время затапливается во время паводка. Из водных объектов самым близким является только озеро. Оно не имеет связей с большой водой, однако, по воспоминаниям местных жителей, в сильное половодье наблюдалось соединение близлежащих водоемов в единую сеть. Расстояние от поселка до ближайших рек составляет около 20–25 км, это верховья правых притоков Тобола — рр. Черная, Утяк. До русла Тобола — 60 км. В устье обозначенных выше рек или в непосредственной близости находится ряд изученных раскопками памятников бронзового века, в том числе могильник алакульской культуры Раскатиха [Потемкина, 1968, с. 5].

В современном рельефе фиксируется семь овальных западин, примыкающих полукругом (подковообразно) к северному берегу озера Золотинское. Более крупные углубления расположены в центре, их размеры составляют около 20 м в диаметре, глубина — до 0,8 м, остатки двух боковых строений, замыкающих цепочку жилищ, менее выражены в рельефе, имеют площадь вполовину меньше, чем центральные, глубину до 0,4 м (рис. 1).

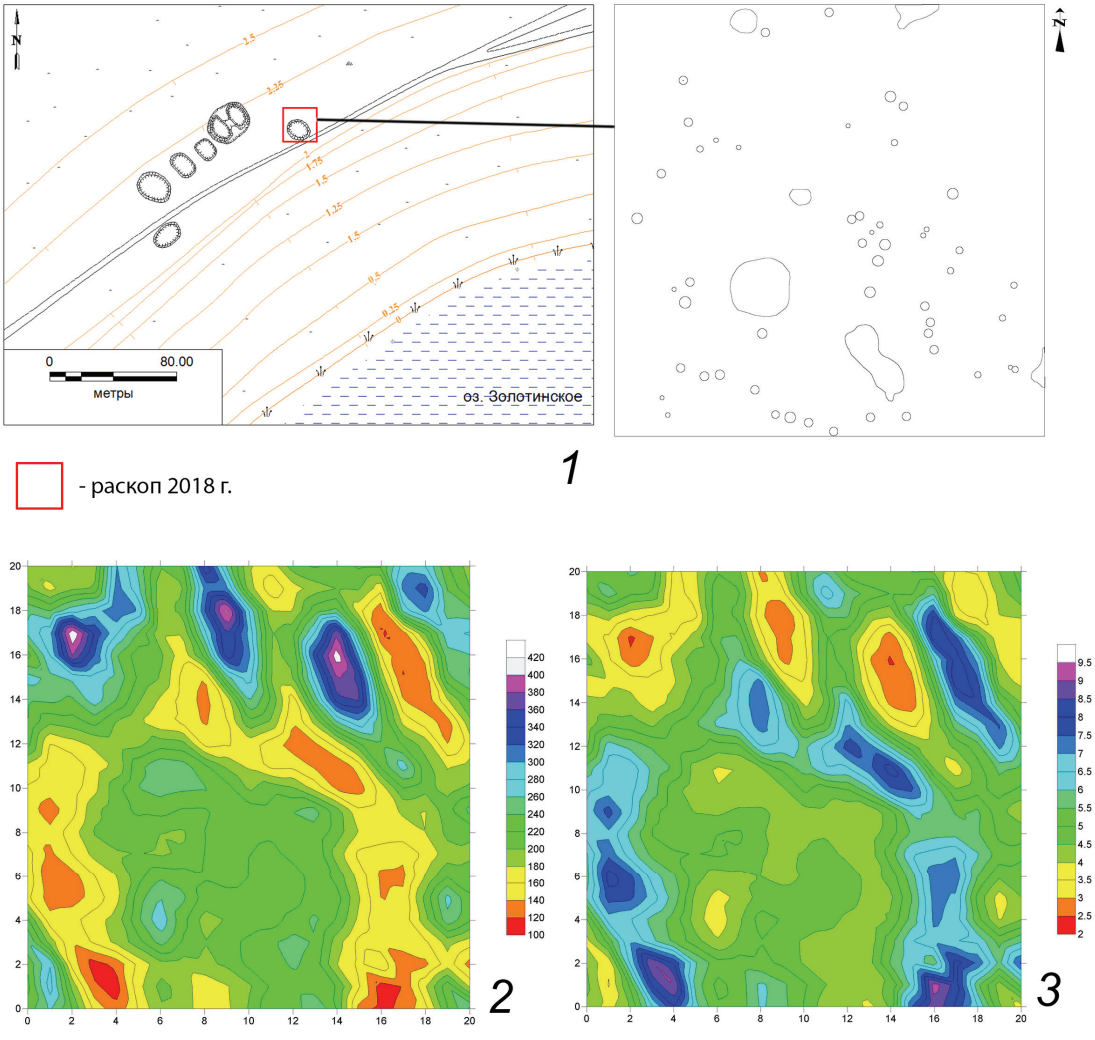

Рис. 1. Поселение Золотое 1:
1 — инструментальный план поселения и план раскопа на уровне материка; *2* — план-схема удельного электрического сопротивления на площади раскопа; *3* — план-схема удельной электропроводимости площади раскопа.

Fig. 1. The settlement Zolotoe 1:
1 — instrumental plan of settlement and the plan of the excavation at the level of the mainland; *2* — plan-scheme of electrical resistivity on the excavation area; *3* — plan-scheme of electrical conductivity of the excavation area.

В 2018 г. совместной экспедицией Курганского госуниверситета и ТюмНЦ СО РАН на поселении Золотое 1 заложен раскоп площадью 400 м^2. Для изучения была выбрана западина, расположенная на удалении от остальных в северо-восточной части памятника (рис. 1). Перед началом работ проведено электромагнитное сканирование ее поверхности на аппаратуре «ЭМС-46», что позволило скорректировать участок для разбивки раскопа. При итоговом анализе карт удельного сопротивления и проводимости выявлено несколько аномалий, которые впоследствии практически полностью совпали с выявленными объектами. Наиболее выраженные аномалии оказались связаны с остатками прокаленной почвы, зольником (?), а также с неоднородным заполнением глубоких ям, включавшим органические остатки (рис. 1, *2, 3*). При исследовании поселения использовались классические методы полевой археологии: анализ стратиграфии и планиграфии при разборке культурного горизонта с послойной фиксацией археологического материала с помощью тахеометра, что позволило получить точные сведения о распределении артефактов в каждом из почвенных слоев, оценить насыщенность находками определенных горизонтов и классифицировать их в целом. Планиграфические наблюдения позволили выявить особенности хозяйственного использования площадки, которая попала в раскоп, что также подтверждается базовыми стратиграфическими наблюдениями.

Стратиграфия памятника включает три почвенных горизонта, с оттенками от черного до светло-серого. Мощность культурных напластований 0,5–0,7 м. Уже после вскрытия первого условного горизонта стало очевидно, что поселение содержит не только алакульские, но и алексеевско-саргаринские материалы. После снятия культурного слоя на уровне материка оконтурилась серия ям. Большая часть из них, судя по диаметру, не превышавшему 0,2 м, столбовые. Их скопления тяготели к линзам прокаленной почвы — остаткам очагов. Планиграфический анализ алакульского и алексеевско-саргаринского керамического материала на площади раскопа позволил выявить закономерность в его расположении относительно очагов. Размеры алакульского строения, судя по расположению столбовых ям,— примерно 10×12 м. Очаг фиксировался в виде прокала диаметром около 1,5 м, мощностью 0,03–0,05 м; сопровождался алексеевско-саргаринским материалом. Имел каменную и глиняную обкладки, округлую форму. Диаметр очага 0,7 м. С очагом также связана серия компактно расположенных столбовых ям. Рядом с ним помимо обломков посуды обнаружены всплески бронзы и бронзовый слиток, длиной 7,7, толщиной 0,7 см, в сечении квадратный.

Учитывая отсутствие в материке котлованов жилищ, наличие взаимосвязи между очагами и столбовыми ямами и особенности залегания археологического материала, можно высказать предположение, что алакульское и алексеевско-саргаринское население во время проживания на территории поселка сооружало легкие наземные постройки. Возможно, это был навес на каркасе, связанный с ведением хозяйственной деятельности. В пользу этой версии свидетельствует крайнее расположение данной западины, менее выраженная глубина, чем у центральных сооружений поселка. Кроме этого, за пределами системы столбовых ям обнаружен золистый слой с вкраплениями мелких жженых костей и керамики, который предварительно можно интерпретировать как остатки зольника, использовавшегося в ходе хозяйственной деятельности и предназначавшегося для складирования мусора. Подобная традиция утилизации отходов многократно отмечена на памятниках эпохи бронзы Урала и Сибири [Корочкова, 2009]. В то же время не исключено, что отсутствие выраженного котлована алакульского сооружения может объясняться повторным нарушением слоя в алексеевско-саргаринское время, когда на практически истлевшую кровлю навеса повторно установили практически такого же типа сооружение.

В южной части раскопа зафиксированы две глубокие ямы. Первая, округлой в плане формы, диаметром 2,5 м, глубиной около 1 м, возможно, являлась остатком колодца. Второе углубление, вытянутое по линии СЗ–ЮВ, размерами 2×0,7, судя по наличию в заполнении обломков керамики и костей, скорее всего, представляло собой хозяйственную яму. Культурную принадлежность ям установить проблематично: в них обнаружена как алакульская, так и алексеевско-саргаринская керамика.

Остановимся более подробно на характеристике полученного археологического материала. С алакульским периодом обитания на поселении связано 320 обломков керамики, все они небольшие и были равномерно распределены по всей площади раскопа. Это плоскодонные горшки с прямой или слегка выгнутой шейкой, с уступами в зоне перехода от шейки к тулову, в декоре которых преобладают различные геометрические орнаменты, выполненные гладким или гребенчатым штампом (рис. 2).

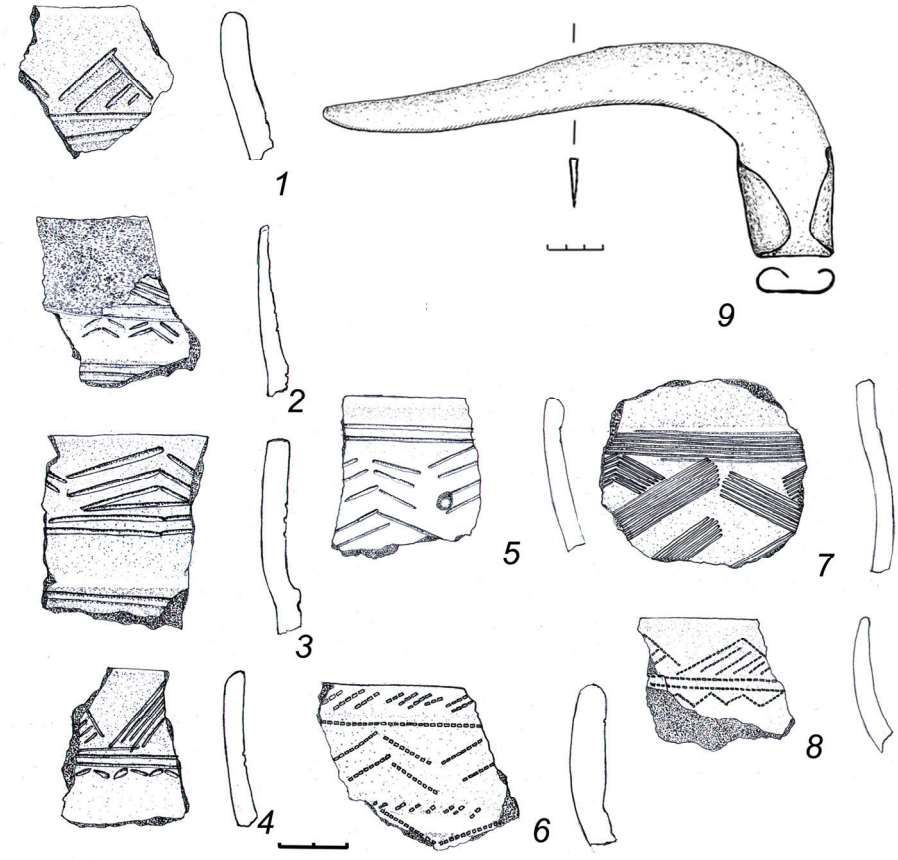

Рис. 2. Алакульский комплекс поселения Золотое 1:
1–8 — керамика (глина); *9* — серп (бронза).
Fig. 2. Alakul complex of settlement Zolotoe 1:
1–8 — ceramics (clay); *9* — sickle (bronze).

В западной и восточной частях раскопа были сосредоточены находки, связанные с производственным комплексом. Это осколки каменных изделий, капли бронзы, очаги и прокалы почвы, фрагменты изделий из кости и бронзовые предметы. Примечательно, что во время работ по очистке берега оз. Золотинское местным краеведом в разрушенной западине поселения обнаружен бронзовый серп. Его длина 27 см, ширина лезвия от 1,7 до 5 см, толщина до 0,4 см (рис. 2, *9*). Серп имеет г-образную в плане форму, насадка втульчатая с закраинами-бортиками. Состав металла орудия был исследован методом рентгенофлуоресцентного анализа в лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН. Результаты анализа показали, что серп изготовлен из чистой меди [Кузьминых и др., 2017, с. 37]. Близкие ему изделия, с дугообразно симметрично изогнутыми спинкой и лезвием, встречаются преимущественно в материалах федоровской культуры, однако есть отдельные экземпляры, связанные с алакульским культурно-хронологическим комплексом [Дегтярева, Нескоров 2015, рис. 3; Стефанов, Корочкова, 2000, рис. 15, *13*]. Учитывая расположение втулки предмета относительно лезвия под углом 90°, исследователи интерпретируют подобные изделия как серпы-косы [Аванесова, 1991, с. 22; Дегтярева, Нескоров, 2015, с. 34–35].

Часть керамической коллекции позволяет говорить о присутствии на площади поселения в бронзовом веке носителей алексеевско-саргаринской традиции, которую характеризуют остатки 30 сосудов (рис. 3). Они представляют собой слабо профилированные горшки с плоским дном, орнаментированы беднее, в основном различными рядами косо поставленных отрезков, выполненных оттиском гладкого штампа или протаскиванием. Материалы, схожие с полученными нами, неоднократно характеризовались исследователями [Зданович, 1974, 1979, 1984; Кадырбаев, Курманкулов, 1992; Ткачев, 2002, с. 152–154].

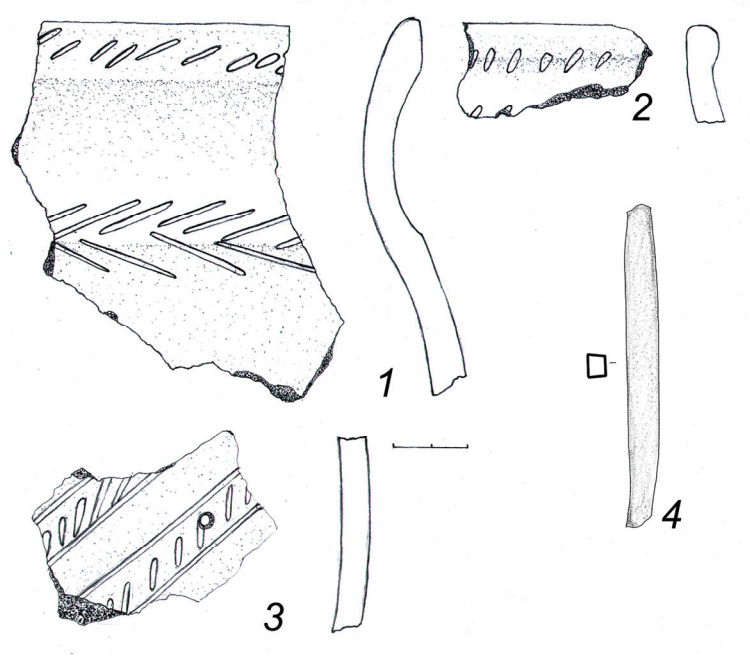

Рис. 3. Алексеевско-саргаринский комплекс поселения Золотое 1:
1–3 — керамика; *4* — бронзовое изделие.
Fig. 3. Alekseevka-Sargary complex of settlement Zolotoe 1:
1–3 — ceramics, *4* — bronze product.

Таким образом, изучение поселения Золотое 1 позволило дополнить информацию об особенностях расселении алакульских и алексеевско-саргаринских групп. Установлено, что в ареал их хозяйственного освоения входили не только речные магистрали, как считалось ранее, но и удаленные озерные системы. При этом следует отметить, что памятников других культур эпохи поздней бронзы на территории водораздела рр. Тобола и Ишима пока неизвестно. На площади поселения удалось изучить остатки двух разновременных сооружений, колодца, хозяйственных и столбовых ям, зольник. Особенности выявленных сооружений, представлявших собой легкие наземные конструкции, возможно, типа навеса, могут свидетельствовать о локализации в этой части памятника хозяйственной зоны, а также о сезонном характере поселков. Подтвердить или опровергнуть это предположение поможет, во-первых, более детальное изучение уже полученного материала, сравнение его с синхронными древностями, обнаруженными на поселениях, приуроченных к берегам рек, и, во-вторых, дальнейшее исследование других участков памятника. Перспективным, на наш взгляд, является продолжение разведочных обследований береговых линий многочисленных озер в Тоболо-Ишимском междуречье.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. Ташкент: ФАН, 1991. 200 с.

Годонюк Ю.А., Чумаков В.Н., Горбунова С.А., Попырина Т.В. Археологические исследования в Половинском районе Курганской области в 2003 г. // Зыряновские чтения: Материалы межрегион. науч.-практ. конф. (Курган, 18–19 дек. 2003 г.). Курган, 2003. С. 22–23.

Дегтярева А.Д., Нескоров А.В. Ростовкинский клад бронзовых изделий эпохи бронзы: (Культурная интерпретация) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 3 (30). С. 32–41.

Евдокимов В.В. Новые памятники эпохи бронзы Верхнего Притоблья // ВАУ. 1975. Вып. 13. С. 109–114.

Зданович С.Я. Культура финальной бронзы Северного Казахстана // Сборник науч. трудов по гуманитар. наукам. Караганда: Караганд. ун-т, 1974. С. 317–321.

Зданович С.Я. Саргаринская культура: Заключительный этап бронзового века в Северном Казахстане: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979. 20 с.

Зданович С.Я. Керамика саргаринской культуры // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: БашГУ, 1984. С. 79–96.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. Алматы: Гылым, 1992. 247 с.

Корочкова О.Н. О западносибирских зольниках эпохи поздней бронзы // РА. 2009. № 1. С. 25–35.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: Вост. лит., 1994. 464 с.

Кузьминых С.В., Луньков В.Ю., Орловская Л.Б. Результаты рентгенофлуоресцентного анализа: Серия 2013–2016 гг. // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. 2017. Вып. 4. С. 31–57.

Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // Труды ГИМ. 1948. Вып. 17. С. 57–172.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 278 с.

Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск: Наука, 1998. 417 с.

Матвеев А.В. Лесостепное Зауралье во II — начале I тыс. до н.э.: Автореф. дис. … д-ра ист. неук. Новосибирск, 2000. 50 с.

Петров Ф.Н., Куприянова Е.В. Особенности ландшафтного расположении и планировки поселений эпохи бронзы в Зауральской степи // Историко-культурные процессы на Южном Урале в эпоху поздней бронзы: Современные проблемы изучения и сохранения культурного наследия: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 70-летию со дня рождения Н.Г. Рутто. Уфа: Диалог, 2016. 217 с.

Петрова Л.Ю. Новые материалы к характеристике поселений эпохи бронзы юга Челябинской области // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Уральск, 2010. № 1. С. 264–265.

Потемкина Т.М. Раскопки у села Раскатиха на реке Тобол // Из истории Южного Урала и Зауралья Челябинск, 1969. Вып. 4. С. 5–14.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука, 1985. 376 с.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967. 408 с.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Андроновские древности Тюменского Притоболья. Екатеринбург: Полиграфист, 2000. 108 с.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. Ч. 2. 243 с.

V.M. Kostomarov, I.K. Novikov
Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: vkostomarov@yandex.ru
Kurgan State University
Sovetskaya st., 63, p. 4, Kurgan, 640020, Russian Federation
E-mail: novikov2479@mail.ru

THE TOPOGRAPHY OF THE ZOLOTOE 1 SETTLEMENT — A NEWLY DISCOVERED LATE-BRONZE SITE IN THE TOBOL-ISHIM INTERFLUVE

This paper is aimed at presenting the preliminary results of a study carried out in the Zolotoe 1 settlement in 2018. This territory was inhabited twice in the late Bronze Age, first by the representatives of the Alakul culture and then by those of the Alekseevka-Sargary culture. The focus of this research was on the topographic features of the site. An additional objective consisted in the description and interpretation of newly discovered archaeological materials and buildings. The Zolotoe 1 settlement is located on the shores of Lake Zolotinskoe near the Zolotoe village, the Polovinsky district of the Kurgan region. This place attracted our research interest because of its specific location. In contrast to the currently known sites featuring similar artefacts, which are located along the high banks of the Tobol and Ishim rivers and, less frequently, in the floodplain, this settlement is situated along the shores of the lake system in the Tobol-Ishim interfluve. A depressed land area in the north-eastern part of the settlement located at a distance from the village was selected for the study. Prior to excavation, an electromagnetic scanning of the site surface was performed with the purpose of refining the parameters of the search area. It is established that the remains found in the site are likely to be associated with the Alakul period. These include the remains of a building (ostensibly, a shed, judging by the absence of a pit and the presence of a series of pillar holes) and those of a fireplace, (supposedly) wells, fragments of ceramics and tools. The latter are shown to be located towards the western and eastern parts of the discovered shed. The artefacts are similar to those discovered in other sites of the Alakul culture. The Alekseevsk-Sargarinsky building horizon is also represented by the remains of a ground construction, fireplace lenses, bronze items and the fragments of vessels. The characteristic ornamentation on the latter has enabled the attribution of this complex. Therefore, our study of the Zolotoe 1 settlement has provided additional information about the specifics of the settlement of the Alakul and Alekseevka-Sargary groups. It is established that the area of their economic activity included not only river lines, as has been previously thought, but also remote lake systems. The features of the discovered buildings may indicate the seasonal nature of the settlements. This assumption can be confirmed or refuted by a more detailed study of the collected material and further research in

other parts of the site. The continuation of exploratory studies along the coastline of numerous lakes in the Tobol-Ishim interfluve seems to be a promising research task.

Key words: settlement, adaptation, Tobol-Ishim interfluve, settlement Zolotoe 1, landscape, Alakul culture, Alekseevka-Sargary culture.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-032-038

REFERENCES

Avanesova N.A. (1991). *Culture of pastoral tribes of the Bronze Age of the Asian region of the USSR*, Tashkent: FAN.

Godoniuk Iu.A., Chumakov V.N., Gorbunova S.A., Popyrina T.V. (2003). Archaeological research in Polovinsky district of the Kurgan Oblast in 2003. *Zyrianovskie chteniia: Materialy mezhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Kurgan, 22–23.

Degtyareva A.D., Neskorov A.V. (2015). Rostovkinsky treasure of bronze articles of the Bronze Age: (Cultural interpretation). *Vestnik arheologii, antropologii i ehtnografii*, (3), 32–41.

Evdokimov V.V. (1975). New monuments of the bronze age of the Upper Tobol region. *Voprosy arkhelogii Urala*, (13), 109–114.

Kadyrbaev M.K., Kurmankulov Zh. (1992). *The culture of the ancient herders and metallurgists of the Sary-Arca*, Almaty: Gylym.

Korochkova O.N. (2009). On the West Siberian ashtrays of the Late Bronze Age. *Rossiiskaia arkheologia*, (1), 25–35.

Kuz'mina E.E. (1994). *Where did the Indo-Aryans come from? The material culture of the tribes of the Andronovo community and the origin of Indo-Iranians*, Moscow: Vostochnaia literatura.

Kuz'minykh S.V., Lun'kov V.Iu., Orlovskaia L.B. (2017). Results of X-ray fluorescence analysis: A series of 2013–2016. *Analiticheskie issledovaniia laboratorii estestvennonauchnykh metodov*, (4), 31–57.

Krivtsova-Grakova O.A. (1948). Alekseevskoe settlement and burial ground. *Trudy GIM*, (17), 57–172.

Kosarev M.F. (1981). *Bronze Age of Western Siberia*, Moscow: Nauka.

Matveev A.V. (1998). *The first people of Andronovo tribes in the forests of the Urals*, Novosibirsk: Nauka.

Matveev A.V. (2000). *Forest-steppe Trans-Urals in the 2nd — early 1st millennium BC*. Avtoref. dis. … d-ra ist. nauk. Novosibirsk.

Petrov F.N., Kupriianova E.V. (2016). Features of landscape arrangement and planning of settlements of the Bronze Age in the Trans-Ural steppe. *Istoriko-kul'turnye protsessy na Iuzhnom Urale v epokhu pozdnei bronzy: Sovremennye problemy izucheniia i sokhraneniia kul'turnogo naslediia: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 70-letiiu so dnia rozhdeniia N.G. Rutto*, Ufa: Dialog, p. 217.

Petrova L.Iu. (2010). New materials to the characteristic of settlements of the Bronze Age of the south of the Chelyabinsk Oblast. *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana*, (1), 264–265.

Potemkina T.M. (1969). Excavations near the village of Raskatikha on the Tobol river. *Iz istorii Iuzhnogo Urala i Zaural'ia*, (4), 5–14.

Potemkina T.M. (1985). *Bronze Age of the forest-steppe Tobol*, Moscow: Nauka.

Sal'nikov K.V. (1967). *Essays on the ancient history of the Southern Urals*, Moscow.

Stefanov V.I., Korochkova O.N. (2000). *Andronovo ancient of Tyumen Tobol region*, Ekaterinburg: Poligrafist.

Tkachev A.A. (2002). *Central Kazakhstan in the Bronze Age, 2*, Tiumen': TiumGNGU.

Zdanovich S.Ia. (1974). Culture of the Final Bronze of Northern Kazakhstan. *Sbornik nauchnykh trudov po gumanitarnym naukam*, Karaganda: Karagandinskii universitet, 317–321.

Zdanovich S.Ia. (1979). *Sargary culture is the final stage of the Bronze Age in Northern Kazakhstan*. Avtoref. dis. … kand. ist. nauk. Moscow.

Zdanovich S.Ia. (1984). Ceramics of Sargary culture. *Bronzovyi vek Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ia*, Cheliabinsk: Bashkirskii gosudarstvennyi universitet, 79–96.

Н.Е. Рябогина, С.Н. Иванов, Э.Д. Насонова

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: nataly.ryabogina@gmail.com;
ivasenik@rambler.ru;
eleonora_nasonova@mail.ru

ЖИЛОЙ ЛАНДШАФТ: ПРИРОДНОЕ ОКРУЖЕНИЕ ПОСЕЛЕНИЙ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА В ПРИТОБОЛЬЕ

Представлена реконструкция природного окружения трех поселений позднего бронзового века лесостепного Притоболья (Западная Сибирь). По данным пыльцевого анализа слоев федоровской, пахомовской и черкаскульской культур показаны различия в облике жилых ландшафтов, отражающих исходные предпочтения людей в выборе места для поселения и не обусловленных общим ландшафтно-климатическим трендом. Жилым ландшафтом федоровского поселка было открытое место, с разнотравными лугами, без признаков остепнения и с небольшими березовыми лесами. Получено фактическое подтверждение предположения о чересполосном проживании носителей пахомовской и черкаскульской культур, обитавших в этом регионе в близких хронологических диапазонах. Различия в экономике и соответственно разделение зон землепользования предопределяли приуроченность пахомовских поселков к долинным березовым лесам и локализацию черкаскульских поселений на открытых местах, удобных для содержания скота.

Ключевые слова: бронзовый век, Западная Сибирь, пыльцевой анализ, непыльцевые палиноморфы, жилой ландшафт, реконструкция.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-039-050

Введение

До сих пор актуальными являются вопросы, насколько исторические процессы в конце бронзового века предопределялись климатическими событиями. Были ли ландшафтные изменения основным фактором изменений в хозяйстве разных групп населения? В попытках найти ответы на подобные вопросы авторы данной статьи неоднократно исследовали спорово-пыльцевой состав культурных слоев разновозрастных памятников на территории Притоболья и Приишимья. Детализация особенностей природной среды по пыльцевым данным археологических памятников нередко приводит к несогласованности выводов и проблемам в их интерпретации. Необходимо признать, что зачастую по этим данным мы могли оценить лишь местную специфику природной картины, а не фоновую динамику. При анализе пыльцевых данных культурных слоев следует учитывать, что на естественный природный фон неизбежно накладываются отпечатки субъективного предпочтения людей в выборе места для поселения, устоявшегося варианта жизнеобеспечения и следы антропогенной трансформации растительности поблизости. Эта информация не менее важна и интересна при исследовании культурных процессов, чем реконструкция глобального климатического тренда.

Ключевыми источниками для изучения фоновой палеоэкологической динамики были и остаются озерно-болотные отложения, послойно проанализированные на состав осадка, включения пыльцы и макроостатков и имеющие серии датировок. Это так называемые природные архивы, банк репрезентативных данных об особенностях природных изменений регионального уровня. Знание фоновых природных условий дает археологам возможность проанализировать изменения ресурсного потенциала ландшафтов в разные хронологические периоды, оценить их пригодность для эффективного ведения определенного вида хозяйства (охоты, скотоводства, земледелия), обосновать природные причины миграций населения [Рябогина, Якимов, 2009]. Спорово-пыльцевые данные или состав макроостатков на археологических памятниках отражают по большей части местную или даже локальную ситуацию. Таким образом, эти данные позволяют восстановить *жилой ландшафт* — локальные условия обитания, связанные с предпочтениями населения в зависимости от устоявшегося варианта природопользования, частично преобразованные в результате хозяйственной деятельности. Наиболее перспективен сопря-

женный анализ региональных палеоэкологических данных из «природных архивов» и данных о жилом ландшафте из культурных слоев разновременных памятников.

В данной работе анализируются особенности жилого ландшафта в позднем бронзовом веке по материалам трех поселений в Притоболье, оставленных носителями федоровской, пахомовской и черкаскульской культур. Предпринимается попытка показать особенности интерпретации палинологических данных из разных археологических контекстов, сопоставить их между собой и с фоновыми природными условиями, реконструированными для юга Западной Сибири.

Материалы

Для спорово-пыльцевого исследования отобраны пробы грунта на трех поселениях (рис. 1). Авторы раскопок рассматривают материалы памятников как чистые комплексы, не осложненные явным влиянием других культур.

Рис. 1. Местоположение исследованных поселений бронзового века Притоболья в пределах современных природных зон:
1 — Бочанцево 1; *2* — Хрипуновское 1; *3* — Заводоуковское 11.
Fig. 1. The location of the Bronze Age settlements in the Tobol basin, within the modern natural zones boundaries:
1 — Bochantsevo 1; *2* — Khripunovskoe 1; *3* — Zavodoukovskoye 11.

Поселение Бочанцево-1 расположено на восточном берегу оз. Бочанцево (Упоровский р-н Тюменской обл.) в 4 км к ЮЗ от д. Коркино. Рекогносцировочными раскопками установлено, что нижние культурные отложения неолитического времени (боборыкинская культура) перекрыты стерильной гумусированной прослойкой, поверх которой залегает стратиграфически выраженный слой с керамикой федоровской культуры, с которым связан также колодец [Илюшина, 2014]. Радиоуглеродных дат, подтверждающих возраст культурного слоя, для памятника нет. В целом время существования федоровской культуры в Зауралье определяется в широких пределах калиброванных дат 1980–1510 (2150–1450) гг. до н.э., алакульско-федоровские памятники укладываются в более узкий хронологический интервал 1780–1530 (1900–1250) гг. до н.э. [Молодин и др., 2014]; в любом случае, федоровских материалов, датированных радиоуглеродным методом, позже XVI в. до н.э.[1] пока неизвестно.

В данной работе анализируются пробы поселения Бочанцево-1 из супеси с темно-серыми и коричневыми пятнами, атрибутированной как федоровский культурный слой (квадрат Е’10, глубина[2] 40–55 см), и подстилающий «стерильный» слой темно-серой супеси (55–73 см). Культурный слой бронзового века связан с сооружением, не попавшим полностью в раскоп, и рассматривается как открытый комплекс отложений.

[1] Все указания на хронологические рамки в статье приведены по калиброванной шкале.

[2] Здесь и далее даны глубины от дневной поверхности.

Поселение Хрипуновское-1 приурочено к пониженному участку мыса у протоки Хрипуновской, расположено в 1,2 км к ЮВ от с. Ботники Тюменской области и в 1,5 км от правого берега р. Исети. Окружающая территория занята остепненным лугом со следами активного выпаса, на отдалении, у р. Исеть, встречаются участки березовых и сосновых лесов. Изучены остатки слабоуглубленных котлованов жилых и хозяйственных построек, оставленных населением черкаскульской культуры, обширный зольник в межжилищном пространстве, а также сооружение и погребение гороховской культуры [Костомарова и др., 2011; Берлина и др., 2011]. В данной работе рассматриваются только результаты исследования черкаскульского культурного слоя, время формирования которого определено на основании калиброванных значений трех радиоуглеродных дат (3059 ± 55; 3172 ± 40; 3177 ± 65 л.н. [Костомарова и др., 2011]) около 1510–1300 (1550–1200) гг. до н.э. Исследователи подчеркивают, что керамический комплекс является однородным и практически не содержит материалов других культур позднего бронзового века. Для спорово-пыльцевого анализа отобраны пробы на трех участках:

— из заполнения сооружения 7 (разрез 2, с глубины 40–4 см, квадрат Н2-27) от условного дна жилища, врезанного в материк на 12–15 см до дерна. Судя по реконструкции, это была двухскатная постройка, частично под легким навесом [Берлина и др., 2011], отсутствие слоя «обрушившейся кровли» не позволяет рассматривать эти отложения как закрытый археологический комплекс. В нижней части культурного слоя (условный уровень пола сооружения) выделяется золистый слой с обилием мелких костей животных и керамикой. Верхняя часть культурного слоя отличается более темным цветом и столбчатой структурой, ее археологический контекст не совсем ясен, но здесь сконцентрированы основные находки керамики, во многих случаях части одного сосуда обнаруживались в нижней золистой и верхней темно-серой супеси. Возможно, слой темной супеси аккумулировался поверх заполнения сооружения (после его разрушения). Культурный слой начинается непосредственно под дерновым, что говорит о незначительной естественной аккумуляции осадка и преобладании процессов денудации в этом месте;

— на межжилищном участке (разрез 3, глубина 37–25 см, квадрат С2-35). Анализируются белесый пылеватый (золистый) слой с находками черкаскульской керамики и костей и частично перекрывающий его темно-серый суглинок.

Городище Заводоуковское 11 расположено около заросшей старицы, на гриве левого берега р. Ук, в 2,2 км от г. Заводоуковска Тюменской области. В настоящее время участок занят густым сосново-березовым травяным лесом. На площадке памятника зафиксировано семь жилищ пахомовской культуры, в процессе раскопок выявлены также фортификационные сооружения [Аношко, Агапетова, 2010]. Пахомовский культурный слой местами перерезает и перекрывает жилища и слой нео- и энеолитического времени. В данной работе анализируются только материалы, связанные с позднебронзовым этапом обитания, который укладывается в диапазон 1220–1050 (1300–920) гг. до н.э. согласно калиброванным значениям двух радиоуглеродных дат (2945 ± 22 л.н. и 2920 ± 80 л.н. [Там же]). Городище является первым известным укрепленным поселением пахомовской культуры и одним из поздних пахомовских памятников, в материалах которого не обнаружено примеси керамики черкаскульской культуры или иных культурных образований поздней бронзы [Там же].

Для палинологического исследования отобраны пробы на двух участках:

— из верхней части погребенной почвы (разрез 2, суглинок серого цвета с глубины 62–59 см, квадрат Я 015), перекрытой отложениями рва 2 и валом; при раскопках на погребенной почве и в заполнении рва встречались находки, связанные с пахомовской культурой. Этот участок представляет собой дневную поверхность, законсервированную земляным валом непосредственно перед его сооружением;

— отложения хорошо углубленного котлована жилища 2 (разрез 4, глубина 120–30 см, квадрат Л 015), являющегося, по-видимому, частью посадской территории за пределами городища. В стратиграфии выделяется первичное заполнение жилища в виде коричнево-серого слоя суглинка с прослоями угольков и скоплениями находок в нижней части котлована на глубине 120–87 см. Выше отчетливо выделяются контрастная граница и вторичное заполнение котлована темно-серым суглинком, повторяющим контуры котлована, также с находками керамики, атрибутированной как пахомовская. Пробы отобраны от материка до уровня обвалившейся «кровли», выделяющегося как темно-серый, с угольками слой поверх котлована, поэтому анализируются как данные из закрытого комплекса.

Методы исследования

Извлечение пыльцы и спор из грунта выполнено с применением сепарационного метода Гричука [Методические рекомендации…, 1986], без ацетолиза. Анализ состава спор и пыльцы выполнен на световых биологических микроскопах «Микмед-6» и «Микмед-2» при рабочем увеличении ×400–640. В зависимости от сохранности и концентрации палиноморф в разных пробах подсчитанное количество наземной пыльцы варьировалось от 150 до 450. Обработка данных и построение спорово-пыльцевых диаграмм выполнены в программе TILIA и TILIA-Graph [Grimm, 1990].

В пыльцевых данных отдельно проанализирована встречаемость пыльцы трав, активное расселение которых ассоциируется с жильем, мусорными местами, пастбищами, полями, пожарами (см. диаграммы — группа рудеральные травы). Кроме пыльцы и спор в пробах проанализировано разнообразие непыльцевых палиноморф (см. диаграммы — группа NPP), это споры грибов, водоросли, яйца паразитов и микроостатки других организмов, их идентификация выполнена по базе www.nonpollenpalynomorphs.tsu.ru. Эти объекты дают дополнительную информацию о локальных экологических особенностях территории, кроме того, определенные типы NPP (например, копрофильные или паразитирующие грибы, яица гельминтов) связаны преимущественно с хозяйственной деятельностью людей.

Результаты

Поселение Бочанцево 1. Пыльцевые данные из темно-серого стерильного суглинка, подстилающего федоровский культурный слой, значительно отличаются от таковых из культурных отложений (рис. 2). Не подтвердилось предположение, что эта темная прослойка является наилком или слоем затопления. Судя по всему, это остатки серой лесной почвы, постепенно трансформировавшейся в луговую. В нижней ее части доля пыльцы берез составляет от 70 до 50 %, участие пыльцы сосны, ольхи и липы единично; в составе трав преобладает пыльца полыней, астровых, бобовых, лютиковых, земляники. Вероятно, это был осветленный березовый лес или опушка леса на границе с разнотравным лугом. Однако в верхней части этой почвы изменение соотношения древесной и травяной пыльцы указывает на то, что ландшафт становился более открытым, а доля березовых лесов сократилась. Увеличение частоты встречаемости пыльцы цикориевых, астровых и маревых связано с преимущественно луговой растительностью в это время, но впервые появляются бодяк и чертополох, поэтому не исключено начало вовлечения этого участка в землепользование. Таким образом, этапу заселения этого места в бронзовом веке предшествовали стабильные условия залесения участка и последующего вытеснения леса луговыми сообществами.

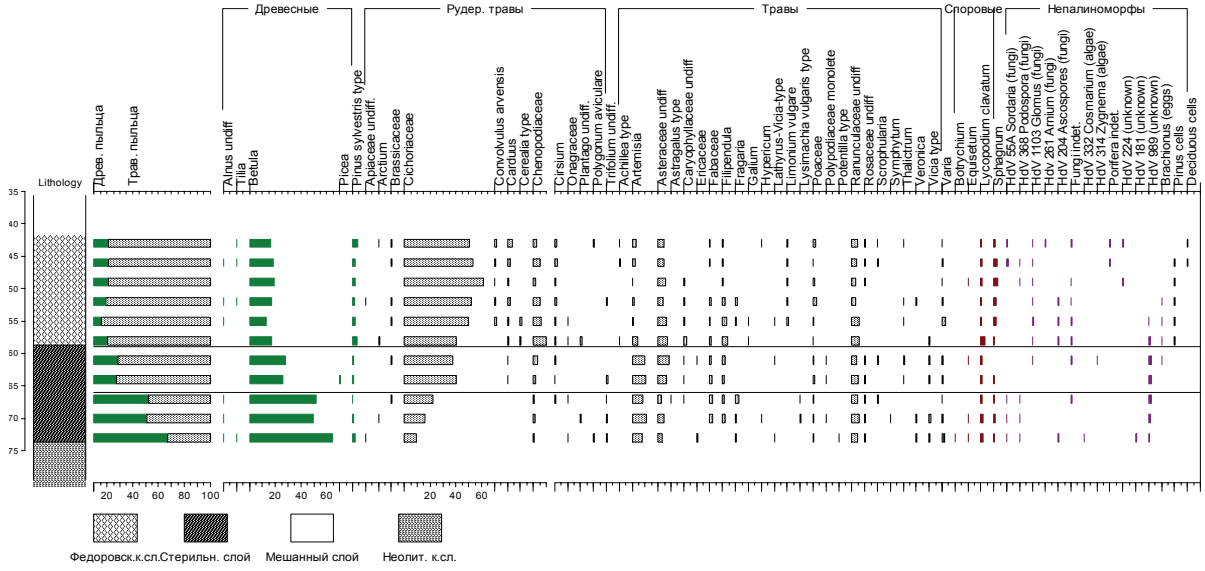

Рис. 2. Спорово-пыльцевые данные культурного слоя поселения Бочанцево 1 (федоровская культура).
Fig. 2. Palynological data from the cultural layer of the settlement Bochantsevo 1 (Fedorovo culture).

Из культурного слоя выделены спектры с максимумом пыльцы трав — до 80 %, причем наиболее значительно увеличилась доля пыльцы цикориевых и маревых, стабильно возрастает

и участие пыльцы бодяка, чертополоха, крестоцветных, вьюнка, эпизодически отмечены лопух и иван-чай, т.е. отмечается увеличение количества пыльцы типичных спутников мест обитания людей. В двух случаях зафиксирована пыльца размерного ряда культурных злаков (*Cerealia type*), однако сохранность пыльцы не позволяет быть уверенными в ее надежной идентификации. Появление в составе непыльцевых палиноморф спор грибов (*Glomus*), растущих на корнях трав, выступает показателем нарушения верхнего слоя почвы или эрозии почвы при перевыпасе. В верхней части культурного слоя присутствуют споры копрофильных грибов, расселяющихся на навозе (*Sordaria* и *Podospora*), но их немного. Важно понимать, что они появляются не в местах скопления навоза (при стойловом содержании животных), а размножаются в лепешках кизяка на выгонах и пастбищах, т.е. показывают близкое расположение зон выпаса. В культурном слое встречаются также клетки верхнего слоя коры хвойных и лиственных пород, хоть это и луговой участок, но древесина использовалась в хозяйстве и сохранилась в грунте после обожжения. Встречаемость пыльцы сосны увеличивается именно в культурном слое, вероятно, она появляется в виде незначительной примеси в составе лесов.

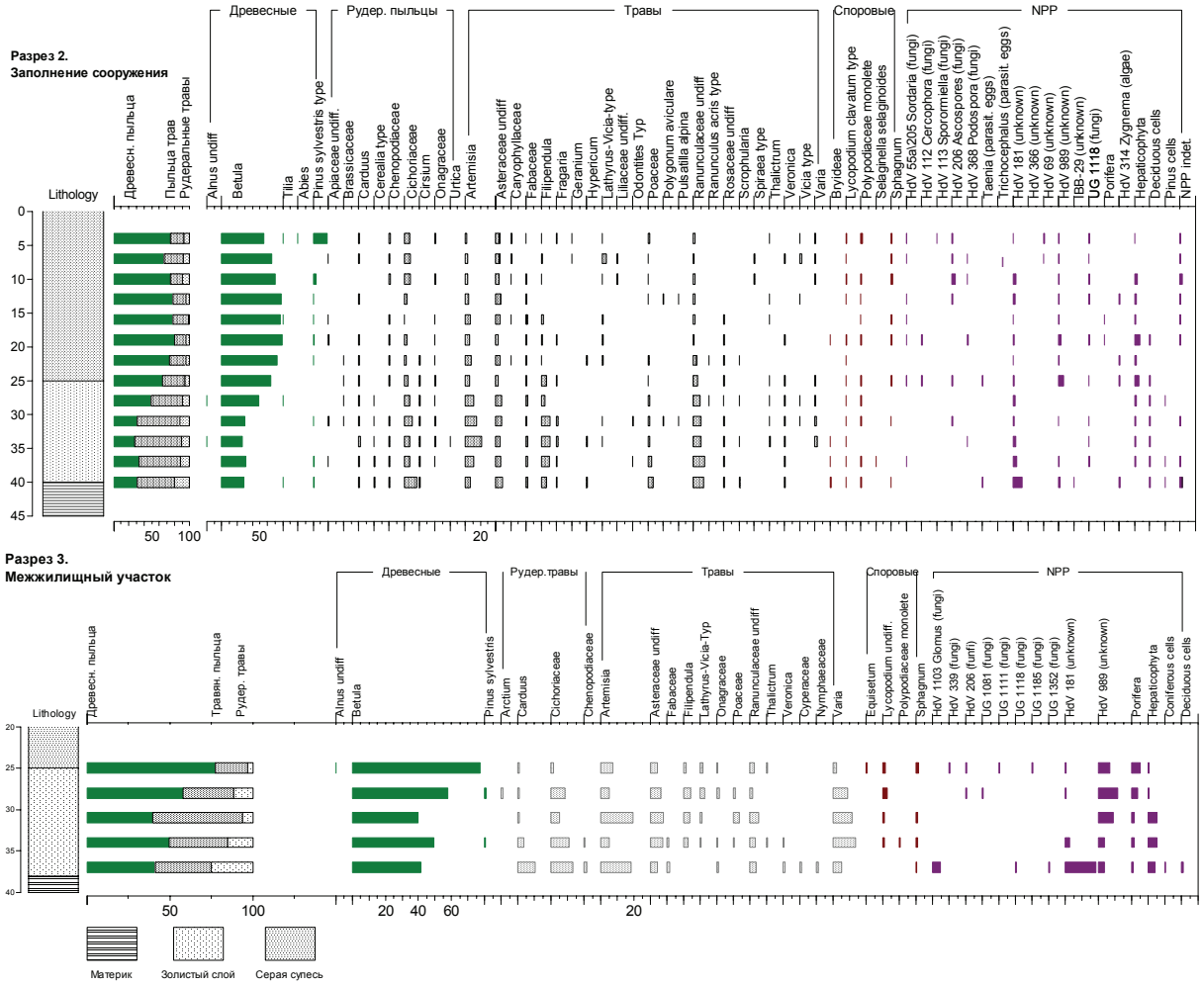

Рис. 3. Спорово-пыльцевые данные культурного слоя поселения Хрипуновское-1 (черкаскульская культура).
Fig. 3. Palynological data from the cultural layer of the settlement Khripunovskoe 1 (Cherkaskul culture).

Поселение Хрипуновское-1. Материалы палинологического анализа демонстрируют (рис. 3), что в культурном слое из нижней части заполнения сооружения и из золистого слоя на межжилищном участке преобладает пыльца трав (55–70 %). Их состав в основном сложен пыльцой луговых и лугово-степных представителей (полыни, лютиковые, астровые, злаки, розоцветные, таволга, чина, горошек, клубника и др.). Однако достаточно разнообразно представлена и группа пыльцы, которая связана с появлением рудеральной растительности у жилья и на пастби-

щах — цикориевые, лопух, крапива, маревые, чертополох, бодяк. Интересно постоянное присутствие пыльцы *Cerealia type*, но не более 1,5 %. Споры копрофильных грибов (*Sordaria, Cercophora, Podospora*) присутствуют, но появляются спорадически, без явных концентраций. Споры *Glomus*, обилие которых часто свидетельствует о деградации дерна из-за выпаса, и пресноводные губки (*Porifera*) обнаружены только в разрезе 3, т.е. за пределами сооружения, где происходила свободная аккумуляция этих непыльцевых палиноморф. В придонном золистом по цвету слое заполнения сооружения встречены яйца цепня (*Taenia* sp.) — биогельминта, заражение которым у человека происходит при употреблении в пищу недостаточно термически обработанного мяса домашних животных; это первая находка этого типа гельминтов на археологических памятниках региона. Легкая постройка, заполнение которой мы исследовали, вполне могла быть предназначена для содержания скота. О лесной растительности свидетельствует не только пыльца берез (30–40 %), но и споры плаунов и папоротников, характерных для лиственных и смешанных лесов. В культурном слое сохранились клетки коры березы и реже — хвойных пород, оставшиеся от древесины, используемой при строительстве и как топливо.

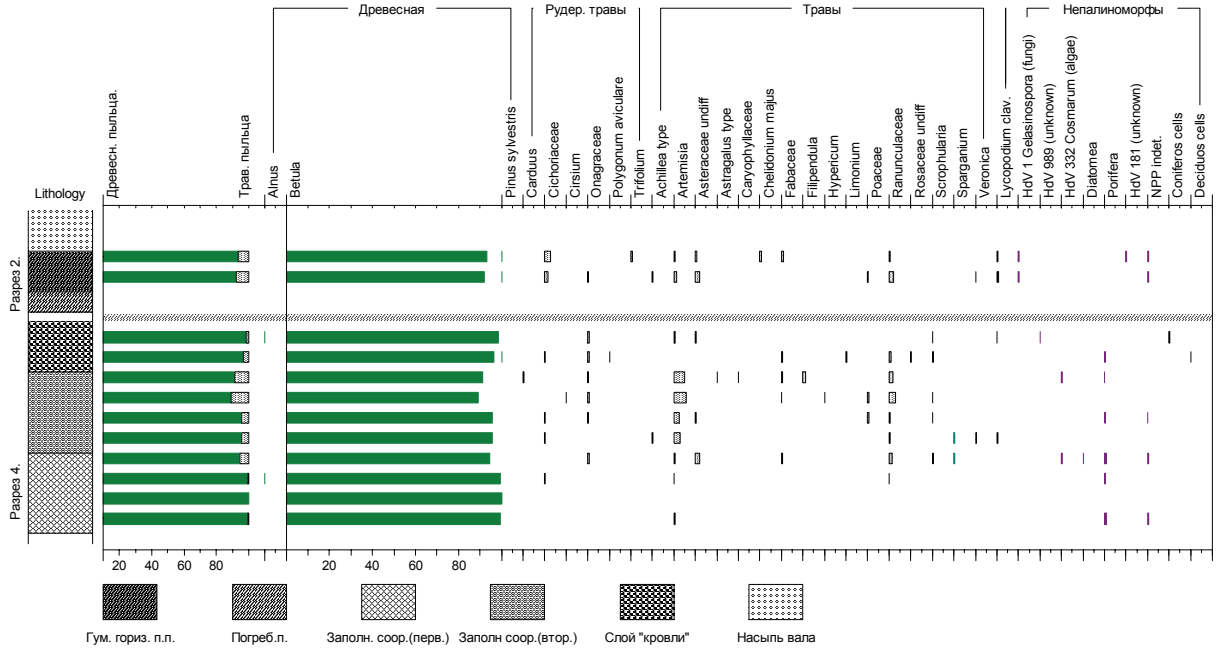

Рис. 4. Спорово-пыльцевые данные городища Заводоуковское 11 (пахомовская культура): разрез 2 — погребенная почва под валом; разрез 4 — заполнение жилища.
Fig. 4. Palynological data from the cultural layer of the settlement Zavodoukovskoe 11 (Pahomovo culture).

Верхняя часть культурного слоя отличается более темным цветом и большим количеством пыльцы березы (до 70 %). Так как эти отложения накопились выше заполнения котлована, изменения их пыльцевого состава могут отражать ситуацию в конце функционирования поселения, когда пыльцевой дождь осаждался здесь уже после разрушения сооружения. Тем не менее не исключено, что частично пыльца в верхней части культурного слоя является более молодой, так как отложения не представляют собой закрытый комплекс. В любом случае, несмотря на то что поселок первоначально был сооружен на открытом месте, недалеко от него произрастали не только березовые колки, но и плотные березовые леса с развитым плауново-папоротниковым напочвенным покровом. Луговые сообщества не имеют выраженных признаков остепнения и характеризуются разнотравным составом, потенциально очень благоприятным для выпаса. Так же как и в нижнем слое заполнения, выявлены признаки распространения рудеральной растительности, встречаются споры копрофильных грибов, и в одной из проб найдено яйцо власоглава (*Trichocephalus* sp.) — геогельминта, поражающего человека и животных.

Городище Заводоуковское 11. Спорово-пыльцевые данные как под валом, так и из пахомовского культурного слоя типично лесные — доля пыльцы берез более 90 % (рис. 4); примечательно, что почти не встречается пыльца сосны, хотя сейчас поселение приурочено к полосе

сосновых боров Притоболья. Судя по всему, для поселенцев был предпочтителен жилой ландшафт под покровом густого лиственного леса, на начальных фазах обитания (первичное заполнение сооружения) — почти без участия пыльцы лугово-степных представителей, что указывает на значительное отдаление открытых участков от поселения. Вторичное заполнение котлована сооружения и почва, погребенная под валом, содержат 5–11 % пыльцы трав, в основном пыльцы полыни, цикориевых, лютиковых и астровых. Это подчеркивает некоторые неизбежные локальные изменения растительности при обживании этого участка или может быть связано с разложением навоза и за счет этого обогащением культурного слоя пыльцой трав с отрытых луговых участков [Ершова и др., 2017]. Пастбищных или рудеральных сорняков не выявлено, наиболее характерен для лесных условий обитания иван-чай, расселяющийся на лесных почвах после пожаров или вырубок, на гарях расселяются также грибы *Gelasinospora*. Не обнаружены споры копрофильных грибов, наиболее часто встречающиеся непыльцевые палиноморфы связаны с водой — пресноводные губки (*Porifera*) и остатки водорослей, они могли попасть в культурный слой жилища вместе со снастями для рыбной ловли.

Обсуждение

Данные, полученные в этом исследовании, показывают, что обитатели федоровского поселения Бочанцево 1 поселились на открытом месте. Ранее участок был занят разреженным березовым лесом, но к моменту освоения людьми был уже не залесен. Жилой ландшафт федоровского поселка формировали сообщества разнотравных лугов, без значительных признаков остепнения, с березовыми колками. Во время функционирования поселка исходная растительность была преобразована людьми — в результате вырубок и из-за вытеснения естественных луговых сообществ рудеральными и пасквальными, появившимися около жилья и под влиянием скопления домашних животных. С культурным слоем связаны маркеры выпаса скота в непосредственной близости от поселения и начальные признаки перевыпаса из-за разрушения дерна при вытаптывании. Несмотря на редкую примесь сосны в древостое, обитатели поселка находили возможность использовать ее древесину при строительстве. По палинологическим материалам другого федоровского поселка — Черемуховый Куст (1766–1564 гг. до н.э. [Зах, 1995, с. 64–66]) в целом реконструируется похожий жилой ландшафт: луговой открытый, с небольшими березовыми лесами, однако этот памятник расположен на удалении от долины реки и здесь остепненные луга превалировали над разнотравными. В обоих случаях локализация поселений и их природное окружение согласуются с данными о важности содержания скота рядом с жильем и выборе оптимальных условий для этого.

Интересно сравнение данных о жилом ландшафте поселения Хрипуновское 1 и городища Заводоуковское 11. Жилой ландшафт, который выбрали обитатели черкаскульского поселка — полуоткрый лесостепной, с обилием разнотравно-злаковых, влажных лабазниковых или полынно-разнотравных лугов, в сочетании с березовыми лесами. По-видимому, предпочтительным вариантом при выборе места для жилья были открытые участки. Есть явные признаки того, что люди активно сводили ближайшие березовые колки и выпасали скот рядом с поселением, но следов перевыпаса и пастбищной деградации почвы не зафиксировано. Состав палеозоологических находок на памятниках черкаскульской культуры [Матвеев, 2007], в том числе в культурном слое поселения Хрипуновское 1 [Костомарова и др., 2011], свидетельствует об ориентированности экономики на разведение крупного рогатого скота. Хотя в материалах смешанных черкаскульско-пахомовских комплексов резко возрастает доля диких животных и лошади [Матвеев и др., 2009]. Находки пыльцы *Cerealia type* в заполнении сооружения на поселении Хрипуновское 1 опять поднимают вопрос о земледелии как одной из отраслей экономики черкаскульских коллективов. Ранее по отпечаткам зерен на керамике черкаскульского поселения Ольховка получены свидетельства использования пшеницы и ячменя [Матвеев и др., 1998], но была ли это местная продукция или импорт — неясно. Находки пыльцы являются аргументом в пользу местного культивирования. Однако для окончательного решения этого вопроса должна быть выполнена флотация культурного слоя и получены карпологические данные.

В экономике населения пахомовской культуры сочетались производящее хозяйство и значительная доля присваивающих отраслей — как охоты, так и рыбной ловли. При изучении пахомовских поселков пока не обнаружены сооружения для содержания скота, как на андроновских памятниках [Матвеев и др., 2009]. Это может быть связано как с содержанием животных за пределами поселений, так и с увеличением доли лошади в стаде, хотя необходимо признать крайнюю недостаточность остеологических данных с пахомовских поселений. Судя по топогра-

фии известных памятников, как правило, они приурочены к террасам, занятым в настоящее время сосново-березовыми лесами или чистыми сосновыми борами. Предположение о приверженности пахомовского населения лесному окружению подтвердили и исследования на городище Заводоуковское 11. Поселок был построен в густом березовом лесу, на значительном отдалении от лугово-степных участков и участков выпаса домашних животных. Вероятно, все перестройки, а также сооружение оборонительной системы проводились под пологом леса, без полного сведения деревьев на площадке. Значимым отличием от современных условий является почти полное отсутствие сосны в составе притеррасных лесов. Лиственный характер лесов, с незначительной примесью сосны и ольхи, как основы жилого ландшафта подтверждает и реконструкция по пыльцевым данным поселения Оськино Болото времени обитания здесь носителей пахомовской культуры [Насонова, Рудая, 2015].

Таким образом, высказанное А.В. Матвеевым предположение о чересполосном освоении пахомовским и черкаскульским населением разных экологических ниш из-за различных вариантов хозяйственной специфики [Матвеев и др., 2009] находит убедительное подтверждение естественно-научными методами. Для обитателей поселений федоровской и черкаскульской культур варианты выбора приоритетного жилого ландшафта в целом совпадают, как и основа хозяйства — разведение крупного рогатого скота. Пришлым группам пахомовского населения в условиях сосуществования на определенном этапе с черкаскульскими и саргаринско-алексеевскими (селища Большой Имбиряй-10 и Жар Агач I) более привычно было осваивать лесные участки, чтобы эффективно сочетать занятие производящим хозяйством со значительной долей присваивающих элементов экономики [Там же]. Тем не менее выводы о жилом ландшафте, полученные по трем поселениям, опрометчиво распространять на весь ареал обитания этих групп населения.

По-видимому, на фоне разнообразия экологических ниш и богатой ресурсной базы лесостепных территорий Притоболья в бронзовом веке ландшафтная приуроченность поселений определялась исходя из устоявшегося варианта природопользования и оптимальных условий для его сохранения даже при изменении общей климатической картины в регионе. В целом на заключительный этап бронзового века приходится начало крупных глобальных природных перестроек. Вопрос о характере природных условий бронзового века в Зауралье, и в частности об аридизации или о гумидизации в это время, имеет противоречивые трактовки. Показательна в этом плане сводная работа, иллюстрирующая расхождение полученных разными авторами выводов об увлажнении для хронологического интервала II–I тыс. до н.э. по Зауралью и Барабе [Епимахов, Таиров, 2013].

Исследованные нами ранее палинологические материалы свидетельствовали в пользу версии об аридной фазе в пределах большей части II тыс. до н.э. В частности, палинологические материалы культурных слоев алакульских (Чистолебяжский могильник, Нижне-Ингальское 3 поселение), федоровского (Черемуховый Куст), бархатовских (Щетково-2, Мостовое-1) поселений указывали, что их природное окружение отличалось высокой долей остепненных лугов, незначительной ролью лесных сообществ в ландшафте и сформировалось в результате очень теплого и сухого климата [Зах и др., 2008; Якимов и др., 2007]. Аналогичные выводы были получены и при спорово-пыльцевом анализе почвенного профиля Л 1/95, с тремя почвами, погребенными под аллювиальными отложениями Тобола [Рябогина и др., 1999]. Один из гумусовых горизонтов этого профиля, перекрытый речными наносами после 3416–3535 кал. л.н. (3240 ± 45 л.н.), характеризовался максимумом пыльцы трав и преобладанием полыни и злаков. Однако, как и в ситуации с почвенными слоями на археологических памятниках, профиль Л 1/95 был ошибочно трактован нами как фоновый «природный архив», иллюстрирующий ландшафтно-климатические изменения регионального уровня. В настоящее время мы склонны рассматривать эти данные как пример изменения локальной растительности в пойме Тобола и не трактовать эти реконструкции шире.

Более объективные данные о тренде природных изменений получаются при исследовании озерно-болотных отложений, на равнинной части Зауралья их немного. Мы склонны согласиться с выводами коллег, изучавших «природные архивы» в окружении синташтинских поселений Зауралья [Stobbe, 2013] и не выявивших индикаторов «аридной» фазы в отложениях II тыс. до н.э. Напротив, увеличение разнообразия луговых трав и подъем кривой широколиственных древесных пород указывает на то, что климат оставался теплым, но отмечаются признаки улучшения увлажнения. Принципиально важным основанием для пересмотра нашего прежнего

мнения относительно аридного этапа стали результаты исследования озерного профиля Кыртыма в подтаежной зоне (Андреевская система озер недалеко от г. Тюмени). Геохимические показатели отложений, датированных в интервале 3700–3500 кал. л.н., имеют явные признаки постепенного увеличения атмосферных осадков. Хотя кратковременная фаза потепления и сокращения увлажнения выявлена около 3500–3200 кал. л.н., этот интервал имел несопоставимо слабо выраженный сигнал по сравнению с настоящей аридизацией в неолите. Начиная с 3200 л.н. все показатели демонстрируют постепенное увеличение стока и глубины водоема на фоне более влажных и прохладных климатических условий, максимум которых был достигнут около 2900–2850 кал. л.н. [Ryabogina et al., 2018]. Таким образом, общий фон природных условий бронзового века, по-видимому, не имел резко выраженного тренда в сторону иссушения, однако отчетливые свидетельства гумидного тренда появляются позже — в конце переходного времени и начале раннего железного века.

Заключение

Данные спорово-пыльцевого анализа культурных слоев археологических памятников позволяют реконструировать жилой ландшафт — особенности ближайшего природного окружения поселения, связанные с предпочтения населения в зависимости от устоявшегося варианта природопользования. Реконструкция жилого ландшафта позволяет продемонстрировать локальные особенности непосредственно во время функционирования памятника и зачастую несет следы антропогенного воздействия, связанные с хозяйственной деятельностью.

На фоне постепенных изменений климата во II тыс. до н.э. мозаичность растительности в лесостепной полосе Западной Сибири предоставляла большее разнообразие вариантов жилого ландшафта, чем лесная или степная зоны. Судя по полученным данным поселения Бочанцево-1 и Хрипуновское 1, носители федоровской и черкаскульской культур предпочитали открытые участки для сооружения поселков и землепользования, хотя природные возможности в это время не ограничивали их в этом выборе. Жителям пахомовских поселений было привычнее изначально селиться в сомкнутых березовых лесах, они не стремились расчистить от деревьев участки для построек или ведения хозяйства. Ландшафтная приуроченность поселений определялась исходя из оптимальных условий для сохранения устоявшегося варианта природопользования даже при изменении общей климатической картины в регионе. Возможно, при поступательном изменении ландшафтно-климатических условий в лесостепной зоне не было необходимости кардинальных изменений в хозяйственных моделях, а основным катализатором адаптации хозяйства к новым природным реалиям выступало появление новых коллективов и вместе с ними новаций в хозяйственных стратегиях.

Финансирование

Работа выполнена по базовому проекту № 0371-2018-0036 «Социокультурная адаптация древнего населения Тоболо-Иртышского междуречья к изменениям природной среды» Тюменского научного центра СО РАН в рамках выполнения задания научно-исследовательской программы РАН XII.186.2. Исследование палеопаразитологических находок выполнено в рамках проекта РФФИ № 17-06-00302 А «Палеопаразитологическое исследование археологических памятников Западной Сибири как основа для биоархеологических реконструкций и систем жизнеобеспечения древнего населения». Анализ фоновой ландшафтно-климатической ситуации поддержан грантом РФФИ № 16-06-00260 «Древнее население на берегах системы проточных озер: динамика освоения и жизнеобеспечение (на примере Андреевской озерной системы в Туро-Пышминском междуречье)».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Отчет

Илюшина В.В. Исследования поселения Бочанцево 1 в Упоровском районе Тюменской области в 2012 году: Отчет о научно-исследовательской работе // Архив ИА РАН. 2014. № Ф131 44674.

Литература

Аношко О.М., Агапетова Т.А. Новые данные по пахомовской культуре в Тоболо-Исетье // Андроновский мир. Тюмень: Изд-во ТюмГУ. 2010. С 118–136.

Берлина С.В., Костомарова Ю.В., Костомаров В.М. Особенности архитектуры черкаскульского населения лесостепного Притоболья (по материалам селища Хрипуновское 1) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 2 (15). С. 79–88.

Епимахов А.В., Таиров А.Д. К вопросу о переходе от бронзового к раннему железному веку в Урало-Иртышском междуречье (степь-лесостепь) // Рос. археол. ежегодник. 2013. № 3. С. 211–230.

Ершова Е.Г., Бакуменко В.О., Воронцов Т.П., Гончаров М.М., Клименко М.С., Кульков Н.А., Ревокатова Д.П., Селезнева Е.М., Фариш Н.Р., Фетисова Е.С., Яковенко Е.П. Спорово-пыльцевые спектры современного и средневекового конского навоза // Палеопочвы, палеоэкология, палеоэкономика: Материалы Всерос. междисципл. науч. конф. с междунар. участием. Пущино, 2017. С. 70–74.

Зах В.А. Поселок древних скотоводов на Тоболе. Новосибирск: Наука, 1995. 96 с.

Зах В.А., Зимина О.Ю., Рябогина Н.Е., Скочина С.Н., Усачева И.В. Ландшафты голоцена и взаимодействие культур в Тоболо-Ишимском междуречье. Новосибирск: Наука, 2008. 212 с.

Костомарова Ю.В., Костомаров В.М., Зевайкина И.С. Результаты исследования селища Хрипуновское 1 — нового памятника эпохи поздней бронзы и раннего железного века на территории лесостепного Притоболья // AB ORIGINE: Археол.-этногр. сборник Тюмгу. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2011. Вып. 3. С. 4–32.

Матвеев А.В. Черкаскульская культура Зауралья // AB ORIGINE: Археол.-этногр. сборник ТюмГУ. Тюмень: Вектор Бук, 2007. С. 4–41.

Матвеев А.В., Костомаров В.М., Костомарова Ю.В. К характеристике хозяйственной деятельности носителей пахомовской культуры лесостепного Зауралья // Вестник ТюмГУ. 2009. № 7. С. 3–14.

Матвеев А.В., Матвеева Н.П., Корона О.М. Исследования по изучению земледелия древнего населения лесостепного Притоболья: (Предварительное сообщение) // Проблемы географии и экологии Западной Сибири. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1998. Вып. 3. С. 63–66.

Методические рекомендации к технике обработки осадочных пород при спорово-пыльцевом анализе / Под ред. Е.Д. Заклинской, Л.А. Пановой. Л.: ВСЕГЕИ, 1986. 77 с.

Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: Принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 3: Археология и этнография. С. 136–167.

Насонова Э.Д., Рудая Н.А. Природные условия обитания человека в Притоболье: От неолита до средневековья (по материалам поселения Оськино Болото) // Известия Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2015. Т. 13. С. 96–105.

Рябогина Н.Е., Семочкина Т.Г., Ларин С.И. Палеоэкологические условия обитания носителей доисторических культур Тюменского Притоболья в голоцене // Экология древних и современных обществ: Тез. докл. конф., посвященной 275-летию РАН. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 1999. С. 61–63.

Рябогина Н.Е., Якимов А.С. Палинологические и палеопочвенные исследования на археологических памятниках: анализ возможностей и методика работ // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2 (13). С. 175–190.

Якимов А.С., Рябогина Н.Е., Иванов С.Н., Демкина Т.С., Зимина О.Ю., Цембалюк С.И. Природные условия Туро-Пышминского междуречья в X–IV вв. до н. э. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2007. № 8. С. 206–225.

Grimm E.C. TILIA and TILIA GRAPH. PC spreadsheet and graphics software for pollen data // INQUA, Working Group on Data-Handling Methods. Newsletter, 1990. 4. P. 5–7.

Ryabogina N.E., Afonin A.S., Ivanov S.N., Li H.-C., Kalinin P.A., Udaltsov S.N., Nikolaenko S.A., Holocene paleoecological changes in the south of Western Siberia reflected by the accumulation rate, geochemistry and macro-remain of lake and peat sediments // Quaternary International. 2018. В печати.

Stobbe A. Long-term perspective on Holocene environmental changes in the steppe of the Trans-Urals (Russia): Implications for understanding the human activities in the Bronze Age indicated by paleoecological studies // Multidisciplinary Investigations of the Bronze Age Settlements in the Southern Trans-Urals (Russia). Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2013. P. 305–327.

N.E. Ryabogina, S.N. Ivanov, E.D. Nasonova
Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: nataly.ryabogina@gmail.com;
ivasenik@rambler.ru;
eleonora_nasonova@mail.ru

RESIDENTIAL LANDSCAPE: THE NATURAL ENVIRONMENT OF THE LATE BRONZE SETTLEMENTS IN THE TOBOL REGION

This article addresses one of the most important issues in landscape archaeology, i.e. the landscape preferences of ancient populations depending on the patterns of nature management that these peopled used. Since

forest-steppe regions are characterized by a mosaic plant cover, the appearance of residential landscapes — the natural environment around ancient settlements — can be restored using paleo-economic population models. This work is aimed at analysing the characteristics of residential landscapes in the late Bronze Age on the example of three settlements in the Tobol region (south of Western Siberia), which were inhabited by the representatives of the Fedorovo, Pakhomovo and Cherkaskul cultures. To this end, the blocks of palynological data obtained from different archaeological contexts were compared with each other, well as with the background natural conditions reconstructed for the south of Western Siberia. The paper presents the detailed analysis of both pollen data and non-pollen palynomorphs collected from the soil sediments of the cultural layers, as well as the results of the natural environment reconstruction. The cultural layer of the Fedorovo settlement (Bochantsevo 1, up to the 16th century BC) is shown to contain predominantly meadow pollen, typical weeds of human habitats and the spores of coprophilous fungi. The residential landscape of this village consisted in an open place with meadow grass vegetation, without signs of steppe, with small birch forests nearby. A similar situation was reconstructed for the settlement of Cherkaskul culture (Khripunovskoe 1, 16–13th century BC); here, the household economy was based on the breeding of cattle, with people preferring to settle open forest-steppe areas. On the basis of pollen data analysis, a completely different residential landscape was reconstructed for the Pakhomov culture settlement (Zavodoukovsk 11, 13–11th century BC). This settlement was founded and functioned in the birch forest. Its inhabitants practiced not only cattle breeding, but also hunting and fishing. Numerous studies conducted on mixed Cherkaskul-Pakhomovo settlements across the territory of the Tobol region have allowed archaeologists to suggest the co-existence of these population groups in the same territory. Our findings show that these populations might have used different land zones within the same territory, since they chose different types of residential landscape. Differences in the economic types of these groups are likely to have influenced their landscape preferences: the Pakhomov settlements were confined to the valley birch forests, while the Cherkaskul settlements were initially localized in open spaces surrounded by lands suitable for grazing.

Key words: Bronze Age, Western Siberia, pollen analysis, NPP, living landscape, reconstruction.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-039-050

REFERENCES

Anoshko O.M., Agapetova T.A. (2010). New data on the Pakhomovo culture in Tobol-Iset interfluves. *Andronovskiy mir*, Tyumen: Izd-vo TyumGU, 118–136 .

Berlina S.V., Kostomarova Yu.V., Kostomarov V.M. (2011). Architectural features with the cherkaskul population from forest-steppe low Tobol basin (basing on data from Khripunovo 1 non-fortified settlement)). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (2), 79–88.

Epimahov A.V., Tairov A.D. (2013). To the question of the transition from the Bronze to the Early Iron Age in the Ural-Irtysh interfluve (steppe-forest-steppe). *Rossiiskii arkheologicheskii ezhegodnik*, (3), 211–230.

Ershova E.G., Bakumenko V.O., Vorontsov T.P., Goncharov M.M., Klimenko M.S., Kul'kov N.A., Revokatova D.P., Selezneva E.M., Farish N.R., Fetisova E.S., Yakovenko E.P. (2017). Spore-pollen spectra of modern and medieval horse manure. *Paleopochvy, paleoekologiia, paleoekonomika*, Pushchino: Tovarishchestvo nauchnykh izdanii KMK, 70–74.

Grimm E.C. (1990). TILIA and TILIA GRAPH. PC spreadsheet and graphics software for pollen data. *INQUA, Working Group on Data-Handling Methods*, (4), Newsletter, 5–7.

Kostomarova Yu.V., Kostomarov V.M., Zevaykina I.S. (2011). The results of the study of the village Khripunovskoe 1 — a new site of the Late Bronze Age and the Early Iron Age on the territory of the forest-steppe Tobol region. *ABORIGINE: Arkheologo-etnograficheskii sbornik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*, (3). Tyumen: Izd-vo TyumGU, 4–32.

Matveev A.V. (2007). Cherkaskul culture in the Trans-Urals. *ABORIGINE: Arkheologo-etnograficheskii sbornik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*, Tyumen: Vector Buk. 4–41.

Matveev A.V., Kostomarov V.M., Kostomarova Yu.V. (2009). To the characteristic of economic activities of the populationof the Pakhomovo culture of the Trans-Urals forest-steppe. *Vestnik TyumGU*, (7), 3–14.

Matveev A.V., Matveeva N.P., Korona O.M. (1998). Studies on the study of the ancient population of the forest-steppe Tobol region: (Preliminary report). *Problemy geografii i ekologii Zapadnoi Sibiri*, (3), Tyumen: TyumGU, 63–66.

Molodin V.I., Epimahov A.V., Marchenko Z.V. (2014). Radiocarbon chronology of the cultures of the Bronze Age of the Urals and the south of Western Siberia: Principles and approaches, achievements and problems. *Vestnik NGU. Seriia Istoriia, filologiia, 13*(3), 136–167.

Nasonova E.D., Rudaya N.A. (2015). Natural conditions of human habitation in the Tobol region: From the Neolithic to the Middle Ages (according to the materials of the Oskino Boloto settlement). *Izvestiia Irkutskogo gos. un-ta. Seriia Geoarkheologiia. Etnologiia. Antropologiia, 13*, 96–105.

Ryabogina N.E., Afonin A.S., Ivanov S.N., Li H.-C., Kalinin P.A., Udaltsov S.N., Nikolaenko S.A. (2018). Holocene paleoecological changes in the south of Western Siberia reflected by the accumulation rate, geochemistry and macro-remain of lake and peat sediments. *Quaternary International*. In press.

Ryabogina N.Ye., Yakimov A.S. (2010). Palinological and paleosoil investigations at archaeological sites: Analysis of possibilities, and working methods. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (2), 175–190.

Ryabogina N.E., Semochkina T.G., Larin S.I. (1999). Paleoecological conditions of prehistoric cultures of the Tobol basin in the Holocene. *Ekologiia drevnikh i sovremennykh obshchestv: Tezisy dokladov konferentsii*, Tyumen: Izd-vo IPOS SO RAN, 61–63.

Stobbe A. (2013). Long-term perspective on Holocene environmental changes in the steppe of the Trans-Urals (Russia): Implications for understanding the human activities in the Bronze Age indicated by paleoecological studies. In R. Krause, L. Koryakova (Eds.). *Multidisciplinary Investigations of the Bronze Age Settlements in the Southern Trans-Urals (Russia)* (pp. 305–327), Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH.

Yakimov A.S., Ryabogina N.Ye., Ivanov S.N., Demkina T.S., Zimina O.Yu., Tsembaluk S.I. (2007). Natural conditions of the Tura-and-Pyshma interfluve in the Xth–IVth cc. B.C. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii,* (8), 206–225.

Zakh V.A. (1995). *A village of ancient pastoralists in Tobol*, Novosibirsk: Nauka.

Zakh V.A., Zimina O.Yu., Ryabogina N.E., Skochina S.N., Usacheva I.V. (2008) *Holocene landscapes and interaction of cultures in the Tobol-Ishim interfluve*. Novosibirsk: Nauka, 212 p.

Zaklinskaya E.D., Panova L.A. (Eds.) (1989). *Guidelines for the technique of processing sedimentary rocks during spore-pollen analysis*, Leningrad: VSEGEI.

Ю.В. Костомарова

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: jvkostomarova@yandex.ru

ИНВЕНТАРНЫЙ КОМПЛЕКС ЖУРАВЛЕВСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ПРИИШИМЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ 2012–2014 гг. ГОРОДИЩА БОРКИ 1)

Представлены результаты проведенного впервые комплексного изучения орудий труда и других изделий журавлевского населения, проживавшего в начале I тыс. до н.э. на территории городища Борки 1 в Нижнем Приишимье. Классификация предметов по функциональному признаку показала важную роль в структуре журавлевской палеоэкономики бронзолитейного производства и, скорее всего, господство литейной технологии при минимальном количестве доработочных операций. Отмечено значительное количество и разнообразие лепных глиняных пряслиц, что свидетельствует о развитии прядения и ткачества в рассматриваемый период. Подтверждена важность охоты, реконструируемой по палеозоологическим данным. Можно отметить незначительную вариативность технологии обработки каменного и костяного инвентаря и ограниченную сферу его применения. В коллекции присутствуют изделия, являющиеся атрибутами скифской культуры. Таким образом, изученный инвентарный комплекс по типологии и технологии сочетает черты позднего бронзового и раннего железного веков и может быть датирован VII–VI вв. до н.э.

Ключевые слова: Нижнее Приишимье, городище Борки 1, журавлевские древности, орудия труда, типология, технология, трасологический анализ.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-051-060

Работа выполнена по госзаданию согласно Плану НИР ТюмНЦ СО РАН на 2018–2020 гг., протокол № 2 от 08.12.2017 г. Приоритетное направление XII.186.; Программа XII.186.2; проект № 0371-2018-0036.

В последнее время особенно актуальными стали вопросы изучения журавлевских древностей, обнаруженных в разные годы на территории Приишимья и Прииртышья. Это обусловлено, во-первых, дискуссионностью проблем формирования и трансформации традиций оставившего их населения, его хронологической позицией, а во-вторых, недавними исследованиями ряда журавлевских памятников, давшими новые, уникальные материалы [Труфанов, 1987; Могильников и др., 1991; Данченко, 1996; Шерстобитова 2010, 2011; Зах и др., 2015]. Одним из таких объектов является городище Борки 1, расположенное в Нижнем Приишимье и исследованное в 2012–2014 гг. экспедицией ИПОС СО РАН [Зах и др., 2015]. По его материалам реконструированы сходное с современным, лесное, природное окружение журавлевских групп и некоторые черты их палеоэкономики, базировавшейся на разведении крупного рогатого скота, важной роли охоты на крупных лесных копытных и рыбной ловле [Рябогина и др., 2015]. Определен ассортимент бронзовых изделий и проведена их типологическая характеристика [Зах и др., 2015]. На основе статистического анализа орнаментики посуды и ее технико-технологического изучения сделаны выводы об отличительных чертах приишимских журавлевских комплексов в сравнении с памятниками Прииртышья, о преемственной связи красноозерской и журавлевской гончарных традиций [Шерстобитова, 2018; Илюшина, 2018]. Вместе с тем практически отсутствуют сведения о производственной деятельности рассматриваемого населения. В обобщающей работе Е.М. Данченко дана типологическая характеристика немногочисленного журавлевского инвентаря, а хозяйство реконструировано по совокупности журавлевских и богочановских материалов в рамках единой богочановской культуры раннего железного века, что не дает полного представления об основных производствах журавлевских групп [Данченко, 1996, с. 33–38, 70–74].

Цель данного исследования — представить результаты комплексного изучения орудий труда, предметов вооружения и непроизводственной сферы журавлевского времени с городища Борки 1. В задачи работы входили типологический, трасологический и, в некоторых случаях, технологический анализ изделий из камня, кости, глины и бронзы; классификация комплекса по функциональному признаку; выявление его характерных черт и особенностей ряда производств. Учитывая многослойный характер памятника, рассматриваем изделия, которые на основании

стратиграфических, планиграфических наблюдений и аналогов достоверно соотносятся с журавлевским комплексом. Всего было изучено около 130 предметов[1]. При первичной классификации изделий использован типологический метод. Далее для определения функциональной принадлежности применен экспериментально-трасологический метод. Каменные и костяные изделия исследованы технологическим методом. Анализ следов сработанности и обработки осуществлен с помощью микроскопа МС-2 ZOOM с увеличением от ×10 до ×40.

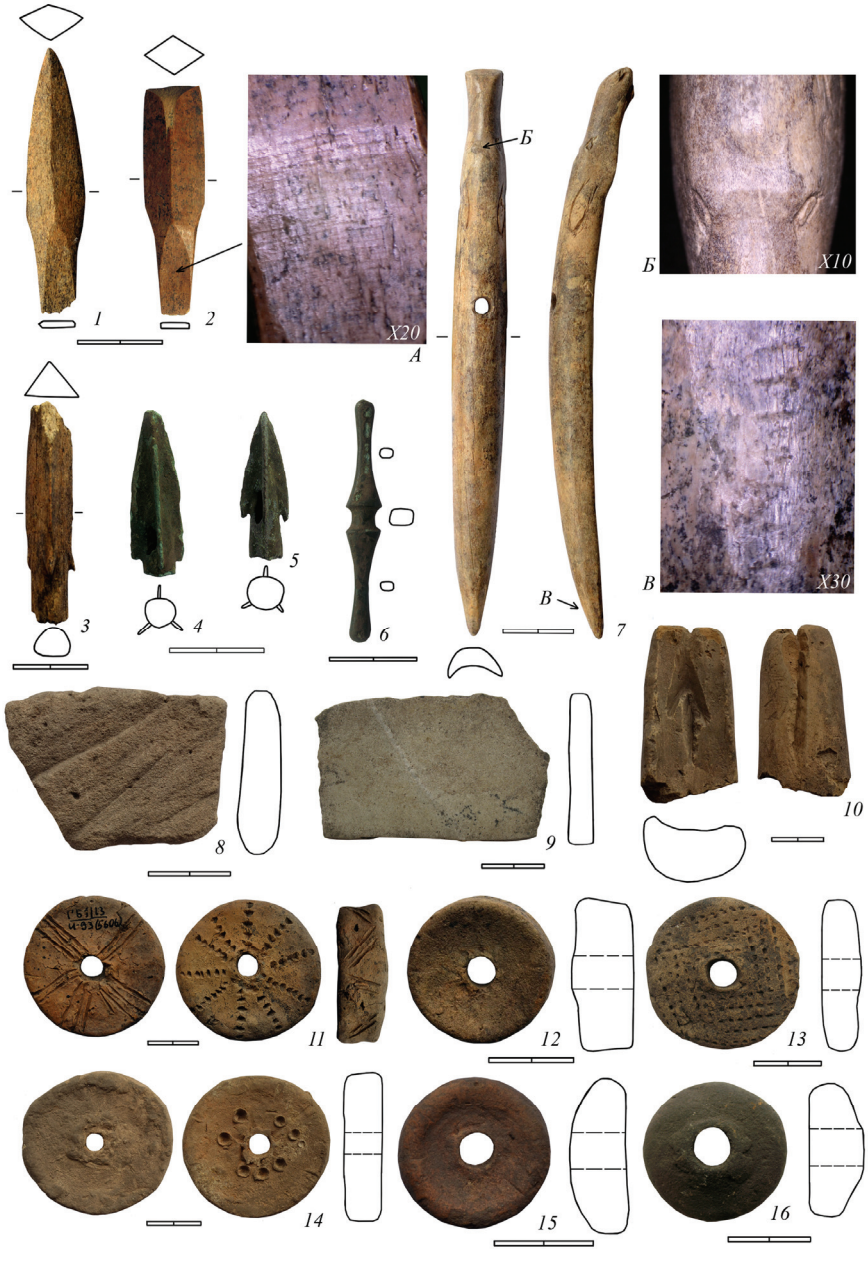

Рис. 1. Журавлевский инвентарь с городища Борки 1:
1–5 — наконечники стрел; *6* — застежка; *7* — псалий; *8, 9* — абразива; *10* — имитация литейной формы; *11–16* — пряслица; *А–В* — следы обработки кости: *1–3, 7* — кость; *4–6* — бронза; *8–10* — камень; *11–16* — глина.
Fig. 1. Zhuravlevo equipment from the settlement Borki 1:
1–5 — arrowheads; *6* — fastener; *7* — psalium; *8, 9* — abrasives; *10* — casting mold imitation; *11–16* — spindle whorl; *A–B* — traces of bone processing: *1–3, 7* — bone; *4–6* — bronze; *8–10* — stone; *11–16* — clay.

[1] Многочисленная коллекция предметов, предназначенных для плавки и отливки металла, обнаруженная в одной из ям журавлевского сооружения, достаточно подробно охарактеризована, поэтому не будем останавливаться на ней (см.: [Зах и др., 2015, с. 4–14]).

Предметы вооружения (16 экз.). К этой группе относятся 12 костяных наконечников стрел и два бронзовых изделия. Технология изготовления костяных наконечников стрел эпохи палеометалла детально реконструирована А.П. Бородовским [1997, с. 60–65]. Согласно выделенным им признакам, журавлевское население городища Борки 1 для производства наконечников стрел использовало три типа заготовок, полученных при расщеплении длинных трубчатых костей: центральную пластину (1 экз.), краевые пластины (4 экз.), мышечные гребни (4 экз.). С помощью металлического инструмента нужная форма придавалась в первую очередь перу (7 экз.) (рис. 1, *1, 2*). Осуществлялось срезание небольших фрагментов сырья (рис. 1, А). Затем оформлялись насад и шипы. В одном случае зафиксирована параллельная обработка пера и насада. На некоторых изделиях отмечены следы абразивной обработки. Обозначенные технологические приемы являются традиционными для рассматриваемого периода [Там же, 1997, с. 61–63].

Все полностью сохранившиеся костяные наконечники черешковые, длиной от 4,5 до 17 см, черешок плоский (9 экз.), округлый (1 экз.) и треугольный (1 экз.), по размерам меньше пера (рис. 1, *1–3*). Только у одного изделия эти части примерно одинаковы. Сечение пера ромбическое (6 экз.), треугольное (4 экз.), пятиугольное (2 экз.). Его форма у всех предметов удлиненно-треугольная, в двух случаях с шипами на его основании (рис. 1, *3*). Аналоги последним можно обнаружить на обширной территории Южного Урала, юга Западной Сибири и в Северном Казахстане. Датируются они VIII–II вв. до н.э. Остальные изделия имеют более широкие территориальные и хронологические рамки бытования [Смирнов, 1961; Мартынов, 1979, табл. 14; Матвеева, 1994, рис. 1, *7*; 8, *12, 14*; 24, *14, 18, 21* и др; Шульга, 2002; Чугунов, 2011; и др.].

Бронзовые наконечники стрел трехлопастные. Один со слегка выступающей втулкой, длиной 3,5 см, диаметром 0,5 см (рис. 1, *4*). Другой — длиной 3 см, со сводчатой головкой и широкой выступающей на 1 см трехреберной втулкой диаметром 0,6 см (рис. 1, *5*). Сходные изделия присутствуют в материалах переходного от бронзы к железу времени и раннего железного века на обширной территории Среднего Поволжья, в южно-уральской и западно-сибирской лесостепи и датируются VI–V вв. до н.э. [Смирнов, 1961, рис. 15, *8*, *16, 17*; 17, *2;* 19А*, 9;* 24*, 10, 11;* Пшеничнюк, 1983, с. 95; Грушин, Дашковский, 1993; Зимина, Зах, 2009, рис. 102, *1*; Иванов, 2010; Чугунов, 2011, с. 262–235; и др]. Помимо наконечников в коллекции присутствуют два фрагмента костяных накладок на лук. Одна из них сильно фрагментирована, размерами 2,3×2,1×0,4 см. Другая также дугообразная в плане, сужающаяся к одному из окончаний. В поперечном сечении прямоугольная, ближе к узкой части имеет форму полукруга. Размеры 12,2×2,2–1,3×0,4 см. Ближе к узкому окончанию имеется сквозное отверстие диаметром 0,4 см. Подобные вещи во множестве можно обнаружить в материалах культур раннего железного века [Савинов, 1981, с. 46–162; Матвеева, 1994, рис. 21, *11*; 24, *9, 10*; 30, *38*; и др.]. В целом предметы вооружения, скорее всего, были связаны с охотничьей деятельностью журавлевского населения. Полученные данные не только подтверждают результаты палеозоологических определений о важной роли этой отрасли, но и дают основания полагать, что в качестве объектов охоты выступали и крупные копытные, и пушные животные [Рябогина и др., 2015, с. 161–163].

Предметы конского снаряжения (псалии) (2 экз.). Особый интерес представляет дуговидно изогнутый псалий с С-образным поперечным сечением (рис. 1, *7*). Его длина 16 см, ширина 1,4 см. Одно окончание оформлено в виде головы лося с широким, горбатым, опущенным вниз концом морды, четкими надбровными дугами (рис. 1, *Б*). Очень натуралистично обозначены ноздри, глаза и уши, плотно прижатые к голове, что создает образ бегущего животного. Противоположный конец предмета приострен — на прилегающих к нему участках отмечены следы срезания сырья (рис. 1, *В*). Вся внешняя часть изделия зашлифована. Внутренняя — слегка волнистая, заполировка тусклая, присутствует только на выступающих участках. Ближе к голове имеется сквозное отверстие диаметром 0,5 см, просверленное со стороны спинки. Об этом говорят заломы по диаметру углубления. Точных аналогов предмету не обнаружено. Дуговидно изогнутые псалии с зооморфным окончанием, но имеющие два и более отверстий, расположенных в разных плоскостях, встречаются в материалах скифского времени и являются отражением скифского звериного стиля. Чаще всего на предметах присутствовало изображение коня, птицы, оленя. Лося изображали реже, но, тем не менее, он входил в основной состав сюжетов раннескифского искусства [Руденко С.И., Руденко Н.М., 1949, с. 31–32; Ильинская, 1965; 1979, рис. 1, 2; Полидович, 2004, рис. 5, *2, 3, 5, 6;* Ашихмина и др., 2004, рис. 82, *10*]. Воспроизведение его образа в большей степени характерно для населения Алтая [Мартынов, 1979, с. 166, табл. 18; Вадецкая, 1986, с. 93; Савинов, 1995]. Псалий, обнаруженный на городище Борки 1, судя по характеру краев отверстия (они не

сглажены), небольшому размеру углубления, не использовали по назначению — в упряжи. Можно предполагать, что предмет имел сакральное значение. Возможно, с этим связано оформление всего одного отверстия на его спинке.

Один экземпляр представлен обломком костяной пластины прямоугольной формы размерами 3,1×1,4 см. На концах видны выемки от сквозных овальных отверстий, расстояние между ними 2,1 см. Это фрагмент двудырчатого псалия; подобные изделия характеризуются широкими хронологическими рамками бытования: вторая половина I тыс. до н.э. — начало I тыс. н.э. [Овчинникова, 1990, рис. 43, *3*].

Самой многочисленной является коллекция инвентаря, связанная с *бронзолитейным производством* (около 3000 ед.). Это фрагменты керамических литейных форм, литников, сердечников, обмазки, тиглей [Зах и др., 2015]. Вместе с тем в журавлевском орудийном наборе городища единичны предметы, имеющие отношение к последующей доработке отливок: только четыре обломка абразивных плиток, предназначенных для заточки и подправки бронзовых изделий (рис. 1, *8–10*). Изучение иткульских и красноозерских бронз Тоболо-Ишимья показало преимущественное использование технологии литья в большинстве случаев без последующей ковки изделий [Кузьминых и др., 2017, с. 47]. Несмотря на то что металлографический анализ металлических изделий городища Борки 1 еще не проведен, можно сделать аналогичные выводы, которые и объясняют практически полное отсутствие металлообрабатывающих инструментов в исследованном комплексе. В данной коллекции есть глиняное изделие, прямоугольное в плане, размерами 6,7×3,4×1,8 см, напоминающее форму для отливки наконечника стрелы, однако характер получения его «негатива» прочерчиванием позволяет заключить, что предмет, скорее всего, не был предназначен для использования в бронзолитейном производстве и представляет собой лишь имитацию формы (рис. 1, *10*).

Орудия прядения (пряслица). Всего обнаружено 34 целых экземпляра и фрагмента пряслиц (рис. 1, *11–16*). Три из них (9 %) изготовлены из обломков посуды, их диаметр от 3 до 5,5 см, боковые грани в одном случае выровнены, в других — слегка пришлифованы. Остальные пряслица — лепные (91 %). На основании формы выделяются несколько типов изделий. К первому относятся 14 пряслиц (45 % от всех лепных), одна их сторона в поперечном сечении имеет форму усеченного конуса, а противоположная представляет ровную площадку, в одном случае она чуть вогнута (рис. 1, *15, 16*). Диаметр пряслиц этого типа от 2,5 до 4,1 см, толщина от 1 до 1,5 см. Два изделия на уплощенной и боковых сторонах орнаментированы насечками. Второй тип представлен 13 цилиндрическими пряслицами (42 %) с прямоугольным разрезом, у 11 экземпляров обе стороны плоские, у двух поделок одна сторона вогнута (рис. 1, *11, 12, 14*). Пряслица этого типа имеют диаметр от 2,2 до 5,1 см, толщину от 1 до 1,6 см. Семь изделий орнаментированы наколами, оттисками гладкого и гребенчатого штампов, четыре из них покрыты узором со всех сторон. Пряслица третьего типа характеризуются меньшей толщиной и овальным поперечным сечением (4 экз.), их диаметр 3,3–3,9 см, толщина от 0,5 до 1 см (рис. 1, *13*). Все они не орнаментированы.

Подобные изделия представлены в материалах начала I тыс. до н.э. на обширной территории [Матвеева, 1994, с. 31, 62; Данченко, 1996, с. 37, 64; Мыльникова, Чемякина, 2002, с. 62–70; Чикунова, 2002; Зимина, Зах, 2009, с. 163; Плетнева, 2015; и др.]. Исследователями отмечено увеличение количества пряслиц и их типологическое разнообразие в культурах раннего железного века, что связывается с развитием прядения и ткачества [Троицкая, Бородовский, 1994, с. 59; Мыльникова, Чемякина, 2002, с. 62]. Материалы журавлевского комплекса городища Борки 1 также отражают эту тенденцию. В этнографии зафиксировано два способа насада пряслиц на веретено: верхний и нижний, наиболее производительный. Первый характеризуют изделия с цилиндрическим отверстием, второй — с коническим [Попов, 1955, с. 90–92; Мыльникова, Чемякина, 2002, с. 67]. Результаты изучения пряслиц саргатской культуры пос. Омь 1 позволили установить преобладание предметов с коническим отверстием и сделать вывод о более развитой технологии прядения у саргатского населения Приобья по сравнению с предыдущим временем [Мыльникова, Чемякина, 2002, с. 67–68]. Следует отметить, что отверстия всех исследованных журавлевских пряслиц цилиндрические, с одинаковым диаметром на входе и выходе, что, возможно, свидетельствует о более примитивном способе их крепления на веретено, хотя облик изделий соотносится с материалами раннего железного века.

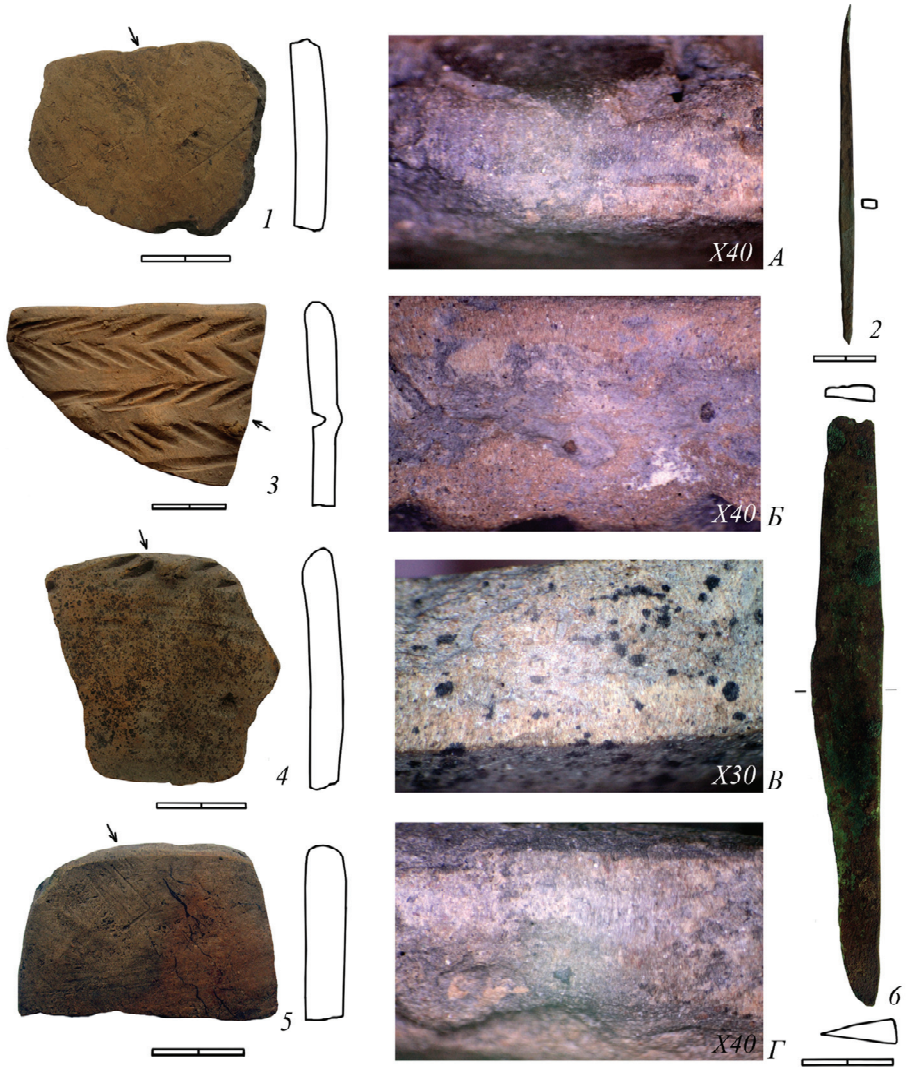

Рис. 2. Орудия труда журавлевского времени с городища Борки 1:
1, 3–5 — скребки по шкуре; *2* — шило; *6* — нож; *А–Г* — следы сработанности на лезвии скребков: *1, 3–5* — глина; *5, 6* — бронза.

Fig. 2. Zhuravlevo tools from the settlement Borki 1:
1, 3–5 — scrapers on the skin; *2* — awl; *6* — knife; *A–Г* — traces of wear on the blade scrapers: *1, 3–5* — clay; *5, 6* — bronze.

Инструменты для обработки шкур (14 экз.). С этим видом деятельности связано четырехгранное в сечении бронзовое шило длиной 6 см (рис. 2, *2*). Еще одной категорией находок являются скребки из фрагментов посуды (13 экз.), как правило, подквадратных очертаний размерами 3–5×2–6 см (рис. 2, *1, 3–5*). На основании особенностей следов сработанности они делятся на две группы. Первая включает шесть орудий, характеризующихся волнистой в плане и скругленной в поперечном сечении кромкой лезвия, признаки использования в виде сглаженности и линейных следов отмечены преимущественно на выступающих участках (рис. 2, *А, Г*). Вторая группа (7 экз.) имеет более прямое в плане лезвие, его поперечное сечение скошено на одну из сторон, или имеет грани, линейные следы выражены сильнее (рис. 2, *Б, В*). Выявленные различия, скорее всего, объясняются характером обрабатывавшегося сырья. Скребки первой группы, вероятно, применялись для удаления мездры со шкур во влажном (свежем) состоянии, а орудиями второй группы работали по подсушенному материалу [Семенов, Коробкова, 1983, с. 187–188].

Ножи (2 экз.). Относятся к категории универсальных орудий, использовавшихся в нескольких отраслях. Это небольшой фрагмент лезвийной части бронзового пластинчатого ножа размерами 2,6×1 см, треугольным поперечным сечением и более крупный обломок аналогичного изделия размерами 12,5×0,8–1,3×0,2–0,3 см с таким же поперечным сечением (рис. 2, *6*). Пред-

меты типологически соотносятся с негативами обнаруженных на городище литейных форм. Исследователи отмечают, что подобные отливки характерны для ранних памятников скифского времени [Кирюшин и др., 2003, с. 79].

К категории *украшений* принадлежит литой бронзовый предмет стержневидной формы с утолщениями на скругленных концах и перехватом в центре длиной 6 см (рис. 1, *6*). Поперечное сечение изделия подквадратное. Сходные по форме вещи интерпретируются как роликовидные застежки, пряжки, портупейные костыльки, поясные подвески, предназначенные для крепления различных предметов. Они могли быть изготовлены из кости, золота, мрамора, железа и бронзы и использовались в одежде, конском снаряжении, для застегивания колчанов. Исследователи сходятся во мнении о полифункциональном назначении этих изделий [Есаян, Погребова, 1980; Черненко, 1981, рис. 22; 24; 25; 27, *3, 4, 7*; Рябкова, 2000; Мартынов, 1979, табл. 22, *7*; 47; 35; Флерова, 2001, рис. 52, *12–19*; Сингаевский, 2007; Марсадолов, 2015, рис. 1.1, *1, 2, 4*; 1.4, *51, 52*; 1.5, *55*]. Прототипы рассматриваемых изделий обнаружены на территории Северного Причерноморья и относятся ко второй половине II тыс. до н.э. Широкое распространение подобных предметов в различных вариациях происходит в конце II тыс. до н.э. [Есаян, Погребова, 1980]. В пределах VIII–VI вв. до н.э. они фиксируются практически повсеместно — на территории Передней Азии, Закавказья, в евразийской степи и лесостепи, в Обь-Иртышье, в комплексах саргатской, тагарской, каменской, тасмолинской и других культур. В более восточных областях находки роликовидных застежек единичны [Смирнов, 1961, с. 33; Есаян, Погребова, 1980, с. 86]. Распространение этих предметов в раннем железном веке исследователи однозначно связывают с влиянием скифской культуры. Исчезают костыльки к I в. н.э. А.Т. Сингаевским выявлена хронологическая закономерность в оформлении стержней подвесок. По его мнению, валики и перемычки по длине стержня в основном представлены в памятниках VI–III вв. до н.э.

К предметам неопределенного назначения (30 экз.) относятся небольшие обломки каменных (11 экз.), костяных (4 экз.), глиняных (9 экз.) и бронзовых (6 экз.) изделий, функциональную принадлежность которых определить не удалось.

Таким образом, комплексный анализ журавлевского инвентарного комплекса городища Борки 1 позволил установить, что его жители, имея многоотраслевую экономику, занимались бронзолитейным делом, прядением, ткачеством, охотничьим промыслом, обрабатывали шкуру, камень, кость. Очевидно, что ведущее место занимала выплавка изделий из бронзы. Особенностью их изготовления, судя по отсутствию орудий металлообработки, являлось преобладание литейной технологии с минимальным количеством доработочных операций. В журавлевских материалах городища Борки 1 в полной мере нашла отражение тенденция возрастания роли прядения и ткачества в переходное от бронзы к железу время. Прядение у журавлевского населения было основано на использовании примитивного способа намотки нити на веретено, когда пряслице надевалось на него сверху, о чем свидетельствует форма отверстий на лепных и выточенных из стенок сосудов предметах. На особое отношение к рассматриваемому производству указывает солярная символика на пряслицах, что сближает их с изделиями раннего железного века.

Наличие в инвентарном наборе представительной серии наконечников стрел и фрагментов накладок на лук подтверждает вывод о важности охотничьего промысла в структуре хозяйства журавлевцев, полученный по результатам археозоологических определений, однако можно предположить, что в качестве объекта охоты выступали не только лось и косуля, но и пушные животные, птицы. Инструментарий для обработки шкур, обнаруженный на городище Борки 1, состоит преимущественно из керамических скребков. Костяных орудий, связанных с этой отраслью, не зафиксировано. По косвенным данным можно реконструировать технологию обработки камня и кости. Обращает на себя внимание незначительное количество каменных орудий труда, при их изготовлении использовались оббивка и абразивная техника. В косторезном деле применялись металлические режущие, рубящие инструменты и разные типы костяных заготовок, от чего зависели форма и размеры конечных изделий. Отмечаются техника резки, рубки, сверления, абразивная обработка. Эти приемы являются традиционными, характерными для культур бронзового века — переходного времени. Ассортимент костяных изделий ограничен, он связан преимущественно с охотничьим промыслом. На высокий уровень мастерства журавлевских косторезов указывает находка псалия с зооморфным окончанием.

Таким образом, в журавлевском орудийном наборе, с одной стороны, зафиксирована преемственность ряда технологий эпохи бронзы, а с другой — присутствуют черты, проявившиеся позднее, в раннем железном веке. Типология некоторых изделий (наконечников стрел, пряслиц,

ножей), а также обнаружение псалия с зооморфным окончанием, не имеющего прямых аналогов, роликовидной застежки указывают на то, что территория Приишимья в VII–VI в. до н.э. входила в ареал кочевых традиций эпохи раннего железа. Подводя итог исследованию, следует отметить, что в контексте проблем культурогенеза переходного времени перспективным представляется дальнейшее трасологическое изучение орудий журавлевских памятников, а также их анализ в сравнении прежде всего с красноозерскими материалами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ашихмина Л.И., Черных Е.М., Шаталов В.А. Вятский край на пороге железного века: Костяной инвентарь ананьинской эпохи (I тысячелетие до н.э.). Ижевск, 2006. 220 с.

Бородовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н.э. — первая половина II тыс. н.э.). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. 224 с.

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986. 180 с.

Грушин С.П., Дашковский П.К. Предметы вооружения с территории Угловского района Алтайского края // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002. С. 11–16.

Данченко Е.М. Южнотаежное Прииртышье в середине — второй половине I тыс. до н.э. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1996. 212 с.

Есаян С., Погребова М. Палочки-застежки в кавказских и скифских памятниках // Вестник отдела общественных наук АН АрмССР. Ереван, 1980. № 1. С. 79–88.

Зах В.А., Илюшина В.В., Тигеева Е.В., Еньшин Д.Н., Костомаров В.М. Закрытый журавлевский комплекс городища Борки 1 в Нижнем Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 2. С. 4–14.

Зимина О.Ю., Зах В.А. Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. Новосибирск: Наука, 2009. 232 с.

Ильинская В.И. Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля // СА. 1965. № 1. С. 86–107.

Ильинская В.И. Современное состояние проблемы скифского звериного стиля // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 1979. С. 9–29.

Илюшина В.В. Журавлевский керамический комплекс раннего этапа эпохи железа городища Борки 1 (по результатам работ 2013–2014 гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 3 (42). С. 41–52.

Иванов А.А. Бронзовые наконечники стрел VII — первой половины VI вв. до н.э. в погребальных комплексах Урало-Казахстанских степей // Вестник ЮУрГУ. Сер. Социально-гуманитар. науки. 2010. № 28 (204). С. 35–38.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2003. 234 с.

Кузьминых С.В., Дегтярева А.Д., Тигеева Е.В. Металлопроизводство красноозерской и иткульской культур Тоболо-Ишимья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 4 (39). С. 37–50.

Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск: Наука, 1994. 152 с.

Марсадолов Л.С. Салбыкский культурно-хронологический этап в истории древней Хакасии // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2015. № 1 (11). С. 7–31.

Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск: Наука, 1979. 207 с.

Мыльникова Л.Н., Чемякина М.А. Традиции и новации в гончарстве древних племен Барабы (по материалам поселенческого комплекса Омь-1). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. 200 с.

Могильников В.А., Данченко Е.М., Труфанов А.Я. Богочановское городище и проблемы культурной стратификации лесного Прииртышья в эпоху поздней бронзы и раннего железа // РА. 1991. № 3. С. 196–220.

Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веке. Свердловск: УрГУ, 1990. 223 с.

Плетнева Л.М. Пряслица эпохи раннего железа из Томского Приобья // Известия АлтГУ, 2015. Т. 2. С. 146–155.

Полидович Ю.Б. Зооморфно оформленные псалии как феномен скифской эпохи // Псалии. Археологический альманах. Донецк, 2004. Вып. 15. С. 143–165.

Попов А.А. Плетение и ткачество у народов Сибири в XIX и первой четверти XX столетия // СМАЭ. 1955. Т. XVI. С. 41–146.

Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: Наука, 1983. 200 с.

Руденко С.И., Руденко Н.М. Искусство скифов Алтая. М.: ГМИИ, 1949. 92 с.

Рябкова Т.В. К вопросу о хронологии архаических скифских комплексов Нижнего Подонья и Прикубанья // Античная цивилизация и варварский мир. Краснодар, 2000. С. 18–23.

Рябогина Н.Е., Иванов С.И., Афонин А.С., Кисагулов А.В. Палеоботанические и археозоологические исследования на городище Борки 1 (Приишимье в начале I тыс. до н.э.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 4 (31). С. 157–164.

Савинов Д.Г. Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1981. С. 46–162.

Савинов Д.Г. ПНН: Новые материалы и наблюдения // Южная Сибирь в древности: Археологические изыскания. СПб., 1995. Вып. 24. С. 57–66.

Семенов С.А., Коробкова Г.Ф. Технология древнейших производств (мезолит — энеолит). Л.: Наука. 1983. 255 с.

Сингаевский А.Т. Поясные подвески VII в. до н.э. — I в. н.э. с территории Обь-Иртышского междуречья как культурный и хронологический индикатор // Известия АлтГУ. Сер. История. Политология. Барнаул, 2007. № 3/4. С. 161–173.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // МИА. 1961. № 101. 162 с.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: Наука, 1994. 184 с.

Труфанов А.Я. Закрытые комплексы городища Ямсыса VII // Скифо-сибирская культурно-историческая общность. Раннее и позднее средневековье. Омск: Изд-во ОмГУ, 1987. С. 127–130.

Флерова В.Е. Резная кость юго-востока Европы IX–XII веков: Искусство и ремесло: По материалам Саркела — Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. СП.: Алетейя, 2001. 352 с.

Черненко Е.В. Скифские лучники. Киев: Наук. думка, 1981. 265 с.

Чикунова И.Ю. Пряслица Рафайловского селища как источник по изучению прядения у саргатцев // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2002. Вып. 4. С. 119–128.

Чугунов К.В. Аржан-2: Реконструкция этапов функционирования погребально-поминального комплекса и некоторые вопросы его хронологии // Рос. археол. ежегодник. СПб.: Юрид. книга, 2011. № 1. С. 262–334.

Шерстобитова О.С. К вопросу о соотношении журавлевских и инберенских древностей на территории Среднего Прииртышья // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 372–374.

Шерстобитова О.С. Памятники журавлевского типа в Среднем Прииртышье — этап или самодостаточный феномен? // Труды III (XIX) Всерос. археол. съезда. СПб.; М.; Вел. Новгород, 2011. Т. II. С. 298–299.

Шерстобитова О.С. Керамика журавлевского типа в Ишимо-Иртышском междуречье: Сравнительный анализ // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Материалы всерос. науч. конф., г. Тюмень, 2–6 апр. 2018 г. Тюмень: ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2018. Вып. 4. С. 280–284.

Шульга П.И. Ранние костяные наконечники стрел из курганов скифского времени на Алтае // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002. С. 43–61.

Yu.V. Kostomarova
Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygin st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: jvkostomarova@yandex.ru

INVENTORY COMPLEX OF THE ZHURAVLEVO CULTURE IN THE LOWER ISHIM RIVER AREAS (BASED ON THE 2012–14 RESEARCH AT THE BORKI 1 SITE)

This article presents the results of a study carried out to investigate the tools of the Zhuravlevo culture discovered in the Borki 1 settlement in 2012–14. This site is located on the territory of the Lower Ishim river. The economic activity of the Zhuravlevo population has not been studied enough, which determines the relevance of the work. The economic activity of the Zhuravlev population was investigated exclusively on the example of the Bogochanovo culture of the Early Iron Age. On the basis of stratigraphic and planigraphic observations, artefacts reliably correlated with the Zhuravlevo building horizon of the site were selected for analysis. The primary classification of the artefacts was conducted using the typological method. Subsequently, in order to determine the functional area of the artefacts, we applied use-wear analysis. Stone and bone tools were investigated by the technological method. The tool wear was determined using an MS-2 ZOOM microscope with a ×10–40 magnification. The functional classification of the tools made of various materials has provided additional information on the economic activity of the Zhuravlevo culture groups, confirming its diversified nature and determining the inventory of specific industries. The importance of bronze casting has been established, with almost complete absence of tools for refining castings. These findings, along with the results of the metallographic analysis of metals in the transitional period, indicate the predominant use of casting technologies without further refining operations. A significant amount of spinning tools, such as spindles and their typological analogues, has been indicated. This supports the idea, frequently advanced by researchers, that weaving is likely to have developed at the beginning of the Early Iron Age. In addition, it is by the Zhuravlevo materials that the replacement of bone tools with ceramic ones during the processing of hides is recorded. According to indirect data, the technology of processing stone and bone can be reconstructed. The number of stone tools, which were manufactured by lithic reduction or abrasive techniques, is insignificant. For bone carving, cutting and chopping metal tools were used, as well as various tools made of bone. Various treatment technologies, such as cutting, drilling, abrasive machining, are recorded.

These techniques are traditional and characteristic of Bronze Age cultures (Transitional Period); however, the range of bone tools is limited and associated exclusively with the hunting industry. Therefore, the Zhuravlevo culture inventory features, on the one hand, the continuity of a number of Bronze Age technologies, and, on the other, the appearance of Early Iron Age features. In addition, it is obvious that the Ishim river lands were part of the nomadic traditions of the Early Iron Age, which is confirmed by a number of items that can be dated to 7th–6th centuries BC.

Key words: Lower Ishim river areas, ancient settlement Borki 1, Zhuravlevo antiquities, tools, typology, technology, traceological analysis.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-051-060

REFERENCES

Ashikhmina L.I., Chernykh E.M., Shatalov V.A. (2006). *Vyatka region on the threshold of the Iron Age: Bone implements of the Ananino (I millennium BC)*, Izhevsk.

Borodovskii A.P. (1997). *Ancient bone-cutting production of the South of Western Siberia (the second half of II millennium BC — the first half of II millennium AD)*, Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN.

Chernenko E.V. (1981). *Scythian archers*, Kiev: Naukova dumka.

Chikunova I.Iu. (2002). The spindles of the Rafajlovo settlements as a source for the study of Sargatka spinning. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (4), 119–128.

Chugunov K.V. (2011). Arzhan-2: Reconstruction of the stages of functioning of the funeral and memorial complex and some questions of its chronology. *Rossiiskii arkheologicheskii ezhegodnik*, (1), St. Petersburg: Iuridicheskaia kniga, 262–334.

Danchenko E.M. (1996). *Southern taiga of Irtysh basin in the middle — the second half of I thousand BC,* Omsk: Izd-vo OmGPU.

Esaian S., Pogrebova M. (1980). Sticks-fasteners in the Caucasian and Scythian monuments. *Vestnik otdela obshchestvennykh nauk Akademii nauk Armianskoi SSR*, (1), Erevan, 79–88.

Flerova V.E. (2001). *Carved bone in the South-East of Europe IX–XII centuries: Art and craft: According to the materials of Sarkel — Belaya Vezha from the collection of the State Hermitage*, St. Petersburg: Aleteiia.

Grushin S.P., Dashkovskii P.K. (2002). Items of weapons from the territory of the Uglovsky district of the Altai region. *Materialy po voennoi arkheologii Altaia i sopredel'nykh territorii*, Barnaul: Izd-vo AltGU, 11–16.

Il'inskaia V.I. (1965). Some motives of the early Scythian animal style. *Sovetskaia arkheologiia*, (1), 86–107.

Il'inskaia V.I. (1979). The current state of the problem of the Scythian animal style. *Skifo-sibirskii zverinyi stil' v iskusstve narodov Evrazii*, Moscow: Nauka, 9–29.

Iliushina V.V. (2018). Zhuravlevo ceramic complex of the early stage of the Iron Age of the Borki 1 site (based on the results of 2013–2014 research). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (3), 41–52.

Ivanov A.A. (2010). Bronze arrowheads VII — the first half of VI centuries BC in burial complexes of Ural-Kazakhstan steppes. *Vestnik Iuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia Sotsial'no-gumanitarnye nauki*, *(*28), 35–38.

Kiriushin Iu.F., Stepanova N.F., Tishkin A.A. (2003). *Scythian epoch of Mountain Altai. Part II: Funeral and memorial complexes of Pazyryk culture*, Barnaul: Izd-vo AltGU.

Kuz'minykh S.V., Degtiareva A.D., Tigeeva E.V. (2017). Metal production of krasnozerska and Itkul cultures of the Tobol and Ishim rivers. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (4), 37–50.

Matveeva N.P. (1994). *Early Iron Age on the Ishim river*, Novosibirsk: Nauka.

Marsadolov L.S. (2015). Salbyk cultural and chronological stage in the history of ancient Khakassia. *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovanii*, (1), Barnaul: Izd-vo AltGU, 7–31.

Martynov A.I. (1979). *Forest-steppe Tagar culture*, Novosibirsk: Nauka.

Mogil'nikov V.A., Danchenko E.M., Trufanov A.Ia. (1991). Bogochanovo settlement and the problem of cultural stratification of the forest of the region in the Late Bronze and Early Iron Age. *Rossiiskaia arkheologiia*, (3), 96–220.

Myl'nikova L.N., Chemiakina M.A. (2002). *Traditions and innovations in pottery of the ancient tribes from the territory of Baraba (based on the materials of the settlement complex Om-1)*, Novosibirsk: Izd-vo Instituta arkheologii i etnografii SO RAN, 200 p.

Ovchinnikova B.B. (1990). *Turkic antiquities of Sayano-Altai in VI–X century*, Sverdlovsk: UrGU.

Pletneva L.M. (2015). The spindles of the early iron age from Tomsk Ob region. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, (2), 146–155.

Polidovich Iu.B. (2004). Zoomorphic decorated Psalms as a phenomenon of the Scythian Era. *Psalii. Arkheologicheskii al'manakh*, (15), Donetsk, 143–165.

Popov A.A. (1955). Weaving among the peoples of Siberia in the XIX and first quarter of the XX century. *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii*, (XVI), 41–146.

Pshenichniuk A.Kh. (1983). *Culture of the early nomads of the Southern Urals*, Moscow: Nauka.

Riabkova T.V. (2000). To the question of the chronology of the archaic Scythian burial complexes of the Lower Don and Kuban rivers. *Antichnaia tsivilizatsiia i varvarskii mir*, Krasnodar, 18–23.

Riabogina N.E., Ivanov S.I., Afonin A.S., Kisagulov A.V. (2015). Palaeobotanical and archaeozoological research at the ancient settlement of Borki 1 (Ishim river basin at the beginning of the I Millennium BC). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (4), 157–164.

Rudenko S.I., Rudenko N.M. (1949). *Art of the Scythians of Altai*, Moscow: Gosudarstvennyi muzei izobrazitel'nykh iskusstv.

Savinov D.G. (1981). New materials on the history of compound bow and some questions of its evolution in South Siberia. *Voennoe delo drevnikh plemen Sibiri I Tsentral'noy Azii*, Novosibirsk: Nauka, 46–162.

Savinov D.G. (1995). Items of unknown purpose: New materials and observations. *Iuzhnaia Sibir' v drevnosti: Arheologicheskie izyskaniya*, (24), St. Petersburg, 57–66.

Semenov S.A., Korobkova G.F. (1983). *Technology of ancient production (Mesolithic — Eneolithic)*, Leningrad: Nauka.

Sherstobitova O.S. (2010). To the question about the proportions of Zhuravlevo and Inberen antiquities on the territory of the Middle Irtysh river. *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: Opyt Zapadno-Sibirskikh arkheologo-etnograficheskikh soveshchanii*, Tomsk: Agraf-Press, 372–374.

Sherstobitova O.S. (2011). Monuments Zhuravlevo type in the Middle Irtysh river basin — stage or self-sustained phenomenon? *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda, I*, St. Petersburg; Moscow; Velikii Novgorod, 298–299.

Sherstobitova O.S. (2018). Pottery of Zhuravlevo type in the Ishim-Irtysh interfluve: Comparative analysis. *Chelovek i Sever: Antropologiia, arkheologiia, ekologiia: Materialy vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, g. Tiumen', 2–6 aprelia 2018 g.*, (4), Tiumen': FITs TiumNTs SO RAN, 280–284.

Shul'ga P.I. (2002). Early bone arrowheads from burial mounds of the Scythian period of Altai. *Materialy po voennoi arkheologii Altaia i sopredel'nykh territorii*, Barnaul: Izd-vo AltGU, 43–61.

Singaevskii A.T. (2007). Waist suspension VII century BC — I century BC from the territory Ob-Irtysh interfluve as a cultural and chronological indicator. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia Istoriia. Politologiia*, (3–4), Barnaul, 161–173.

Smirnov K.F. (1961). The Savromats weapons. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, (101).

Troitskaia T.N., Borodovskii A.P. (1994). *Bolsherechye culture of the forest-steppe Ob region*, Novosibirsk: Nauka.

Trufanov A.Ia. (1987). The closed complexes of the settlement Yamsysa VII. *Skifo-sibirskaia kul'turno-istoricheskaia obshchnost'. Rannee i pozdnee srednevekov'e*, Omsk: Izd-vo OmGU, 127–130.

Vadetskaia E.B. (1986). *Archaeological sites in the steppes of the middle Yenisei river*, Leningrad.

Zakh V.A., Iliushina V.V., Tigeeva E.V., En'shin D.N., Kostomarov V.M. (2015). Closed Zhuravlevo complex of the settlement Borki 1 in Lower Ishim basin. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (2), 4–14.

Zimina O.Iu., Zakh V.A. (2009). *Lower Tobol river basin at the turn of the Bronze and Iron Ages*, Novosibirsk: Nauka.

В.В. Илюшина, Т.Н. Рафикова

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: vika_tika@mail.ru;
tnrafikova@yandex.ru

КОМПЛЕКС РАННЕГО ЭТАПА ЭПОХИ ЖЕЛЕЗА ГОРОДИЩА ЛАСТОЧКИНО ГНЕЗДО 1 В НИЖНЕМ ПРИИШИМЬЕ

Изложены результаты исследований комплекса начала раннего железного века на многослойном городище Ласточкино Гнездо 1 в Нижнем Прииишимье. Изучены остатки оборонительных сооружений в виде рва и вала. Очаг и находящиеся вокруг него развалы сосудов позволили предположить наличие здесь наземного сооружения без котлована. Аналогии укреплениям вокруг поселков и жилищам прослеживаются на широкой территории Тоболо-Ишимского междуречья в материалах конца VIII — VI в. до н.э. В результате технико-технологического исследования керамической коллекции, осуществленного по методике А.А. Бобринского, выявлены навыки труда гончаров на ступенях отбора и подготовки исходного пластичного сырья, составления формовочных масс, механической обработки поверхностей изделий, придания им прочности и водонепроницаемости. Статистический анализ керамики и сопоставление с журавлевским комплексом городища Борки 1, а также с материалами памятников Прииртышья богочановского этапа богочановской культуры позволяют считать, что изученные материалы соотносятся с позднежуравлевскими, как и предполагалось ранее.

Ключевые слова: Нижнее Прииишимье, городище Ласточкино Гнездо 1, начальный этап раннего железного века, керамика, технико-технологический анализ, орнаментация.

Работа выполнена по госзаданию согласно Плану НИР ТюмНЦ СО РАН на 2018–2020 гг., протокол № 2 от 08.12.2017 г. Приоритетное направление XII.186.; Программа XII.186.2; проект № 0371-2018-0036.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-061-073

Введение

Одной из актуальных и дискуссионных проблем в археологии Зауралья является развитие культурно-исторической ситуации на завершающем этапе переходного от бронзы к железу времени — начальном этапе раннего железного века на территории Нижнего Прииишимья. Круг обсуждаемых вопросов связан как с культурной идентификацией ранее выявленных и исследованных за последние два десятилетия комплексов и сопряженной с этим проблемы выяснения основ их формирования, так и с их абсолютной и относительной хронологической позицией [Зах и др., 2015а, с. 4; Цембалюк, 2017].

В ряду памятников, материалы которых довольно сложно корректно сопоставить с выделенными в Прииишимье культурными образованиями обозначенного периода и которые вместе с тем являются ключевыми для решения вопросов, связанных с формированием культурного облика населения начала раннего железного века, находится городище Ласточкино Гнездо 1. Памятник обнаружен А.Н. Панфиловым, первые исследования проведены в 1999–2000 гг. В.А. Захом [2009], а в 2013–2014, 2017 гг. продолжены Т.Н. Рафиковой. Установлено, что территория городища заселялась в два исторических периода — на начальном этапе раннего железного века и в эпоху раннего средневековья. Материалы начального периода раннего железного века по результатам анализа керамической коллекции и небольшого инвентарного набора были соотнесены В.А. Захом с журавлевским этапом богочановской культуры[1] [2009, с. 75]. В то же время автор подчеркивал их более позднюю хронологическую позицию по сравнению с известными журавлевскими памятниками Прииишимья — городищем Борки 1 и поселением Боровлянка 2, что проявилось в угасании журавлевских гончарных традиций — изменении форм сосудов (уменьшение количества горшков с дуговидными шейками, увеличение доли сосудов закрытых

[1] Ареал богочановской культуры охватывает в основном южно-таежные территории Прииртышья и отчасти Прииишимья. В ее развитии выделено два этапа: ранний, журавлевский (VI–IV вв. до н.э.), и поздний, богочановский (IV–II вв. до н.э.) [Данченко, 1996].

форм и т.д.) и упрощении орнаментации. Таким образом, резонно возникает вопрос о соотнесении комплекса Ласточкиного Гнезда 1 с более поздним, богочановским этапом.

Представленное исследование, таким образом, направлено на введение в научный оборот результатов работ на городище Ласточкино Гнездо 1 в 2013–2014, 2017 гг., а также нового источника историко-культурной информации — данных по технологии изготовления посуды у населения раннего этапа эпохи железа. Решение вопроса о культурно-хронологической позиции материалов городища основано на сопоставлении материалов по домостроительству, фортификационному зодчеству, морфологии и технологии изготовления керамики с соответствующими сведениями по известным на сегодняшний день журавлевским и богочановским комплексами Приишимья и Прииртышья.

Результаты полевых исследований

Городище расположено в 12,4 км к югу от г. Ишима и моста через р. Ишим, в 1,9 км к северо-востоку от окраины с. Клепиково и в 60 м к востоку от здания бывшего дома отдыха «Ласточкино гнездо». Памятник занимает высокий (до 54 м) мыс коренной террасы р. Ишим, его общая площадь составляет 1850 м^2. Городище трапециевидной формы: длина верхнего основания (у стрелки мыса) равна 28 м, нижнего (у основания вала) — 48–50 м. Расстояние от въезда по центру площадки до обрыва — 30 м, по краям мыса — по 26 м, так как фортификации имели в плане полукруглую форму. Площадка ровная, с небольшим понижением к западу, в сторону реки, западный край имеет резкий обрыв; с севера и юга площадку ограничивают два лога. К востоку от городища поверхность ровная, поросла луговыми травами. Данная территория относится не только к археологическому объекту, но и к памятнику природы «Ишимские бугры — гора Любви». В настоящее время памятник в аварийном состоянии: вся площадка городища изъезжена, равно как и территория между фортификациями и дорогой.

Видимые в рельефе фортификации, датированные по результатам археологических работ средневековым периодом, отсекают площадку мыса полукругом, с юга на северо-запад, длина их по вершине вала составляет 50–54 м. Ширина вала — 2,8–3,0 м, высота — 0,3–0,4 м. Вход расположен посередине, представляет собой разрыв-понижение (на 0,4 м) в валу длиной 4–5 м, и подъем-перемычку (на 0,3–0,4 м) во рву длиной около 6 м. К валу примыкают два прямоугольных выступа-бастиона: южный, размерами 5×9 м,— в 8 м южнее входа, северный, размерами 5×9–10 м,— в 7 м севернее входа. Башни имели четкие прямоугольные очертания, крутые стенки, ровную верхнюю площадку. Одна из них, южная, была изучена в 2013 г., отнесена к средневековой бакальской культуре [Рафикова, Берлина, 2014].

Ров повторял очертания вала и выступов-башен, примыкающих к нему, имел ширину 1,5–2,5–2,8 м, глубину 0,3–0,4 м. В северной части памятника ров продолжался дальше вала, спускался вниз по склону еще на 6–7 м при ширине 2,8 м.

На данный момент на памятнике изучено 842 м^2 площади (рис. 1). Городище многослойное, функционировало в переходный период от бронзового к раннему железному веку и в раннем средневековье. К объектам переходного периода отнесена оборонительная линия вал — ров, жилые и хозяйственные объекты на площадке поселка.

Насыпь вала раннего железного века, шириной до 1,8 м, представлена мешаным желто-коричневым суглинком и прокалами ярко-оранжевого и грязного черно-красного цветов. В теле вала зафиксированы тонкие, ориентированные длинными осями вдоль его гребня, обугленные жерди диаметром до 0,1 м. Вдоль вала на участке между насыпью и рвом выявлен ряд столбовых ям (№ 9–10, 24–32), также, скорее всего, связанных с его конструкцией. Таким образом, полагаем, что вал был представлен забором типа плетня.

Ров раннего железного века изучен на достаточно протяженном участке (около 30 м, на плане обозначен как ров № 3). Он вытянут по линии северо-запад — юго-восток с отклонением к северу. В профиле ров ступенчатый, неровный, сужающийся к центру. Его максимальная ширина 1,6 м. Самая глубокая часть рва (0,6–0,65 м от уровня материка) имела ширину от 0,44 до 0,9 м. Раскопом удалось зафиксировать проезд на городище раннего железного века. Он представлен материковой перемычкой во рву шириной 1,4 м. У проезда концы рвов более массивные, широкие. Кроме того, они располагались не напротив друг друга — один край заводился за другой (рис. 1), что позволяло дополнительно усилить проезд как одно из самых слабых мест в обороне.

К западу от вала на жилой площадке городища (в кв. О–П/17–18) зафиксирован прокал мощностью не более 1–2 см, скорее всего, от очага — округлой формы, размерами 0,54×0,36 м.

К юго-западу от него расчищены три развала сосудов раннего железного века и кости животных. Примечательно, что горшки не были разнесены по площади памятника дальнейшими насельниками городища, а остались стоять в первоначальном положении, окружая очаг.

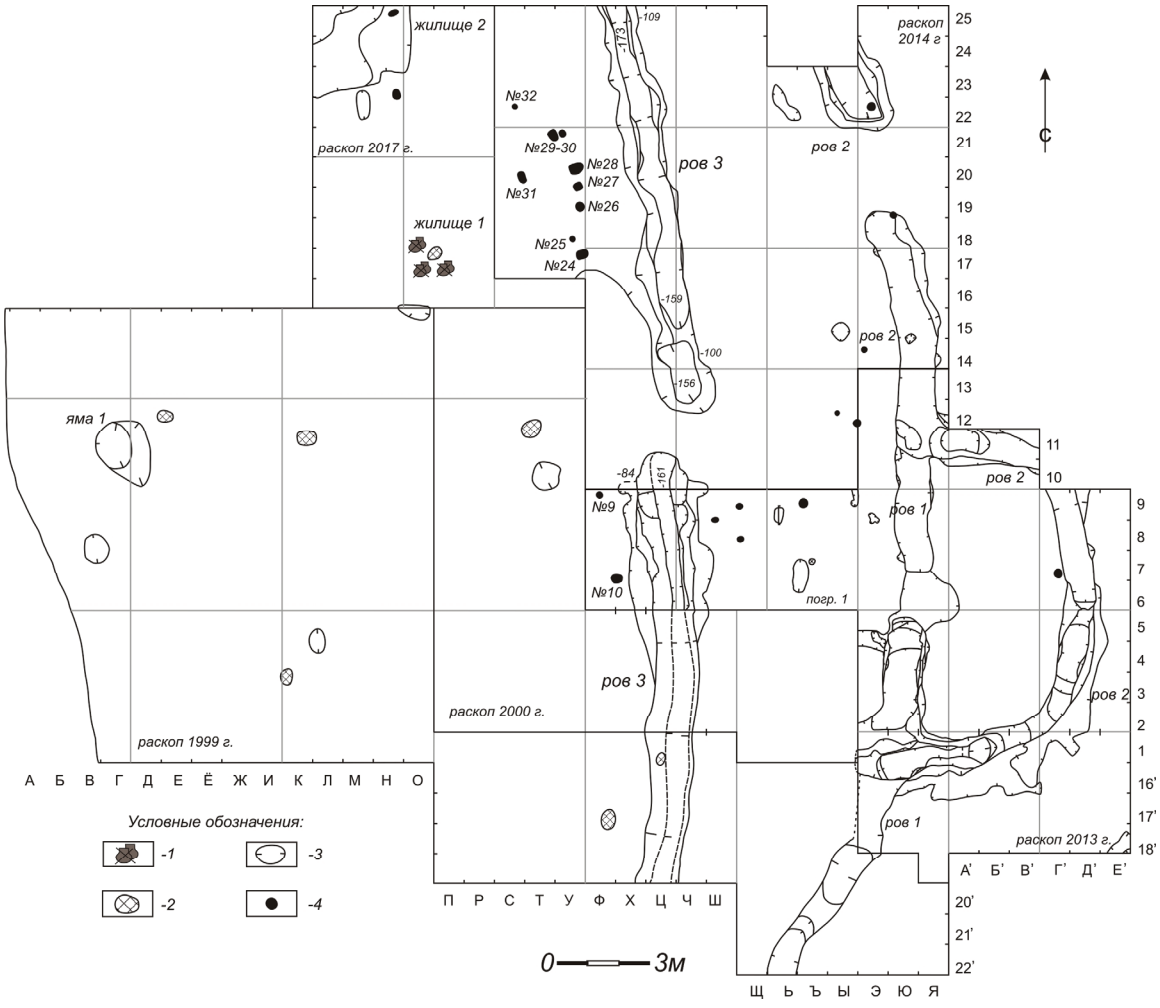

Рис. 1. План раскопов 1999–2000, 2013–2014, 2017 гг. на городище Ласточкино Гнездо 1:
1 — развалы сосудов раннего железного века; *2* — прокал; *3* — хозяйственная яма; *4* — столбовая яма.
Fig. 1. The plan of excavations 1999–2000, 2013–2014, 2017 on the settlement Lastochkino Gnezdo 1:
1 — the set of the vessels of the early Iron Age; 2 — the fireplace; 3 — household pit; 4 — pit of the post.

Наличие прокала-очага, оставленные вокруг него развалы сосудов и кости, по нашему мнению, свидетельствуют о расположении здесь наземного сооружения, обозначенного нами как жилище № 1. Так как постройка не была впущена в материк и ее границы не фиксировались в планиграфических разрезах, установить ее размеры и особенности конфигурации практически невозможно. Помимо жилища к периоду раннего железного века доподлинно отнесена хозяйственная яма № 1, изученная еще раскопом 1999 г., размерами 1,7×2,1 м, в заполнении которой зафиксированы керамика и кости животных [Зах, 2009, с. 71].

Результаты исследования гончарной технологии

Керамический комплекс городища в целом составляет около 180 сосудов (по шейкам). Для технико-технологического анализа отобраны образцы от 44 разных сосудов из доступной части коллекции 1999–2000 гг. и материалов новых исследований. Микроскопическому изучению предшествовала работа по разделению керамики на группы в связи с ее неоднородностью по морфологическим признакам. Выделение морфологических групп проводилось в рамках эмоционально-описательного подхода [Цетлин, 2017, с. 309–312].

Рис. 2. Керамика начала раннего железного века городища Ласточкино Гнездо 1:
1 — слабопрофилированный сосуд (группа IV); *2–5*, *7*, *8*, *10*, *11* — сосуды с дуговидными шейками (группа I); *6*, *9* — сосуды закрытой формы (группа II).

Fig. 2. The ceramics of the early phase of the Iron Age of the settlement Lastochkino Gnezdo 1:
1 — weakly profiled (group IV); *2–5*, *7*, *8*, *10*, *11* — vessels with arcuate necks (group I); *6*, *9* — vessels of closed form (group II).

Переходный облик керамического комплекса предопределил условность выделения некоторых типов сосудов. В целом изделия имеют округлое или приостренное дно, а по особенностям оформления верхней части делятся на четыре основные группы. Первую составляют хорошо и слабо профилированные сосуды с дуговидными, так называемыми молчановскими, шейками (рис. 2, *2*, *3*, *5*, *7*, *8*, *10*, *11*; 3, *3*). К этой же группе отнесено единственное изделие с прямой наклоненной внутрь шейкой (рис. 2, *4*). Вторая группа сосудов городища представлена изделиями закрытой формы, так называемыми банками (рис. 2, *6*, *9*; 3, *6*, *7*, *9–11*). Третью группу составляют хорошо профилированные изделия, имеющие отогнутую или прямую шейку, с четко выраженным переходом к плечику (рис. 3, *1*, *2*, *4*, *5*). В четвертую группу включены слабопрофилированные сосуды с прямой или слегка отогнутой шейкой и слабовыраженным плечиком (рис. 2, *1*; 3, *8*).

Аналитические исследования проводились в рамках историко-культурного подхода и методики, разработанных А.А. Бобринским [1978; 1999, с. 9–11]. Технико-технологический анализ керамики осуществлялся в рамках выделенных четырех групп сосудов. В связи с тем что данные, полученные при изучении навыков работы гончаров, в основном сходны, их характеристика дана далее в обобщенном виде. Особенности гончарной технологии каждой группы сосудов представлены в соответствующих таблицах.

По изученному материалу выявлено применение двух видов *исходного пластичного сырья* (далее — ИПС) — в основном илистых глин (42 сосуда, или 95,5 %) и, редко, природных ожелезненных глин (2 сосуда, или 4,5 %) (табл. 1). В качестве естественных примесей оба вида

ИПС содержат: 1) прозрачный и полупрозрачный, окатанный и полуокатанный песок; 2) включения оолитового бурого железняка размером от 0,1 до 3,5 мм (рис. 4, *1*); 3) окислы железа, в виде мягких, легко разрушающихся иглой частиц рыжего цвета размером 0,1–1,0 мм; 4) листочки слюды размером 0,1–0,3 мм.

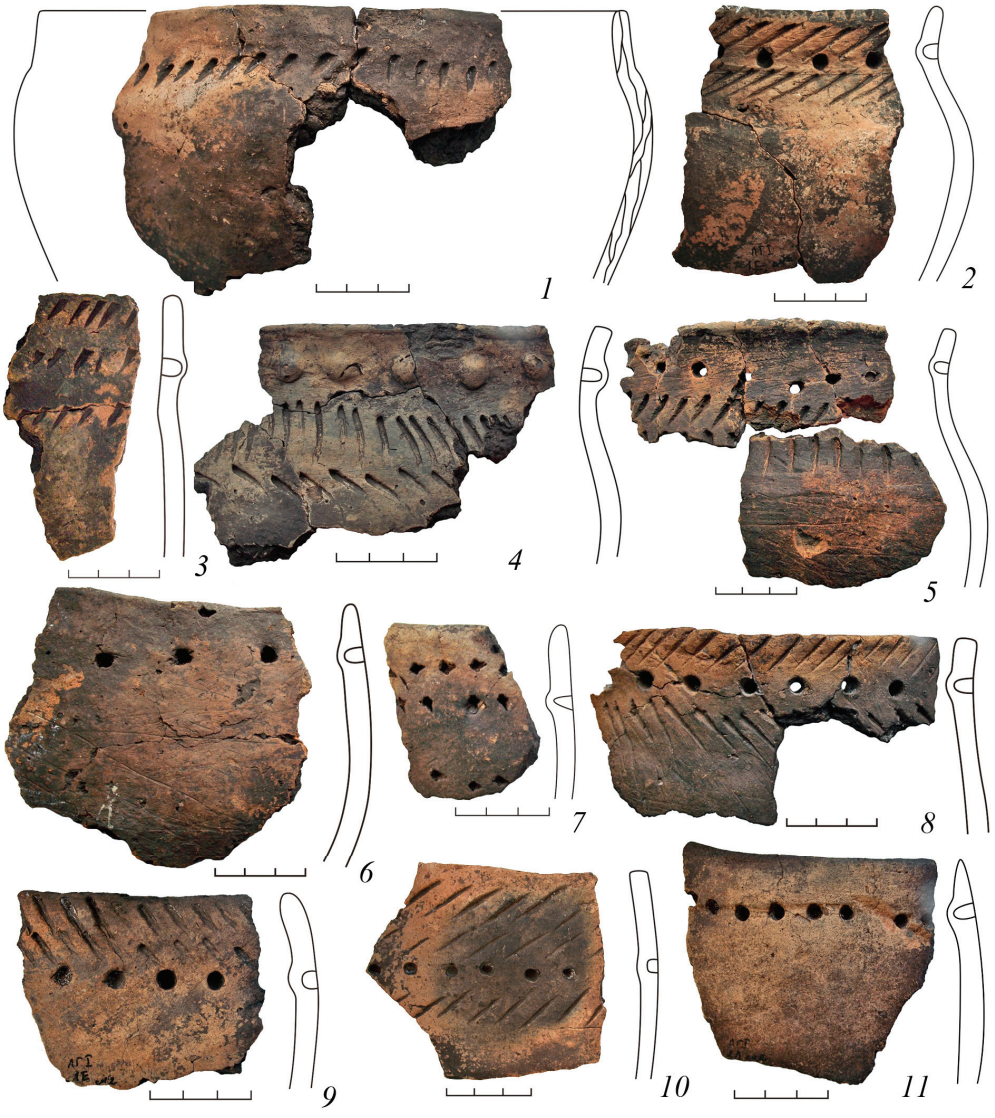

Рис. 3. Керамика начала раннего железного века городища Ласточкино Гнездо 1:
1, *2*, *4*, *5* — хорошо профилированный сосуды с отогнутыми или прямыми шейками (группа III); *3* — сосуд с дуговидной шейкой (группа I); *6, 7, 9–11* — сосуды закрытой формы (группа II); *8* — слабопрофилированный сосуд (группа IV).
Fig. 3. The ceramics of the early phase of the Iron Age of the settlement Lastochkino Gnezdo 1:
1, *2*, *4*, *5* — well profiled vessels with deflected or straight necks (group III); *3* — vessels with arcuate necks (group I); *6, 7, 9–11* — vessels of closed form (group II); *8* — weakly profiled (group IV).

Спецификой илистых глин является присутствие в их составе отпечатков обрывков стеблей и листьев растений без следов деформации длиной от 0,3–3,0 до (реже) 5,0–15,0 мм (рис. 4, *2, 3, 8*б, *9*б), единичен отпечаток семени размером 1,5 мм. В изломах двух сосудов обнаружены фрагменты раковин речных моллюсков размером 0,3 и 0,8 мм. Редки окатанные комочки чистой глины размером 0,5–1,2 мм. В изломах всех сосудов, изготовленных из данного вида ИПС, зафиксированы фрагменты чешуи и/или косточек рыб размером от 0,2 до 4,5 мм, единично — до 7,0–8,0 мм (рис. 4, *4, 5–7, 8*а, *9*а). Косточки и чешуя в виде фрагментов или целых экземпляров отмечены от единичных включений до 2–3 шт. в разных изломах сосуда.

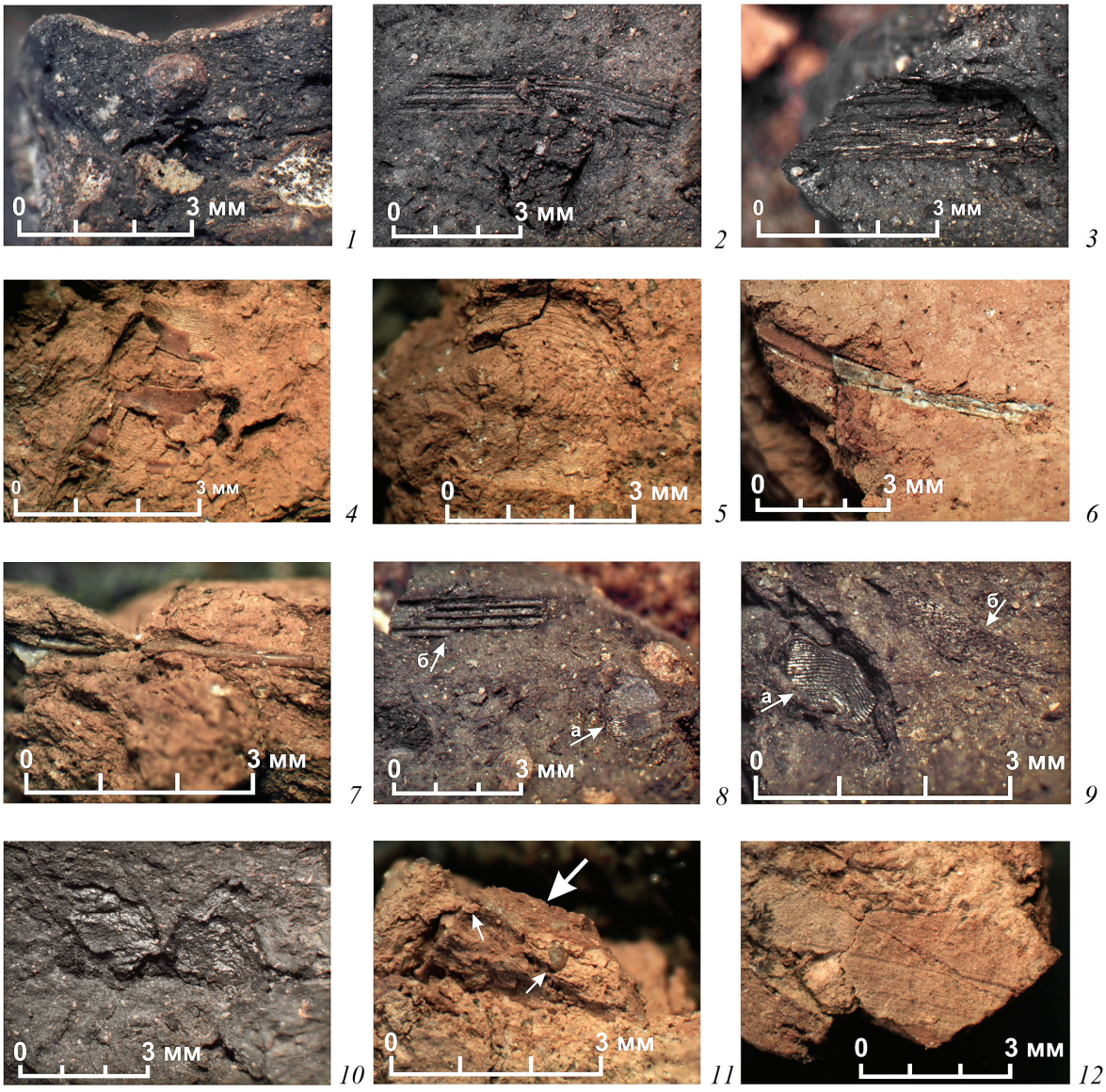

Рис. 4. Микроснимки естественных примесей в сырье (*1–9*) и искусственных добавок в формовочных массах сосудов (*10–12*):

1 — включение оолитового бурого железняка; *2, 3, 8б, 9б* — отпечатки растительности; *4, 5, 8а, 9а* — фрагменты чешуи рыб; *6, 7* — фрагменты косточек рыб; *10* — следы органического раствора; *11* — включение шамота, в составе которого отмечен шамот; *12* — включение шамота со следами обработки поверхности.

Fig. 4. Microphotographs of natural admixtures in raw materials (*1–9*) and artificial components in the molding masses of vessels (*10–12*):

1 — oolite iron ore; *2, 3, 8б, 9б* — vegetation prints; *4, 5, 8а, 9а* — fragments of fish scales; *6, 7* — fragments of bones of fishes; *10* — traces of organic solution; *11* — the chamotte, which included chamotte; *12* — the chamotte with traces of surface treatment.

Гончарами городища использовалось ИПС различной степени запесоченности. Слабозапесоченное сырье характеризуется наличием песка размером до 0,2 мм (20–50 включений на 1 см^2), единично — 0,4–1,5 мм. Среднезапесоченное ИПС содержит частицы песка размером до 0,2–0,3 мм (70–80 включений на 1 см^2), единично — 0,5 мм. В сырье сильной степени запесоченности концентрация песка значительна, основной размер песчинок составляет до 0,2–0,3 мм (более 100 включений на 1 см^2), часто фиксируется фракция размером 0,4–0,5 мм (от 3–5 до 15 включений на 1 см^2), единично — до 0,7–1,0 мм. Чаще всего для изготовления посуды отбирали сырье слабой степени запесоченности.

Корреляция полученных данных о видах ИПС и различных групп сосудов показала, что глины применялись при изготовлении слабопрофилированных изделий, а по степени запесоченности сырья весомых различий между группами не наблюдается (табл. 1).

Таблица 1

Соотношение видов и групп ИПС и морфологических групп керамики

Table 1

The ratio of kinds and groups of raw materials and morphological groups of ceramics

Виды и группы ИПС	Группа I*	Группа II	Группа III	Группа IV	*Всего* сосудов
Слабозапесоченная ОГ**	—	—	—	1/11,1***	1/2,3
Среднезапесоченная ОГ	—	—	—	1/11,1	1/2,3
Слабозапесоченная ИГ	12/85,7	10/71,5	6/85,7	6/66,7	34/77,3
Среднезапесоченная ИГ	—	1/7,1	1/14,3	—	2/4,5
Сильнозапесоченная ИГ	2/14,3	3/21,4	—	1/11,1	6/13,6
Всего сосудов	14/100	14/100	7/100	9/100	44/100

* Здесь и далее: группа I — сосуды с дуговидными шейками; группа II — сосуды закрытой формы; группа III — хорошо профилированные сосуды с отогнутой или прямой шейкой; группа IV — слабопрофилированные сосуды с прямой или слегка отогнутой шейкой.

** ОГ — природная ожелезненная глина; ИГ — илистая глина.

*** Здесь и далее в числителе — количество сосудов, в знаменателе — процент от общего количества сосудов.

Судя по отсутствию признаков предварительного высушивания и дробления, различные виды ИПС использовались в состоянии естественной влажности.

В ходе исследования в 150–200 м от обрыва коренной террасы р. Ишим, на которой расположено городище, был произведен отбор сырья. Анализ образцов показал наличие в качестве естественных примесей: 1) в основном полуокатанного прозрачного и полупрозрачного песка размером от ≤ 0,1 до 0,3 мм, единично — 0,5–1,0 мм; 2) карбонатных включений в виде окатанных комочков молочного цвета размером от 0,1–1,0 до 3,0–4,0 мм, единично — до 10,0 мм; 3) окислы железа в виде оолитового бурого железняка размером 0,2–1,5 мм; 4) единичных обломков раковин речных моллюсков размером 0,5–1,0 мм. Специфические особенности образцов позволяют заключить, что в местах, расположенных на террасе непосредственно рядом с городищем, сырье гончарами не отбиралось, а вероятнее всего, источники были приурочены к пойме р. Ишим.

Наблюдения за *составом формовочных масс* выявили, что в качестве минеральной примеси гончарами использовался только шамот, не подвергавшийся калибровке, добавлявшийся в основном в концентрации 1:5/6 (88,6 %).

Корреляция выделенных групп сосудов, размерности включений и концентрации шамота достаточно четких закономерностей не выявила (табл. 2). Не обнаружилось и какой-либо зависимости при сопоставлении данных о степени запесоченности ИПС и концентрации примеси. Можно отметить только, что шамот в низкой концентрации отмечен лишь по изломам сосудов групп I и IV.

Таблица 2

Соотношение основных групп сосудов, размерности и концентрации шамота

Table 2

The ratio of major groups of vessels, dimension and concentration of chamotte

Шамот	Группа I	Группа II	Группа III	Группа IV	Всего сосудов
Шамот до 2,0 мм, единичные включения 3,0 мм*	4/28,6	2/14,3	1/14,3	3/33,3	10/22,7
Шамот до 2,0–3,0 мм, встречаются включения до 4,0–8,0 мм	10/71,4	12/85,7	6/85,7	6/66,7	34/77,3
1:4**	—	—	—	1/11,1	1/2,3
1:5	10/71,4	9/64,3	5/71,4	1/11,1	25/56,8
1:6	2/14,3	5/35,7	2/28,6	5/55,6	14/31,8
1:7	1/7,1	—	—	2/22,2	3/6,8
1:9	1/7,1	—	—	—	1/2,3
Всего сосудов	14/100	14/100	7/100	9/100	44/100

* Размерность шамота.

** Концентрация шамота.

В качестве органических компонентов гончарами использовались органические растворы предположительно двух разновидностей. Первая представлена в изломах в виде аморфных или вытянутых пустот размером до 1,5–3,0 мм, покрытых бесцветными или черного цвета пленками с жирным блеском (рис. 4, *10*). Данные растворы, вероятно, изготовлены на основе веществ животного или растительного происхождения.

Другая разновидность характеризуется незначительным количеством отпечатков сильно измельченной растительности размером до 2,0 мм, единично — 5,0 мм, сопровождающихся пустотами размером до 1,0 мм со сглаженными стенками, покрытыми бесцветными маслянистыми пленками, а также рыхлых комочков темно-коричневого цвета размером до 1,0 мм. Мы предположили наличие органического раствора в виде выжимки из навоза жвачных животных. Встреченные комочки, возможно, связаны с выделением избыточных микроэлементов, входивших в состав растений [Бобринский, 1999, с. 19].

На основании сочетания различных видов добавок и видов ИПС удалось выделить четыре рецепта составления формовочных масс (табл. 3).

Таблица 3

Соотношение основных групп сосудов и рецептов составления формовочных масс

Table 3

The ratio of the main groups of the vessels and recipes of the molding masses

Рецепты формовочных масс	Группа I	Группа II	Группа III	Группа IV	*Всего* сосудов
ОГ + Ш + В	—	—	—	1/11,1	1/2,3
ОГ + Ш + ОР	—	—	—	1/11,1	1/2,3
ИГ + Ш	3/21,4	3/21,4	1/14,3	1/11,1	8/18,1
ИГ + Ш + ОР	11/78,6	11/78,6	6/85,7	6/66,7	34/77,3
Всего сосудов	14/100	14/100	7/100	9/100	44/100

* Ш — шамот; ОР — органический раствор; В — выжимка из навоза.

Корреляция полученных данных о рецептах формовочных масс и основных морфологических групп определенных закономерностей не выявила.

Технико-технологический анализ шамота показал, что раздробленные сосуды также были изготовлены из ИПС в основном слабой степени запесоченности, а в составе шамота также зафиксирован шамот (рис. 4, *11*). По этим данным можно предположить, что навыки отбора в основном слабозапесоченного сырья и составления формовочных масс с добавлением минеральной примеси были устойчивыми в среде гончаров, проживавших на городище.

Фрагментированность керамического комплекса не позволила выявить достоверные признаки, позволяющие сделать заключение об особенностях *конструирования начина и полого тела, формообразования сосудов*. Судя по многослойности изломов стенок наиболее крупных фрагментов изделий, при их изготовлении в качестве «строительных элементов» использовались лоскуты, т.е. небольшие порции формовочной массы, наложение которых производилось по траектории, близкой к спиралевидной (рис. 2, *9*; 3, *1*).

Среди *способов механической обработки поверхностей* в ходе исследования выделено простое заглаживание, которое чаще всего осуществлялось деревянными ножами или скребками (63,6 % всех сосудов), реже — шпателями (31,8 %). На внешней поверхности четверти изученных изделий отмечены следы уплотнения (т.е. лощения без характерного матового блеска), производившегося инструментом с гладкой рабочей поверхностью после заглаживания, при этом выполнялось оно довольно небрежно. При анализе отдельных частиц шамота, на которых сохранились участки поверхностей, также часто фиксировались следы от заглаживания деревянными инструментами (рис. 4, *12*), что позволяет считать данный прием обработки устойчивым у гончаров городища.

Придание прочности и водонепроницаемости стенок сосудов осуществлялось в основном смешанными способами, т.е. путем введения органических компонентов в формовочную массу и обжига высушенных изделий [Бобринский, 1999, с. 85–106]. Анализ цветовой характеристики изломов изученных фрагментов сосудов указывает на то, что в основном изделия испытывали непродолжительное действие температур каления: ширина осветленных слоев составляет, как правило, от 0,1 до 1,0−1,5 мм, редко — 2,0–3,0 мм (35 сосудов, или 83,9 %). Незначительна группа сосудов со сплошным темно-серым изломом (4 сосуда, или 9,1 %). Изученные изделия в

основном имеют пятнистые поверхности, значительно реже — осветленные полностью либо темно-серые. У трех изученных фрагментов изломы практически полностью осветлены, что, на наш взгляд, может свидетельствовать о попадании их в зону действия высоких температур повторно уже после гибели сосудов.

Отмеченные особенности поверхностей и изломов сосудов говорят об обжиге изделий в кострищах или очагах чаще всего с ограниченным доступом кислорода и кратковременным действием температур каления глины (не ниже 650 °С).

Все сосуды городища *орнаментированы*, однако по набору элементов и композициям узоры отличаются бедностью. Анализу подвергнуто 50 сосудов, относящихся к разным группам (табл. 4). Орнамент расположен в основном в верхней зоне, редко спускаясь на плечико изделий. Узор наносился в технике штампования, гладким штампом. В некоторых случаях характер орнаментира трудноопределим (рис. 2, *3*), а в одном случае наблюдаются оттиски, напоминающие «змейку» (рис. 2, *8*). Использование гребенчатого штампа нами не зафиксировано, однако гребенчатые орнаменты отмечены В.А. Захом [2009, с. 72]. У половины сосудов всех групп орнаментирован срез венчика в основном рядом насечек, единично представлен орнамент в виде зигзага. Массово распространенным элементом декора являются ямочные вдавления. Подчеркнем, что 34 % всех сосудов орнаментированы только одним-двумя поясками таких вдавлений, а наиболее часто они встречаются на сосудах закрытой формы (56,3 %). Лишь на хорошо профилированных изделиях (группа III) ямочные вдавления всегда сочетаются с другими элементами орнамента. Значительно реже отмечаются жемчужины, расположенные в верхней зоне изделий. Композиции на гончарных изделиях чаще всего состоят из нескольких рядов наклонных или вертикальных оттисков штампа. Вертикальный зигзаг и горизонтальная елочка представлены единично.

Таблица 4

Особенности орнаментации на сосудах городища Ласточкино Гнездо 1

Table 4

Features of ornamentation on vessels of the settlement Lastochkino Gnezdo 1

		Группа I (14 сосудов)	Группа II (16 сосудов)	Группа III (9 сосудов)	Группа IV (11 сосудов)	*Всего* 50 сосудов
Орнаментир	Гладкий штамп	7/50	5/31,2	8/88,9	6/54,5	26/52
	Орнаментир с неясным рабочим краем	3/21,4	2/12,5	1/11,1	1/9,1	7/14
Техника нанесения	Штампование	10/71,4	7/43,7	9/100	7/63,6	33/66
	Вдавление	—	1/6,2	—	—	1/2
	Ямки	11/78,6	15/93,7	6/66,7	10/90,1	42/84
	Жемчужины	5/35,7	2/12,5	3/33,3	2/18,2	12/24
Элементы орнамента	Жемчужины на шейке или в верхней части сосуда	5/35,7	2/12,5	3/33,3	2/18,2	12/24
	Ямки на шейке или в верхней части сосуда	1/7,1	15/93,7	1/11,1	4/36,4	21/42
	Ямки в переходной зоне от шейки к плечику	11/78,6	—	5/55,5	6/54,5	32/64
	Ямки на плечике/тулове	3/21,4	—	—	1/9,1	4/8
	Елочка горизонтальная	1/7,1	—	—	1/9,1	2/4
	Ряд наклонных или вертикальных оттисков штампа	6/42,8	7/43,7	8/88,9	5/45,4	26/52
	Вертикальный зигзаг	2/14,2	—	—	1/9,1	3/6
	Горизонтальные линии из оттисков штампа	1/7,2	—	1/11,1	1/9,1	3/6
	Ромбовидные вдавления	—	1/6,2	—	—	1/2
	Орнамент на срезе венчика	8/57,1	9/56,2	5/55,5	4/36,4	26/52

Обобщение полученных аналитических данных свидетельствует, что традиции гончарного производства у населения начального этапа раннего железного века на городище Ласточкино Гнездо 1, по крайней мере, на уровне приспособительных навыков труда были устойчивыми.

Обсуждение результатов

В итоге исследований на городище Ласточкино Гнездо 1 получены данные о традициях домостроительства и фортификационного зодчества, существовавших у населения начального

этапа раннего железного века. Выявлено, что проживавшая на территории городища группа возводила жилища наземного типа без котлована. Фортификации вокруг поселения представляли систему вал — ров, а на валу, судя по обуглившимся остаткам, была возведена деревянная конструкция, вероятно, в виде плетня. Сопоставление материалов, полученных за все годы исследований на городище, с хронологически близкими комплексами показывает, что в переходный период и на начальном этапе раннего железного века в Приишимье распространяется традиция возведения построек наземного типа без котлованов. Остатки наземного жилища изучены на поселении красноозерской культуры Мергень 2 [Зах, Зимина, 2014], а также на городище Борки 1, оставленном носителями журавлевских традиций [Зах и др., 2015a]. Наземные сооружения известны на Лихачевском городище [Цембалюк, Берлина, 2014]. С этим же периодом связано появление слабоукрепленных поселков.

Что касается сопоставления традиций домостроительства и фортификационного зодчества, существовавших у населения начального этапа раннего железного века Приишимья и Прииртышья, то обнаруживаются определенные различия. Так как постройки и оборонительные сооружения, доподлинно связанные с журавлевскими комплексами, в Прииртышье неизвестны, есть возможность сравнения лишь с данными, полученными при исследовании памятников богочановского этапа [Данченко, 1996, с. 20]. Поселки также имели фортификационные сооружения в виде вала и рва (Богочановское, Михайловское городища), однако более мощные, чем у поселений в Приишимье[2]. Население богочановской культуры на позднем этапе возводило конструкции наземного типа, но со слабоуглубленным в материк котлованом, при этом сооружались как одно-, так и многокамерные жилища [Могильников и др., 1991, с. 198–201; Данченко, 1996, с. 39–44].

В целом привлечение информации по памятникам конца VIII — VI в. до н.э. сопредельных с Приишимьем территорий свидетельствует, что в этот период строительство наземных сооружений и зачастую возведение укреплений вокруг поселков были широко распространены [Зимина, Зах, 2009; Зах и др., 2015a; Цембалюк, 2009; и др.]. Выскажем предположение, что аналогичность данных традиций, существовавших у культурно различных групп населения, показывает эпохальный характер этого явления у древних обществ, вероятно, связанного с изменениями в образе жизни, хозяйственном укладе, возможно, представлениях в духовной сфере.

Особую роль в изучении культурно-исторического процесса в рамках VII–V вв. до н.э. имеет одно из самых традиционных производств — изготовление керамики, устойчивость которого обеспечивалась в том числе механизмами передачи приемов труда только контактным способом и по родственным каналам [Бобринский, 1978].

Результаты исследования технологических особенностей выделенных групп посуды свидетельствуют о достаточной однородности гончарных традиций у населения городища. Результаты исследования позволяют заключить, что сосуды, несмотря на различия в морфологии, были изготовлены гончарами единой в культурном отношении группы населения и находились в обиходе относительно одновременно.

В связи с постановкой вопроса о культурно-хронологической идентификации комплекса городища Ласточкино Гнездо 1 необходимо отметить несколько важных моментов. С одной стороны, облик керамического комплекса, традиции домостроительства и возведения фортификационных сооружений, немногочисленный инвентарь демонстрируют определенную степень сходства с ранним, журавлевским этапом богочановской культуры и Приишимья, и Прииртышья. В то же время сопоставление информации о технологии изготовления сосудов городищ Борки 1 и Ласточкино Гнездо 1 выявило, на наш взгляд, достаточно весомые различия. В частности, сосуды, происходящие с Борковского городища, изготавливались чаще из природных в основном сильно запесоченных глин. В составе формовочных масс также отмечается шамот, но в низкой концентрации (1:7–9) либо в виде единичных включений, при этом массы незначительной части сосудов минеральной примеси не содержат вовсе. В остальном же (использование в качестве «строительных элементов» лоскутов при конструировании сосудов, обработка поверхностей изделий в основном деревянными инструментами, оставляющими «расчесы»)

[2] Е.М. Данченко описаны конструкции на валу городища Борки 1, которые он, вслед за И.А. Сыркиной, связывал с журавлевским комплексом [1996, с. 16–17], но стратиграфические и планиграфические наблюдения, радиоуглеродное датирование, произведенные по результатам работ в 2013 г., позволили достоверно соотнести первую линию обороны с эпохой средневековья [Зах и др., 2015b].

керамические коллекции демонстрируют сходство и единые в целом тенденции, свойственные гончарным системам древнего населения в переходный период к эпохе железа.

В морфологии сосудов данных городищ в первую очередь обращает на себя внимание соотношение разных групп сосудов. По сравнению с «классическими» журавлевскими комплексами с памятников Приишимья и Прииртышья на городище Ласточкино Гнездо 1 количество изделий с дуговидными шейками незначительно, в целом отмечается угасание традиции оформления верхней части сосуда подобным образом. Более высок процент сосудов закрытых форм. В орнаментации отличия выражаются не только в монотонности узоров либо полном отсутствии оных на сосудах групп I, II и IV, что для керамики, например, городища Борки 1 — достаточно редкое явление, но и в резком преобладании ямочных вдавлений над жемчужинами. Исходя из анализа морфологических признаков делаем вывод о более поздней хронологической позиции комплекса Ласточкина Гнезда 1.

В связи с отсутствием данных о технологии изготовления сосудов богочановского этапа богочановской культуры сравнение с изученными нами материалами возможно лишь по морфологическим особенностям опубликованных сосудов. Следует, однако, отметить, что, несмотря на представленные в работе Е.М. Данченко [1996] подробное описание типов форм и орнаментации изделий, результаты статистической обработки и иллюстративный ряд, сопоставление проведено нами в самом общем виде. Связано это с тем, что к богочановским древностям автор исследований не отнес изделия с дуговидными шейками, соответствующие, по его мнению, более ранней, журавлевской традиции [Там же, с. 54]. В целом большая часть выделенных групп сосудов городища Ласточкино Гнездо 1 находит аналоги в богочановских коллекциях с памятников Прииртышья. Различия проявляются в особенностях орнаментации. Узор на богочановские сосуды наносился в основном гребенчатым штампом. В изученной нами части коллекции с Ласточкина Гнезда 1 использование «гребенки» не зафиксировано. Разительно количественное соотношение сосудов с ямочными вдавлениями — от 1,4 до 7,8 % на богочановских памятниках Прииртышья и 84 % на городище Ласточкино Гнездо 1. Хотя среди мотивов орнамента преобладающим и на богочановских сосудах, и в комплексе Ласточкина Гнезда 1 выступает ряд наклонных оттисков штампа, по совокупности всех выделенных элементов узора также отмечается различие коллекций. На богочановских изделиях элементы орнамента более разнообразны: волна, выполненная штампом «змейка» или «скоба», сетка, зигзаги, вертикальная елочка, вертикальные и наклонные столбики из оттисков штампа, меандровые и ленточные узоры и т.д. Таким образом, сопоставление комплекса городища Ласточкино Гнездо 1 с богочановскими древностями Прииртышья все же не позволяет рассматривать его в рамках богочановского этапа богочановской культуры.

На сегодняшний день результаты исследования материалов начала раннего железного века Приишимья, несмотря на определенные различия в технологии изготовления сосудов городищ Борковского и Ласточкино Гнездо 1, позволяют в культурно-хронологическом отношении рассматривать комплекс последнего как позднежуравлевский. Подчеркнем, что этот вопрос нуждается в дальнейшем исследовании и аргументации, основанной на более широком круге данных по морфологии и технологии сосудов из коллекций памятников заключительного этапа переходного периода от бронзового века к железному — начала раннего железного века Ишимо-Иртышского междуречья.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.

Данченко Е.М. Южнотаежное Прииртышье в середине — второй половине I тыс. до н.э. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1996. 212 с.

Зах В.А. Городище Ласточкино Гнездо 1 в Нижнем Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 11. С. 67–80.

Зах В.А., *Еньшин Д.Н.*, *Рафикова Т.Н.*, *Костомаров В.М.*, *Илюшина В.В.* Раннесредневековые комплексы городища Борки 1 в Нижнем Приишимье // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Материалы всерос. конф., г. Тюмень, 6−10 апр. 2015 г. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2015b. Вып 3. С. 127−132.

Зах В.А., *Зимина О.Ю.* Ранний комплекс красноозерской культуры поселения Мергень 2 в Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 4 (27). С. 49–60.

Зах В.А., *Илюшина В.В.*, *Тигеева Е.В.*, *Еньшин Д.Н.*, *Костомаров В.М.* Закрытый журавлевский комплекс городища Борки 1 в Нижнем Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015а. № 2 (29). С. 4–14.

Зимина О.Ю., *Зах В.А.* Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. Новосибирск: Наука, 2009. 232 с.

Могильников В.А., *Данченко Е.М.*, *Труфанов А.Я.* Богочановское городище и проблемы культурной стратификации лесного Прииртышья в эпоху бронзы и раннего железа // СА. 1991. № 3. С. 196–220.

Рафикова Т.Н., *Берлина С.В.* Фортификации городища Ласточкино Гнездо 1 эпохи средневековья: К проблеме культурных контактов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 4 (27). С. 69–76.

Цембалюк С.И. Характеристика поселений и жилищ баитовской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 10. С. 57–65.

Цембалюк С.И. Начало раннего железного века в Приишимье // V (XXI) Всерос. археол. съезд. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2017. С. 1107.

Цембалюк С.И., *Берлина С.В.* Комплекс раннего железного века городища Лихачевское в Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 3 (26). С. 55–65.

Цетлин Ю.Б. Керамика: Понятия и термины историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2017. 346 с.

V.V. Ilyushina, T.N. Rafikova
Tyumem Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygin st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: vika_tika@mail.ru;
tnrafikova@yandex.ru

EARLY IRON AGE COMPLEX OF THE LASTOCHKINO GNEZDO 1 SETTLEMENT IN THE LOWER ISHIM RIVER BASIN

In this article, we present the results of a study carried out at the Early Iron Age site in the multi-layered settlement Lastochkino Gnezdo 1 in the Lower Ishim river basin. Following a series of fieldwork studies, it is revealed that this Early Iron Age settlement featured defence constructions in the form of a ditch and a rampart. The discovered hearth and the remains of vessels around it allowed us to suggest the presence of a ground structure built without a pit. The ceramic collection of the settlement is not numerous, comprising about 150 vessels. Four main morphological groups of artefacts have been distinguished. 44 vessels were subjected to technical and technological analysis. The study was carried out applying the historical and cultural methodological approach developed by A.A. Bobrinsky. The study of the technological features of the vessels has confirmed the homogeneity of pottery traditions among the population of the settlement. Potters mainly used silt clay as the initial plastic raw material. Moulding masses were prepared using fireclay and organic additives. When designing vessels, potters used flaps as building elements. Surface treatment methods included smoothing, most frequently with wooden scrapers, knives or spatulas. Only a quarter of the vessels have traces of compaction. The ceramics was fired in hearths or fireplaces. Ornamentation is scarce: the main decorative technique used was imprinting with inclined lines. In some cases, impressed holes were the only decoration. Our findings show that the vessels, despite differences in morphology, were made by potters belonging to a single cultural group and were in use approximately at the same time. The comparison of the data on the specifics of the vessels from the Lastochkino Gnezdo 1 site with those from the Zhuravlevo complex found in the ancient settlement Borki 1, and with the collections from the Bogochanovo culture sites in the Irtysh river area has shown only a certain degree of their similarity. At the current level of research, it is possible to determine the cultural and chronological position of the materials under study as belonging to the Late Zhuravlevo culture.

Key words: Low Ishim river basin, settlement Lastochkino Gnezdo 1, the early phase of the Iron Age, pottery, technical and technological analysis, ornamentation.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-061-073

REFERENCES

Bobrinskii A.A. (1978). *The Pottery of Eastern Europe: Sources and methods of study*, Moscow: Nauka.

Bobrinskii A.A. (1999). Pottery technology as an object of historical and cultural studies. *Aktual'nye problemy izucheniia drevnego goncharstva*, Samara: Izd-vo Samarskogo gosudarstvennogo universiteta, 5–109.

Danchenko E.M. (1996). *South forest Irtysh basin in the middle — the second half of the 1st millennium BC*, Omsk: Izd-vo OmGPU.

Mogil'nikov V.A., Danchenko E.M., Trufanov A.Ia. (1991). Bogochanovo settlement and problems of cultural stratification of the forest Irtysh during the Bronze and Early Iron Age. *Sovetskaya arkheologiia*, (3), 196–220.

Rafikova T.N., Berlina S.V. (2014). Fortification of the settlement of Lastochkino Gnezdo 1 of the Middle Ages: To the problem of cultural contacts. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (4), 69–76.

Tsembaliuk S.I. (2009). Characteristics of the settlements and dwellings of the Baitovo culture. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (10), 57–65.

Tsembaliuk S.I. (2017). Beginning of the Early Iron Age in Ishim basin. *V (XXI) Vserossiiskii arkheologicheskii s"ezd*, Barnaul: Izd-vo AltGU, p. 1107.

Tsembaliuk S.I., Berlina S.V. (2014). The complex of the Early Iron Age fortifications of the settlement of Likhachevskoe in Ishim basin. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (3 (26)), 55–65.

Tsetlin Iu.B. (2017). *Ceramics: Concepts and definitions of the historical-and-cultural approach*, Moscow: IA RAN.

Zakh V.A. (2009). An ancient settlement of Lastochkino Gnezdo 1 in Lower Ishim basin. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (11), 67–80.

Zakh V.A., En'shin D.N., Rafikova T.N., Kostomarov V.M., Iliushina V.V. (2015b). Early Medieval complexes of the ancient settlement of Borki 1 in the Lower Ishim basin. *Chelovek i Sever: Antropologiia, arkheologiia, ekologiia: Materialy vserossiiskoi konferentsii, g. Tiumen', 6−10 aprelia 2015 g.*, (3), Tiumen': Izd-vo IPOS SO RAN, 127−132.

Zakh V.A., Iliushina V.V., Tigeeva E.V., En'shin D.N., Kostomarov V.M. (2015a). Indoor Zhuravlevo complex of the settlement Borki 1 in Lower Ishim basin. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (2), 4–14.

Zakh V.A., Zimina O. Iu. (2014). The early complex of the Krasnoozerka culture of the settlement Mergen 2 in Ishim basin. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (4), 49–60.

Zimina O.Iu., Zakh V.A. (2009). *The Lower Tobol basin at the turn the Bronze and Iron Ages*, Novosibirsk: Nauka.

А.А. Казаков

Барнаульский юридический институт МВД России
ул. Чкалова, 49, Барнаул, 656038
E-mail: kaa-2862@mail.ru

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС МАЙМИНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Работа посвящена анализу керамического комплекса майминской археологической культуры, ранее не предпринимавшемуся ни одним из исследователей, с целью выявления этапов и эволюционной линии развития культуры. На основании качественного и количественного анализа по пяти основаниям (форма сосуда, форма дна, форма венчика, орнаментальный элемент, орнаментальный мотив) выделены три группы памятников, которые соотносятся с тремя этапами ее развития. Построена относительная хронология этапов развития культуры, намечены их абсолютные хронологические рамки. Этапы получили название по наиболее характерным памятникам — сайлапский, горноелбанский и новозыковский. Предложена схема формирования культуры, появившейся в исследуемом регионе (среднее течение Бии — нижнее течение Катуни) в результате миграции инокультурного населения, намечена эволюционная линия развития керамического комплекса и представлена гипотеза относительно дальнейшей исторической судьбы культуры.

Ключевые слова: керамика, морфология, орнамент, археологическая культура, этап, эволюция, анализ.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-074-083

Светлой памяти М.Т. Абдулганеева

Майминская археологическая культура была выделена (как майминский тип керамики) и кратко охарактеризована М.Т. Абдулганеевым в начале 1990-х гг. [1992, 1993], однако до сих пор остается «вещью в себе». В настоящее время накоплена достаточная источниковая база, позволяющая структурировать материалы культуры, выделить этапы и, таким образом, наметить эволюционную линию ее развития.

По опубликованным источникам насчитывается 29 памятников майминской культуры (рис. 1). Из них 18 расположены в Алтайском крае, 11 — в Республике Алтай. Все памятники майминской культуры представляют собой поселенческие комплексы, известен лишь один погребально-поминальный комплекс в полу жилища на поселении Ушлеп 5, но его культурно-хронологическая принадлежность к майминской культуре дискуссионна [Кунгуров, Горбунов, 1993]. Так как самым информативным материалом с поселений является керамика, в качестве объекта изучения выбран керамический комплекс.

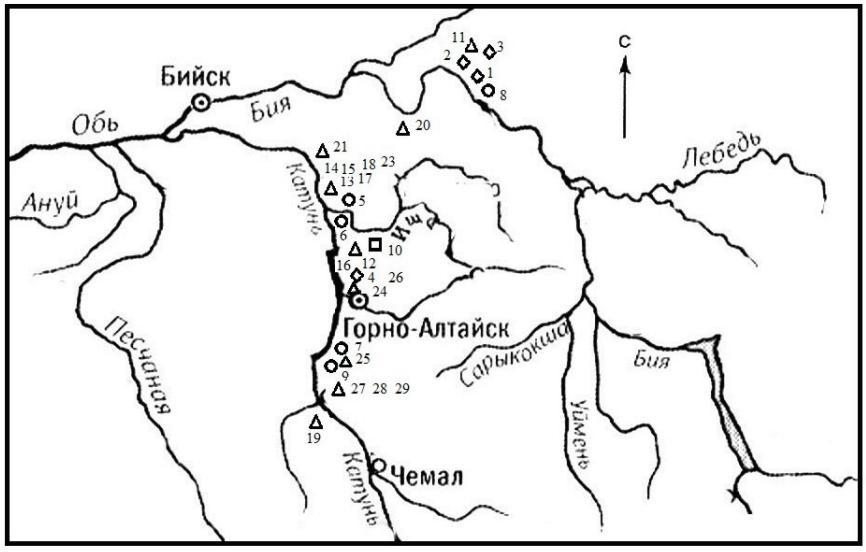
При анализе керамического материала использовались проверенные методики, апробированные Л.А. Чиндиной [1984, 1991], Т.Н. Троицкой [1979] и автором [Казаков, 2014].

Для проверки полученных результатов дополнительно был проведен многомерный статистический анализ, а именно кластер-анализ по методу полных связей (complete linkage method) с использованием алгоритма «дальнего соседа», когда основанием для присоединения каждого следующего объекта к тому или иному кластеру является его близость к наименее похожему на него объекту этого кластера [Абдулганеев, Владимиров, 1997, с. 50]. Обрабатывался материал по уже апробированной методике подсчета степени близости всех объектов исследуемых совокупностей посредством расчета коэффициента общего сходства Гауэра [Матренин, Тишкин, 2007, с. 107] с последующим преобразованием этих коэффициентов в кластеры [Григоров, Казаков, 2018] (выражаю искреннюю благодарность И.А. Казакову за проведенные расчеты и подготовку дендрограмм).

Ввиду немногочисленности выборок материала при его обработке учитывалось только наличие того или иного признака, без его статистической распространенности внутри керамического комплекса. Поэтому матрицы составлялись по принципу бинарной оппозиции «да — нет».

Коллекции, которые имеют минимальный набор признаков для первичного качественного и количественного анализа, происходят с 10 памятников, расположенных по всему ареалу май-

минской археологической культуры. Это городища Сайлап, Курлап (Курлак) [Скопинцева, 1993], Черемшанка, Манжерокское (Манжерок 3) [Соенов и др., 2016, с. 47–77], Усть-Иша 3а [Абдулганеев и др., 2001, с. 93; Абдулганеев, 2007, с. 258] и поселения Новозыково 3 [Казаков, Демин, 1992], Ушлеп 5 [Кунгуров, Горбунов, 1993, с. 99; Абдулганеев и др., 1995], Сайлапский Взвоз [Казаков, 1995], Горный Елбан [Абдулганеев и др., 2005] и Майма 1 [Абдулганеев, 1998, с. 166].

- памятники сайлапского этапа (site of Sailap stage).
- памятники горноелбанского этапа (sites of Gornyi-Elban stage).
- памятники новозыковского этапа (sites of Novozykovo stage).
- памятники майминской культуры безотносительно к этапам (sites of Maima culture without stage belonging).

Рис. 1. Расположение памятников майминской культуры:
1 — Сайлап; 2 — Курлап; 3 — Ушлеп 5; 4 — Майма 1; 5 — Горный Елбан; 6 — Усть-Иша 3а; 7 — Черемшанка; 8 — Сайлапский Взвоз; 9 — Манжерокское; 10 — Новозыково 3; 11 — Курлап 2; 12 — Усть-Иша 3б; 13 — Новосуртайка; 14 — Маяк 1; 15 — Верх-Иша 1; 16 — Верх-Иша 3; 17 — Горный 9; 18 — Горный 12; 19 — Емурлинское; 20 — Солонцы; 21 — Березовка 2; 22 — Техникум; 23 — Долина Свободы 2; 24 — Майма 14; 25 — Чултуков Лог 9; 26 — Майма 7; 27 — Барангол 5; 28 — Нижний Чепош 3; 29 — Нижний Чепош 4.

Fig. 1. Map of Mayma culture sites:
1 — Sailap; 2 — Kurlap; 3 — Ushlep 5; 4 — Mayma 1; 5 — Gornyi Elban; 6 — Ust'-Isha 3a; 7 — Cheremshanka; 8 — Sailapskii Vzvoz; 9 — Manzherokskoe; 10 — Novozykovo 3; 11 — Kurlap 2; 12 — Ust'-Isha 3б; 13 — Novosurtaika; 14 — Mayak 1; 15 — Verkh-Isha 1; 16 — Verkh-Isha 3; 17 — Gornyi 9; 18 — Gornyi 12; 19 — Emurlinskoe; 20 — Solontsy; 21 — Berezovka 2; 22 — Tekhnikum; 23 — Dolina Svobody 2; 24 — Mayma 14; 25 — Chultukov Log 9; 26 — Mayma 7; 27 — Barangol 5; 28 — Nizhnii Cheposh 3; 29 — Nizhnii Cheposh 4.

Анализу подверглись как морфологические особенности керамического комплекса (форма сосудов, форма дна, форма венчиков), так и особенности орнаментации (орнаментальный элемент, орнаментальный мотив). В результате получилось пять таблиц, на основании которых составлена исходная матрица, включающая все характеристики керамического комплекса майминской культуры. Первичный анализ по формам позволил выделить четыре группы памятников.

На памятниках первой группы преобладают горшковидные формы с развитой шейкой и экватором выше центра тулова. К этой группе относятся Горный Елбан, Усть-Иша 3а, Майма 1 и Черемшанка.

Ко второй группе памятников относится поселение Новозыково 3, только на нем встречены горшки несколько иных пропорций (шаровидное тулово — экватор проходит примерно посередине тулова) и горшки с прямым устьем. На этом памятнике не отмечено ни одной из наиболее распространенных форм — горшков с развитой шейкой и экватором выше центра тулова.

К третьей группе можно отнести городище Курлап. Только на этом памятнике встречены кубковидные сосуды. К четвертой группе относится поселение Ушлеп 5, занимающее промежуточное положение между городищем Курлап, на котором, как и на поселении Ушлеп 5, присутствуют пиалы

с плоским дном, и основной группой памятников с горшковидными сосудами с развитой шейкой и экватором выше центра тулова. Формализованный анализ подтверждает полученные выводы.

Сильная фрагментация сосудов из керамических комплексов поселений не всегда позволяет реконструировать формы, поэтому приходится анализировать еще и отдельные элементы форм, такие как днища и венчики.

По форме дна также выделяется несколько групп памятников. К первой относятся Новозыково 3, Майма 1, Манжерок 3, Черемшанка и Усть-Иша 3а. На этих памятниках встречены только плоские днища и плоские днища с намечающимся поддоном. Вторую группу составляют комплексы с поливариантными формами днищ — плоскими и круглыми. Это памятники Сайлап, Курлап, Ушлеп 5. К третьей группе относятся комплексы с днищами на поддонах: Курлап, Ушлеп 5 и Горный Елбан. Поселения Ушлеп 5 и Курлап входят как во вторую, так и в третью группу памятников, т.е. занимают своеобразное, промежуточное положение.

Важным морфологическим признаком является форма венчика сосуда. Основываясь на совпадениях и их отсутствии, можно выделить следующие группы памятников. К первой относятся городища Курлап и Сайлап, к ней примыкают (по три совпадения) Манжерок 3, Майма 1, Ушлеп 5. Ко второй — Усть-Иша 3а, Горный Елбан, Черемшанка, Ушлеп 5, Сайлапский Взвоз. К третьей группе, на основании близости к хорошо выделяемому поселению Новозыково 3, относятся Курлап, Ушлеп 5, Майма 1, Сайлапский Взвоз. Наиболее универсальным, совмещающим в себе признаки всех трех выделенных групп, является Ушлеп 5. Сайлапский Взвоз занимает промежуточное положение между второй и третьей группами памятников. Полученные выводы подтверждаются дендрограммой, построенной по данным о форме венчика.

Анализ по элементам орнамента показал, что наиболее распространенными в орнаментальной композиции, встреченными практически на всех памятниках майминской культуры, являются такие элементы, как ямки, гладкий штамп и пальцевые (ногтевые, защипные) элементы. На керамике семи памятников из десяти, что также говорит о широком распространении, встречены насечки. В орнаментации сосудов шести памятников отмечается крупнозубый гребенчатый штамп. В трех комплексах встречены S-образный гладкий штамп (уточка), полулунный штамп, наколы неправильной формы. Редкими, отмеченными на посуде двух памятников, являются гладкий штамп с усиленным концом и широкий гладкий штамп с усиленным концом. В одном комплексе зафиксированы каннелюра и отпечаток уголка лопаточки.

Основываясь на совпадениях орнаментальных элементов или на их отсутствии, можно выделить следующие группы памятников.

К первой относятся Сайлап, Курлап, Ушлеп 5, Майма 1.

Ко второй — Сайлапский Взвоз, Горный Елбан, Усть-Иша 3а, Черемшанка, Манжерок 3 и Курлап.

К третьей — поселение Новозыково 3, Курлап, Сайлапский Взвоз.

Можно выделить памятники, занимающие промежуточное положение между группами или входящие как в одну, так и в другую группу. Наиболее универсальным, вошедшим во все три группы, является Курлап. Сайлапский Взвоз занимает промежуточное положение между второй и третьей группами, являясь связующим звеном между ними.

Полученные выводы хорошо согласуются с дендрограммой.

Анализ орнаментальных мотивов показал, что на керамике всех памятников майминской культуры имеется горизонтальный мотив. Вертикальный отмечен в 8 из 10 комплексов, наклонный и комбинированный — в 7, елочка — в 5, зигзаг — в 4. Редкими, встреченными на посуде одного памятника, являются фестон и ленточный мотив.

Наибольшее разнообразие мотивов наблюдаем в комплексах поселений Майма 1 (7 из 8), Новозыково 3 (6 из 8) и Ушлеп 5 (5 из 8).

Дальнейший анализ по принципу количества — отсутствия совпадений не позволил выделить каких-либо закономерностей, позволяющих объединить памятники в группы.

На построенной по этому признаку дендрограмме выделяются следующие группы памятников: первая — Черемшанка, Манжерок 3; вторая — Новозыково 3, Майма 1, Сайлапский Взвоз, Сайлап, Курлап. Ушлеп 5 занимает промежуточное положение между этими группами. Насколько объективны данные дендрограммы при столь незначительном количестве исходных, судить трудно.

Проведем корреляцию данных, полученных по различным основаниям.

Наиболее специфичными, отличающимися друг от друга по большинству оснований, являются такие памятники, как Сайлап, Горный Елбан и Новозыково 3. Эти памятники ни разу не

встречаются в одной группе при делении по разным основаниям, следовательно, между ними самые большие различия. Поэтому именно эти памятники образуют ядра групп, вокруг которых будут формироваться схожие типы керамики.

В одной группе вместе с Сайлапом при классификации по разным основаниям в трех случаях встречены Курлап, Ушлеп 5, в двух случаях — Майма 1. Учитывая наибольшее сходство между этими памятниками, будем считать их входящими в первую группу памятников.

В одной группе вместе с Горным Елбаном при классификации по разным основаниям встречены Усть-Иша 3а (3 раза), Черемшанка (3 раза), Курлап (2 раза), Ушлеп 5 (2 раза), Сайлапский Взвоз (2 раза), Манжерок 3 (1 раз), Майма 1 (1 раз). По наибольшему сходству в эту группу входят Горный Елбан, Усть-Иша 3а, Черемшанка, Сайлапский Взвоз, Манжерок 3.

Учитывая, что Курлап, Ушлеп 5 и Майма 1 по наибольшему количеству совпадений включены в первую группу, считаем, что они являются теми базисными, переходными комплексами, на основе которых формируются признаки керамического комплекса памятников второй группы.

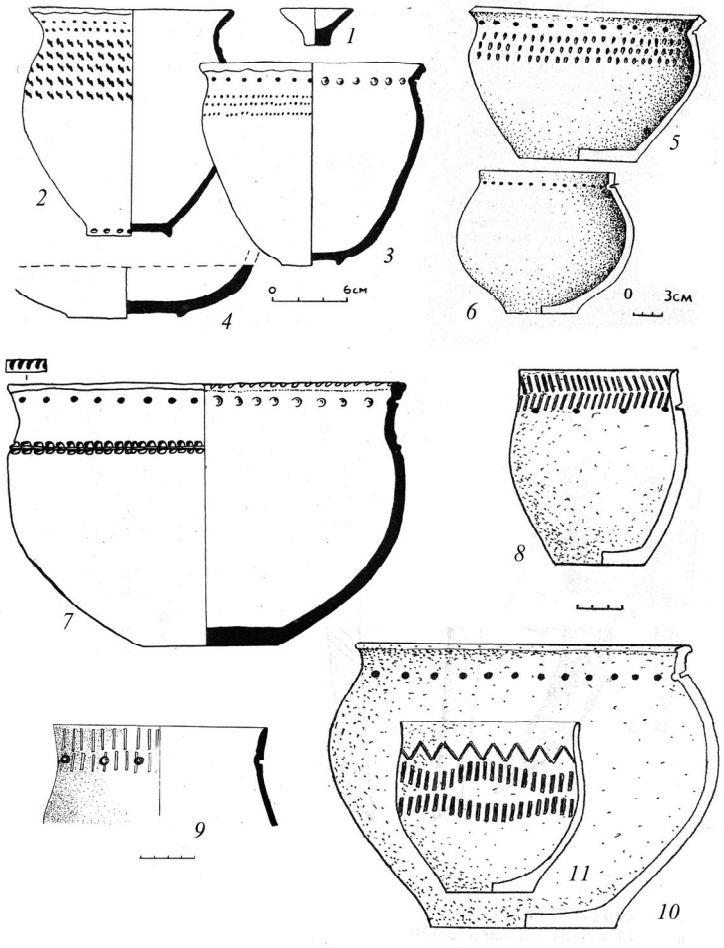

Рис. 2. Керамический комплекс сайлапского этапа (*1–4, 7* — Ушлеп 5 (по: [Кунгуров, Горбунов, 1993; Абдулганеев и др., 1995]); *8, 10, 11* — Майма 1 (по: [Абдулганеев, 1998]); *9* — Сайлап (по: [Скопинцева, 1993]).
Fig. 2. Ceramic complex of Sailap stage (*1–4, 7* — Ushlep 5 (according to: [Kungurov, Gorbunov, 1993; Abdulganeev et al., 1995]); *8, 10, 11* — Mayma 1 (according to: [Abdulganeev, 1998]); *9* — Sailap (according to: [Skopintseva, 1993]).

В одной группе вместе с Новозыково 3 встречены Майма 1 (2 раза), Курлап (2 раза), Сайлапский Взвоз (2 раза), Манжерок 3 (1 раз), Черемшанка (1 раз), Усть-Иша 3а (1 раз), Ушлеп 5 (1 раз). Учитывая, что все эти памятники по признакам большего сходства включены в другие группы, можно говорить о них как о базисных, переходных комплексах, на основе которых формируются основные признаки керамического комплекса памятников третьей группы, в настоящее время представленной единственным памятником — Новозыково 3.

Таким образом, анализ керамических комплексов с 10 памятников майминской археологической культуры позволил выделить три группы памятников, каждой из которых соответствует определенный тип керамики. Эти группы предлагается назвать по памятникам, имеющим наиболее выраженную идентичность,— сайлапская, горноелбанская и новозыковская.

В сайлапскую группу входят Сайлап, Курлап, Ушлеп 5, Майма 1 (рис. 2).

В горноелбанскую группу входят Горный Елбан, Усть-Иша 3а, Черемшанка, Сайлапский Взвоз, Манжерок 3 (рис. 3).

В новозыковскую группу входит Новозыково 3 (рис. 4).

Считаем, что деление керамического комплекса майминской культуры на различные типы соответствует существованию определенных этапов в эволюции керамического комплекса в целом и имеет хронологическую природу. Предлагаем выделить в развитии майминской культуры этапы, а их названия соотнести с названиями выделенных групп памятников.

Принимая во внимание даты для некоторых памятников, таких как Майма 1, который М.Т. Абдулганеев относил к I в. до н.э. — IV в. н.э. [1993, с. 3], Ушлеп 5, отнесенный А.Л. Кунгуровым и В.В. Горбуновым к первой половине I тыс. н.э. [1993, с. 101], Новозыково 3, датированный автором VI–VIII вв., полагаем, что первым этапом майминской культуры является сайлапский, начинающийся с I в. до н.э., за ним следует горноелбанский, верхняя хронологическая граница которого — VI в., и заключительный — новозыковский, соответственно VI–VIII вв. Вопрос о хронологической границе между сайлапским и горноелбанским этапом пока остается открытым; вполне возможно, она находится в пределах IV в.

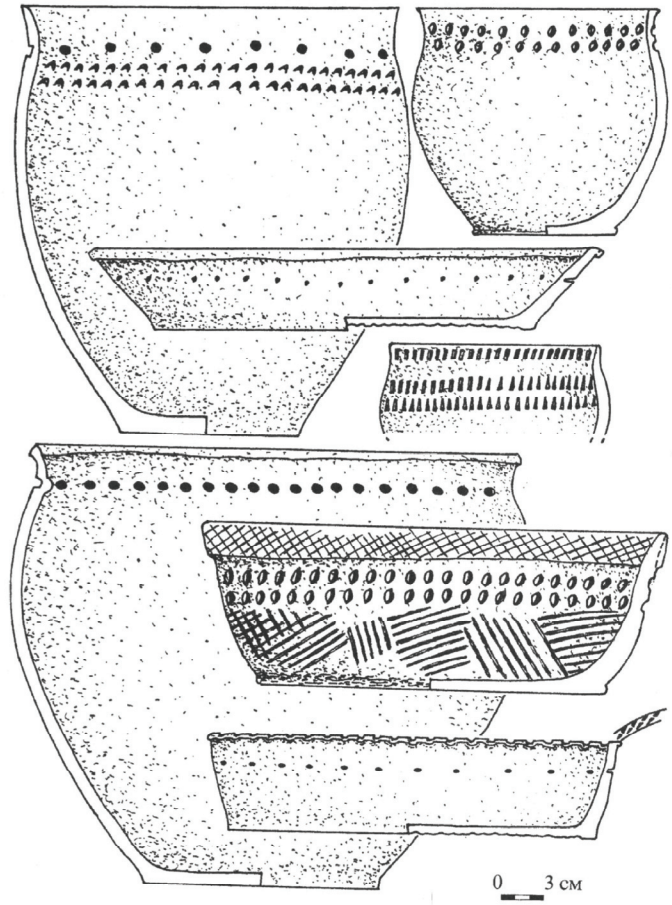

Рис. 3. Керамический комплекс горноелбанского этапа (Горный Елбан — по: [Абдулганеев и др., 2005]).
Fig. 3. Ceramic complex of Gornyi-Elban stage (Gornyi Elban — according to: [Abdulganeev and others, 2005]).

Учитывая выявленную относительно-абсолютную хронологию этапов майминской археологической культуры, на основании анализа ее керамического комплекса дадим его описание и попытаемся наметить закономерности развития.

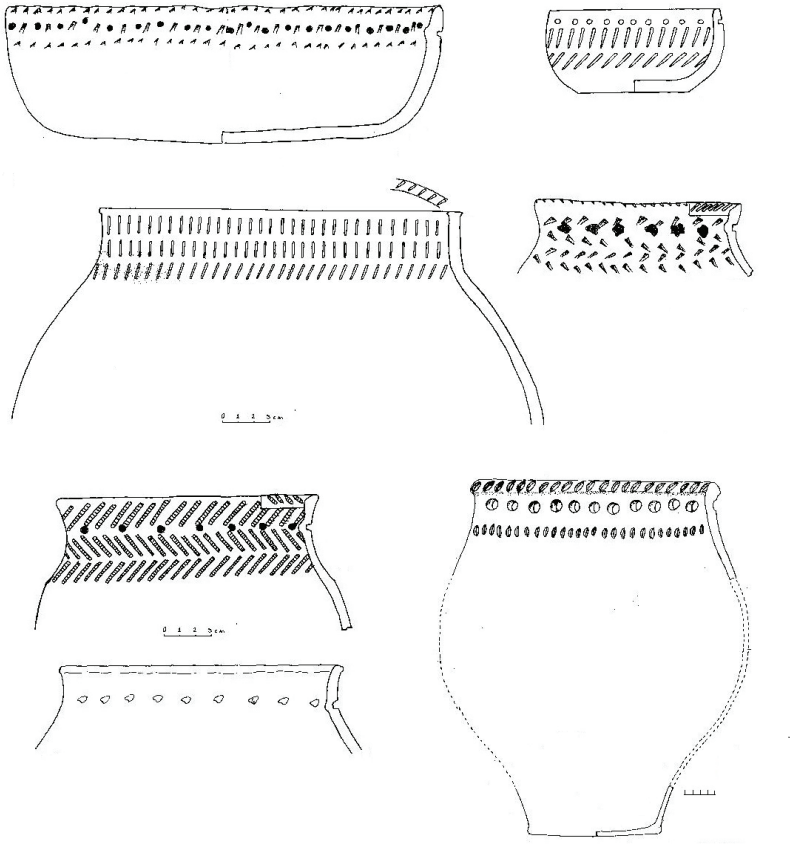

Рис. 4. Керамический комплекс новозыковского этапа (Новозыково 3).
Fig. 4. Ceramic complex of Novozykovo stage.

Наиболее полное его описание мы находим в работах М.Т. Абдулганеева, который характеризует его как плоскодонный, с преобладанием горшковидных сосудов, украшенных наколами различной формы. Отличительной особенностью майминской керамики М.Т. Абдулганеев считает широкое распространение гладкого штампа и крайне редкое использование гребенчатого [1992, с. 53; 1993, с. 4].

Полностью соглашаясь с приведенной характеристикой М.Т. Абдулганеева, дополним ее. Формы сосудов майминской культуры значительно более разнообразны. Многие комплексы имеют посуду с различными формами дна — наряду с плоскодонными представлены сосуды с различными вариантами круглодонности и на поддонах. Сосуды на поддонах не характерны для керамических комплексов предгорного, лесостепного и горного Алтая. На сопредельных территориях они встречаются в древностях таштыкской культуры [Вадецкая, 1999]. Сосуды на поддонах наиболее распространены на памятниках сайлапского этапа; реже фиксируются на горноелбанском и отсутствуют на новозыковском этапе, на которых встречены сосуды с намечающимся (исчезающим) поддоном.

Наиболее распространенной формой сосудов являются горшки с хорошо развитой шейкой и экватором выше центра тулова, с плоским дном. Основные пропорции — диаметр устья больше диаметра дна, а диаметр тулова может быть незначительно больше, равен высоте или незначительно меньше, чем высота сосуда.

На позднем этапе (новозыковском) встречаются горшки с прямым устьем и плоским дном, у которых диаметр устья больше диаметра дна, и горшки с неразвитой шейкой, шаровидным туловом (экватор примерно посередине тулова) и плоским дном с намечающимся поддоном, с диаметром устья большим, чем диаметр дна, диаметром тулова больше, чем диаметр устья, и высотой большей, чем диаметр тулова.

Кубковидные сосуды с приостренным дном в нашем регионе встречаются только на памятниках майминской культуры, как и пиалы с плоским дном, и сосуды на поддоне.

Самой распространенной формой венчика является прямая с округлым срезом. Достаточно характерны венчики прямые с горизонтальным срезом и подобные им, прямые с горизонтальным срезом и утолщением с внешней и внутренней стороны; профилированные с округлым срезом; прямые со срезом внутрь сосуда; профилированные с горизонтальным срезом; профилированные со срезом наружу. Остальные формы венчиков встречаются значительно реже. При большой вариативности форм венчиков к культуродиагностирующим этот признак вряд ли можно отнести.

Наряду с широким распространением гладкого штампа и редким использованием гребенчатого следует отметить высокую встречаемость на керамике майминской культуры полулунного штампа, который отмечен пока только на памятниках сайлапского этапа.

Это интересный орнаментальный элемент, который редко фиксируется в комплексах Алтайского края и распространен только на керамике майминской культуры с локализацией в междуречье Бии и Катуни и на посуде сошниковского этапа одинцовской культуры, что может свидетельствовать о большой доли майминского компонента в формировании этой культуры. Не случайно ареалы памятников майминской археологической культуры граничат с очагом формирования одинцовской культуры, памятниками сошниковского этапа. Полулунный штамп привнесен на одинцовскую керамику, вероятнее всего, от майминцев. Откуда он появился у них — вопрос открытый.

Наряду с гладким штампом на всех этапах повсеместно распространены ямки и пальцевые (ногтевые, защипные) орнаментальные элементы. Часто наблюдаются насечки и крупнозубый гребенчатый штамп. На памятниках сайлапского этапа встречен S-образный гладкий штамп (разновидность уточки). Фиксируются наколы неправильной формы, гладкий штамп с усиленным концом и широкий гладкий штамп с усиленным концом (горноелбанский и новозыковский этапы). Только на посуде одного памятника сайлапского этапа встречены каннелюры.

Следует отметить, что широко распространенные в предыдущий хронологический период жемчужины вообще не встречаются на майминской керамике, а отпечаток уголка лопаточки зафиксирован только в одном случае на одном памятнике, да и то с мешаным культурным слоем (быстрянско-майминским), и этот сосуд мог быть опубликован как майминский случайно.

Широкое распространение гладкого штампа является культуродиагоностирующим признаком майминской керамики, как уточка для кулайской.

Можно наметить эволюционные закономерности развития керамического комплекса майминской культуры.

Между майминской и предшествующей быстрянской керамикой существует крайне слабая связь; вероятнее всего, ее вообще нет. Об этом говорит отсутствие в комплексах майминской керамики широко распространенных в быстрянской культуре баночных форм, в орнаментации нет «жемчужника» и отпечатка уголка лопаточки, которые являются доминирующими орнаментальными элементами быстрянской посуды. Таким образом, в керамических комплексах майминской и быстрянской культур больше различий, чем сходства. Поэтому мы можем говорить о привнесении керамических традиций в ареал быстрянской культуры группой населения с иными культурными традициями, что очень похоже на ситуацию в лесостепном Алтае в первые века нашей эры, когда традиции населения раннего железного века были замещены традициями представителей фоминского этапа кулайской культуры [Грязнов, 1956, с. 99].

Достаточно узкая локализация сайлапской группы памятников в предгорной зоне Алтая и Присалаирья (правобережье р. Бии) (рис. 1) позволяет выделить территорию первоначального расселения мигрантов, которые затем распространились более широко, заняв и территории нижней Катуни и Горного Алтая. Несмотря на то что Майма 1 входит в эту группу памятников, по ряду признаков (отсутствие опубликованных сосудов на поддоне, таких орнаментальных элементов, как уточка и полулунный штамп) этот комплекс следует рассматривать как немного более поздний внутри этого этапа.

На сайлапском этапе характерными для керамики являются ранее неизвестные на этих территориях формы сосудов на поддоне, кубковидных сосудов, распространение ранее неизвестных орнаментальных элементов, таких как гладкий штамп, полулунный штамп и гладкая уточка.

Дальнейшее развитие этого комплекса происходило по пути смешения культурных традиций местного и пришлого населения — постепенного исчезновения поддонов, вытеснения полулунного штампа другими элементами орнамента, универсализации форм, что привело к формированию

керамического комплекса новозыковского этапа, у которого очень много общего с керамическими комплексами одинцовской культуры (один из признаков универсализации — шаровидность тулова).

Затрудняясь с определением региона, из которого в ареал майминской культуры были привнесены инокультурные традиции в изготовлении керамики, можем предположить восточное направление культурных связей.

О значительной роли кулайского компонента в формировании майминской культуры говорит присутствие в керамическом комплексе на сайлапском этапе такого орнаментального элемента, как гладкая уточка. Справедливости ради, следует отметить и наличие сосудов на поддоне в керамическом комплексе новосибирского варианта кулайской кульутры [Троицкая, 1979, с. 97, 108]. Вероятнее всего, эта морфологическая особенность была заимствована кулайскими племенами Новосибирского Приобья у культурного субстрата не майминской культуры, а более глобального культурно-исторического образования (метрополии), от которого и отпочковалось население, принесшее на берега Бии новые культурные традиции.

Расположение ареала памятников майминской культуры в зоне контактов двух крупнейших культурных суперрегионов — европейского и азиатского [Казаков, 2017a, 2017b] обусловило наличие и третьего компонента, а именно культур хуннуско-сяньбийско-жужанского круга, что выразилось в присутствии на территории распространения памятников майминской культуры погребально-поминальных комплексов булан-кобинской культуры, таких как Майма 7 [Серегин, Матренин, 2014, с. 119, 135], Усть-Муны 1 [Серегин, Матренин, 2014, с. 119, 142], Чултуков Лог 1 [Серегин, Матренин, 2014, с. 119, 245]. При наложении ареалов майминской и булан-кобинской археологических культур в районе нижнего течения Катуни неизбежно было взаимодействие — достаточно интенсивные контакты их носителей, что не могло не выразиться во взаимозаимствовании различных культурных традиций.

Ведущая роль в сложении булан-кобинской культуры восточного, хуннуского компонента [Серегин, Матренин, 2016, с. 145–147], являющегося базовым в формировании азиатского культурного суперрегиона [Казаков, 2017a, 2017b], объясняет наличие азиатского компонента в составе майминской культуры.

Таким образом, мы имеем дело с интересным культурным образованием, сформированным на основе культурных традиций, которые достаточно редко взаимодействуют друг с другом, расположенным в зоне контакта двух основных, крупнейших культурных суперрегонов Евразийского континента.

Кратко говоря об исторических судьбах майминской культуры, считаем наиболее вероятным ее трансформацию, ассимиляцию на основе очень плотного взаимовлияния с одинцовской культурой, в результате чего была сформирована новая археологическая культура — басандайская. Подобная гипотеза была высказана ранее [Казаков А.А., Казакова О.М., 2016; Григоров, Казаков, 2018], теперь же она получила еще одно подтверждение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абдулганеев М.Т. Раскопки у Маймы и Енисейского // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 52–53.

Абдулганеев М.Т. Майминская культура: (Предварительные итоги и перспективы изучения) // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. Томск, 1993. С. 3–5.

Абдулганеев М.Т. Поселение Майма 1 и культурно-хронологическая атрибутация земледельческих поселений Горного Алтая // Древние поселения Алтая. Барнаул: АлтГУ, 1998. С. 165–171.

Абдулганеев М.Т. Красногорский район в древности // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: АлтГУ, 2007. Вып. 16. С. 237–304.

Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н. Типология поселений Алтая 6–2 вв. до н.э. Барнаул: АлтГУ, 1997. 148 с.

Абдулганеев М.Т., Кунгурова Н.Ю., Пугачев Д.А., Скопинцева Г.В. Раскопки и разведки в северных предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1995. Ч. 2. С. 129–133.

Абдулганеев М.Т., Пугачев Д.А., Степанова Н.Ф. Исследования поселений эпохи железа у с. Карагуж на р. Иша (Северный Алтай) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, 2005. Вып. 2. С. 51–64.

Абдулганеев М.Т., Степанова Н.Ф., Служак И.В., и др. Раскопки аварийных памятников на р. Иша // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Азбука, 2001. С. 93–97.

Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петерб. Востоковедение, 1999. 440 с.

Григоров Е.В., Казаков А.А. Барнаульско-Бийское Приобье в 1–12 вв. (по данным погребального обряда). Барнаул: АлтГУ, 2018. 230 с.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. 1956. № 48. 256 с.

Казаков А.А. Поселение Сайлапский Взвоз // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул: АлтГУ, 1995. С. 150–153.

Казаков А.А. Одинцовская культура Барнаульско-Бийского Приобья. Барнаул: БЮИ МВД России, 2014. 152 с.

Казаков А.А. Европа и Азия как самостоятельные мультикультурные провинции // Учен. записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). Культура евразийского региона: Материалы I Междунар. науч.-практ. форума, г. Барнаул, 24–27 мая 2017 г. Барнаул: Изд-во АГИК, 2017a. № 2 (12). С. 10–13.

Казаков А.А. Ментально-культурные суперрегионы в эпоху Великого переселения народов // V (XXI) Всерос. археол. съезд [Электрон. ресурс]. Электрон. текст. данные (36,739 Мб). Барнаул: АлтГУ, 2017b. С. 439–440.

Казаков А.А., Демин М.А. Аварийные работы в Красногорском районе // Проблемы сохранение, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 70–71.

Казаков А.А., Казакова О.М. О центрах культурогенеза на юге Западной Сибири в первом тысячелетии // Известия АлтГУ: (Ист. науки и археология). 2016. № 4 (92). С. 238–243.

Кунгуров А.Л., Горбунов В.В. Средневековое поселение Ушлеп 5 // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 77–80.

Матренин С.С., Тишкин А.А. Опыт выделения локально-территориальных групп населения Алтая хуннуского времени (по материалам погребальных памятников) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: АлтГУ, 2007. С. 102–115.

Серегин Н.Н., Матренин С.С. Археологические комплексы Алтая 2 в. до н.э. — 9 в. н.э.: История исследований и основные аспекты интерпретации. Барнаул: Азбука, 2014. 230 с.

Серегин Н.Н., Матренин С.С. Погребальный обряд кочевников Алтая во 2 в. до н.э. — 9 в н.э. Барнаул: АлтГУ, 2016. 272 с.

Скопинцева Г.В. Новые памятники первой половины 1 тыс. н.э. в предгорьях Алтая // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 62–71.

Соенов В.И., Соенов Д.В., Константинов Н.А. Древние городища Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2016. 244 с.

Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука, 1979. 128 с.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск: ТГУ, 1984. 256 с.

Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья: (Релкинская культура). Томск: ТГУ, 1991. 184 с.

A.A. Kazakov

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Chkalova st., 49, Barnaul, 656038, Russian Federation
E-mail: kaa-2862@mail.ru

THE CERAMIC COMPLEX OF THE MAYMA ARCHAEOLOGICAL CULTURE

The Mayma archaeological culture was designated more than 25 years ago; however, no attempts have been undertaken since then to scrutinize this important cultural and chronological entity. Despite the accumulation of a large amount of ceramic complex material, which is known to be the most representative source, the vast majority of this material is yet to be analysed. In this work, the author investigates published data on ceramic complexes found at the Mayma archaeological culture site using standard qualitative and quantitative analytical methods. The conclusions obtained by qualitative analysis according to 5 parameters (shape of vessel, shape of bottom, shape of neck, any ornamental element, ornamental composition) were additionally tested by cluster analysis. Three groups of complexes, corresponding to the 3 developmental stages of the Mayma archaeological culture, were identified as Sailap, Gornoelban and Novozykovo on the basis of a correlation of the qualitative and quantitative data. Available dating information allowed the author to develop a relative chronology of the stages. It is shown that the earliest was Sailap, then Gornoelban, and finally Novozykovo. Absolute dating for the 3 stages is proposed as follows: Sailap — 1st century B.C. — 4th century A.D.; Gornoelban — 4th–6th centuries A.D.; Novozykovo — 6th–8th centuries A.D. A comparison of the characteristics of the ceramic complexes at the different stages revealed several distinct evolutionary patterns. A comparison of the ceramic complex from the preceding period found in this region (Bystryanka archaeological culture) with the Mayma culture revealed no common features. This allowed a conclusion to be drawn that the population migrated to the territory of the middle section of the Biya river (where the complexes of the earliest Sailap stage are located) and subsequently spread over the

entire region of the Mayma archaeological culture. A hypothesis is advanced concerning the later transformation of the Mayma archaeological culture as a result of its merger with the Odintsovo culture as evidenced in the artifacts of the Basandaika archaeological culture.

Key words: ceramics, morphology, ornament, archaeological culture, stage, evolution, analysis.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-074-083

REFERENCES

Abdulganeev M.T. (1992). Excavations at Maima and Yenisei. *Problemy sokhraneniia, ispol'zovaniia i izucheniia pamiatnikov arkheologii*, Gorno-Altaisk, 52–53.

Abdulganeev M.T. (1993). Maima culture: (Preliminary results and prospects of studying). *Kul'turno-geneticheskie protsessy v Zapadnoi Sibiri*, Tomsk, 3–5.

Abdulganeev M.T. (1998). The settlement of Maima 1 and cultural-chronological attributing of agricultural settlements of Mountain Altai. *Drevnie poseleniia Altaia*, Barnaul, 165–171.

Abdulganeev M.T. (2007). Krasnogorsk district in ancient time. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediia Altaia, 16*, Barnaul, 237–304.

Abdulganeev M.T., Vladimirov V.N. (1997). *Typology of settlements of Altai in 6–2 centuries B.C.*, Barnaul.

Abdulganeev M.T., Kungurova N.Y., Pugachev D.A., Skopintseva G.V. (1995). Exploration in the foothills of Altai. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediia Altaiskogo kraia, 2*, Barnaul, 129–163.

Abdulganeev M.T., Pugachev D.A., Stepanova N.F. (2005). Studying Iron Age settlements near Karaguzh village at the Isha river (Northern Altai). *Izuchenie istoriko-kul'turnogo naslediia narodov Iuzhnoi Sibiri*, (2), Gorno-Altaysk, 51–64.

Abdulganeev M.T., Stepanova N.F., Sluzhak I.V., Chekryzhova O.I. (2001). Emergency excavations of monuments on the river Isha. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediia Altaiskogo kraia*, Barnaul, 93–97.

Chindina L.A. (1984). *Ancient history of the Middle Ob region in the Iron Age*, Tomsk.

Chindina L.A. (1991). *History of the Middle Ob Area in the Early Middle Ages: (Relka culture)*, Tomsk.

Griaznov M.P. (1956). History of ancient tribes of the Upper Ob according to excavations near the village of Bolshaya Rechka. *Materialy I issledovania po arkheologii SSSR*, (48).

Grigorov E.V., Kazakov A.A. (1997). *The Barnaul-Biysk Ob Region in the 1st–12th centuries A.D. (according to funeral ritual)*, Barnaulю

Kazakov A.A. (1995). Settlement Sailapski Vzvoz. *Problemy okhrany, izucheniia i ispol'zovaniia kul'turnogo naslediia Altaia*, Barnaul, 129–163.

Kazakov A.A. (2014). *Odintsovo culture of the Barnaul-Biysk Ob Area*, Barnaul.

Kazakov A.A. (2017a). Europe and Asia as independent multicultural provinces. *Uchenye zapiski (Altaiskaia gosudarstvennaia akademiia kul'tury i iskusstv). Kul'tura evraziiskogo regiona: Materialy I Mezhdunar. nauch.-prakt. foruma, g. Barnaul, 24–27 maia 2017 g.*, (2), Barnaul, 10–13.

Kazakov A.A. (2017b). Mental and cultural superregions in the Epoch of the Great Migration of the Peoples. *V (XXI) Vserossiiskii arkheologicheskii s"ezd* [Elektronnyi resurs], Barnaul, 439–440.

Kazakov A.A., Demin M.A. (1992). Excavations at Maima and Yenisei. *Problemy sokhranenie, ispol'zovaniia i izucheniia pamiatnikov arkheologii*, Gorno-Altaisk, 129–163.

Kazakov A.A., Kazakova O.M. (2016). On cultural genesis in the South of Western Siberia in first millenium. *Izvestiia AltGU. Istoricheskie nauki i arkheologia*, (4), Barnaul, 129–163.

Kungurov A.L., Gorbunov V.V. (1993). The medieval village of Ushlep 5. *Kul'tura drevnikh narodov Iuzhnoi Sibiri*, Barnaul, 77–80.

Matrenin S.S., Tishkin A.A. (2007). Experience in identification of local territorial groups of Altai in Hunnic time (according to materials of burial monuments). *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovanii, 16*, Barnaul, 237–304.

Seregin N.N., Matrenin S.S. (2014). *Archaeological complexes of Altai in the 2nd century B.C. — 9th century A.D.: History of research and key aspects of interpretation*, Barnaul.

Seregin N.N., Matrenin S.S. (2016). *Burial ritual of Altai nomads in the 2nd century B.C. — 9th century A.D.*, Barnaul.

Skopintseva G.V. (1993). New monuments of the first half of 1st millennium A.D. in the foothills of Altai. *Kul'tura drevnikh narodov Iuzhnoi Sibiri*, Barnaul, 62–71.

Soenov V.I., Soenov D.V., Konstantinov N.A. (2016). *Ancient settlements of Altai*, Gorno-Altaysk.

Troitskaia T.N. (1979). *Kulaika culture in the Novosibirsk Ob region*, Novosibirsk.

Vadetskaia E.B. (1999). *Tashtyk epoch in ancient history of Siberia*, St. Petersburg.

Е.В. Тигеева, Л.Н. Белоногова

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: flena84@mail.ru
Тюменский индустриальный университет
ул. Энергетиков, 44/1, Тюмень, 625013
E-mail: Lnbel@bk.ru

ЗЕРКАЛА САРГАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ ТОБОЛО-ИШИМСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Дана морфолого-типологическая характеристика зеркал саргатской культуры Тоболо-Ишимья. Круг аналогий территориально охватывает значительную часть Евразийского континента, количественный подсчет показал преобладание изделий в Нижнем Поволжье и Приаралье. Совокупность результатов атомно-эмиссионного спектрометрического, рентгенофлуоресцентного, спектрального и металлографического анализов продемонстрировала использование как местных традиционных, так и уникальных, редких технологий. Большинство зеркал изготовлено из высокооловянной бронзы с содержанием олова 20–30 %, что придавало изделиям золотистый цвет и блеск, а также мелодичное звучание. Работа со сплавами, содержащими высокие концентрации олова, требует особых навыков, поскольку их ковка возможна лишь в узком температурном интервале. Использование «закалки в воду» является на данной территории новшеством, отличающим металлообработку раннего железного века от металлообработки предшествующей эпохи бронзы. Это свидетельствует о заимствовании приемов обработки изделий и об импорте готовой продукции из двух возможных производственных центров зеркал, расположенных на территории Поволжья и Приаралья. Сложность определения этого центра связана с идентичностью химического состава изделий, а также единым производственным стереотипом, подразумевающим прием закалки горячекованых зеркал в холодной воде. Традиционные связи с территорией Поволжья, а также их близость к ареалу саргатских племен Тоболо-Ишимья позволяют предположить ведущую роль первого производственного центра. Вероятно, привозным является и зеркало из могильника Чепкуль 9. Ханьские зеркала были одной из наиболее популярных статей китайского импорта в инокультурную среду, в том числе в саргатскую культуру, ареал которой включал северное ответвление Великого шелкового пути.

Ключевые слова: ранний железный век, Тоболо-Ишимье, металлографический анализ, древнее металлопроизводство, зеркала, саргатская культура.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-084-096

Работа выполнена по госзаданию согласно Плану НИР ТюмНЦ СО РАН на 2018–2020 гг., протокол № 2 от 08.12.2017 г. Приоритетное направление XII.186.; Программа XII.186.2; проект № 0371-2018-0036.

За последние десятилетия зеркала раннего железного века неоднократно становились объектом изучения, разработана их типология и классификация. Наиболее полно освещены аспекты хронологии, генезиса и морфологии изделий европейской части России, а также Хакасско-Минусинской котловины [Хазанов, 1963; Смирнов, 1964; Кузнецова, 2002; Скрипкин, 1990; Горбунова, 1998; Лубо-Лесниченко, 1975]. Проблематика зеркал изучаемого региона затронута в работах Л.Н. Коряковой, Н.П. Матвеевой, М.К. Хабдулиной [Корякова, 1988; Матвеева, 1993, 1994; Хабдулина, 1994]. Широкое применение в ряде исследований данных комплексного анализа, включающего изучение формы изделий, химического состава и технологии изготовления, позволило проследить связь между рецептурой зеркальных сплавов, способами обработки украшений и их типами. Выявлены основные черты сходства и различия в цветной металлообработке древних обществ раннего железного века [Мошкова, Рындина, 1975; Богданова-Березовская, 1975; Барцева, 1981, 1987; Равич, 2004, 2006; Левина, Равич, 1995, Ravich, 1991; Дегтярева, 1994, 2009; Кузьминых, 1983, 2015; Дегтярева, Кузьминых, 2018]. Однако вся совокупность зеркал саргатской культуры Тоболо-Ишимья с использованием комплексного подхода для уточнения морфолого-типологической, химической, технологической характеристик еще не служила объектом изучения. Всего было учтено 19 изделий, происходящих из саргатских памятников Среднего Притоболья и Приишимья (табл. 1). Для сравнительной характеристики привлечены материалы саргатских могильников Барабы (Усть-Тартас, Марково 1), Прииртышья (Богданово 1, Карташево 1). Зеркала входили в

состав инвентаря мужских, женских, детских погребений, как одиночных, так и коллективных. Исследователи сообщают о возможном нахождении их в деревянных или кожаных футлярах либо сумочках [Хабдулина, 1994, с. 59; Максименко, 1983, с. 12; Потемкина, 2007, с. 149; Левина, Равич, 1995, с. 125].

Таблица 1

Типология зеркал саргатской культуры

Table 1

Typology of mirrors of the Sargatka culture

Тип		Памятник
I. Зеркала без валика	А. Дисковидные плоские	Тютринский, Нижнеингальский 1
	Б. Выпукло-вогнутые с цельнолитой ручкой	Абатский 3
II. Зеркала с валиком либо орнаментацией по краю диска в виде насечек, фасеток, боковой ручкой-штырем или выступом, без умбона*, а также с выпуклиной в центре**	А. Зеркала с валиком	*Тютринский (2 экз.), Фоминцево, Потчеваш, Прыговский
		**Абатский 1, Абатский 3 (2 экз.), Тютринский, Лихачевский, Чепкуль 9, Богданово 1, Воробьевский
	Б. Зеркала с орнаментом по краю диска	*Тюковский, Богданово1, Усть-Тартас
		**Абатский 3, Карташево 1
III. Китайские дисковидные зеркала с валиковым утолщением, литой петелькой-шишечкой, орнаментированные		Чепкуль 9, Могилевские дюны, Марково 1

Выполнен атомно-эмиссионный, рентгенофлуоресцентный, спектральный анализы 12 зеркал. Сведения о приемах и способах обработки металла получены методами визуально-поверхностного осмотра и металлографического анализа 11 изделий. За основу типологической классификации украшений была принята конфигурация диска (плоский/выпукло-вогнутый, наличие или отсутствие валика и умбона) и в меньшей степени — ручки, которая зачастую сломана и установить наличие и первоначальные размеры которой сложно. Выделяются три типа круглых зеркал и несколько вариантов, частично соотносящихся с типами, выделенными А.М. Хазановым [1963, рис. 1]. Фрагменты изделий отнесены к той или иной группе условно.

I тип — изделия характеризуются круглой плоской или выпукло-вогнутой формой и отсутствием валика/бортика, возможно наличие орнамента в виде концентрических окружностей и боковой цельнолитой ручки.

Вариант А представляет собой плоский диск, снабженный тремя концентрическими окружностями по краям изделия и в центре (2 экз.). Относится к типу VI по А.М. Хазанову [1963, с. 64]. Обнаружены в могильниках Тютринский (кург. 10, погр. 3) (рис. 1, *1*), Нижнеингальский 1 (погр. 3) [Матвеева, 1993, рис. 30, *21*; Матвеева и др., 2003, рис. 38, *21*]. Изделия частично разрушены, поэтому достоверно установить их диаметр затруднительно, к данному типу отнесены условно. Экземпляры датируются Н.П. Матвеевой VI в. до н.э. — II в. н.э. [1993, с. 113]. Л.Н. Корякова считает временем появления этого типа IV–II вв. до н.э., но указывает на более позднее их распространение — в последние века до н.э. [1988, с. 77]. Орнаментированные концентрическими окружностями изделия встречаются в материалах могильников Северной Барабы — Новочекино 2 и Западного Казахстана — Челкар III [Полосьмак, 1987, рис. 2, *1*; Гуцалов, 2009, рис. 1, *14*]. Сопровождающий инвентарь датирован V–III вв. до н.э., т.е. раннесарматским временем [Полосьмак, 1987, с. 81]. К этому же периоду относятся материалы могильников Южного Приуралья — Бишунгаровских, IV Тавлыкаевских, III Бекешевских курганов [Пшеничнюк, 1983, табл. XXI, *6*; XLI, *6*, *9*]. Позднесарматским периодом, т.е. III–II вв. до н.э., датируется зеркало с концентрическими окружностями, происходящее из Бердянского могильника [Моргунова, Мещеряков, 1999, рис. 4, *8*].

Вариант Б включает выпукло-вогнутый зеркальный диск, снабженный боковой цельнолитой короткой и широкой ручкой (1 экз.). Относится к типу II по А.М. Хазанову [1963, с. 62]. Экземпляр, обнаруженый в мог. Абатский 3 (кург. 2, погр. 6), имеет диаметр 12 см, высоту вместе с ручкой 14 см (рис. 1, *2*) [Матвеева, 1994, рис. 67, *7*]. По данным Н.П. Матвеевой, он относится к кашинской культуре, носители которой длительное время контактировали с саргатскими племенами. Практически аналогичное изделие из саргатских материалов Шикаевского могильника (кург. 4) представляет собой диск диаметром 13,8 см с цельнолитой трапециевидной ручкой. Отличается прямой формой зеркала и наличием 14 сквозных отверстий по краю [Потемкина, 2007, рис. 2, *21*]. В саргатской культуре происхождение данного типа изделий связывают с савроматской и прохоровской культурами, о чем свидетельствуют находки зеркал в могильниках Пролейка 1, Кара-Оба [Хазанов, 1963, рис. 1]. Плоские, с небольшой ручкой изделия происходят из материалов Альмухаметовского могильника Южной Башкирии, Сладковки в Приуралье [Пшенич-

нюк, 1983, табл. XXXVI, *6*; Максименко, 1983, рис. 58, *5*]. В джетыасарской культуре, существовавшей с начала I тыс. до н.э. по IX в. н.э., в могильнике Алтын-асар 4б, 4о представлены прямые плоские зеркала с небольшой ручкой, в Алтын-асар 4л — выпукло-вогнутое [Левина, Равич, 1995, рис. 5, *6–8*; 8, *6*]. В Северной Бактрии известны изделия Бабашовского могильника, датирующегося I в. до н.э. — II в. н.э. [Мандельштам, 1975, табл. XXXIV, *2*; XXXV, *1*; 1978, с. 134]. I тип зеркал, по данным некоторых исследователей, является более архаичным, поскольку соотносится с датами, характеризующими савроматскую, раннесарматскую и отчасти прохоровскую культуру (VI в. до н.э. — конец IV в. до н. э.) [Фризен, 2014, рис. 4].

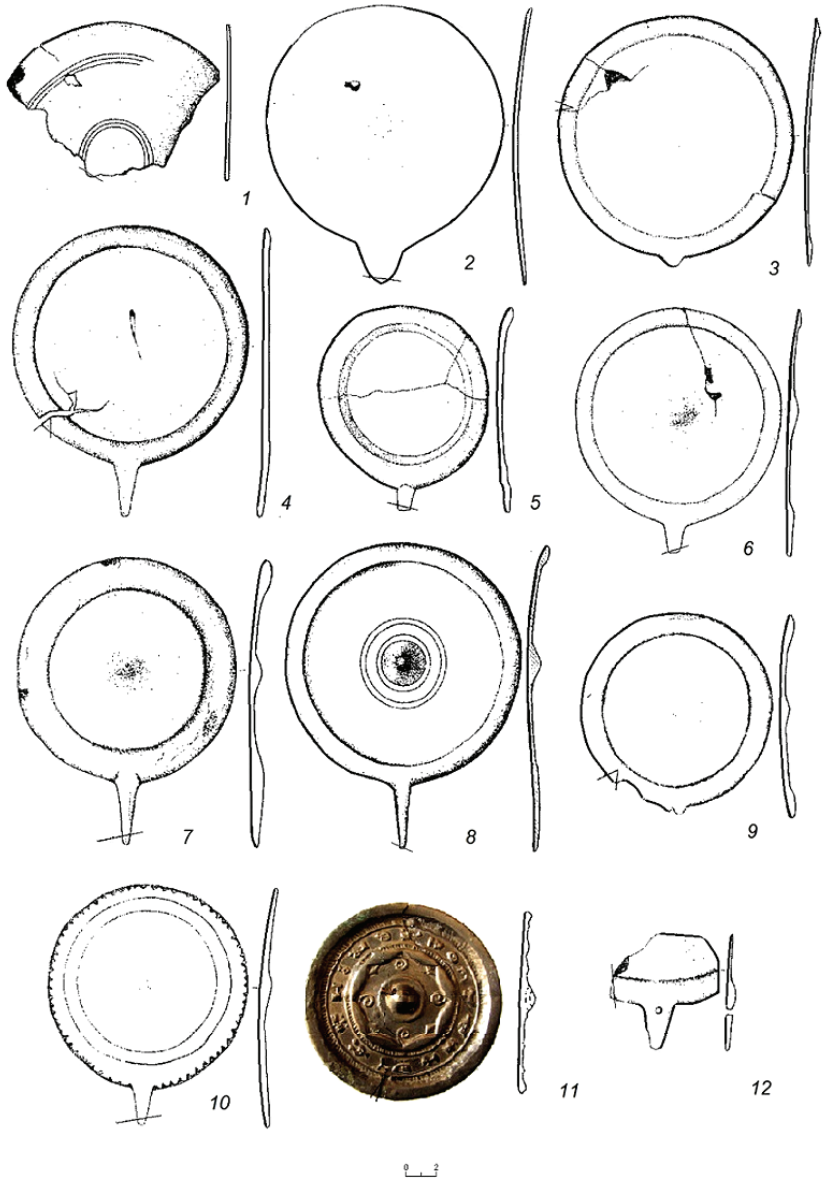

Рис. 1. Зеркала саргатской (*1, 3–12*) и кашинской (*2*) культур Тоболо-Ишимья (секущими линиями обозначены срезы на шлифы):
1, 3, 4, 8, 12 — мог. Тютринский (ан. 1146, 1083, 1104, 1250, 1084); *2, 6, 7, 10* — мог. Абатский 3 (ан. 1087, 1086, 1088, 1089); 5 — мог. Фоминцево (ан. 1085); *9, 11* — мог. Чепкуль 9 (ан. 1036, 1010).
Fig. 1. Mirrors of Sargatka (*1, 3–12*) and Kashino (*2*) cultures of the Tobol-Ishim interfluve (location of sections for investiqation of metal microstructure is shown with secants):
1, 3, 4, 8, 12 — Tutrino (an. 1146, 1083, 1104, 1250, 1084); *2, 6, 7, 10* — Abatskiy 3 (an. 1087, 1086, 1088, 1089); *5* — Fomintsevo (an. 1085); *9, 11* — Chepkul 9 (an. 1036, 1010).

II тип — зеркала, представляющие собой плоский диск с выпуклым бортиком — валиком либо орнаментом в виде полукруглых фасеток, насечек по краю, а также боковой ручкой-штырем (треугольной/трапециевидной формы) или выступом. Часть изделий имеют центральную выпуклину — умбон.

Вариант А — зеркала с валиком по краю изделия без умбона в центре (5 экз.). Относятся к типу IV по А.М. Хазанову [1963, с. 62]. Они происходят из могильников Тютринский (кург. 6, погр. 3; кург. 8, погр. 2), Фоминцево (кург. 2, погр. 5), Потчеваш (кург.15), Прыговский (рис. 1, *3–5*) [Матвеев А.В., Матвеева Н.П., 1991, рис. 3, *32*; 5, *10*; Генинг, Голдина, 1969, рис. 41, *12*; Мошинская, 1953, табл. VI, *5*; Могильников, 1992, табл. 119, *8*]. Размеры изделий 9–15 см в диаметре, диски из могильников Потчеваш и Фоминцево украшены концентрическими окружностями. Аналогичны указанным изделия из сарматского Бишунгаровского могильника в Южной Башкирии, городища Баланды 1 чирикрабатской культуры (IV–II вв. до н.э.), городища Томпакасар, Бабашовского могильника джетыасарской культуры в Северной Бактрии [Пшеничнюк, 1983, табл. XII, *15*; Вайнберг, Левина, 1992, табл. 13, *13*; Левина, Равич, 1995, рис. 8, *2*; Мандельштам, 1975, табл. XXXIV, *1, 5*]. Серебряное зеркало диаметром 18,3 см с валиком по краю с остатками железной накладной рукояти происходит из Северного Причерноморья, из раннесарматского могильника Солонцы II–I вв. до н.э. [Симоненко, 1993, рис. 5, *6*]. Изделий, на которых присутствуют валик и центральная выпуклина — умбон, насчитывается 8 экз. Они относятся к типу VIII по А.М. Хазанову [1963, с. 64]. Найдены в могильниках Абатский 3 (кург. 6, погр. 10; кург. 2, погр. 1), Абатский 1 (кург. 1, погр. 4), Тютринский (кург. 5, погр. 2), Лихачевский, Чепкуль 9 (рис. 1, *6–9*); Богдановка 1, Воробьевский [Матвеева, 1994, рис. 59, *9*; 40, *16*; с. 112; Корякова, 1988, рис. 18, *104*; Зах, 2008, рис. 9, *1*; Могильников, 1992, табл. 126, *25*]. По данным А.Х. Пшеничнюка, савроматские зеркала с приподнятым бортиком вытесняются зеркалами с валиком по краю [1983, с. 79]. Это широко распространенный тип, бытовавший в период I–III вв. н.э. [Матвеева, 1993, с. 155]. Однако имеются и более ранние находки. Так, одним из самых древних экземпляров считается зеркало из могильника Мечет-Сай сарматской культуры IV–III вв. до н.э. Но чаще подобные изделия действительно встречаются на рубеже эр преимущественно в Поволжье, что подтверждается данными М.Г. Мошковой, Н.В. Рындиной и А.М. Хазанова: материалы могильника у села Калиновки I в. до н.э. — I в. н.э.; сусловской культуры — мог. Сусловский, Усатово, Бережновка 2, Верхнее Погромное [Мошкова, Рындина, 1975, с. 123; Хазанов, 1963, с. 64]. Зеркала данного типа известны на Северном Кавказе, в Танаисе, на Подольщине, а также на территории Бактрии в материалах Тулхарского могильника II в. до н.э — I в. н.э. [Хазанов, 1963, с. 64; Мандельштам, 1966, табл. LII, *3, 4*].

Вариант Б представляет собой изделия с плоским диском диаметром 9–11,5 см с боковой трапециевидной ручкой. Тип не представлен в классификации зеркал А.М. Хазанова. Его особенностью являются полукруглые фасетки, насечки, нанесенные по краю зеркала (3 экз.). Обнаружены в погребениях могильников Абатский 3 (кург. 2, погр. 5) (рис. 1, *10*), Богдановка 1, Тюковский [Матвеева, 1994, рис. 36, *18*; Могильников, 1992, табл. 126, *42*; Мошинская, 1953, табл. XVII, *1*]. Экземпляр из Абатского 3 имеет центральную выпуклину, а также концентрические окружности на диске. Н.П. Матвеева датирует зеркало II в. до н.э. — III в. н.э. [1994, с. 97]. Наиболее близкие аналоги имеются в могильниках Прииртышья — Карташово 1, Усть-Тартас [Могильников, 1980, рис. 4, *5*; Чагаева, 1970, рис. 1, *29*]. По мнению Л.Н. Коряковой, время бытования изделий приходится на III–I вв. до н.э., а традиция украшать зеркала полукруглыми фасетками связана со Средней Азией [1988, с. 78]. II тип зеркал более поздний, нежели тип I. Его появление зафиксировано в IV в. до н.э., а наибольшее распространение отмечается в I в. до н.э. — III в. н.э.

III тип — дисковидные зеркала с уплощенным валиком, петелькой-шишечкой, орнаментированные. Относятся к типу X по А.М. Хазанову [1963, с. 67]. Этот тип представлен двумя экземплярами — из могильников Чепкуль 9 (кург. 7, погр. 2) (рис. 1, *11*) и у д. Могилевские дюны [Зах, 2008, рис. 8, *21*; Полосьмак, 1987, рис. 33, *4*]. Аналогичное изделие происходит из саргатского могильника Марково 1 в Барабе [Полосьмак, 1987, рис. 33, *4*]. Орнамент всех зеркал отличается тщательностью выполнения. Изделие из мог. Чепкуль 9 имеет диаметр 8 см, орнаментальное поле представлено восемью арками вокруг центральной петельки-шишечки для подвешивания. По кругу диск украшен 15 иероглифами. Изделие аналогично ханьским зеркалам Китая. Экземпляр из мог. у д. Могилевские дюны, размером 25,8 см, орнаментально делится на несколько зон, оборотная сторона диска позолочена. Доминирующий элемент декора представляет собой квадрат, вписанный в круг, во внутреннем круге изображены животные.

Предмет относится к типу, условно обозначенному TLV, по наличию знаков, напоминающих эти латинские буквы [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 12]. Исследователями зеркала датированы эпохой правления династии Хань (конец III в. до н.э. — начало III в. н.э.). Экземпляр из мог. Чепкуль 9 датирован А.Л. Ивлевым 206 г. до н.э. — 8 г. н.э. [Зах, 2009]. Внутреннее поле орнамента обломка диска из мог. Марково 1 представлено окружностью и рядами квадратов, вписанных друг в друга. Между окружностью и квадратами по периметру расположены иероглифы. Н.В. Полосьмак считает, что зеркало происходит из южнокитайского княжества Чу, и относит фрагмент ко II в. до н.э. [1978, с. 83]. Основанием для такой датировки послужил аналог из материалов погребений Минусинской котловины [Лубо-Лесниченко, 1975, рис. 108]. Украшения этого типа относятся к группе зеркал «шань цзы цзинь», называемой так за Т-образные знаки орнамента [Там же, с. 9]. Аналоги имеются в материалах могильника Кенкол II–IV вв. н.э., джетыасарских курганов могильника Косасар 2 [Левина, 1992, табл. 31, *26*; Левина, Равич, 1995, с. 133].

Обломок из могильника Тютрино (кург. 3, погр. 7) (рис. 1, *12*) представляет собой фрагмент диска с валиком по краю и боковой ручкой-штырем, имеющей сквозное отверстие для подвешивания. Данное изделие может быть отнесено к типу IIA.

По данным РФА, АЭС и спектрального анализов большинство изделий изготовлены из высокооловянного сплава с концентрацией олова 20,7–30,3 %. Лишь один экземпляр отлит из бронзы с содержанием олова 8,83 % (ан. 49752). По мнению ряда исследователей, столь высокая концентрация олова в изделиях не случайна. Повышение концентрации олова до 20–23 % влияло на окраску изделия, придавая ему золотисто-желтый цвет, а до 24–28 % — серостальной. При легком ударе по зеркалу отмечается мелодичное звучание, вероятно связанное также с высоким содержанием в сплаве этого элемента [Равич и др., 2004, с. 28; Radivojević et al., 2018, fig. 8–10, Шемаханская, 2008, с. 398–407]. Китайское зеркало из могильника Чепкуль 9 имеет две зоны с различным содержанием олова и свинца. В поверхностной зоне — Sn 30 %, Pb 10 %, в толще изделия — Sn 5,75 %, Pb 1,76 %. Эта особенность связана, вероятно, с экономностью мастера, задачей которого было придать предмету соответствующий цвет и блеск. Изученные И.Г. Равич три китайских зеркала эпохи Хань из находок в Танаисе и на Нижнем Дону содержат в качестве основных компонентов сплава 24–25 % олова и 5–6 % свинца [1995, с. 159].

Таблица 2

Результаты рентгенофлуоресцентного, спектрального и атомно-эмиссионного спектрометрического анализов зеркал саргатской культуры

Table 2

Results of X-ray fluorescence, spectral and atomic-emission spectrometry analysis of mirrors of the Sargatka culture

Могильник	Номер рисунка	№ спектр. анал.	№ структ. анал.	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au	Hg
Тютринский	3	49743	1083	Осн.	20,7	0,17	0,41	0,02	0,02	—	0,1	0,24	0,07	—	—	—
»	5	49744	1084	Осн.	22,48	0,14	0,45	0,01	0,03	—	0,19	0,41	0,1	0,02	—	—
Фоминцево	6	49745	1085	Осн.	22,13	<0,5	0,13	0,03	0,03	—	0,03	0,33	—	—	—	—
Абатский 3	7	49746	1086	Осн.	>30,3	0,12	0,02	0,06	0,04	—	0,14	0,21	0,02	—	—	—
»	2	49747	1087	Осн.	21,11	0,13	—	0,06	0,04	—	0,16	0,15	0,06	—	—	—
»	8	49748	1088	Осн.	21,86	0,2	0,05	0,04	0,03	—	0,15	0,05	0,05	—	—	—
»	11	49749	1089	Осн.	21,57	0,29	—	0,05	0,03	—	0,11	0,06	0,01	—	—	—
Тютринский	4	49750	1104	Осн.	22,13	0,12	—	0,07	0,05	0,03	0,13	0,15	0,07	—	—	—
»	1	49752	1146	Осн.	8,83	0,13	—	0,1	0,1	0,19	0,04	0,26	—	—	—	—
Чепкуль 9	10	49836	1036	Осн.	23,57	0,11	0,12	0,08	0,05	—	0,11	0,42	0,02	—	—	—
»	12	331*	1010	Осн.	5,75	1,76	0,007	0,02	0,027	< 0,01	0,076	0,025	0,01	0,005	< 0,001	—
»	12	439*	1010	Осн.	30	10	0,02	0,036	0,05	< 0,01	0,1	0,48	0,1	0,008	< 0,001	< 0,001
Тютринский	9	1250**	—	Осн.	20–24	Сл.	0,4	0,1	0,1	—	—	0,1	0,4	0,1	0,1	—

Примечание. Рентгенфлуоресцентный анализ выполнен в лаборатории Института археологии РАН.

* Атомно-эмиссионный спектрометрический анализ (№ 331, 439) выполнен О.В. Шуваевой в Институте неорганической химии СО РАН.

** Спектральный анализ (№ 1250) проведен В.А. Галибиным в лаборатории ЛОИА АН СССР [Галибин, 1989].

Изделия с низким и средним содержанием олова характерны для памятников раннего железного века Северного Казахстана, предшествующих саргатским. По данным Т.Б. Барцевой и А.Д. Дегтяревой, содержание олова в них 1–12 % [Барцева, 1987 б, с. 65–83; Дегтярева, 1994, с. 25]. Лишь один экземпляр из саргатских зеркал имеет в своем составе около 8 % олова. Воз-

можно, он изготовлен из сплава, сырьем для которого послужили рудные источники Рудного Алтая и Казахстана. В саргатской культуре имеются изделия из оловянной и оловянно-мышьяковой бронзы — преимущественно это импортные украшения (из 71 экз.: Cu + Sn — 27 экз., Cu + Sn + As — 7 экз.). Орудия труда изготовлены зачастую из чистой меди (из 64 экз.: Cu — 48 экз., Cu + Sn + As — 12 экз.) [Кузьминых, Дегтярева, 2015, рис. 1]. В V–III вв. до н.э. происходит переориентация металлургических связей саргатских и тасмолинских племен среднего Приишимья. Это привело к прекращению поступления олова из районов Центрального и Восточного Казахстана и вынужденному изготовлению орудий труда и оружия из чистой меди [Дегтярева, 1994, с. 30]. Чистая окисленная медь поступала из мощнейшего в эпоху раннего железа иткульского металлургического очага [Дегтярева, Кузьминых, 2018, с. 128]. Таким образом, традиция изготовления зеркал из высокооловянной бронзы не связана с местным металлопроизводством саргатских племен, а украшения, вероятно, являются привозными.

Вопрос о территории происхождения изделий дискуссионен. Химический состав зеркал из саргатской коллекции схож с данными, полученными И.Г. Равич, проанализировавшей 43 зеркала раннесарматского времени из могильников Поволжья. Она определила, что все изделия изготовлены из высокооловянной бронзы, содержащей 20–25 % олова [Равич, 2001, с. 46]. Аналогичные результаты были получены М.Г. Мошковой и Н.В. Рындиной, исследовавшими 26 находок из сарматских могильников Нижнего Поволжья и Приуралья [1975, табл. 1]. Следовательно поступление зеркал в саргатскую среду могло быть связано с районами Нижнего Поволжья и Приуралья.

Металлографический анализ (11 экз.) показал, что зеркала изготовлены при помощи трех схем.

I. Литье + горячая ковка при Т 600–750 °С + нагрев при Т 600–750 °С с закалкой в воде (9 экз./81,8 %).

II. Литье + нагрев до Т 600 –750 °С с закалкой в воде (1 экз./9,1 %).

III. Литье + лужение легкоплавким сплавом Cu + Sn + Pb (1 экз./9,1 %).

Большинство изделий отлиты из оловянной бронзы в односторонних литейных формах с плоской крышкой по I технологической схеме (ан. 1083–1087, 1089, 1104, 1146, 1036) (рис. 2, *1–6*; 3, *2–4*). Подобные каменные матрицы для создания зеркальных дисков известны в античном Танаисе [Арсеньева, 1984, рис. 1]. Затем с целью вытяжения и удаления пороков литья зеркала были прокованы в интервале температур 600–750 °С при степенях обжатия металла порядка 20–70 %, что в присутствии красноломких составляющих (Pb, Bi) привело к растрескиванию металла. Далее производился повторный нагрев изделий в интервале температур красного каления (600–750 °С). Эта операция приводит к возврату металлу пластичности вследствие устранения хрупкости, возникающей при охлаждении зеркал в процессе ковки. Последующая закалка изделий в воду ведет к образованию мартенситной игольчатой структуры [Равич, 2004, с. 72]. При этом на шлифе присутствуют светлые участки α-фазы (вытянутые в направлении деформации) на фоне темной мартенситообразной игольчатой β-фазы (рис. 2, *6*). Важным критерием является содержание олова в сплаве, оно не должно быть выше 26 % и ниже 18 %. При соблюдении этих условий возможна горячая ковка оловянных бронз без предварительного отжига гомогенизации [Равич, 2006, с. 43]. Согласно И.Г. Равич, повторный нагрев и закалка в воду являются заключительными операциями, обеспечивающими большую прочность изделия в процессе эксплуатации. Тем не менее в большинстве изделий отмечаются дефекты, вызванные трещинами напряжения, в двух случаях имеется поломка. Трещины напряжения могли быть вызваны охлаждением изделия на воздухе (так как захолаживание ведет к растрескиванию металла), а также их использованием в быту [Равич, 1983, с. 141]. В завершение поверхность зеркала была заполирована мягким абразивным материалом.

По II технологической схеме изготовлено зеркало из мог. Абатский 3 (ан. 1088) (рис. 3, *1*). Оно отлито из оловянной бронзы (Sn 21,68 %) в односторонней литейной форме с плоской крышкой. Далее производился нагрев изделия в интервале температур красного каления. Готовое изделие было закалено в воде, что привело к образованию мартенситной игольчатой структуры. Дополнительным кузнечным доработкам после закалки предмет не подвергался, лишь его поверхность была заполирована мягким абразивным материалом.

Закалка высокооловянных предметов в воду — новшество, отличающее металлообработку раннего железного века в сравнении с предшествующей позднебронзовой эпохой на данной территории [Апостол, 2012, с. 83]. Эта технология не является местной, о чем свидетельствуют изделия тасмолинской культуры, изученные методом структурного анализа (11 экз.) [Дегтярева, 1994, с. 25]. Для из-

готовления большинства саргатских зеркал использовались единообразные устойчивые приемы, а также температурные режимы, что говорит о создании их в пределах единого центра производства. Однако подобная традиция изготовления горячекованых зеркал с последующей закалкой в воду распространена на обширной территории, включающей Нижнее Поволжье, Южный Урал, Среднюю Азию и Приаралье, что затрудняет его определение [Мошкова, Рындина, 1975; Левина, Равич, 1995].

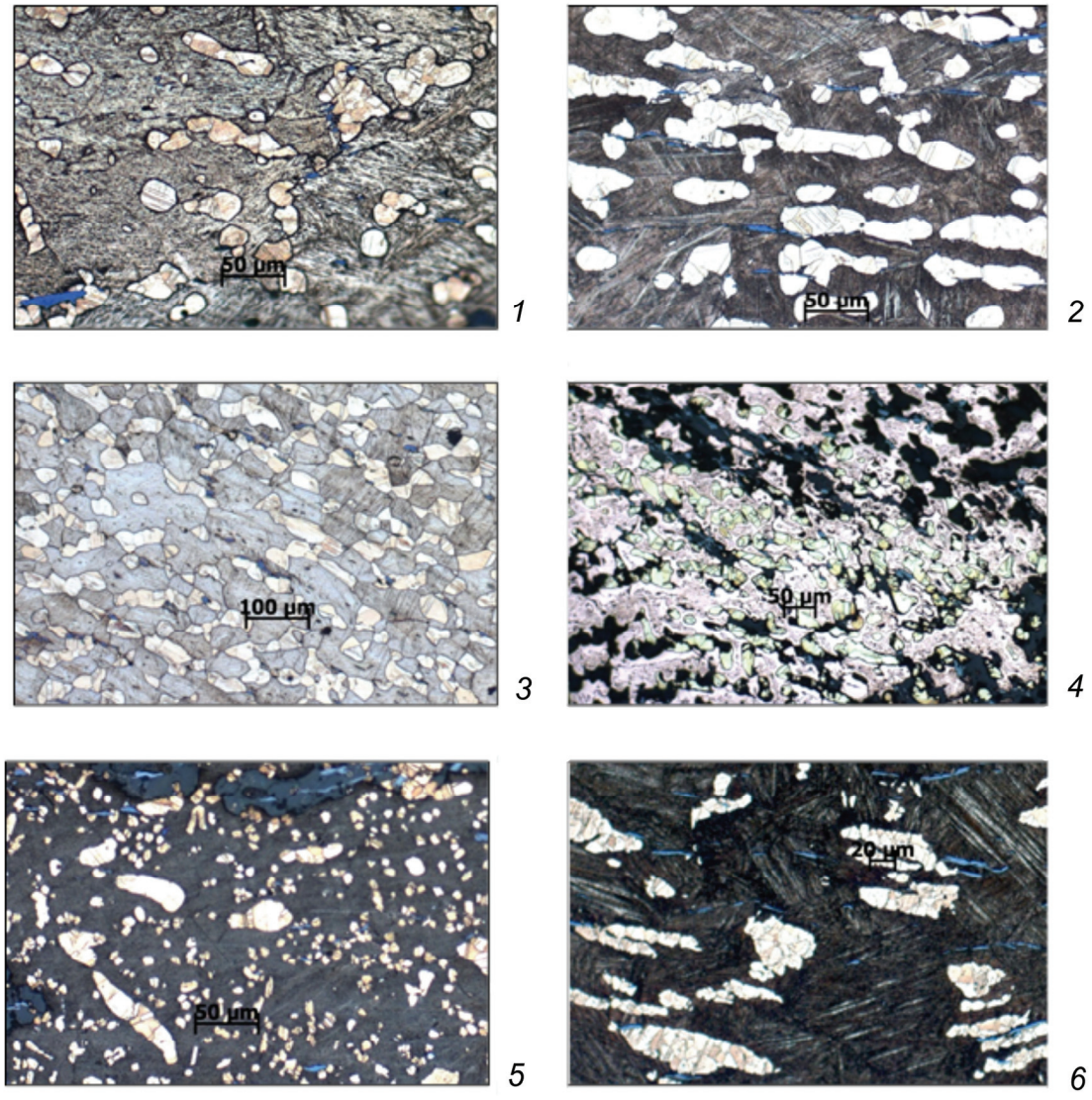

Рис. 2. Фотографии микроструктур зеркал (*1, 2, 4, 6* — увел. ×200; *3, 5* — увел. ×100).
1 — ан. 1036, срез диска; *2* — ан. 1083, срез диска; *3* — ан. 1084, срез диска; *4* — ан. 1085, срез ручки; *5* — ан. 1086, срез ручки; *6* — ан. 1087, срез ручки.
Fig. 2. Photos of microstructures of mirrors (*1, 2, 4, 6* — zoom ×200; *3, 5* — zoom ×100):
1 — an. 1036, disk section; *2* — an. 1083, disk section; *3* — an. 1084, disk section; *4* — an. 1085, handle section; *5* — an. 1086, handle section; *6* — an. 1087, handle section.

На высоком профессиональном уровне изготовлено китайское зеркало из мог. Чепкуль 9. Для отливки изделия была выполнена восковая модель заготовки зеркала, на внешнюю поверхность которой нанесли иероглифы, концентрические окружности, косые линии, полусферы, завитки. Далее по модели изготовили глиняную матрицу, в центре которой находилось углубление для штифта-вкладыша, используемого для получения петельки. Заливка оловянно-свинцовой бронзы (Sn — 5,75 %, Pb — 1,76 %) производилась в матрицу с плоской крышкой. Малая толщина диска явилась причиной появления дисперсности дендритной структуры. Далее поверхность предмета была тщательно отполирована с обеих сторон мягкими абразивными ма-

териалами, присадка свинца значительно облегчала полировку. Кузнечной доработке изделие не подвергалось. Затем мастер с целью получения серебристого цвета поверхности металла приступил к операции лужения составом с концентрацией олова около 30 %, свинца 10 % с низким температурным интервалом затвердевания в пределах 183–256 °С [Гуляев, 1977, с. 623–625]. Скорее всего, амальгамирование не использовалось, поскольку по данным АЭС-анализа содержание в поверхностном слое изделия ртути менее 0,001 %. В заключение произвели тщательную заполировку поверхностей, в результате которой изделие приобрело серебристый цвет [Дегтярева, Шуваева, 2009, с. 22].

Ханьские зеркала были одной из важных и наиболее популярных статей китайского импорта в инокультурную среду, в том числе в саргатскую культуру, ареал которой включал северное ответвление Великого шелкового пути [Баринова, 2012, с. 57].

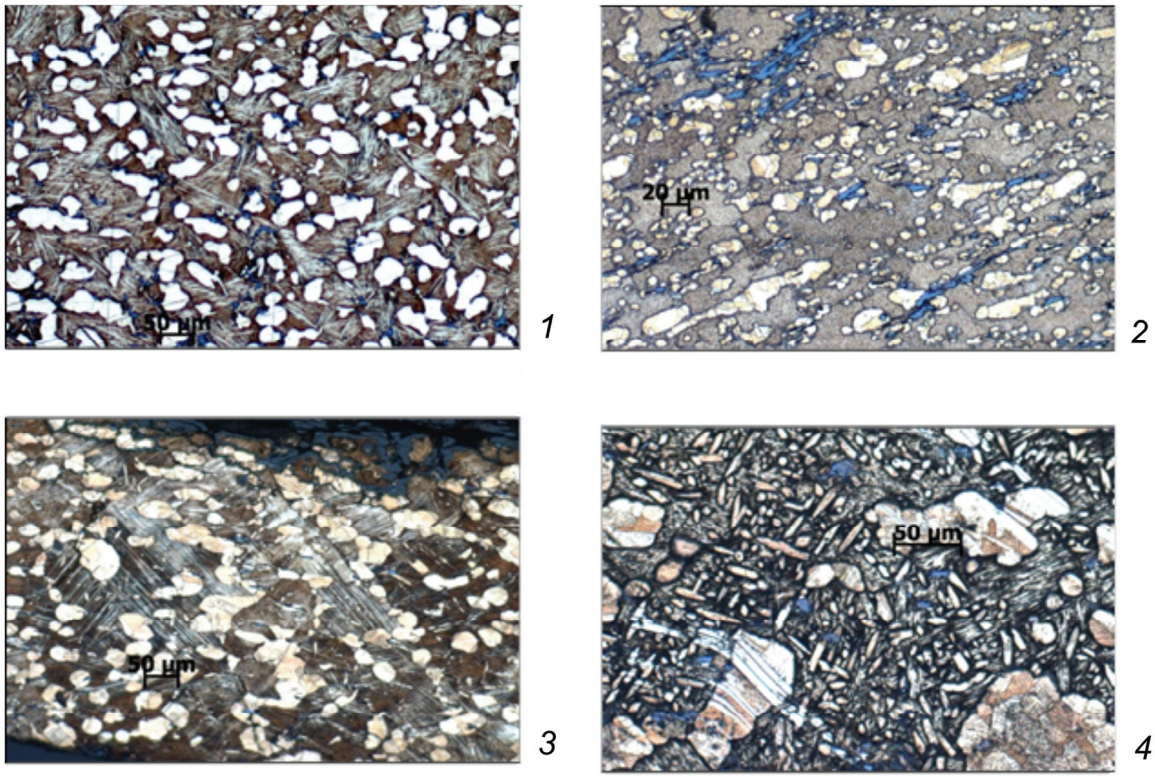

Рис. 3. Фотографии микроструктур зеркал (*1, 3* — увел. ×100; *2, 4* — увел. ×200):
1 — ан. 1088, срез ручки; *2* — ан. 1089, срез ручки; *3* — ан. 1104, срез диска; *4* — ан. 1146, срез диска.
Fig. 3. Photos of microstructures of mirrors (*1, 3* — zoom ×100; *2, 4* — zoom ×200):
1 — an. 1088, handle section; *2* — an. 1089, handle section; *3* — an. 1104, disk section; *4* — an. 1146, disk section.

Технология горячей ковки с последующей закалкой в воду характерна для зеркал различных типов, но превалируют изделия II типа. Вероятно, центров производства высокооловянных зеркал при помощи данного метода было несколько. Особенно выделяется исследователями Северный Кавказ, Средняя Азия, Греция и Поволжье. Однако А.М. Хазанов опроверг точку зрения П. Рау о широком бытовании предметов туалета этого типа на Северном Кавказе. Количественный подсчет показал, что территория Поволжья более насыщенна ими [Хазанов, 1963, с. 64]. Б.А. Литвинский указывает на происхождение зеркал из Средней Азии (в частности, Бактрии); его точку зрения разделяют и другие авторы [Литвинский, 1978, с. 164; Равич, 2004, с. 67; Горбунова, 1998, с. 283]. Расходятся с устоявшейся точкой зрения данные Н.В. Рындиной, связывающей родину этого типа с античным миром. Ее доводы основываются не только на типологическом анализе изделий, но и на спектральном, и на металлографическом анализе. Особая технология, подразумевающая закалку изделий в воду, присуща, по ее мнению, именно производству греческих колоний [Мошкова, Рындина, 1975, с. 128]. Но автор указывает и на то, что к моменту написания статьи она не располагала всей полнотой аналитических данных для со-

поставления с материалами из Средней Азии, Кавказа и Причерноморья. Однако ряд исследователей также ссылаются на возможные связи греческих городов с Нижним Поволжьем, Южным Уралом [Гуцалов, 2009, с. 108; Дедюлькин, 2014, с. 84–93]. И.Г. Равич, исследовав 75 зеркал из Центральной Азии, сарматских памятников Нижнего Поволжья, Приуралья и Северного Кавказа, 117 зеркал различных типов джетыасарской культуры Приаралья, пришла к выводу, что истоки изготовления горячекованых изделий восходят к традициям Востока, где подобным способом производились посуда, гонги и украшения [Левина, Равич, 1995, с. 125]. По мнению И.Г. Равич, наиболее ранней является группа изделий из Южной Индии, откуда производственные стереотипы распространились в Центральную Азию, однако временные рамки существования изделий автором не указываются [2004, с. 72–73]. Таким образом, намечается два основных центра производства зеркал. Первый связан с территорией Поволжья и деятельностью мастерских савроматской и сарматской археологической культур, второй — с территорией Приаралья и джетыасарской культурой. Об этом свидетельствует значительное количество зафиксированных изделий, а также сходство данных спектрального анализа. Определить, с каким именно центром соотносятся саргатские зеркала, сложно ввиду идентичности химического состава изделий, а также единого производственного стереотипа, подразумевающего специфический прием закалки горячекованых зеркал в холодной воде. Традиционные связи с территорией Поволжья, а также близость к ареалу саргатских племен Тоболо-Ишимья позволяют предположить ведущую роль первого производственного центра.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Апостол Л.Н. Металлические зеркала саргатской культуры Тоболо-Ишимья // Человек и Север: Антропология, археология, экология. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2012. Вып. 2. С. 82–84.

Арсеньева Т.М. Литейные формы для отливки зеркал из Танаиса // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984. С. 20–23.

Баринова Е.Б. Зеркала как источник по истории контактов народов Средней Азии с Китаем в древности и средневековье // Вестник РУДН. Сер. Всеобщая история. 2012. № 4. С. 57–92.

Барцева Т.Б. Цветная металлообработка скифского времени. М.: Наука, 1981. 127 с.

Барцева Т.Б. Цветной металл из Среднего Приишимья (по материалам Северо-Казахстанской экспедиции) // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: БашГУ, 1987. С. 65–83.

Богданова-Березовская И.В. К вопросу о химическом составе зеркал Минусинской котловины // Е.И. Лубо-Лесниченко. Привозные зеркала Минусинской котловины: (К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири). М.: Наука, 1975. С. 131–149.

Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Чирикрабатская культура в низовьях Сырдарьи // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. Т. 10. С. 47–61.

Галибин В.А. Спектральный анализ цветного металла из Среднего Притоболья // Актуальные проблемы методики западносибирской археологии. Новосибирск, 1989. С. 106–110.

Генинг В.Ф., Голдина Р.Д. Курганы у озера Фоминцево // ВАУ. 1969. Вып. 8. С. 90–101.

Горбунова Н.Г. Об одном типе бронзовых зеркал // Археологические вести. СПб., 1988. № 5. С. 283–293.

Гуляев А.П. Металловедение. М.: Металлургия, 1977. 647 с.

Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Урала и эллинский мир: (Военный аспект взаимодействия) // Уфим. археол. вестник. 2009. Вып. 9. С. 107–117.

Дегтярева А.Д. Металлообработка раннего железного века Среднего Приишимья // Западная Сибирь — проблемы развития. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1994. С. 20–31.

Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В. Модели цветного металлопроизводства на Урале в раннем железном веке // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 2 (41). С. 57–66.

Дегтярева А.Д., Шуваева О.В. Бронзовые украшения могильника Чепкуль 9 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 9. С. 22–31.

Дедюлькин А.В. О датировке эллинистических железных кирас из Южного Приуралья // Уфим. археол. вестник. 2014. № 1 (4). С. 84–93.

Зах В.А. Комплексы кургана 7 могильника Чепкуль 9 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2008. № 9. С. 4–21.

Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири: (Саргатская культура). Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. 240 с.

Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке: (Медь и бронза). М.: Наука, 1983. 257 с.

Кузьминых С.В. Металлообработка Урала и Западной Сибири в эпоху раннего железа (лесостепь и тайга): Основные этапы развития // Интеграция археологических и этнографических исследований. Барнаул: Изд. дом «Наука», 2015. С. 127–128.

Кузьминых С.В., Дегтярева А.Д. Цветная металлообработка иткульской культуры: (Предварительные результаты аналитических исследований) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 4 (31). С. 57–66.

Кузнецова Т.М. Зеркала Скифии VI–III вв. до н.э. М.: Индрик, 2002. Т. I. 352 с.

Левина Л.М. Памятники джетыасарской культуры середины I тысячелетия до н.э. — середины I тысячелетия н.э. // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. Т. 10. С. 61–73.

Левина Л.М., Равич И.Г. Бронзовые зеркала из Джетыасарских памятников // Низовья Сырдарьи в древности. М.: ИЭА РАН, 1995. Вып. 5. С. 122–185.

Литвинский Б.А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М.: Наука, 1978. 217 с.

Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. М.: Наука, 1975. 170 с.

Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1983. 224 с.

Мандельштам А.М. Кочевники на пути в Индию // МИА. 1966. № 136. 232 с.

Мандельштам А.М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии // Тр. ТАЭ. Л.: Изд-во АН СССР, 1975. Т. VII. 228 с.

Мандельштам А.М. Об одном археологическом аспекте кушанской проблемы // Проблемы советской археологии. М.: Наука, 1978. С. 133–141.

Матвеев А.В., Матвеева Н.П. Тютринский могильник // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1991. С. 25–46.

Матвеева Н.П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск: Наука, 1993. 175 с.

Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск: Наука, 1994. 152 с.

Матвеева Н.П., Волков Е.Н., Рябогина Н.Е. Новые памятники бронзового и раннего железного веков. Новосибирск: Наука, 2003. 174 с.

Могильников В.А. Отчет об археологических исследованиях в Среднем Прииртышье в 1980. М., 1980 // Архив ИА РАН. № 7762.

Могильников В.А. Саргатская культура // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. Т. 10. С. 292–311.

Могильников В.А. Гороховская культура // Там же. С. 283–292.

Моргунова Н.Л., Мещеряков Д.В. «Прохоровские» погребения V Бердянского могильника // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 1999. Вып. 3. С. 124—146.

Мошинская В.И. Городище и курганы Потчеваш: (К вопросу о потчевашской культуре) // МИА. 1953. № 35. С. 189–220.

Мошкова М.Г., Рындина Н.В. Сарматские зеркала Поволжья и Приуралья: (Химико-технологическое исследование) // Очерки технологии древнейших производств. М.: Наука, 1975. С. 117–133.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 1987. 144 с.

Потемкина Т.М. Ритуальный головной убор IV–III вв. до н.э. (по материалам Шикаевского кургана на р. Щерь) // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь: (К 70-летию Т.М. Потемкиной). Курган: Изд-во КургГУ, 2007. С. 146–158.

Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: Наука, 1983. 199 с.

Равич И.Г. Эталоны микроструктур оловянной бронзы // Художественное наследие. М.: Искусство, 1983. № 8 (38). С. 136-143.

Равич И.Г. Особенности состава и технологии изготовления миниатюрных сарматских зеркал из «белой бронзы» // РА. 1995. № 3. С. 158–164.

Равич И.Г. Некоторые типы высокооловянных горячекованых зеркал сарматского времени и их технологические особенности // Историко-археологический альманах. Армавир: Армавир. краевед. музей, 2001. Вып. 7. С. 43–54.

Равич И.Г. К вопросу о происхождении и применении зеркал сарматского времени с валиком по краю диска // Исследование и консервация памятников культуры. М.: ГосНИИР, 2004. С. 67–76.

Равич И.Г. Некоторые типы высокооловянных горячекованных зеркал сарматского времени и их технологические особенности // КСИА. Вып. 220. С. 42–51.

Равич И.Г., Бер Л.Б., Мухина Т.А. Особенности состава благородной черной патины на миниатюрных зеркалах сарматского времени // Художественное наследие. М.: ГОСНИИР, 2004. № 21 (51). С. 27–45.

Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев: Наук. думка, 1993. 144 с.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия: Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1990. 300 с.

Смирнов К.Ф. Савроматы: Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 380 с.

Фризен О.И. Раннесарматские зеркала в системе хронологии наборов вооружения // Stratum plus. Кишинев: Высш. антропол. школа, 2014. № 3. С. 113–127.

Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы: Ракурс, 1994. 170 с.

Хазанов А.М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. 1963. № 4. С. 58–71.

Чагаева А.С. О хронологии памятников Чувашского мыса // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1970. С. 229–237.

Шемаханская М.С. Феномен высокооловянистой посуды — от древности до наших дней // Исследования в консервации культурного наследия. М.: Индрик, 2008. Вып. 2. С. 291–298.

Ravich I.G. Study of the composition of Scythian and Sarmatian Bronz mirrors and technologies of their manufactures // Bulletin of the Metals Museum. 1991. Vol. 16. P. 20–31.

Radivojević M., Pendić J., Srejić A., Korać M., Davey C., Benzonelli A., Martinón-Torrese M., Jovanović N., Kamberović Z. Experimental design of the Cu-As-Sn ternary colour diagram // Journal of Archaeol. Science. 2018. 90. C. 106–119.

E.V. Tigeeva, L.N. Belonogova
Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: flena84@mail.ru
Tyumen Industry University
Energetikov st., 44, Tyumen, 625013, Russian Federation
E-mail: Lnbel@bk.ru

MIRRORS OF THE SARGATKA CULTURE IN THE TOBOL-ISHIM INTERFLUVE BASIN

In this article, we provide a morphological and typological description of mirrors of the Sargatka culture discovered in the area of the Tobol-Ishim interfluve. Similar artefacts were found in places across a significant part of Eurasia, with quantitative investigations demonstrating their preponderance in the Lower Volga basin and the Aral Sea area. 12 mirrors were analysed using the atomic emission spectroscopy, X-ray fluorescence and spectral analysis methods. Data on metal processing techniques for 11 items were obtained by visual inspection and metallographic analysis. The results of atomic emission spectrometry, X-ray fluorescence and metallography showed that both local, traditional and unique, rare technologies had been used in their production. Most mirrors are made of high-tin bronze alloys containing 20–30 % of tin, which imparts a golden colour and lustre to the artefacts. Working with high-tin alloys is known to require special skills, since their forging can be performed only within a narrow temperature range. Reheating and water quenching are the final operations, aimed at strengthening the product during its operation. Stable uniform techniques and temperature regimes seem to have been applied when producing the Sargatka mirrors. The use of water quenching is considered to be an innovation in this locality, which distinguishes the metalworking of the Early Iron Age from the preceding Bronze Age. This allowed us to propose that the processing techniques and the finished products could have been imported from two mirror production centres located in the areas of the Volga river basin and the Aral Sea. The similarity of the artefacts under study indicates that they could have been manufactured at a single production centre. The destination of this centre is hard to determine due to the identity of the artefacts both in terms of their composition and common production pattern, which implies the quenching of hot-forged mirrors in cold water. Taking into account the traditional contacts of the Sargatka tribes, who settled the Tobol-Ishim basin, with the population of the Volga region, as well as the geographical proximity of these territories, we tend to suppose that this centre was located on the territory of the Volga river basin. Thus, a Chinese mirror from the Chepkul 9 burial ground is likely to have been professionally manufactured using a blank wax model for casting. Han mirrors were one of the most important and popular Chinese articles exported to other cultures, including the Sargatka culture. The area of the Sargatka culture embraced the northern branch of the Great Silk Road.

Key words: Early Iron Age, Tobol-Ishim basin, **metallography, ancient metal production, mirrors, Sargatka culture.**

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-084-096

REFERENCES

Apostol L.N. (2012). Metall mirrors of the Sargatka culture in the Tobol-Ishim interfluve. *Chelovek i Sever: Antropologiia, arkheologiia, ekologiia,* (2), 82–84.

Arsen'eva T.M. (1984). Casting Molds for Tanais Mirrors. *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremia*, Moscow: Nauka, 20–23.

Barinova E.B. (2012). Mirrors as a source about the history of contacts between Central Asian peoples and China in Ancient Times and Medieval Period. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia Vseobshchaia istoriia*, (4), 57–92.

Bartseva T.B. (1981). *Non-Ferrous metal working in Scythian Times*, Moscow: Nauka.

Bartseva T.B. (1987). Non-Ferrous metal from the Middle Ishim river basin: (Based on materials of the North-Kazakhstan expedition). *Rannii zheleznyi vek i srednevekov'e Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ia*, Chelia-binsk: BashGU, 65–83.

Bogdanova-Berezovskaia I.V. (1975). To a question of the chemical composition of mirrors of Minusinsk Depression. In E.I. Lubo-Lesnichenko. *Privoznye zerkala Minusinskoi kotloviny: (K voprosu o vneshnikh sviaziakh drevnego naseleniia luzhnoi Sibiri)*, Moscow: Nauka, 131–149.

Chagaeva A.S. (1970). About the chronology of the Chuvash cape monuments. *Problemy khronologii i kul'turnoi prinadlezhnosti arkheologicheskikh pamiatnikov Zapadnoi Sibiri*, Tomsk: TGU, 229–237.

Dediul'kin A.V. (2014). About the dating of iron Hellenic cuirasses from the Southern Cisurals. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik*, (4), 84–93.

Degtyareva A.D. (1994). Metal working of the Early Iron Age of the Middle Ishim. *Zapadnaia Sibir' — problemy razvitiia*, Tiumen': IPOS SO RAN, 20–31.

Degtyareva A.D., Kuz'minykh S.V. (2018). Models of non-ferrous metal production in the Urals in the Early Iron Age. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (2), 57–66.

Degtyareva A.D., Shuvaeva O.V. (2009). Bronze adornments from Chepkul 9 burial ground. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (9), 22–31.

Frizen O.I. (2014). Early Sarmatian mirrors in the chronology system of armament sets. *Stratum plus*, (3). Kishinev: Vysshaia antropologicheskaia shkola, 113–127.

Galibin V.A. (1989). Spectral analysis of non-ferrous metal from the Middle Tobol river basin. *Aktual'nye problemy metodiki zapadnosibirskoi arkheologii*, Novosibirsk, 106–110.

Gening V.F., Goldina R.D. (1969). Burial mounds near Fomintsevo lake. *Vestnik arkheologii Urala*, (8), 90–101.

Gorbunova N.G. (1988). About one type of bronze mirrors. *Arkheologicheskie vesti*, (5), St. Petersburg, 283–293.

Guliaev A.P. (1977). *Metallurgical science*, Moscow: Metallurgiia.

Gutsalov S.Iu. (2009). Ancient nomads of the Southern Urals and the Hellenistic World: (A military aspect of the interactions). *Ufimskii arkheologicheskii vestnik*, (9), 107–117.

Khabdulina M.K. (1994). *Steppe Ishim river basin in the Early Metal Age*, Almaty: Rakurs.

Khazanov A.M. (1963). Genesis of Sarmatian bronze mirrors. *Sovetskaia arkheologiia*, (4). 58–72.

Koriakova L.N. (1988). *The Early Iron Age in the Transurals and West Siberia: (The Sarmatian culture)*, Sverdlovsk: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

Kuz'minykh S.V. (1983). *Metallurgy of the Volga-Kama basin in the Early Iron Age: (Copper and bronze)*, Moscow: Nauka.

Kuz'minykh S.V. (2015). Metal working of the Urals and Western Siberia during an Epoch of Early Iron (the forest-steppe and a taiga): Main stages of development. *Integratsiia arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanii*, Barnaul: Nauka, 127–128.

Kuz'minykh S.V., Degtiareva A.D. (2015). Color metal working of Itkul culture: (Preliminary results of analytical researches). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (4), 57–66.

Kuznetsova T.M. (2002). *Scythian mirros of the VI–III centuries BC, I*, Moscow: Indrik.

Levina L.M. (1992). Monuments of the Dzetyasar culture of the middle of the I millenium BC — the middle of the I millenium AD. *Stepnaia polosa aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia*, (10), Moscow: Nauka, 61–73.

Levina L.M., Ravich I.G. (1995). Bronze mirros from Dzetyasar monuments. *Nizov'ia Syrdar'i v drevnosti,* (5), Moscow: IEA RAN, 122–185.

Litvinskii B.A. (1978). *Tools of trade and utensils from burial grounds in West Fergana*, Moscow: Nauka.

Lubo-Lesnichenko E.I. (1975). *Imported mirrors in the Minusinsk Depression*, Moscow: Nauka.

Maksimenko V.E. (1983). *The Sauromatians and the Sarmatians in the Lower Don river basin*, Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta.

Mandel'shtam A.M. (1966). Nomads on the way to India. *MIA*, (136).

Mandel'shtam A.M. (1975). Monuments of the Kushan Times nomads in Northern Bactria. *Trudy TAE, 7*, Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR.

Mandel'shtam A.M. (1978). About one archaeological aspect of the Kushan Issue. *Problemy sovetskoi arkheologii*, Moscow: Nauka, 133–141.

Matveev A.V., Matveeva N.P. (1991). Tyutrinsky grave field. *Istochniki etnokul'turnoi istorii Zapadnoi Sibiri*, Tiumen': Izdatel'stvo Tiumenskogo Gosudarstvennogo universiteta, 25–46.

Matveeva N.P. (1993). *The Sargatka culture in the Middle Tobol river basin*, Novosibirsk.

Matveeva N.P. (1994). *The Early Iron Age in the Ishim river basin*, Novosibirsk: Nauka.

Matveeva N.P., Volkov E.N., Riabogina N.E. (2003). *New monuments of the Bronze and Early Iron Ages*, Novosibirsk: Nauka.

Mogil'nikov V.A. (1992). The Sargatka culture. *Stepnaia polosa aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia*, (10), Moscow: Nauka, 292–312.

Mogil'nikov V.A. (1992). Gorokhovo kul'tura. *Stepnaia polosa aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia*, (10), Moscow: Nauka, 283–292.

Morgunova N.L., Meshcheriakov D.V. (1999). «Prokhorovo» burials of V Berdiansky burial ground. Archaeological monuments of Orenburg region. *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia*, (3), Orenburg: Izdatel'stvo OGPU, 124–146.

Moshinskaia V.I. (1953). Potchevash hillfort and burial mounds: (The Potchevash culture revisited). *MIA*, (35), 189–220.

Moshkova M.G., Ryndina N.V. (1975). Sarmatian mirrors in the Volga river basin and in the Cisurals: (A chemical and technological research). *Ocherki tekhnologii drevneishikh proizvodstv*, Moscow: Nauka, 117–133.

Polos'mak N.V. (1987). *Baraba in the Early Iron Age*, Novosibirsk: Nauka.

Potemkina T.M. (2007). A ceremonial headdress of the IV–III centuries BC (based on the materials of Shikaevka burial mound at the Shcher river). *Problemy arkheologii: Ural i Zapadnaia Sibir': (K 70-letiiu T.M. Potemkinoi)*, Kurgan: Izdatel'stvo Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta, 146–158.

Pshenichniuk A.Kh. (1983). *Culture of the Early nomads of the Southern Urals*, Moscow: Nauka.

Ravich I.G. (1983). Reference gauges of tin bronze microstructures. *Khudozhestvennoe nasledie*, (8), Moscow: Iskusstvo, 136–143.

Ravich I.G. (1995). Special features of the composition and the production technology of miniature «white bronze» Sarmatian mirrors. *Rossiiskaia arkheologiia*, (3), 158–164.

Ravich I.G. (2001). Some types of high-tin hot-horged Sarmatian mirrors and their technological features. *Istoriko-arkheologicheskii al'manakh*, (7), Armavir: Armavirskiy kraevedcheskiy muzei, 43–54.

Ravich I.G. (2004). Revisiting the origin and use of Sarmatian mirrors with a bead along the edge of the disk. *Issledovanie i konservatsiia pamiatnikov kul'tury*, Moscow: GosNIIR, 67–76.

Ravich I.G. (2006). Some types of high-tin hot-forged Sarmatian mirrors and their technological. *KSIA*, (220), 42–51.

Ravich I.G., Ber L.B., Mukhina T.A. (2004). Special features of the composition of noble black patina on Sarmatian miniature mirrors. *Khudozhestvennoe nasledie*, (21), Moscow: GOSNIIR, 27–45.

Shemakhanskaia M.S. (2008). A phenomenon of high-tin dishes — from Ancient Times till present days. *Issledovaniia v konservatsii kul'turnogo naslediia*, (2), Moscow: Indrik, 398–407.

Simonenko A.V. (1993). *The Sarmatians of Tauria*, Kiev: Naukova Dumka.

Skripkin A.S. (1990). *Asian Sarmatia: Chrobological problems and its historical aspect*, Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta.

Smirnov K.F. (1964). *The Sauromats: Sarmatian early history and culture*, Moscow: Nauka.

Vainberg B.I., Levina L.M. (1992). The Chirikrabat culture in the Lower reaches of the Syr Darya river. *Stepnaia polosa aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia*, (10), Moscow: Nauka, 47–61.

Zakh V.A. (2008). Complexes at the burial mound 7 of Chepkul 9 burial ground. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (9), 4–21.

Р.Д. Голдина

Удмуртский государственный университет
ул. Университетская, 1, Ижевск, 426034
E-mail: arch@uni.udm.ru

О НАХОДКАХ ПРЕДМЕТОВ ИЗ РАКОВИН ТУРБИНЕЛЛА ПИРУМ НА ПАМЯТНИКАХ III–IV вв. СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ

В Среднем Прикамье собрано более 170 уникальных изделий — накладок из раковин турбинелла пирум, обитающих в Индийском океане. Цель данной работы — по возможности всестороннее изучение этого источника. В Индии с III тыс. до н.э. и до современности добывают моллюски этого вида и делают из раковин разнообразные предметы, в том числе диски-накладки. Изделия из раковин встречались в разное время в Месопотамии, предгорьях Гималаев, Памира, в Казахстане, в степной полосе Евразии. Они поступали и в Прикамье в III–IV вв. через Среднюю Азию по северному ответвлению Великого шелкового пути вместе с клинками из тигельной стали, навершиями из халцедоновых дисков, полуфабрикатами из цветного и черного металла. Накладки из раковин турбинелла пирум позволяют предположительно локализовать производство этих вещей в специализированных центрах Индии.

Ключевые слова: Евразия, Индия, Среднее Прикамье, раковины моллюсков турбинелла пирум, Великий шелковый путь, производственные центры.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-097-107

Объект исследования — изделия из раковин моллюска турбинелла пирум III–IV вв. н.э. в Среднем Прикамье. Предмет изучения — особенности форм этих изделий, места обитания моллюска, способы изготовления предметов из его раковин, их использование, ареал и пути притока на Урал. В работе использованы методы формальной типологии, планиграфии, корреляции, аналогий, пространственно-географический анализ и др.

Согласно научной классификации изучаемый вид моллюсков относится к классу брюхоногих, отряду Neogastropoda, семейству турбинеллы (Turbinellidae), роду *Turbinella*, виду турбинелла пирум. Он имеет и другое название — «кубаревик груша», кубаревик грушевидный или священный чанк [Буруковский, 1977, с. 41–43]. Видовое название — лат. pyrum («груша») дано моллюску за схожесть формы его раковины с грушей (рис. 1). Высота раковины 9–29 см, ширина 10–15 см и вес до 700 г [Ершов, Кантор, 2008, с. 180].

Изделия из раковин Среднего Прикамья были определены д.б.н. Я.И. Скоробогатовым (Зоологический институт РАН) как моллюск *Turbomarmaratus* семейства Turbinellidae [Останина, 1997, с. 62–63]. Многочисленные совпадения форм, размеров, орнамента, характера использования (накладки на одежду и пояс) наших предметов с индийскими убедили нас в том, что мы имеем дело с видом турбинелла пирум.

Зона обитания моллюска турбинелла пирум ограничена. Они живут колониями в мелководных заливах Индийского океана, в юго-восточной Индии и на Шри-Ланке, в Качском заливе и вдоль побережий неподалеку от Карачи [Kenoyer, 1984, p. 51] (рис. 2). По мнению Дж. М. Кеноейра, современный их ареал постоянен на протяжении последних 5000 лет. В середине XX в. за год в водах Индии добывалось по 2–3 млн экз. турбинеллы пирум [Буруковский, 1977].

Дж. М. Кенойер, изучавший изготовление и использование предметов из морских раковин в развитой индской цивилизации (2500–1700 гг. до н.э.), исследовал более 2800 предметов: браслетов, бус, подвесок, цилиндров, печатей, фишек, сфер, крышек, сосудов и дисков, которыми украшали пояса или шею [Kenoyer, 1984, p. 55]. Вогнутые диски изготовляли из оснований раковины. Для производства этих изделий использовались распиловка, сверление, зачистка, шлифовка. Экспериментально доказано, что для сверления отверстия в раковинах толщиной 3 мм с помощью простого лучкового сверла требовалась примерно одна минута. Существовало несколько центров производства изделий из раковин: Таксила, Мохенджо-Даро, Хараппа, Чанху-Даро, Лотхал, Нагешвар, Балакот (рис. 2). Наиболее мощный из них — Мохенджо-Даро [Ibid., p. 54–56].

Раковины турбинелла пирум — священный чанк занимают значительное место в верованиях индийцев и буддистов. Их применяли в качестве конха (рога), из которого трубят монахи при храмовых ритуалах, а также на свадьбах и похоронах. В прошлом его использовали на поле

боя для созыва войска или оповещения об атаке. Раковины оправляли в серебро, украшали резьбой и драгоценными камнями. Изделия из раковин турбинелла пирум широко используются в современной Индии [Буруковский, 1977].

Рис. 1. Раковина моллюска турбинелла пирум.
Fig. 1. Turbinella pyrum shell.

В последние годы в предгорьях Гималаев обозначился еще один район, где в погребальных памятниках найдены диски из раковин турбинелла пирум (600-300 гг. до н.э.). Здесь в захоронениях возле дд. Малари, Липпа, Ропа и Гиу среди прочих находок присутствовали браслеты, бусы и круглые диски из турбинеллы пирум. Авторы исследования полагают, что эти предметы поступили сюда из мастерских северо-западной Индии [Deshpande Mukherjee et al., 2015].

Изделия из индийских раковин, в том числе турбинеллы пирум, в III тыс. до н.э. были известны на памятниках Месопотамии. Они имели здесь религиозное и обрядовое значение, так как встречались в основаниях храмов, а также упоминались в текстах как предметы, обладающие предупредительным и защитным действием. Они широко использовались также в качестве погребального инвентаря для обозначения статусности и богатства либо как амулеты. Из раковин турбинелла пирум сделаны браслет из г. Сузы, цилиндрические печати, найденные в г. Ур, на поселении Тепе-Гавра и др. Особый интерес представляют пять пробитых дисков из турбинеллы пирум, найденные в Сузах, поразительно схожих с дисками из Хараппы. Существование торговых связей жителей долины р. Инд и Месопотамии в указанное время не вызывает сомнений [Gensheimer, 1984].

Еще один компактный район, где найдены диски из раковин,— Восточный Памир (рис. 2). Здесь в курганах сакского времени (VI–III вв. до н.э.): Можуташ II, Кзыл-Рабат, Шаймак, Андемин I и др. — обнаружены круглые створки раковин, имеющие вид выпукло-вогнутых кружков диаметром 2,3–4,7 см (рис. 4, *8, 11*). По мнению Б.А. Литвинского, они служили наглазниками и происходили из Индии [1972, с. 141–142].

Предметы подобного рода были обнаружены также на границе Казахстана и Киргизии, у северных предгорий Киргизского хребта, в среднем течении р. Талас. Здесь на поселении Кзыл-Кайнар-Тобе I–IV вв. раскопано погребение воина IV–V вв., в котором располагалась округлая выпукло-вогнутая костяная пластина толщиной 1–3 мм и размерами 4,6×3,5 см [Мерщиев, 1970, с. 88, рис. 7, *1*]. По форме и размерам пластина соответствует дискам из раковин. Автор публикации оценивает ее как амулет. Поблизости от описанного объекта А.Г. Максимовой был раскопан курганный могильник Кызыл-Кайнар, в кургане 4 которого зафиксирован диск из раковины. Могила датирована VII–IX вв. [Максимова, 1972, рис. 5, *3*].

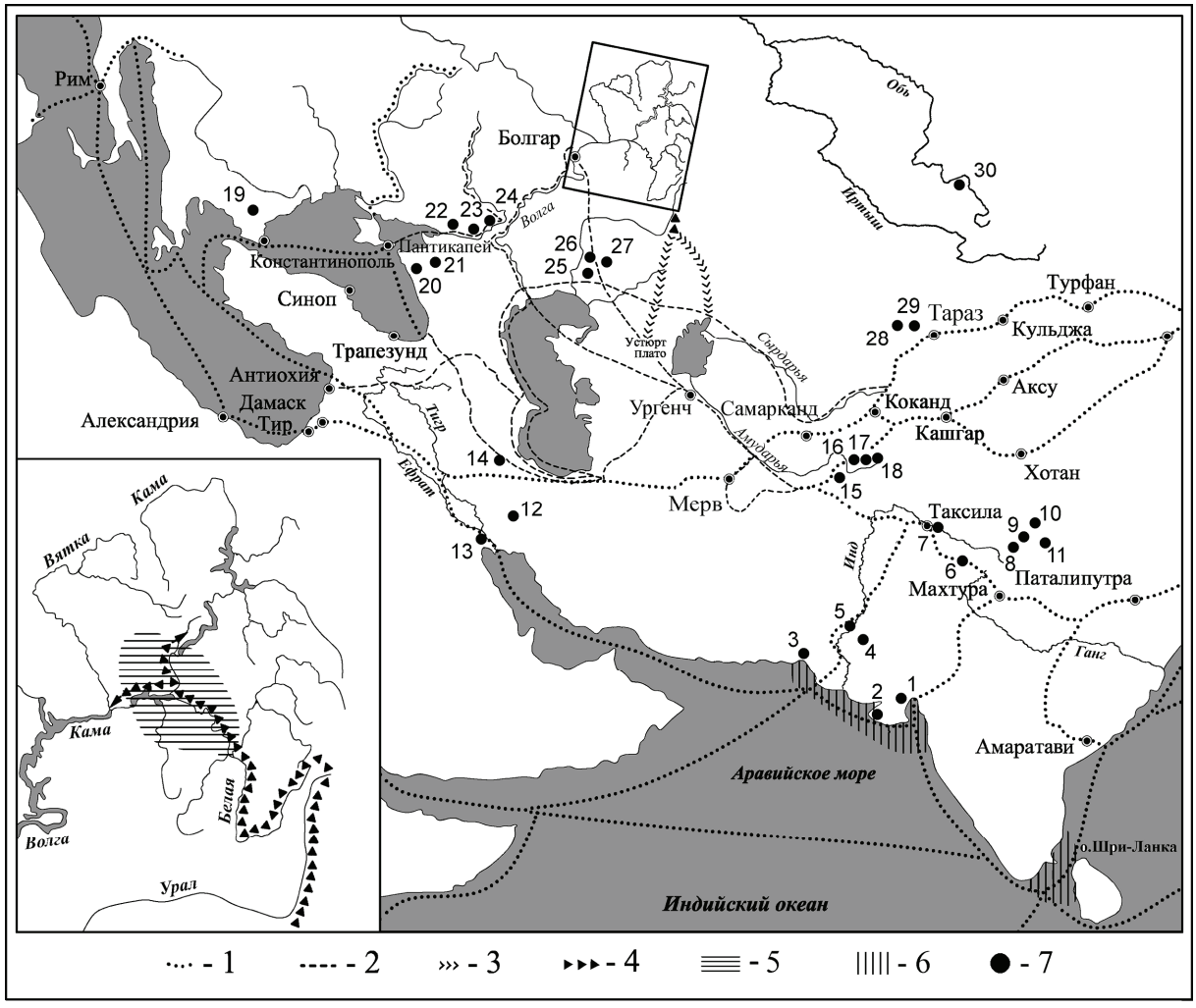

Рис. 2. Великий шелковый путь. Главные пути сообщения:
1 — по Л.А. Мамлеевой [1999] и др. (III тыс. до н.э. — IX в. н.э.); 2 — по В.П. Даркевичу [1976, табл. 50] (VI–X вв. н.э.); 3 — по А.Д. Таирову [2000, с. 199]; 4 — по А.В. Шмидту, Р.Д. Голдиной (I–IX вв. н.э.); 5 — схема распространения памятников на Средней Каме с находками изделий из раковин; 6 — промысловые зоны моллюсков турбинелла пирум [Kenoyer, 1984, fig. 5]; 7 — памятники с находками предметов из раковин моллюсков турбинелла пирум. Индия, производственные центры: 1 — Лотхал, 2 — Нагешвар, 3 — Балакот, 4 — Чанху-Даро, 5 — Мохенджо-Даро, 6 — Хараппа, 7 — Таксила, погребения: 8 — Липпа, 9 — Ропа, 10 — Гиу, 11 — Малари. Месопотамия: 12 — Сузы, 13 — Ур, 14 — Тепе-Гавра. Восточный Памир: 15 — Андемин I, 16 — Шаймак, 17 — Можуташ II, 18 — Кзыл-Рабат. Болгария: 19 — Рошава Дрогана. Прикубанье: 20 — Цемдолинский, 21 — Золотое кладбище. Придонье: 22 — Кобяковский, 23 — Камышевский I, 24 — Первомайский VII. Низовья р. Урал: 25 — Лебедевка VI, 26 — Красный Яр, 27 — Покровка 10. Южный Казахстан: 28 — Кзыл-Кайнар-Тобе, 29 — Кызыл-Кайнар. Алтай: 30 — Ераска.

Fig. 2. Silk Road. Main routes:
1 — acc. L.A. Mamleeva [1999] et al. (III mil. BC — IX cen. AD); 2 — acc. V.P. Darkevich [1976, table 50] (VI–X cen. AD); 3 — acc. A.D. Tairov [2000, p. 199] (IV–II cen. BC); 4 — acc. A.V. Shmidt, R.D. Goldina (I–IX cen. AD); 5 — distribution map of Middle Kama River Region monuments with shell artifacts; 6 — catching areas of Turbinella pyrum species [Kenoyer, 1984, fig. 5]; 7 — monuments with artifacts made from Turbinella pyrum shells. India, manufacturing centers: 1 — Lothal, 2 — Nageshwar, 3 — Balakot, 4 — Chanhu, 5 — Mohenjo Daro, 6 — Harappa, 7 — Taxila, burial grounds: 8 — Lippa, 9 — Ropa, 10 — Gyu, 11 — Malari. Mesopotamia: 12 — Susa, 13 — Ur, 14 — Tepe-Gawra. Eastern Pamirs: 15 — Andemin I, 16 — Shaymak, 17 — Mozhutash II, 18 — Kzyl-Rabat. Bulgaria: 19 — Roshava Dragana. Kuban River Region: 20 — Tsemdolinsky, 21 — Zolotoye kladbische. Don River Region: 22 — Kobyakovsky, 23 — Kamyshevsky I, 24 — Pervomaysky VII. Lower reaches of the Ural River: 25 — Lebedevka VI, 26 — Krasny Yar, 27 — Pokrovka 10. Southern Kazakhstan: 28 — Kzyl-Kaynar-Tobe, 29 — Kyzyl-Kaynar. Altai: 30 — Eraska.

Еще один диск из раковины обнаружен на юге Западной Сибири, в Алтайском крае, на р. Ераска (Калманский р-н). Здесь в разрушенном погребении воина IV–V вв. вместе с мечом, железными наконечниками стрел и другими предметами найден округлый, выпукло-вогнутый

диск из известняка (?) диаметром 5,5 см с отверстием в центре. По мнению автора обследования Я.В. Егорова — подвеска [1993]. По форме и размерам соответствует диску из раковины.

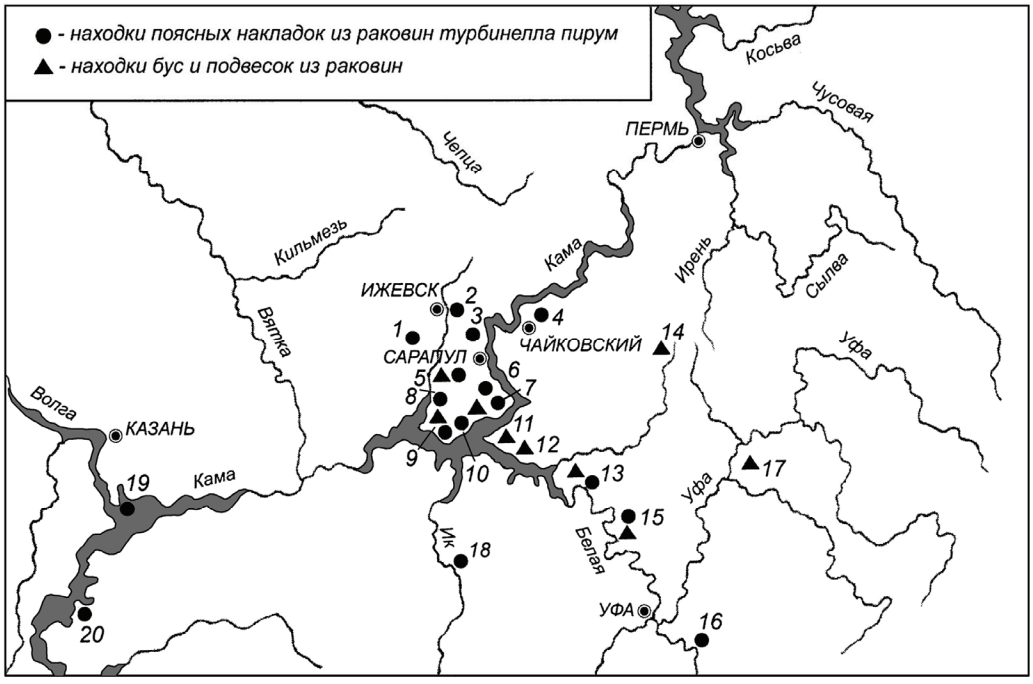

Рис. 3. Схема распространения могильников Среднего Прикамья, содержащих изделия из раковин:
1 — Покровка, *2* — Ижевск, *3* — Чепаниха, *4* — Сайгатка, *5* — Афонино, *6* — Мазунино, *7* — Тарасово, *8* — Заборье, *9* — Ныргында I, *10* — Боярка (Арай), *11* — Старое Кабаново, *12* — Старая Мушта, *13* — Ангасяк, *14* — Югомашево, *15* — Бирск, *16* — Охлебинино, *17* — Каратамак, *18* — Ново-Сасыкуль, *19* — Коминтерн II, *20* — Старая Майна II.
Fig. 3. Distribution map of the Middle Kama River Region monuments with shell artifacts:
1 — Pokrovka, *2* — Izhevsk, *3* — Chepanikha, *4* — Saygatka, *5* — Afonino, *6* — Mazunino, *7* — Tarasovo, *8* — Zaborye, *9* — Nyrgynda I, *10* — Boyarka (Aray), *11* — Staroye Kabanovo, *12* — Staraya Mushta, *13* — Angasyak, *14* — Yugomashevo, *15* — Birsk, *16* — Okhlebinino, *17* — Karatamak, *18* — Novo-Sasykul, *19* — Komintern II, *20* — Staraya Mayna II.

Единичные находки раковин, украшающих мечи, известны в сарматских могилах конца I — начала II в. н.э.: Рошава Драгана в Болгарии [Буюклиев, 1995, с. 38, рис. 1, *2*], в Первомайском VII на левобережье Дона [Мамонтов, 2000]; 6 раковин-амулетов в могильнике «Золотое кладбище» у ст. Усть-Лабинской в Прикубанье [Гущина, Засецкая, 1994, табл. 40, *362*]; 8 раковин от конской сбруи из кургана 10 Кобяковского могильника [Прохорова, Гугуев, 1992, рис. 8, *45, 46*], а также 3 раковины от уздечек из объекта 8 и могилы 50 Цемдолинского некрополя в Цемесской долине возле Новороссийска [Довгалюк, Малышев, 2008, с. 80, 126, рис. 67, *5;* 103, *2*]. Возможно, к этому же горизонту принадлежит меч с навершием из раковины из погребения 260 Ново-Сасыкульского могильника в низовьях р. Ик в Башкирии [Красноперов, 2011, с. 234, рис. 5, *5, 6*].

Другой пласт, более позднего времени, образуют позднесарматские захоронения: Камышевка I на Дону — конец II — первая половина III в. н.э. [Безуглов, 2000, рис. 4, *9*], Лебедевка VI в Северо-Западном Казахстане — первая половина (ближе к середине) III в. н.э. [Мошкова, Демиденко, 2010, рис. 2, *4*], Покровка 10 на Южном Урале — вторая половина III в. н.э. [Малашев, Яблонский, 2008, рис. 162, *5*] и комплексы курганов 3 и 20 могильника Красный Яр в Оренбуржье первой половины III в. [Там же, с. 54, рис. 206, *3, 5*; 207].

К настоящему времени в Среднем Прикамье известно более 170 накладок-блях из раковин турбинелла пирум. Они встречаются на памятниках III–IV вв. по обоим берегам р. Камы с притоками от г. Чайковского на севере до устья р. Иж на юге, а также в низовьях р. Белой (рис. 3). Основная масса могильников относится к мазунинскому этапу тарасовской (чегандинской) культуры. Десять некрополей находятся на правобережье р. Камы: Тарасово содержит 71 экз., Ижевск — 30 экз., Покровка — 9, Заборье — 10, Чепаниха — 2, Афонино — 2, Мазунино — 9, Ныргында I — 1, Боярка — 3, Сайгатка — 1 экз. На левобережье р. Камы выявлено 4 могильника с бляхами-раковинами: Бирск — 36 экз., Ангасяк — 3, Ново-Сасыкуль — 2, Охлебинино — 1 экз. В двух мо-

гильниках: Старая Майна II [Казаков, 1991, с. 111] и Коминтерн II [Там же, с. 114, рис. 2, *17*], относимых к более позднему времени (VI в.), раковины встречались в качестве анахронизма.

Накладки-бляхи из раковин турбинелла пирум (диски по терминологии ученых, изучающих материалы Азии) имели, как правило, круглую, реже — подквадратную, подпрямоугольную, подтреугольную формы, матовый белый цвет, иногда следы лощения, в центре — отверстие для крепления на ремне (рис. 4, *1, 4–7, 9*). Размеры их колеблются от 3,0×4,0 см до 9,2×11,0 или 8,5×13,3 см. Иногда предметы орнаментированы углублениями, образующими розетки (рис. 4, *4, 7*). На некоторых экземплярах видны следы ремонта в виде прямоугольных бронзовых пластин (рис. 4, *6*).

Наиболее представительна серия (71 экз., 8 взять не удалось, 2 во фрагментах) Тарасовского могильника I–V вв., расположенного в Сарапульском районе Удмуртии, на правом берегу р. Камы, недалеко от устья р. Белой. В настоящее время Тарасовский могильник является крупнейшим из известных финно-угорских погребальных памятников Евразии. Он относится к тарасовской (чегандинской) культуре пьяноборской культурно-исторической общности и охватывает финал раннего железного века и эпоху Великого переселения народов. На протяжении 18 лет (1980–1997 гг.) Тарасовский могильник изучала Камско-Вятская археологическая экспедиция УдГУ под руководством Р.Д. Голдиной [2003, 2004]. Итогом стационарных работ стали 16 091,5 м^2 раскопанной площади, 1880 могил с 2096 захороненными и 37 000 находок. Накладки-раковины Тарасовского могильника исследованы В.А. Бернц [2016]. Они обнаружены в 47 захоронениях поздней мазунинской стадии (5,4 % от 870 погребений) в сопровождающем инвентаре 50 умерших. Планиграфически эти изделия концентрировались преимущественно в северо-западном секторе поздней части некрополя [Голдина и др., 2015, ил. 244]. Количество раковин в одной могиле колеблется от 1 до 3. Половозрастные определения известны у 25 погребенных — 8 мужских (16 % от 50) и 17 женских (34 %) костяков; в 4 случаях (8 %) установлен только возраст умерших, в 21 (42 %) — половозрастные характеристики отсутствуют. По сопровождающему инвентарю 15 могил с неустановленным полом умерших могли быть женскими.

В качестве поясных накладки использованы в 43 случаях, у 7 погребенных они были помещены в подарочные наборы. Поясов с одной бляхой 30, с двумя — 5 и с тремя — 8. Пояса с несколькими бляхами найдены только в женских могилах. Крепились к ремню умбоновидными накладками различной формы 28 раковин, 2 накладки (поясная и портупейная) были орнаментированы круглыми вдавлениями, образующими розетки (рис. 4, *4, 7*). Подобный орнамент зафиксирован на дисках Таксилы (Индия) и Красного Яра (Оренбуржье) (рис. 4, *2, 3, 11*). Пояса с бляхами лежали вытянуто вдоль тел: справа — 16, слева — 14. Среди 29 чел. с установленным возрастом 15 — это люди 20–40 лет. Другие возрастные группы (для 14 умерших): дети до 7 лет — 3; 15–17 лет — 4; 15–25 и 35–45 лет — по 1; 40–50 — 3; 50–60 лет — 2 чел. Состав поясов различен: только раковины (1–3 экз.) — 16 поясов, раковина(-ы) и металлически накладки — 11, раковина(-ы), накладки и наборный наконечник ремня — 14. К 14 поясам прикреплены нож/нож и шило, иногда в ножнах с бронзовыми накладками.

Кроме украшений поясов из раковин в Среднем Прикамье выполнены подвески и бусы. Подвески имели округлую или подтреугольную форму, размеры 14–17×16–19 мм, слегка выпуклы, в верхней части — отверстие и бронзовая петля для подвешивания. В Тарасово найдены 6 подвесок в поздней части могильника. Т.И. Останина писала, что подвески из раковин характерны в основном для башкирской группы мазунинских памятников IV–V вв. и были наиболее популярны у населения, оставившего Бирский (29 экз.) и Югомашевский (62 экз.) могильники [1997, с. 52, табл. 18]. Скорее всего, они были сделаны местными мастерами из привезенных раковин.

У бус из раковин определить вид моллюска невозможно. Можно лишь предполагать, что сырьем служили и створки турбинеллы пирум. Бусы встречались в основном на территории Башкирии: Бирский могильник — 267 экз., Старокабановский — 7, но известны и на правобережье: Чепанихинский могильник — 12 экз. [Останина, 1997, табл. 19]. В Тарасово обнаружено 12 таких бусин в могилах I–II вв.

Анализ всех материалов Тарасовского могильника с помощью корреляции, планиграфии и аналогий показал, что накладки из раковин появились в Среднем Прикамье в начале III в. [Голдина, Бернц, 2016, с. 24; 2017, с. 57]. Из мужских могил, вошедших в корреляцию и содержащих такие накладки, 5 относились к первой половине III в., лишь одна к его второй половине. В женских могилах 18 захоронений датируется III в. и лишь 3 — IV в. Очевидно, поступление этих предметов прекратилось во второй половине IV в. и, скорее всего, было связано с событиями, спровоцированными гуннским нашествием.

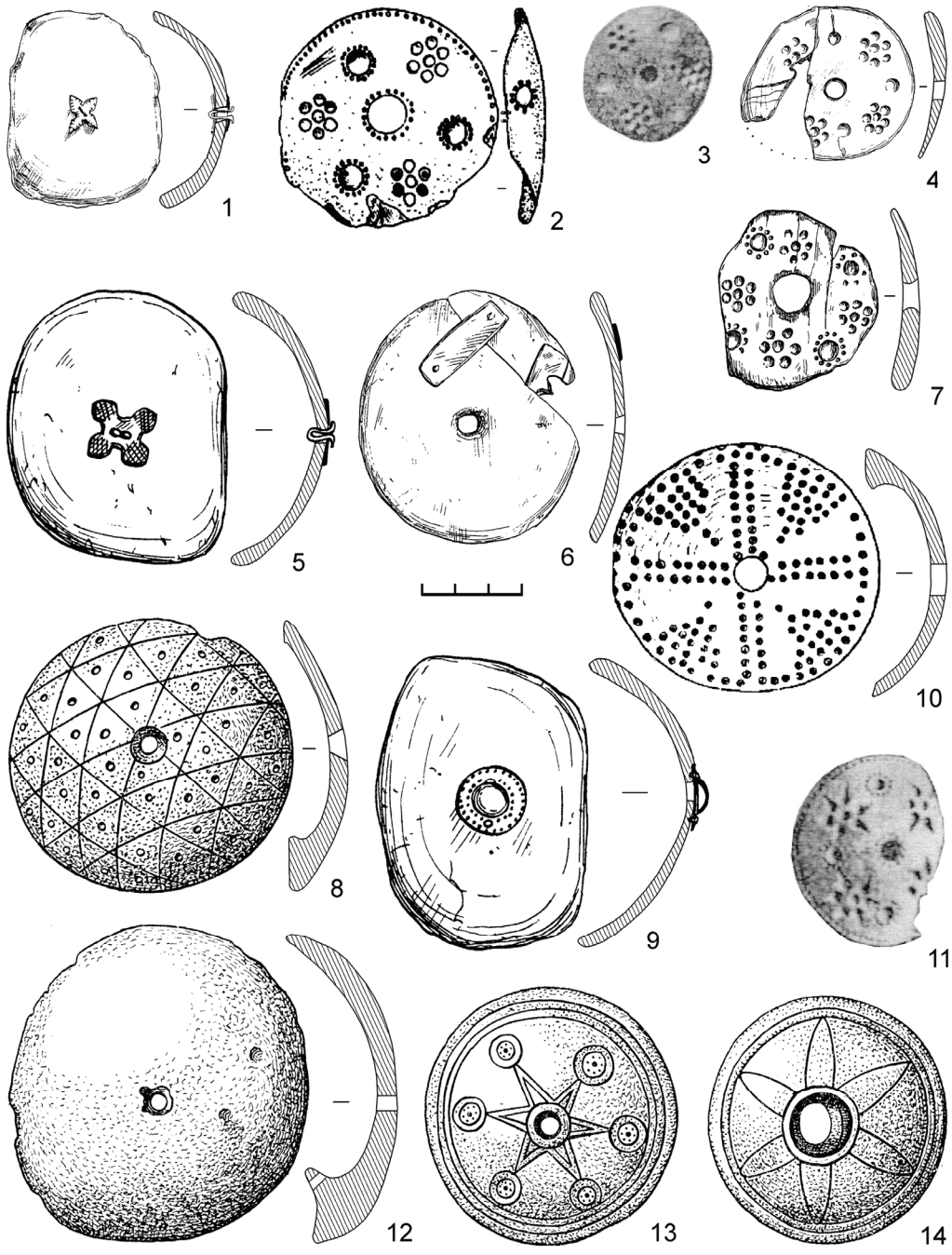

Рис. 4. Диски из раковин турбинелла пирум:
1 — Тарасово погр. 307; 4 — погр. 450А; 5, 9 — погр. 132; 6 — погр. 69А; 7 — погр. 4; 2 — Красный Яр к. 20 [Малашев, 2014, рис. 3, *1*]; 3, 11 — Таксила [Marshall, 1951, p. 673, fig. 44, 45, диаметр 1,5 и 2,3 дюйма]; 8, 12 — Памир [Литвинский, 1972, рис. 47, *1, 2*], без масштаба; 10 — Ижевский могильник [Генинг, 1967, табл. 11, *28*]; 13, 14 — Индия [Литвинский, 1972, рис. 47, *4, 5*], без масштаба.

Fig. 4. Discs made from Turbinella pyrum shells:
1 — Tarasovo grave 307; 4 — grave 450A; 5, 9 — grave 132; 6 — grave 69A; 7 — grave 4; 2 — Krasny Yar barrow 20 [Malashev, 2014, fig. 3, *1*]; 3, 11 — Taxila [Marshall, 1951, p. 673, fig. 44, 45, 1.5 and 2.3 inch dia.]; 8, 12 — Pamirs [Litvinsky, 1972, fig. 47, *1, 2*], not to scale; 10 — Izhevsky burial ground [Gening, 1967, table 11, *28*]; 13, 14 — India [Litvinsky, 1972, fig. 47, *4, 5*], not to scale.

В появлении дисков из раковин турбинелла пирум в Среднем Прикамье огромную роль сыграла трансконтинентальная система караванных коммуникаций — Великий шелковый путь, соединяющая цивилизации Старого Света: Китай, Индию, Ближний Восток и Европу (рис. 2). Начало сложения этой системы относится к III тыс. до н.э., когда из предгорий Памира в Месопотамию

перевозился бадахшанский лазурит. Из Двуречья в долину Инда к центрам цивилизации Хараппы и Мохенджо-Даро шел южный путь [Мамлеева, 1999, с. 53]. За многие сотни лет эта система развивалась, образовывала новые участки. В разные исторические периоды интенсивность использования этих участков была различной. Сейчас мы можем реально представить, как изделия из раковин турбинелла пирум распространялись с полуострова Индостан по огромным просторам Евразии. Стратегически важным регионом была Средняя Азия, где сходились пути восток — запад и юг — север (район Прикамья). Из Приаралья на север возможны два направления: первый — через южное Приаралье, район Хорезма, Устюрт — верховья Эмбы по Ори в Оренбуржье к верховьям р. Урал; второй — через низовья Сырдарьи, приаральские Каракумы, низовья Иргиза и Тургая в этот же регион [Таиров, 2000, с. 199]. Далее путь шел по р. Уралу к истокам, затем по р. Белой — от истоков до устья и на правобережье р. Камы. Именно здесь и сосредоточена основная масса изделий из раковин. Этот путь активно использовался уже во второй половине I тыс. до н.э. С.В. Кузьминых писал о тесных связях ананьинцев в VI–IV вв. до н.э. с саками и другими кочевниками Средней Азии и Казахстана [1983, с. 178–179].

Обращает на себя внимание скопление памятников III в. на левобережье среднего течения р. Урал — Лебедевка VI, Покровка 10 и Красный Яр. Они находятся в непосредственной близости от пути из Средней Азии на север. Важно, что в могильнике Лебедевка VI обнаружено шесть мечей с халцедоновыми навершиями и диск из раковины. Металлографический анализ трех из них, выполненный В.Н. Порох, показал, что все они изготовлены из тигельной стали высокой плотности с содержанием углерода 1,35–1,38 %, без шлаковых включений [Железчиков, Порох, 1993]. В.Н. Порох констатировала, что все три меча были произведены, скорее всего, в одном стационарном, специализированном ремесленном центре. Б.Ф. Железчиков отмечал, что позднесарматские погребения Лебедевки VI не имели местных истоков, появившись на Южном Урале в сложившемся виде [Там же, с. 91]. Н.Н. Терехова и Л.С. Розанова предполагали, что серия этой продукции высококвалифицированных кузнецов происходит, скорее всего, из стран Востока (Индия, Иран, Сирия, Средняя Азия). В Европе данных о производстве подобной стали пока нет [Завьялов и др., 2009, с. 110]. То, что эта серия изделий поступила через Среднюю Азию, подтверждает находка бронзового котла среднеазиатского производства в кургане 37 Лебедевки VI [Мошкова, Демиденко, 2010, с. 260]. По мнению М.Г. Мошковой, обилие в Лебедевке VI столь разнообразных предметов может свидетельствовать, что народ, оставивший могильник, контролировал (или в какой-то степени участвовал в ней) караванную торговлю между западом и востоком по трассе, проложенной от городов Согдианы по бассейну Сырдарьи к Северному Причерноморью [1990, с. 37].

Эта повторяющаяся триада: мечи из высококлассной тигельной стали, халцедоновые навершия и диски из раковин турбинелла пирум — позволяет уверенно говорить о производстве всех этих вещей в едином специализированном центре или центрах. Ключ же к ответу на вопрос, где располагались центры, лежит именно в предметах из раковин. Ведь моллюски раковин турбинелла пирум живут только в водах Индийского океана. Совпадает не только видовая принадлежность раковин, но и форма дисков, и даже их орнамент. Очевидно, что украшенные розетками из мелких углублений предметы были сделаны в Индии. Таким образом, мы приблизились к решению одной из загадок археологии — мечи из тигельной стали с халцедоновыми навершиями, скорее всего, производились в Индии. Это позволяет несколько конкретизировать идею, развиваемую С.И. Безугловым, об азиатском происхождении позднесарматского клинкового оружия [2000, с. 174–181].

В Тарасовском могильнике в соответствии с корреляцией к III в. отнесены 22 мужские могилы [Голдина, Бернц, 2016, с. 20–33]. В некоторых из них также присутствует описанная триада: мечи с халцедоновыми навершиями и накладки из раковин. В могилах III в. Тарасово отмечены шесть мечей, среди которых есть широкие (шириной 4,1–5,7 см) и более узкие (1,8–4,0 см). Клинки из погребений 4 и 782 типичны для позднесарматского времени, у обоих есть халцедоновые навершия. Меч из могилы 782 откован из стальной заготовки с высоким содержанием углерода (заэвтектоидная сталь) [Голдина, Перевощиков, 2017, с. 118]. Кроме того, в двух захоронениях этой группы обнаружены оригинальные изделия: в могиле 782 — железная крица, а в погребении 1679 — 2 крицы и слиток латуни [Там же, рис. 3, *17, 26*]. Все три железные крицы имели лепешкообразную форму, диаметр 15–18 см, толщину до 5 см и вес 5,0; 5,1; 5,2 кг. Стандартная форма и близкие размеры позволяют предполагать, что все крицы изготовлены в одном центре. Металлографическое исследование, проведенное С.Е. Перевощиковым, показало, что микроструктура всех криц представлена переходящими одна в другую видманштеттовой, ферритной и феррито-перлитной структурами. Содержание углерода 0,01; 021 и 0,78 %. По

мнению С.Е. Перевощикова, эти хорошо прокованные изделия — полуфабрикат [Перевощиков, Сабирова, 2014, с. 73]. Показателем высокого качества металла тарасовских криц является и то обстоятельство, что при подобных размерах новгородские крицы весили почти в два раза меньше тарасовских — до 3 кг [Колчин, 1959, с. 12–13]. В погребении 1679 обнаружен также слиток цветного металла весом 980 г, так называемой золотоподобной латуни с содержанием меди 75,9 и цинка — 23,4 %. Описанные изделия, как и мечи, происходили из одного мощного многопрофильного производственного центра.

Среднеазиатские торговцы везли на север уникальное для того времени оружие — мечи из тигельной стали, оформленные по оригинальной технологии — с халцедоновыми навершиями и портупеей, украшенной накладками из раковин турбинелла пирум, полуфабрикаты из черного и цветного металла, бусы и створки необычных раковин. Значительная часть импорта оседала у сармат Южного Урала и расходилась при их посредничестве среди родственных племен далеко на запад, а довольно значительная часть достигала Среднего Прикамья и использовалась местным населением в соответствии с его нуждами. Поскольку здесь давно сложилась традиция украшать пояса многочисленной металлической гарнитурой и большими круглыми бронзовыми бляхами, местные мастера использовали раковины для этих целей.

Выводы

1. Впервые удалось связать предметы из раковин Среднего Прикамья с видом турбинелла пирум, обитающим в водах полуострова Индостан.

2. Обозначены районы распространения предметов из раковин в разное время: Индия (2500–1700 гг. до н.э. и до современности), Месопотамия (III тыс. до н.э.), предгорья Гималаев, Восточного Памира (I тыс. до н.э.), Киргизского хребта, степная полоса Евразии (первая половина I тыс. н.э.), Среднее Прикамье (III–IV вв. н.э.).

3. Тарасовский могильник в Удмуртии дал наибольшую серию (71 экз.) накладок из раковин турбинелла пирум, а также подвески и бусы. Бусы встречались в могилах I–II вв., накладки и подвески — III–IV вв. (без последней четверти). Накладки обнаружены преимущественно в женских погребениях, 8 — в мужских. В 43 случаях они служили украшениями поясов, в 7 — помещены в подарочные наборы. Пояса сделаны местными мастерами, о чем свидетельствует металлическая гарнитура.

4. Изделия из раковин поступали в Прикамье через Среднюю Азию по северному ответвлению Великого шелкового пути.

5. Предметы из раковин турбинелла пирум появились в Прикамье одновременно с мечами из тигельного железа, халцедоновыми дисками, полуфабрикатами из черного и цветного металла и др. Раковины позволяют локализовать один из регионов производства этих вещей в Индии.

6. Часть этих изделий оседала у сармат Южного Урала и распространялась через их посредничество в степной полосе Евразии.

Благодарности

Благодарю В.А. Бернц — научного сотрудника Института истории и культуры народов Приуралья УдГУ за квалифицированный анализ накладок из раковин турбинелла пирум Тарасовского могильника; А.Ю. Емельянову — магистранта УдГУ за организационное и техническое обеспечение подготовки статьи; Н.Ф. Шишкину — художника кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии УдГУ за оформление иллюстраций и В.С. Ясакова — студента УдГУ за помощь в работе с англоязычной литературой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Безуглов С.И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов н/Д: Терра, 2000. С. 169–193. (Материалы и исследования по археологии Дона; Вып. 1).

Бернц В.А. Бляхи-раковины в погребальном обряде населения Прикамья (по материалам мазунинских погребений Тарасовского могильника) // Археологическое наследие Урала: От первых открытий к фундаментальному научному знанию: (XX Урал. археол. совещание): Материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Ижевск: Ин-т компьютерных исследований, 2016. С. 199–202.

Буруковский Р. О чем поют ракушки. Калининград: Калинингр. кн. изд-во, 1977. 110 с.

Буюклиев Хр. К вопросу о фракийско-сарматских отношениях в I — начале II в. н.э. // РА. 1995. № 1. С. 37–46.

Генинг В.Ф. Мазунинская культура в Среднем Прикамье // Памятники мазунинской культуры. Ижевск, 1967. С. 7–84.

Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Ижевск: Удмуртия, 2004. Т. 1. 319 с.

Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Ижевск: Удмуртия, 2003. Т. 2. 724 с.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология мужских погребений III–V вв. Тарасовского могильника // ПА. 2016. № 3 (17). С. 17–58.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология женских погребений III–V вв. Тарасовского могильника // ПА. 2017. № 2 (20). С. 47–72.

Голдина Р.Д., Перевощиков С.Е. О клинковом оружии Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме // УИВ. 2017. № 1 (54). С. 113–123.

Голдина Р.Д., Сабиров Т.Р., Сабирова Т.М. Погребальный обряд Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме. Казань; Ижевск, 2015. Т. III. 297 с.

Гущина И.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье // Рос. археол. библиотека. СПб.: Фарн, 1994. Вып. 1. 172 с.

Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII–XVI вв. М.: Наука, 1976. 200 с.

Довгалюк Н.П., Малышев А.А. Описание погребальных комплексов // Аспургиане на юго-востоке азиатского Боспора: По материалам Цемдолинского некрополя. М.: Гриф и К, 2008. С. 8–128.

Егоров Я.В. Новое исследование погребения воина эпохи Великого переселения народов на Алтае // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 77–80.

Ершов В.Е., Кантор Ю.И. Морские раковины: Краткий определитель. М., 2008. 180 с.

Железчиков Б.Ф., Порох В.Н. Позднесарматские мечи Лебедевки: (Опыт металлографического анализа) // Хронология памятников Южного Урала. Уфа: УНЦ РАН, 1993. С. 88–92.

Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. История кузнечного ремесла финно-угорских народов Поволжья и Предуралья: К проблеме этнокультурных взаимодействий. М.: Знак, 2009. 264 с.

Казаков Е.П. Об этнокультурных контактах населения западного Закамья с народами Урало-Прикамья в IV–XII вв. н.э. // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1991. С. 111–123.

Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого: (Продукция, технология) // МИА. № 65: Труды Новгород. археол. экспедиции. 1959. Т. II. С. 7–120.

Красноперов А.А. К атрибуции находки из раскопок Тарасовского могильника позднесарматского времени в Прикамье // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: Материалы междунар. науч. конф., посвященной 20-летию Независимости Респ. Казахстан и 20-летию ИА им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. Алматы, 2011. Т. 2. С. 228–238.

Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке: (Медь и бронза). М.: Наука, 1983. 256 с.

Литвинский Б.А. Древние кочевники «крыши мира». М.: Наука, 1972. 270 с.

Максимова А.Г. Курганный могильник в урочище Кызыл-Кайнар // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972. С. 123–138.

Малашев В.Ю. Некоторые аспекты контактов носителей позднесарматской культуры южноуральских степей с населением лесной и лесостепной полосы Поволжья и Приуралья // Сарматы и внешний мир. Уфа: Наследие, 2014. С. 130–140. (УАВ; Вып. 14).

Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: По материалам могильника Покровка 10. М.: Вост. лит., 2008. 364 с. (МИАР; Вып. 9).

Мамлеева Л.А. Становление Великого шелкового пути в системе трансцивилизационного взаимодействия народов Евразии // Vita antiqua. 1999. № 2. С. 53–61.

Мамонтов В.И. Древнее население левобережья Дона (по материалам курганного могильника Первомайский VII). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000. 194 с.

Мерщиев М.С. Поселение Кзыл-Кайнар-Тобе I–IV веков и захоронение на нем воина IV–V века // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1970. С. 79–92.

Мошкова М.Г. Лебедевский могильник и Великий шелковый путь // Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. Ташкент, 1990. С. 35–37.

Мошкова М.Г., Демиденко С.В. Воинское погребение в кургане 37 группы VI Лебедевского могильного комплекса // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. М.: Таус, 2010. С. 254–261. (МИАР; Вып. 13).

Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 327 с.

Перевощиков С.Е., Сабирова Т.М. Металлургическая продукция в Среднем Прикамье по материалам Тарасовского могильника I–V вв. // Вестник ПермГУ. Сер. История. 2014. Вып. 1 (24). С. 71–82.

Прохорова Т.А., Гугуев В.К. Богатое сарматское погребение в кургане 10 Кобяковского могильника // СА. 1992. № 1. С. 142–161.

Таиров А.Д. Ранний железный век // Древняя история Южного Урала. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2000. Т. II. Разд. III. С. 3–205.

Deshpande Mukherjee A., Bhatt R.C., Saklani P.M., Nautiyal V., Chauhan H., Bist K., Panwar B.C., Satich Ch. A note on the marine shell objects from the burial sites of Malari, Lippa and Ropa in the Trans-Himalayan region of India // Archaeomalacology group Newsletter. Iss. 25, April 2015. P. 9–15.

Gensheimer T.R. The role of shell in Mesopotamia: Evidence for trade exchange with Oman and the Indus Valley // Paleorient. 1984. Vol. 10/1. P. 65–73.

Kenoyer J.M. Shell working industries of the Indus civilization: A summary // Paleorient. 1984. Vol. 10/1. P. 49–63.

Marshall J. Taxila, An illustrated account of archaeological excavations carried out at Taxila under the orders of the government of India between the years 1913 and 1934. Cambridge, 1951. Vol. III.

R.D. Goldina
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1, Izhevsk, 426034, Russian Federation
E-mail: arch@uni.udm.ru

ARTEFACTS FROM THE *TURBINELLA PYRUM* SHELL FOUND AT 3rd–4th CENTURY SITES IN THE MIDDLE KAMA REGION

Starting from the 1950s, researchers have been collecting original artefacts — discs made of obviously non-local shells — in the Middle Kama region. In the 1990s, the source region for such molluscs was determined to be the coastline of India. Since then, over 170 such artefacts have been found in burial grounds. These objects were used in the 3rd–4th centuries mostly as cover plates attached to leather belts produced by local masters. Their use as globular pommels attached to imported swords was less common. The discs were made in India, which is well known for having had several shell-processing centres, from the shells of the *Turbinella pyrum* molluscs. Goods made of these shells had been imported from India throughout Eurasia since the 4th–3rd mill. BC (Mesopotamia). They were found in the 1st mill. BC mounds in the Himalayas and East Pamir foothills, near the northern foothills of the Kyrgyz mountain range and in the steppe archaeological sites dated the 1st half of the 1st mill. AD. The densest distribution of such artefacts has been recorded across 20 sites in the Middle Kama region, with the most significant cluster being the Tarasovo burial ground located in Udmurtia (71 pieces). This site, known to be the largest Finno-Ugric site in Eurasia (1880 graves), is related to the Tarasovo (Cheganda) culture of the Pyanoborye historical community and covers the interesting period of the end of the Early Iron Age and the Great Migration Period. In the Tarasovo burial ground, the discs were found in 47 graves of 50 people (42 female and 8 male). In 43 and 7 cases, the artefacts consisted of belt cover plates and part of gift sets, respectively. 30 belts had one cover plate only; 5 belts had 2 cover plates; 8 belts had 3 cover plates. Two cover plates were decorated with round imprints making rosettes. A similar ornament was recorded on artefacts found in India and in the Krasny Yar burial ground (Orenburg region). Along with cover plates, the Middle Kama region features pendants and beads made of shells. The beads were most probably imported during the 2nd century AD, while the pendants, whose datings coincide, are likely to have been produced by local craftsmen from imported discs. Discs were imported mainly in the 3rd–4th centuries (except for the last quarter), with the import ostensibly ending during the Huns' invasion. In different periods, discs were spreading from India to Eurasia through the Silk Road. Thus, they came to the Middle Kama region from Central Asia and from the Aral Sea region by means of the Ural river, the Belaya river and its tributaries. There, local craftsmen applied them according to their aesthetic sense. Pommel discs for swords arrived to all regions together with blades. The period of their distribution covers the 1st–3rd centuries AD.

Key words: Eurasia, India, the Middle Kama region, shells of mollusks *Turbinella pyrum*, the Great Silk Road, production centers.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-097-107

REFERENCES

Bernts V.A. (2016). Buckles-shells in the funeral rite of the population of the Kama region (based on the materials of the Mazunin burials of the Tarasovo burial ground). *Arkheologicheskoe nasledie Urala: Ot pervykh otkrytii k fundamental'nomu nauchnomu znaniiu (XX Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie): Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*, Izhevsk: Institut komp'iuternykh issledovanii, 199–202.

Bezuglov S.I. (2000). Late Sarmatian swords (based on the materials of the Don). *Sarmaty i ikh sosedi na Donu. Materialy i issledovaniia po arkheologii Dona*, (1), Rostov-na-Donu: Terra, 169–193.

Buiukliev Khr. (1995). To the question of the Thracian-Sarmatian relations in the I — the beginning II cent. *Rossiiskaia arkheologiia*, (1), 37–46.

Burukovskii R. (1977). *What do seashells sing about*, Kaliningrad: Kaliningradskoe knizhnoe izdatel'stvo.

Darkevich V.P. (1976). *Artistic metal of the East VIII–XVI cent.*, Moscow: Nauka.

Deshpande Mukherjee A., Bhatt R.C., Saklani P.M., Nautiyal V., Chauhan H., Bist K., Panwar B.C., Satich Ch. (2015). A note on the marine shell objects from the burial sites of Malari, Lippa and Ropa in the Trans-Himalayan region of India. *Archaeomalacology group Newsletter*, (25), 9–15.

Dovgaliuk N.P., Malyshev A.A. (2008). Description of funerary complexes. *Aspurgiane na iugo-vostoke aziatskogo Bospora: Po materialam Tsemdolinskogo nekropolia*, Moscow: Grif i K, 8–128.

Egorov Ia.V. (1993). A new study of the warrior's burial of the Epoch of the Great Migration of Peoples in the Altai. *Kul'tura drevnikh narodov Iuzhnoi Sibiri*, Barnaul, 77–80.

Ershov V.E., Kantor Iu.I. (2008). *Sea shells. Short determinant*, Moscow.

Gening V.F. (1967). Mazunino culture in the Middle Kama region. *Pamiatniki mazuninskoi kul'tury*, Izhevsk, 7–84.

Gensheimer T.R. (1984). The role of shell in Mesopotamia: Evidence for trade exchange with Oman and the Indus Valley. *Paleorient, 10*(1), 65–73.

Goldina R.D. (2003). *Tarasovo burial ground IV–V cent. on the Middle Kama, 2*, Izhevsk: Udmurtiia.

Goldina R.D. (2004). *Tarasovo burial ground IV–V cent. on the Middle Kama, 1*, Izhevsk: Udmurtiia.

Goldina R.D., Bernts V.A. (2016). Chronology of the male burial III–V cent. Tarasovo burial ground. *Povolzhskaia arkheologiia*, (3), 17–58.

Goldina R.D., Bernts V.A. (2017). Chronology of the female burial III–V cent. Tarasovo burial ground. *Povolzhskaia arkheologiia*, (2), 47–72.

Goldina R.D., Perevoshchikov S.E. (2017). On the blade weapon of the Tarasovo burial ground IV–V cent. on the Middle Kama. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, (1), 113–123.

Goldina R.D., Sabirov T.R., Sabirova T.M. (2015). *The burial rite of the Tarasovo burial ground IV–V cent. on the Middle Kama, III*, Kazan; Izhevsk.

Gushchina I.I., Zasetskaia I.P. (1994). The Golden cemetery of the Roman era in the Kuban region. *Rossiiskaia arkheologicheskaia biblioteka*, (1), St. Petersburg: Farn.

Kazakov E.P. (1991). About ethnocultural contacts of the population of the Western Zakamye with the peoples of the Ural Prikamye in the IV–XII cent. *Issledovaniia po srednevekovoi arkheologii lesnoi polosy Vostochnoi Evropy*, Izhevsk, 111–123.

Kenoyer J.M. (1984). Shell working industries of the Indus civilization: A summary. *Paleorient, 10*(1), 49–63.

Kolchin B.A. (1959). The ironworking craft of Novgorod the Great: (Products, technology). *Materialy I issledovaniia po arkheologii SSSR*, (65), 7–120.

Krasnoperov A.A. (2011). To the attribution of the finds from the excavations of the Tarasovo cemetery of the Late Sarmatian time in the Kama region. *Arkheologiia Kazakhstana v epokhu nezavisimosti: Itogi, perspektivy: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 20-letiiu Nezavisimosti Respubliki Kazakhstan i 20-letiiu Instituta arkheologii im. A.Kh. Margulana, 2*, Almaty, 228–238.

Kuz'minykh S.V. (1983). *Metallurgy of Volgo-Kamye in the Early Iron Age: (Copper and bronze)*, Moscow: Nauka.

Litvinskii B.A. (1972). *Ancient nomads of the «roof of the world»*, Moscow: Nauka.

Maksimova A.G. (1972). Kurgan burial ground in the Kyzyl-Kainar. *Poiski i raskopki v Kazakhstane*, Alma-Ata, 123–138.

Malashev V.Iu. (2014). Some aspects of contacts of carriers of the Late Sarmatian culture of the South Ural steppes with the population of the forest and forest-steppe bands of the Volga region and Ural region. *Sarmaty i vneshnii mir*, Ufa: Nasledie, 130–140.

Malashev V.Iu., Iablonskii L.T. (2008). Steppe population of the Southern Urals in the Late Sarmatian Times: Based on the materials of the Pokrovka 10 burial ground. *MIAR*, (9). Moscow: Vostochnaia literatura.

Mamleeva L.A. (1999). Formation of the Great Silk Road in the system of transcivilizational interaction of the peoples of Eurasia. *Vita antiqua*, (2), 53–61.

Mamontov V.I. (2000). *The ancient population of the left bank of the Don (based on the materials of the burial cemetery Pervomai VII*, Volgograd: Izdatel'stvo VolGU.

Marshall J. (1951). *Taxila, An illustrated account of archaeological excavations carried out at Taxila under the orders of the government of India between the years 1913 and 1934, III*, Cambridge.

Mershchiev M.S. (1970). Settlement Kzyl-Kainar-Tobe I–IV cent. and warrior's burial on it IV cent. *Po sledam drevnikh kul'tur Kazakhstana*, Alma-Ata: Nauka, 79–92.

Moshkova M.G. (1990). Lebedevka cemetery and the Great Silk Road. *Formirovanie i razvitie trass Velikogo shelkovogo puti v Tsentral'noi Azii v drevnosti i srednevekov'e*, Tashkent, 35–37.

Moshkova M.G., Demidenko S.V. (2010). Military burial in the kurgan 37 of Lebedevka VI grave complex. *Arkheologiia i paleoantropologiia evraziiskikh stepei i sopredel'nykh territorii. MIAR,* (13), Moscow: Taus, 254–261.

Ostanina T.I. (1997). *The population of the Middle Kama region in the III–V cent*., Izhevsk.

Perevoshchikov S.E., Sabirova T.M. (2014). Metallurgical products in the Middle Kama region based on the materials of the Tarasovo burial ground IV–V centuries. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriia Istoriia*, (1), 71–82.

Prokhorova T.A., Guguev V.K. (1992). A rich Sarmatian burial in the kurgan 10 in Kobyakovo burial ground. *Sovetskaia arkheologiia*, (1), 142–161.

Tairov A.D. (2000). Early Iron Age. *Drevniaia istoriia Iuzhnogo Urala, II*, Cheliabinsk: Izd-vo Iuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta, 3–205.

Zav'ialov V.I., Rozanova L.S., Terekhova N.N. (2009). *The history of the blacksmith's craft of the Finno-Ugric peoples of the Volga and the Urals: To the problem of ethnocultural interactions*, Moscow: Znak.

Zhelezchikov B.F., Porokh V.N. (1993). Late Sarmatian swords of Lebedevka: (Experience of metallographic analysis). *Khronologiia pamiatnikov Iuzhnogo Urala*, Ufa: Ufimskii nauchnyi tsentr RAS, 88–92.

АНТРОПОЛОГИЯ

М.М. Герасимова, С.Ю. Фризен, С.В. Васильев

Институт этнологии и антропологии РАН
Ленинский проспект, 32а, Москва, 119334
E-mail: otdantrop@yandex.ru

КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ СРЕДНЕВЕКОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

Рассматриваются новые краниологические материалы эпохи средневековья с территории Краснодарского края. Проводится внутригрупповой и межгрупповой анализ, делается вывод о различиях между сериями, что, вероятно, свидетельствует об их различном происхождении. Серия из Псебепса 3 соотносится с серией натухайцев, а близость материалов из могильника Кабардинка и серии шапсугов объясняется тем обстоятельством, что все они принадлежат адыгам.

Ключевые слова: краниология, могильник, средневековье, генезис населения, Краснодарский край, адыги.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-108-119

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Памятники материальной и духовной культуры в современной информационной среде», раздел программы «1. Методология анализа и интерпретации археологического наследия, разработка вопросов его сохранения и презентации; создание баз данных по археологическим данным и биоархеологическим материалам», проект «Этногенез народов Кавказа и Крыма по данным физической антропологии».

Целью данной статьи является публикация краниологических материалов из средневековых могильников Псебепс 3, Кабардинка и Церковная щель, исследованных археологами в разные годы на территории Краснодарского края. Два последних памятника отождествляются с могильниками, оставленными племенами адыгов.

Могильник Псебепс 3 был исследован в 2016 г. на территории объекта археологического наследия «Поселение Псебепс-3» в Крымском районе Краснодарского края под руководством к.и.н. Л.И. Красильниковой[1]. Поселение расположено на левом пойменном берегу р. Псебепс в 1,33 км к ЮЮВ от здания ж/д станции Варениковская. Антропологическая коллекция включает останки 368 погребенных. Могильник, площадь которого составляет около 1260 м^2, представлен каменными ящиками и грунтовыми погребениями без организации могильной ямы. В целом погребальный обряд можно считать языческим, соответствующим традициям народов Кавказа в монгольское время. Наиболее вероятно, что данные погребения и поселение принадлежат адыгам (черкесам), говорящим на адыгских языках абхазо-адыгской языковой группы, датируются в рамках XIV–XV вв.

Палеоантропологический материал, как правило, крайне неудовлетворительной сохранности. Краниологическая серия из могильника представлена 10 мужскими и 5 женскими черепами, пригодными для измерений (табл. 1, 3). Мужская выборка относительно однородна, значения среднеквадратических отклонений (табл. 1), как правило, в пределах средних величин [Алексеев, Дебец, 1964] либо незначительно выходят за них. В целом мужская выборка характеризуется гиперморфией, мозговая коробка долихокранная при очень больших продольном и высотном диаметрах и среднем поперечном, лицевой скелет высокий и широкий, резко профилированный, нос высокий и среднеширокий, сильно выступающий, орбиты низкие и среднеширокие. Женская выборка слишком малочисленна для проведения внутригруппового анализа, но, на наш взгляд, также достаточно однородна и с учетом полового диморфизма характеризуется теми же особенностями, что и мужская, отличаясь средним продольным диаметром (№ 1 по Мартину) и соответственно мезокранией и относительно несколько более высоким и узким лицом.

[1] Выражаем благодарность к.и.н. Л.И. Красильниковой за предоставленную возможность работы с материалами из могильника Псебепс 3.

Могильник Кабардинка был исследован в 1990 г. Приморским отрядом Кавказской археологической экспедиции Государственного музея Востока под руководством Л.М. Носковой[2]. По мнению автора раскопок, краниологические материалы, имеющиеся в нашем распоряжении, датируются XIV–XV вв. Сопутствующий погребальный инвентарь позволил соотнести погребенных с адыгами [Носкова, 2010]. Серия из могильника Кабардинка представлена 11 мужскими и 4 женскими черепами. Мужская выборка неоднородна, по ряду основных признаков мозговой коробки (№№ по Мартину — 8, 17, 5, 10, 11) и лицевого скелета (№№ по Мартину — 48, 47, 46, 55, 52, SS и 75(1)) среднеквадратическое отклонение выше средних величин, по остальным метрическим признакам в пределах средних величин или ниже их (табл. 2).

В целом мужские черепа характеризуются грацильностью (к категории больших и очень больших величин относятся только высотный диаметр (17), угол выступания носа (75(1)) и симотическая высота (SS)), мезокранией, узким и средневысоким по абсолютным величинам резко профилированным лицом, низкими орбитами, узким и сильно выступающим носом. Женская выборка характеризуется мезокранией (продольный диаметр (1) — большой, поперечный (8) и высотный (17) — средней величины), высоким и широким резко профилированным лицом, высоким и широким, сильно выступающим носом, широкими и низкими орбитами.

Таблица 1

Индивидуальные данные мужских черепов из могильника Псебепс 3

Table 1

Individual data of male skulls from a burial ground Psebeps 3

	п. 13	п. 33, ск. 2	п. 36	п. 76	п. 86, ск. 1	п. 86, ск. 2	п. 110	п. 119
1	193,0	198,0	197,0	190,0	187,0	196,0	177,0	189,0
8	143,0	142,0	144,0	149,0	141,0	142,0	143,0	146,0
17	149,0	150,0	144,0	147,0	139,0	145,0	142,0	145,0
5	109,0	118,0	117,0	105,0	103,0	108,0	102,0	108,0
10	130,0	129,0	128,0	128,0	128,0	128,0	127,0	133,0
9	102,0	104,0	99,0	104,0	102,0	99,0	101,0	110,0
40	107,0	108,0	119,0	99,0	97,0	97,0	97,0	98,0
12	118,0	105,0	113,0	110,0	118,0	108,0	109,0	107,0
11	129,0	134,0	128,0	133,0	124,0	122,0	124,0	140,0
45		140,0	140,0	141,0	135,0	131,0	134,0	147,0
48	76,0	75,0	74,0	74,5	76,0	71,0	74,0	77,0
47		118,0		126,0			121,0	
43	117,0	114,0	112,0	110,0	107,0	106,0	109,0	113,0
46	99,0	106,0	104,0	97,0	101,0	100,0	104,0	103,0
54	26,2	29,0	24,3	26,3	22,0	21,0	23,0	29,0
55	55,0	56,0	55,5	54,5	55,0	49,6	54,3	55,0
51	41,0	42,5	43,5	40,0	42,0	43,0	42,0	47,0
52	32,0	30,0	31,0	34,0	34,0	30,0	35,0	36,5
SC	13,5	11,0	10,0	10,0	10,0	10,0	11,0	12,5
SS	6,9	3,2	6,0	5,8	5,0	4,5	4,6	3,6
MC	25,0	24,0	19,0	19,0	20,0	20,0	24,0	25,0
MS	13,0	8,0	10,5	12,0	9,0	9,0	9,0	10,0
77	139,0	136,0	140,0	141,0	136,0	135,0	133,0	132,0
Zm	127,0	120,0	124,0	121,0	124,0	128,0	119,0	130,0
75(1)			31,0	34,0	27,0		29,0	34,0
65		136,0		129,0				
66		113,0		114,0			95,0	
71a		37,0		34,0			33,5	
69/3		15,0		13,5			14,5	
67		50,0		47,0			50,0	
8:1	74,1	71,7	73,1	78,4	75,4	72,4	80,8	77,2
48:45		53,6	52,9	52,8	56,3	54,2	55,2	52,4
48:17	51,0	50,0	51,4	50,7	54,7	49,0	52,1	53,1
40:5	98,2	91,5	101,7	94,3	94,2	89,8	95,1	90,7
54:55	47,6	51,8	43,8	48,3	40,0	42,3	42,4	52,7
52:51	78,0	70,6	71,3	85,0	81,0	69,8	83,3	77,7
SS:SC	51,1	29,1	60,0	58,0	50,0	45,0	41,8	28,8

[2] Выражаем благодарность заведующей отделом истории материальной культуры и древнего искусства народов Кавказа Государственного музея Востока к.и.н. Л.М. Носковой за предоставленную возможность работы с материалами из могильников Кабардинка и Церковная щель.

Окончание т а б л . 1

	п. 139	п. 150, ск. 1	*N*	*X*	min	max	*S*
1	191,0	186,0	10	190,4	177,0	198,0	6,3
8	137,0	129,0	10	141,6	129,0	149,0	5,4
17	139,0	134,0	10	143,4	134,0	150,0	5,0
5	110,0	104,0	10	108,4	102,0	118,0	5,5
10	122,0	118,0	10	127,1	118,0	133,0	4,2
9	100,0	98,0	10	101,9	98,0	110,0	3,5
40	118,0	102,0	10	104,2	97,0	119,0	8,5
12	110,0	106,0	10	110,4	105,0	118,0	4,6
11	123,0	116,0	10	127,3	116,0	140,0	7,0
45	133,0		8	137,6	131,0	147,0	5,3
48	77,0	75,0	10	75,0	71,0	77,0	1,8
47			3	121,7	118,0	126,0	
43	112,0	104,0	10	110,4	104,0	117,0	4,0
46	104,0	95,0	10	101,3	95,0	106,0	3,5
54	24,2	25,3	10	25,0	21,0	29,0	2,7
55	54,0	51,0	10	54,0	49,6	56,0	2,1
51	43,0	42,0	10	42,6	40,0	47,0	1,9
52	32,0	34,5	10	32,9	30,0	36,5	2,2
SC	11,0	10,0	10	10,9	10,0	13,5	1,2
SS	5,8	4,2	10	5,0	3,2	6,9	1,2
MC	20,0	19,0	10	21,5	19,0	25,0	2,6
MS	11,0	8,5	10	10,0	8,0	13,0	1,6
77	134,0	130,0	10	135,6	130,0	141,0	3,6
Zm	125,0	111,0	10	122,9	111,0	130,0	5,5
75(1)	35,0		6	31,7	27,0	35,0	3,2
65			2	132,5	129,0	136,0	
66			3	107,3	95,0	114,0	
71a			3	34,8	33,5	37,0	
69/3			3	14,3	13,5	15,0	
67			3	49,0	47,0	50,0	
8:1	71,7	69,4	10	74,4	69,4	80,8	3,5
48:45	57,9		8	54,4	52,4	57,9	1,9
48:17	55,4	56,0	10	52,3	49,0	56,0	2,4
40:5	107,3	98,1	10	96,1	89,8	107,3	5,4
54:55	44,8	49,6	10	46,3	40,0	52,7	4,3
52:51	74,4	82,1	10	77,3	69,8	85,0	5,6
SS:SC	52,7	42,0	10	45,9	28,8	60,0	10,8

Могильник Церковная щель был исследован в 1991 г. также Приморским отрядом Кавказской археологической экспедиции Государственного музея Востока под руководством Л.М. Носковой (Носкова, 1992. Цит. по: [Дружинина, 2010]), датируется XVII–XVIII вв. и, по мнению И.А. Дружининой, является погребальным памятником адыгских племен [Там же, с. 102]. Краниологическая серия из могильника состоит из 3 мужских и 3 женских черепов. Малочисленность серии исключает возможность вычисления сигмальных отклонений. Судя по средним величинам, мужскую выборку можно охарактеризовать как грацильную (данные по всем признакам кроме продольного диаметра (1), угла выступания носа 75(1) и симотической высоты (SS) относятся к категории средних, малых и очень малых величин), долихокранную с узким и среднешироким, резко профилированным лицом, узким и средневысоким сильно выступающим носом и среднешироким и очень низкими орбитами. Женская выборка отличается мезокранией и несколько менее выступающим носом.

Таким образом, поступившие в наше распоряжение и изученные нами черепа характеризуются европеоидным краниологическим комплексом и значительным типологическим разнообразием в рамках этого комплекса.

Тем не менее нами была предпринята попытка внутригруппового анализа суммарной серии из всех трех могильников с использованием метода главных компонент (программа Б.А. Козинцева «PCCOMP», 1991). Для анализа были привлечены следующие признаки: продольный, поперечный, высотный и скуловой диаметры, наименьшая ширина лба, верхняя высота лица, ширина и высота носа, ширина и высота орбиты, назомалярный и зигомаксиллярный углы, угол выступания носа и симотический указатель (№№ по Мартину 1, 8, 17, 45, 9, 48, 54, 55, 51, 52, 77, <Zm, 75(1),

SS:SC). Судя по результатам анализа, I и II главные компоненты описывают более 70 % изменчивости. По ГК I дифференцирующими являются наименьшая ширина лба (9), скуловой диаметр (45) ширина носа (54) и верхняя высота лица (48); по ГК II — симотический указатель (SS:SC), назомалярный угол (77), высотный (17) и продольный (1) диаметры. На полученном графике (рис. 1) сложно выделить какие-либо скопления, большая часть черепов концентрируется в центре графика; необходимо лишь отметить, что массивные черепа из могильника Псебепс 3 тяготеют к правой части графика, а грацильные из могильника Кабардинка — к левой. Сопоставление по *t*-критерию Стьюдента демонстрирует, что серии из могильников Псебепс 3 и Кабардинка различаются по следующим признакам: продольный диаметр (1), длина основания черепа (5) наибольшая (10) и наименьшая (9) ширина лба, ширина основания черепа (11) верхняя ширина лица (43) симотическая (SC) и максиллофронтальная (MC) ширина и толщина тела нижней челюсти (69/3). Такая ситуация, на наш взгляд, может быть объяснена тем, что данные серии различаются между собой, несмотря на то что представляют родственные в культурном плане группы населения.

Таблица 2

Индивидуальные данные мужских черепов из могильников Кабардинка и Церковная щель

Table 2

Individual data of male skulls from the burial grounds of Kabardinka and Church schel

	Могильник Кабардинка									
	к. 13 ч. 2	к. 17 ч. 3	к. 21 ч. 1	к. 21 ч. 2	к. 22 п. 2 ч. 1	к. 22 п. 2 ч. 2	к. 24	к. 29	к. 33 ч. 1	к. 35
1		173,0	183,0	182,0	169,0	179,0	181,0	188,0	171,0	181,0
8	133,0	131,0	146,0	141,0	133,0	141,0	143,0	142,0		139,0
17		131,0		143,0		135,0	137,0		133,0	144,0
5		98,0		106,0		100,0	98,0		94,0	105,0
10		109,0	126,0	117,0	110,0	124,0	122,0	124,0	118,0	124,0
9	94,0	90,0	93,0	100,0	95,0	99,0	96,0	103,0	98,0	98,0
40		92,0		99,0		95,0			87,0	97,0
12	109,0	102,0	110,0	113,0	114,0	111,0	105,0	111,0	111,0	107,0
11	118,0	105,0	116,0	114,0	110,0	116,0	120,0	122,0	107,0	114,0
45	130,0	120,0				132,0	129,0	139,0	132,0	129,0
48	69,0	70,0	78,0		67,0	77,0		80,0	63,0	76,0
47	111,0	115,0				132,0	109,0			126,0
43	101,0	96,0	104,0		101,0	106,0	102,0	108,0	102,0	102,0
46	93,0	90,0	101,0		84,0	98,0	95,0	102,0	101,0	97,0
54	25,5	22,0	24,5	26,0	24,0	25,0	25,5	23,0	25,0	24,5
55	49,0	49,5	57,0	50,0	51,5	54,0	49,5	59,5	50,5	57,5
51	42,0	41,5	44,5	43,5	42,0	44,5	43,0	45,5	39,5	41,5
52	27,0	34,5	34,5	31,5	31,0	32,0	32,5	33,5	27,5	34,5
SC	10,0	8,0	10,0	8,5	10,5	7,5	9,5	10,0	7,5	7,5
SS	3,0	4,0	6,5	5,0	5,5	3,5	3,5	6,0	4,0	4,5
MC	19,5	17,0	19,5	18,0	19,0	17,0	16,5	18,5	20,5	17,0
MS	6,0	7,5	12,0	4,5	8,5	7,5	6,5	11,0	7,5	8,5
77	138,0	137,0	133,0		137,0	135,0	131,0	130,0	138,0	137,0
Zm	130,0	123,0	118,0		120,0	124,0	126,0	118,0		123,0
75(1)		24,0	28,0			35,0		39,0		24,0
65	111,0	117,0					117,0			
66		99,0				96,0	110,0			107,0
71a	29,0	27,0			31,0	30,0	25,0		30,0	29,0
69/3	11,5	11,0			12,0	10,0	12,0		11,0	13,0
67	45,0	44,0			43,0	44,0	40,0			47,0
8:1		75,7	79,8	77,5	78,7	78,8	79,0	75,5		76,8
48:45	53,1	58,3				58,3		57,6	47,7	58,9
48:17		53,4				57,0			47,4	52,8
40:5		93,9		93,4		95,0			92,6	92,4
54:55	52,0	44,4	43,0	52,0	46,6	46,3	51,5	38,7	49,5	42,6
52:51	64,3	83,1	77,5	72,4	73,8	71,9	75,6	73,6	69,6	83,1
SS:SC	30,0	50,0	65,0	58,8	52,4	46,7	36,8	60,0	53,3	60,0

Окончание т а б л . 2

	Могильник Кабардинка						*t**	Могильник Церковная щель				
	к. 37	*N*	*X*	min	max	*S*		к. 8 п. 2	к. 22 п. 1	к. 45	*N*	*X*
1	185,0	10	179,2	169,0	188,0	6,2	0,001	190,0	192,0	179,0	3	187,0
8	149,0	10	139,8	131,0	149,0	5,9	0,486	136,0	129,0	135,0	3	133,3
17	148,0	7	138,7	131,0	148,0	6,3	0,131	131,0		137,0	2	134,0
5	104,0	7	100,7	94,0	106,0	4,4	0,006	103,0		98,0	2	100,5
10	121,0	10	119,5	109,0	126,0	6,0	0,005	124,0	120,0	120,0	3	121,3
9	99,0	11	96,8	90,0	103,0	3,7	0,004	103,0	98,0	95,0	3	98,7
40	100,0	6	95,0	87,0	100,0	4,9	0,016	104,0		90,0	2	97,0
12	116,0	11	109,9	102,0	116,0	4,0	0,799	100,0	101,0	105,0	3	102,0
11	123,0	11	115,0	105,0	123,0	5,8	0,000	116,0	99,0	113,0	3	109,3
45	132,0	8	130,4	120,0	139,0	5,3	0,016			128,0	1	128,0
48	71,0	9	72,3	63,0	80,0	5,7	0,218	72,0	75,0	69,0	3	72,0
47	123,0	6	119,3	109,0	132,0	9,1	0,611	119,0	121,0	113,0	3	117,7
43	104,0	10	102,6	96,0	108,0	3,2	0,000	108,0	107,0	101,0	3	105,3
46	98,0	10	95,9	84,0	102,0	5,6	0,021		98,0	96,0	2	97,0
54	23,5	11	24,4	22,0	26,0	1,2	0,515	24,5	26,5	21,0	3	24,0
55	55,5	11	53,0	49,0	59,5	3,8	0,483	52,5	55,5	50,5	3	52,8
51	43,0	11	42,8	39,5	45,5	1,7	0,827	43,5	40,5	41,0	3	41,7
52	32,0	11	31,9	27,0	34,5	2,6	0,337	32,5	29,5	31,5	3	31,2
SC	10,5	11	9,0	7,5	10,5	1,3	0,003	9,0	12,5	5,0	3	8,8
SS	5,5	11	4,6	3,0	6,5	1,1	0,528	4,0	7,5	3,0	3	4,8
MC	17,5	11	18,2	16,5	20,5	1,3	0,003	20,0	22,0	12,5	3	18,2
MS	8,5	11	8,0	4,5	12,0	2,1	0,025	6,5	10,5	6,0	3	7,7
77	142,0	10	135,8	130,0	142,0	3,6	0,902	136,0	126,0	142,0	3	134,7
Zm	125,0	9	123,0	118,0	130,0	3,9	0,964		115,0	123,0	2	119,0
75(1)		5	30,0	24,0	39,0	6,7	0,632	42,0	39,0	23,0	3	34,7
65	110,0	4	113,8	110,0	117,0	3,8	0,062	117,0		115,0	2	116,0
66	111,0	5	104,6	96,0	111,0	6,7	0,717	105,0		96,0	2	100,5
71a	28,0	8	28,6	25,0	31,0	1,9	0,010	28,0	31,0	29,0	3	29,3
69/3	11,0	8	11,4	10,0	13,0	0,9	0,005	11,0	10,0	12,0	3	11,0
67	43,0	7	43,7	40,0	47,0	2,1	0,010	42,5	49,0	45,0	3	45,5
8:1	80,5	9	78,0	75,5	80,5	1,8	0,013	71,6	67,2	75,4	3	71,4
48:45	53,8	7	55,4	47,7	58,9	4,1	0,581			53,9	1	53,9
48:17	48,0	5	51,7	47,4	57,0	4,0	0,762	55,0		50,4	2	52,7
40:5	96,2	6	93,9	92,4	96,2	1,5	0,255	101,0		91,8	2	96,4
54:55	42,3	11	46,3	38,7	52,0	4,5	0,973	46,7	47,7	41,6	3	45,3
52:51	74,4	11	74,5	64,3	83,1	5,5	0,254	74,7	72,8	76,8	3	74,8
SS:SC	52,4	11	51,4	30,0	65,0	10,4	0,246	44,4	60,0	60,0	3	54,8

* Могильники Псебепс 3 и Кабардинка, значения *t*-критерия Стьюдента.

Для межгруппового сопоставления нами были привлечены следующие серии: Казазово I и II [Герасимова, Тихонов, 2003], причерноморская, пятигорская и черкесская группы, близкие к современности серии шапсугов и натухайцев [Алексееев 1974], серии из могильников Мощевая балка [Герасимова, 1986] и Гамовское ущелье [Герасимова, неопубл.]. Нами был проведен канонический анализ (программа CANON Б.А. Козинцева, 1991) с привлечением тех же признаков, что и для внутригруппового анализа. Судя по результатам анализа мужских серий, I и II канонические векторы (КВ) описывают более 66 % изменчивости. КВ I дифференцирует серии по следующим признакам: верхняя высота лица и продольный диаметр, высота носа и угол выступания носа с отрицательными значениями; КВ II — назомалярный угол, продольный диаметр, поперечный и высотный диаметры с отрицательными значениями. На полученном графике (рис. 2) видно два скопления. Первое включает пятигорскую группу, натухайцев, Казазово I, Мощевую балку и Гамовское ущелье. Сюда же тяготеют серии из могильников Псебепс 3 и Церковная щель. Второе — причерноморскую группу, шапсугов, Казазово II и серию из могильника Кабардинка.

Отдельно от всех, в правой части графика, располагается черкесская группа, которая отличается от всех серий наибольшим значением зигомаксиллярного угла (<Zm) и наименьшим углом выступания носа (75(1)).

Таблица 3

Индивидуальные данные женских черепов из могильника Псебепс 3

Table 3

Individual data of female skulls from a burial ground Psebeps 3

	п. 4, ск. 1	п. 33, ск. 1	п. 97, ск. 1	п. 104	Р4-14-4пл х5	*n*	*x*
1	181,0	180,0	179,0	176,0	176,0	5	178,4
8	133,0	139,0	144,0	129,0	139,0	5	136,8
17	141,0	135,0	140,0	132,0	144,0	5	138,4
5	107,0	103,0	106,0	102,0	100,0	5	103,6
10	117,0	128,0	122,0	108,0	117,0	5	118,4
9	101,0	101,0	92,0	95,0	94,0	5	96,6
40	103,0	93,0	99,0	96,0	97,0	5	97,6
12	108,0	108,0	112,0	103,0	112,0	5	108,6
11	126,0	124,0	123,0	116,0	127,0	5	123,2
45		125,0	127,0	124,0		3	125,3
48	73,0	71,0	73,0	69,0	67,0	5	70,6
47	124,0	117,0	121,0			3	120,7
43	105,0	106,0	98,0	105,0	98,0	5	102,4
46	100,0	91,0	95,0	90,0		4	94,0
54	23,0	22,0	25,0	25,0	25,0	5	24,0
55	52,4	53,0	55,0	49,0	58,0	5	53,5
51	38,0	40,5	40,0	42,0	38,0	5	39,7
52	33,0	34,5	35,0	34,0	35,0	5	34,3
SC	12,0	11,5	9,5	10,0	10,0	5	10,6
SS	4,2	5,3	5,0	3,5	3,6	5	4,3
MC	23,0	20,0	16,0	18,0	20,0	5	19,4
MS	9,0	8,0	10,8	8,0	9,0	5	9,0
77	133,0	140,0	139,0	131,0	140,0	5	136,6
Zm	122,0	122,0	123,0	120,0		4	121,8
75(1)	33,0	32,0	36,0	28,0		4	32,3
65	120,0	123,0	124,0			3	122,3
66	106,0	98,0	100,0			3	101,3
71a	31,0	28,0	30,0			3	29,7
69/3	12,0	10,0	12,0			3	11,3
67	46,0	44,0	47,0			3	45,7
8:1	73,5	77,2	80,4	73,3	79,0	5	76,7
48:45		56,8	57,5	55,6		3	56,6
48:17	51,8	52,6	52,1	52,3	46,5	5	51,1
40:5	96,3	90,3	93,4	94,1	97,0	5	94,2
54:55	43,9	41,5	45,5	51,0	43,1	5	45,0
52:51	86,8	85,2	87,5	81,0	92,1	5	86,5
SS:SC	35,0	46,1	52,6	35,0	36,0	5	40,9

Для межгруппового анализа женской выборки нами были привлечены те же серии, что и для мужской, за исключением Казазово I и Гамовского ущелья в связи с отсутствием данных. КВ I и II описывают более 64 % изменчивости. КВ I дифференцирует серии по следующим признакам: продольный диаметр, зигомаксиллярный угол, ширина орбиты и высотный диаметр с отрицательным значением; КВ II — высота носа, угол выступания носа, высотный и скуловой диаметры. Полученный график (рис. 3) демонстрирует несколько другую картину, чем полученная для мужских серий. В левой части графика, но на значительном расстоянии друг от друга располагаются серии из могильников Псебепс 3 (из всех серий данная выборка наиболее массивна), Казазово II, Церковная щель и серия натухайцев, в центре графика — пятигорская группа, шапсуги, Кабардинка, причерноморская группа и Мощевая балка. Отдельно, в правой части графика, также располагается черкесская группа. Подобная ситуация, скорее всего, является отражением направления брачных связей, что оказывает влияние на картину генезиса адыгского населения, предложенную на основании анализа мужских серий.

Какие расо- и этногенетические выводы мы можем сделать из рассмотрения представленных материалов? Для этого позволим себе краткий историографический очерк изучения краниологии населения Северо-западного Кавказа, исконной территории проживания народов адыго-абхазской языковой семьи, и в частности адыгейцев.

Таблица 4

Индивидуальные данные женских черепов из могильников Кабардинка и Церковная щель

Table 4

Individual data of female skulls from the burial grounds of Kabardinka and Church schel

	Могильник Кабардинка						Могильник Церковная щель				
	к. 16	к. 17, ч. 2	к. 17, ч. 2а	к. 33, ч. 2	*n*	*x*	к. 20	к. 40	к. 44	*n*	*x*
1	171,0	179,0	179,0	176,0	4	176,3	181,0	178,0	170,0	3	176,3
8	123,0	142,0	141,0	134,0	4	135,0		142,0	131,0	2	136,5
17	118,0	124,0	138,0	133,0	4	128,3		126,0	126,0	2	126,0
5	99,0	99,0	107,0	94,0	4	99,8		97,0	93,0	2	95,0
10	108,0	116,0	123,0	119,0	4	116,5		123,0	119,0	2	121,0
9	93,0	95,0	98,0	97,0	4	95,8	93,0	94,0	94,0	3	93,7
40	97,0	98,0	97,0	88,0	4	95,0		92,0	90,0	2	91,0
12	102,0	104,0	117,0	101,0	4	106,0		103,0	101,0	2	102,0
11	99,0	120,0	121,0	112,0	4	113,0		110,0	110,0	2	110,0
45	116,0	129,0	134,0		3	126,3		124,0	117,0	2	120,5
48	66,0	61,0	74,0	76,0	4	69,3	63,0	64,0	65,0	3	64,0
47	103,0	105,0		121,0	3	109,7		107,0		1	107,0
43	99,0	99,0	103,0	103,0	4	101,0	97,0	100,0	98,0	3	98,3
46	89,0		104,0	98,0	3	97,0	87,0	84,0	91,0	3	87,3
54	25,5		25,5	26,5	3	25,8	24,5	22,5	26,5	3	24,5
55	49,0	52,5	54,5	54,0	4	52,5	47,5	50,0	47,5	3	48,3
51	42,0	41,5	45,0	42,5	4	42,8	40,5	40,0	40,5	3	40,3
52	32,5	32,0	33,0	33,0	4	32,6	32,5	32,5	32,0	3	32,3
SC	9,5	8,0	13,0	10,0	4	10,1	8,0	7,5	13,0	3	9,5
SS	4,0	4,0	4,5	3,5	4	4,0	3,5	3,0	4,5	3	3,7
MC	19,0	19,0	19,5	22,5	4	20,0	17,0	17,5	17,5	3	17,3
MS	8,5	8,5	9,5	7,5	4	8,5	6,5	6,0	6,0	3	6,2
77	132,0	141,0	138,0	138,0	4	137,3	135,0	137,0	139,0	3	137,0
Zm	122,0		125,0	120,0	3	122,3	117,0	124,0	120,0	3	120,3
75(1)	27,0	28,0		25,0	3	26,7		35,0	23,0	2	29,0
65	99,0	113,0		108,0	3	106,7		108,0		1	108,0
66	87,0	100,0		97,0	3	94,7		95,0		1	95,0
71a	28,0	33,0		24,0	3	28,3		30,0		1	30,0
69/3	11,0	11,0		7,5	3	9,8	11,0	10,0		2	10,5
67	42,0	46,0		42,0	3	43,3	42,5	41,0		2	41,8
8:1	71,9	79,3	78,8	76,1	4	76,5		79,8	77,1	2	78,5
48:45	56,9	47,3	55,2		3	53,1		51,6	55,6	2	53,6
48:17	55,9	49,2	53,6	57,1	4	54,0		50,8	51,6	2	51,2
40:5	98,0	99,0	90,7	93,6	4	95,3		94,8	96,8	2	95,8
54:55	52,0		46,8	49,1	3	49,3	51,6	45,0	55,8	3	50,8
52:51	77,4	77,1	73,3	77,6	4	76,4	80,2	81,3	79,0	3	80,2
SS:SC	42,1	50,0	34,6	35,0	4	40,4	43,8	40,0	34,6	3	39,5

Краниологические серии, соотносимые с адыгами, были впервые изучены в конце XIX в. А.А. Тихомировым [1882] и А.П. Богдановым [1882]. Эти немногочисленные серии, датированные последними веками II тыс., предположительно относились к двум племенным группам — шапсугам и натухайцам, хотя этническая принадлежность серий устанавливалась предположительно, из-за потери документации раскопок (шапсуги — 28 мужских и 22 женских черепа; натухайцы — 11 мужских и 7 женских черепов). При многообразии адыгоязычных племенных групп и народов следует признать, что краниологически они не были представлены достаточно полно. После значительного перерыва Г.Ф. Дебец в сводной работе [1948] привел данные о черепах из средневековых курганов XIV–XV вв., раскопанных Д.Я. Самоквасовым в конце позапрошлого века, Жуковым и Д. Крупновым в первой трети прошлого века. Есть все основания считать эти черепа принадлежащими черкесам. Г.Ф. Дебец делает вывод о выраженно европеоидном антропологическом долихокранном умеренно широколицем типе населения, оставившего эти курганы, который обнаруживает сходство с вариантом, зафиксированным в аланском могильнике Мощевая Балка, а с другой стороны — с современными западными адыгами. Из числа современных типов вариант, представленный в этих курганах, ближе всего к понтийскому, по терминологии В.А. Бунака [Дебец, 1948, с. 277].

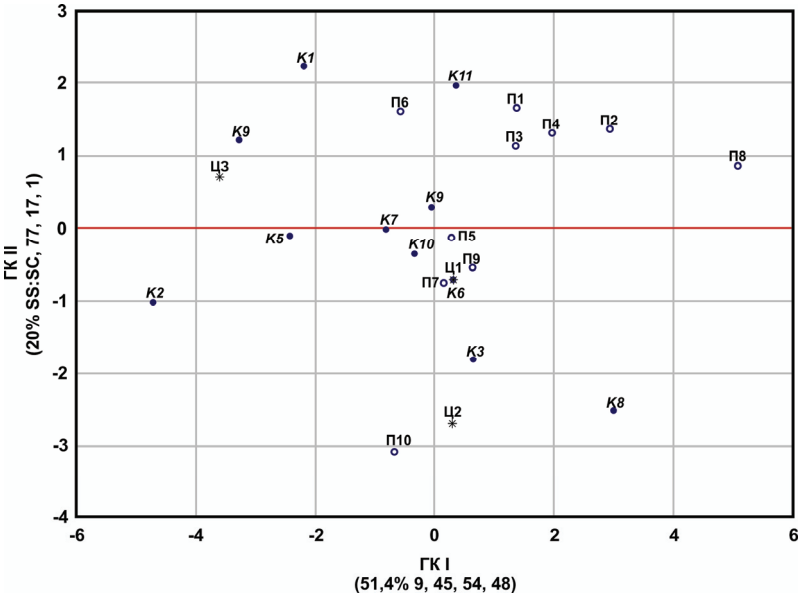

Рис. 1. Мужские черепа из средневековых могильников Краснодарского края в пространстве I и II главных компонент:
П1 — Псебепс 3, п. 13; П2 — Псебепс 3, п. 33, ск. 2; П3 — Псебепс 3, п. 36; П4 — Псебепс 3, п. 76; П5 — Псебепс 3, п. 86, ск.1; П6 — Псебепс 3, п. 86, ск. 2; П7 — Псебепс 3, п. 110; П8 — Псебепс 3, п. 119; П9 — Псебепс 3, п. 139; П10 — Псебепс 3, п. 150, ск.1; *К1* — Кабардинка, к. 13, ч. 2; *К2* — Кабардинка, к. 17, ч. 3; *К3* — Кабардинка, к. 21, ч. 1; *К4* — Кабардинка, к. 21, ч. 2; *К5* — Кабардинка, к. 22, п. 2, ч. 1; *К6* — Кабардинка, к. 22, п. 2, ч. 2; *К7* — Кабардинка, к. 24; *К8* — Кабардинка, к. 29; *К9* — Кабардинка, к. 33, ч. 1; *К10* — Кабардинка, к. 35; *К11* — Кабардинка, к. 37; Ц1 — Церк. щель, к. 8, п. 2; Ц2 — Церк. щель, к. 22, п. 1; Ц3 — Церк. щель, к. 45.

Fig. 1. Male skulls from medieval burial grounds of Krasnodar region in the space of I and II main components:
П1 — Psebeps 3, b. 13; П2 — Psebeps 3, b. 33, sk. 2; П 3 — Psebeps 3, b. 36; П4 — Psebeps 3, b. 76; П5 — Psebeps 3, b. 86, sk. 1; П6 — Psebeps 3, b. 86, sk. 2; П7 — Psebeps 3, b. 110; П8 — Psebeps 3, b. 119; П9 — Psebeps 3, b. 139; П10 — Psebeps 3, b. 150, sk. 1; *K1* — Kabardinka, k. 13, s. 2; *K2* — Kabardinka, k. 17, s. 3; *K3* — Kabardinka, k. 21, s. 1; *K4* — Kabardinka, k. 21, s. 2; *K5* — Kabardinka, k. 22, b. 2, s. 1; *K6* — Kabardinka, k. 22, b. 2, s. 2; *K7* — Kabardinka, k. 24; *K8* — Kabardinka, k. 29; *K9* — Kabardinka, k. 33, s. 1; *K10* — Kabardinka, k. 35; *K11* — Kabardinka, k. 37; Ц1 — Church schel, k. 8, b. 2; Ц2 — Church schel, k. 22, b. 1; Ц3 — Church schel, k. 45.

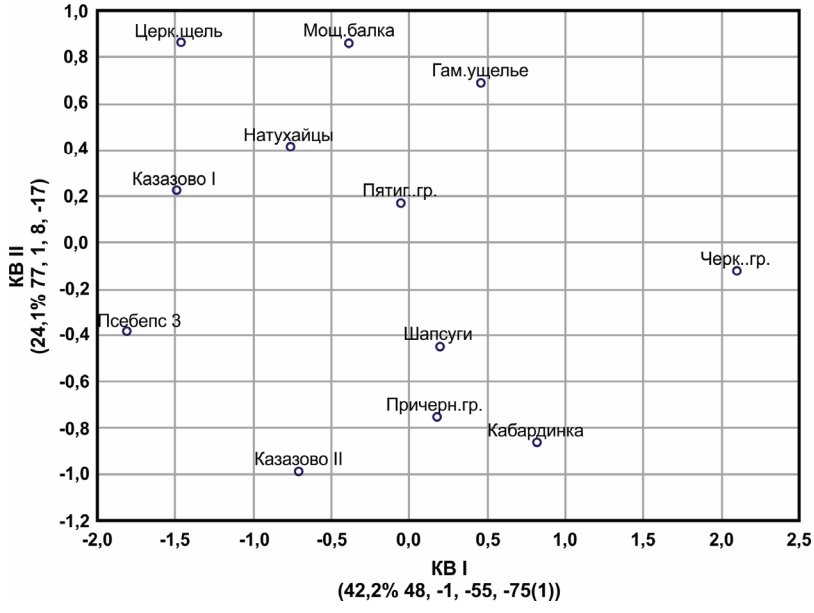

Рис. 2. Мужские серии в пространстве I и II канонических векторов.
Fig. 2. The men's series in space I and II of the vanonical vectors.

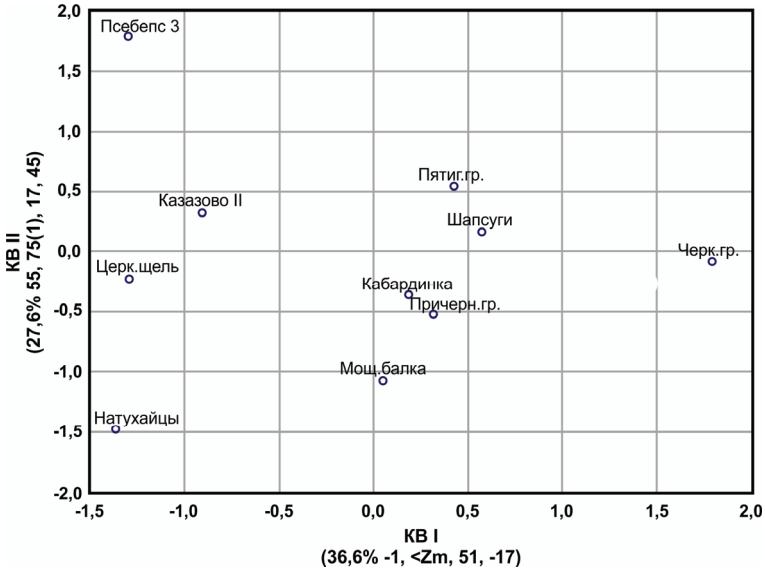

Рис. 3. Женские серии в пространстве I и II канонических векторов.
Fig. 3. Women's series in space I and II of the canonical vectors.

Существенный прорыв в изучении средневекового населения Северо-западного Кавказа и центральных предгорий Кавказа был сделан В.П. Алексеевым. В 1961 г. появляется его статья о черепах позднего средневековья из археологических раскопок ряда средневековых адыгских могильников [Алексеев, 1961]. В ней рассматриваются материалы из раскопок Белореченских курганов В.П. Левашовой, Е.П. Алексеевой, из могильников Черкесии и Карачая и др. Затем он публикует результаты изучения антропологических коллекций черепов из адыгских курганов позднего средневековья, куда, естественно вошли данные и Г.Ф. Дебеца [Алексеев, 1961, 1964, 1974]. Так как серии позднего средневековья из отдельных могильников были немногочисленны, а племенная принадлежность могильников авторами раскопок определялась не точно, В.П. Алексеев объединил серии в причерноморскую, пятигорскую и черкесскую группы. «…Первая группа предположительно — предки адыгейцев, вторая и третья — предположительно предки черкесов и кабардинцев» [Алексеев, 1974, с. 10]. Причерноморская группа представлена черепами из трех могильников: Глебовки, Новороссийска и Жане II (всего 13 мужских и 10 женских черепов).

Палеоантропологические материалы с территории Адыгеи более раннего времени практически отсутствовали. Единственная раннесредневековая серия из западных областей Северного Кавказа происходила из могильника Мощевая Балка на р. Большая Лаба в верховьях Кубани. Впервые небольшая серия (10 черепов) из этого могильника была изучена Г.Ф. Дебецем [1948, с. 272]. Значительные размеры, общая массивность долихокранных черепов с широким по кавказскому масштабу и высоким лицом с резко выступающим носом позволили Г.Ф. Дебецу говорить о сохранении черт протоевропейского типа. Позднее эта серия была изучена В.П. Алексеевым по более полной программе. Постулируя и развивая идею широколицести и брахикрании древнего автохтонного населения Кавказа, ученый соотнес эту серию с популяцией автохтонного населения, характерного для горных районов Кавказа. Исходя из особенностей этой серии В.П. Алексеев делает вывод о более позднем формировании понтийского типа на основе кавкасионского в процессе его грацилизации и о роли варианта, зафиксированного в Мощевой Балке, в сложении антропологического состава восточных черкесов и кабардинцев.

Новые исследования материалов из Мощевой Балки (количество черепов увеличилось почти в четыре раза) несколько изменили наши представления об особенностях черепов из этого памятника: лицо несколько ниже и уже, нос относительно выше и т.д. [Герасимова, 1986]. Кроме того, что существенно, по данным археологии этот могильник принадлежал аланам или смешанному адыго-аланскому населению [Иерусалимская, 1967, 1978, 1992, 2012; Гадло, 1994; Савченко, 1999]. Заведомо аланским можно считать могильник в Гамовском ущелье. Небольшая серия была опубликована В.П. Алексеевым [1964, 1974], неопубликованные материалы

[Герасимова, неопубл.] значительно многочисленнее и позволяют утверждать, что длинноголовый узколицый европеоидный вариант, подобный классической аланской серии из могильника Дуба-Юрт в Чечне [Дебец, 1948; Алексеев, 1974], свойственен аланскому населению Западной Алании. Об этом же говорят особенности двух серий из могильного холма Гатлукай (раскопки Н.В. Анфимова в 1972 г.), описанных М.М. Герасимовой и А.Г. Тихоновым [2003], различающихся по культурной принадлежности (Казазово 1 — болгарский вариант салтово-маяцкой культуры, Казазово 2 — раннесредневековые адыги).

В распределении серий в пространстве двух первых канонических векторов обращает на себя внимание отдельное положение серии из Черкесии, выделяющейся наибольшим зигомаксиллярным углом и наименьшим углом выступания носа из всех анализируемых серий. В связи с этим следует вспомнить соображения В.П. Алексеева о монголоидной примеси на территории расселения адыгов, фиксируемой им именно на территории Черкесии [1961, 1974].

Скопление, содержащее серии причерноморской группы, Казазово 2, Кабардинку и серию шапсугов, тоже весьма логично объясняется тем обстоятельством, что все они принадлежат адыгам, а существование и широкое распространение длинноголовых и узколицых вариантов среди местного населения Северо-западного Кавказа, коим являются адыги, было ранее достаточно убедительно показано [Бунак, 1947, 1953; Герасимова, 1977].

Что касается третьего скопления, то новые материалы хорошо укладываются в цепочку фактов, демонстрирующих трансформацию антропологического варианта, свойственного черепам из Мощевой Балки и Казазово 1, к черепам пятигорской группы. Любопытен факт некоторого сближения с этой совокупностью, содержащей серию натухайцев, серии из Псебепса 3, отличающейся также очень крупным продольным диаметром и происходящей с территории исконного проживания натухайцев.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Литература

Алексеев В.П. Антропологический тип адыгов в эпоху позднего средневековья // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Майкоп, 1961. Т. II. С. 208–220.

Алексеев В.П. Краниологические типы средневекового населения Северного Кавказа // Современная антропология. М.: Изд-во МГУ, 1965. С. 208–218. (Труды МОИП; Т. 14. Отд. биол. Секция антропологии).

Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа. М.: Наука, 1974. 318 с.

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.

Богданов А.П. О черепе из кавказских дольменов и о черепах из кавказских курганов и могил // Известия общества любителей естествознания антропологии и этнографии. М.: Тип. М.Н. Лаврова и К°, 1882. Т. XXXV. Вып. 4. С. 1–15.

Бунак В.В. Антропологический состав населения Кавказа // Вестник Государственного музея Грузии. Тбилиси, 1947. Т. XIII-А.

Бунак В.В. Черепа из склепов горного Кавказа в сравнительно-антропологическом освещении // СМАЭ. 1953. Т. X (V). С. 306–419.

Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. 217 с.

Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. 238 с.

Герасимова М.М. Краниологические материалы из меотских могильников Прикубанья // СЭ. 1976. № 5. С. 107–113.

Герасимова М.М. Краниология могильника Мощевая Балка // Археологические открытия на новостройках. М., 1986. Вып. 1. С. 204–213.

Герасимова М.М., Тихонов А.Г. Новые краниологические данные к проблеме происхождения адыгов // Горизонты антропологии: Труды Междунар. науч. конф. памяти акад. В.П. Алексеева. М., 2003. С. 286–290.

Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 337 с. (Труды ИЭ им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Нов. сер.; Т. IV).

Дружинина И.А. Распространение ислама у адыгов Северо-Западного Кавказа (по материалам курганных могильников XVII–XVIII вв.) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. № 3. С. 102–106.

Иерусалимская А.А. Аланский мир на «шелковом пути»: (Мощевая Балка — историко-культурный комплекс VIII–IX вв.) // Культура Востока: Древность и раннее средневековье. Л., 1978. С. 151–162.

Иерусалимская А.А. Археологические параллели этнографически засвидетельствованным культам Кавказа (по материалам могильника Мощевая Балка) // СЭ. 1983. № 1. С. 102–113.

Иерусалимская А.А. Кавказ на «шелковом пути». СПб.: ГЭ, 1992. 70 с.

Иерусалимская А.А. Могильник Мощевая Балка: Необычный археологический памятник на Северокавказском «шелковом пути». СПб.: ГЭ, 2012. 384 с.

Носкова Л.М. Средневековый могильник в поселке Кабардинка близ Геленджика (по материалам раскопок 1990 года) // Материальная культура Востока. М., 2010. Вып. 5. С. 167–200.

Савченко Е.И. Мощевая Балка — узловой пункт Великого «шелкового пути» на Северном Кавказе // РА. 1999. № 1. С. 125–140.

Тихомиров А.А. К антропологии современных кавказских рас // Известия общества любителей естествознания антропологии и этнографии. Вып. 4. М., 1882. Т. XXXV.

Источники

Носкова Л.М. Отчет о работе Приморского отряда Кавказской археологической экспедиции ГМИНВ в 1991 г. М., 1992 // Архив ИА РАН. Р-1. № 16039, 16040.

M.M. Gerasimova, S.Yu. Frizen, S.V. Vasiliev
Institute of Ethnology and Anthropology RAS
Leninsky Prospekt, 32a, Moscow, 119334, Russian Federation
E-mail: otdantrop@yandex.ru

CRANIOLOGICAL MATERIALS FROM MEDIEVAL GRAVE FIELDS IN KRASNODAR KRAI

In this paper, we present a study of craniological materials collected in the Psebeps 3, Kabardinka and Tserkovnaya shchel' medieval grave fields (Krasnodar Krai, Russia). The Psebeps 3 grave field (10 male and 5 female skulls), belonging to the Adyghe people (Circassians), dates to the 14th–15th centuries. The Kabardinka grave field (11 male and 4 female skulls), also correlating with the Adyghes, dates to the 14th–15th centuries. The Tserkovnaya shchel' grave field (3 male and 3 female skulls), dating to the 17th–18th centuries, was a burial site of the Adyghe tribes. All the skulls are characterized by the Caucasoid craniological complex and a significant typological diversity within this complex. On the basis of intragroup analysis, a graph was drawn that places the skulls from the Psebeps 3 and Kabardinka grave fields on its right and left sides, respectively. This discrepancy is likely to result from a difference in these series, although they both represent culturally related population groups. Following the results of the intergroup analysis of the male series, the graph depicts two clusters. The first cluster features the Pyatigorsk, Natukhai, Kazazovo 1, Moshchevaya Balka, Gamovskoe Ushchelie, Psebeps 3 and Tserkovnaya shchel' groups. The second cluster includes the Black Sea, Shapsugs, Kazazovo 2 and Kabardinka groups. The Circassian group is located on the graph separately from the aforementioned groups. The graph representing the results of the intergroup analysis of the female series shows the Psebeps 3, Kazazovo 2, Tserkovnaya shchel' and Natukhai groups to be located on the left, the Pyatigorsk, Shapsugs, Kabardian, Black Sea and Moshchevaya Balka groups to be in the centre, while the Circassian group is located separately. In the distribution of the series, the separate position of the Circassian group stands out; this is likely to be a result of Mongoloid admixture in the territory of the Adyghe settlements recorded in the territory of Circassia. The cluster bringing together the series from the Black Sea, Kazazovo 2, Kabardinka and Shapsug groups can also be quite logically explained by the fact that all these populations belong to the Adyghes. In the third cluster, the new materials are in good agreement with the facts demonstrating the transformation of the anthropological variation typical of the skulls from Moshchevaya Balka and Kazazovo 1 towards that typical of the skulls from the Pyatigorsk group. It is interesting that the Psebeps 3 series originating from the territory of traditional Natukhai settlements demonstrate a convergence with the third cluster containing the Natukhai series.

Key words: craniology, burial ground, Middle Ages, Krasnodar Krai, Adyghe.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-108-119

REFERENCES

Alekseev V.P. (1961). Anthropological type of Adygs in the Late Middle Ages. *Sbornik materialov po arkheologii Adygei, II*, Maikop, 208–220.

Alekseev V.P. (1964). Craniological types of the Medieval population of the North Caucasus. *Sovremennaia antropologiia. Trudy MOIP, 14*, Moscow: Izdatel'stvo MGU, 208–218.

Alekseev V.P. (1974). *The Origin of the Peoples of the Caucasus*, Moscow: Nauka.

Alekseev V.P., Debets G.F. (1964). *Craniometry: Methodology of anthropological research*, Moscow: Nauka.

Bogdanov A.P. (1882). About the skull of the Caucasian dolmens and the turtles from the Caucasian burial mounds and graves. *Izvestiia obshchestva liubitelei estestvoznaniia antropologii i etnografii, XXXV*(4), Moscow: Tipografiia M.N. Lavrova i Ko, 1–15.

Bunak V.V. (1947). Anthropological composition of the population of the Caucasus. *Vestnik Gosudarstvennogo Muzeia Gruzii, XIII-A*, Tbilisi.

Bunak V.V. (1953). The skulls from the tombs of the Caucasus mountains in comparative anthropological lighting. *Sbornik MAE, X*(V), Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 306–419.

Debets G.F. (1948). *Paleoanthropology of the USSR*, Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.

Druzhinina I.A. (2010). Propagation of Islam among Adygs of the North-Western Caucasus (based on materials of burial burials of the XVII–XVIII centuries). *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, (3), Moscow, 102–106.

Gadlo A.V. (1979). *Ethnic history of the North Caucasus IV–X centuries*, Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta.

Gadlo A.V. (1994). *Ethnic history of the North Caucasus X–XIII centuries*, St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta.

Gerasimova M.M. (1976). Craniological materials from the Meotian cemeteries of the Kuban region. *Sovetskaia etnografiia*, (5). 107–113.

Gerasimova M.M. (1986). Craniology of the burial ground Moshchevaya Balka. *Arkheologicheskie otkrytiia na novostroikakh*, (1), 204–213.

Gerasimova M.M., Tikhonov A.G. (2003). New craniological data to the problem of origin of the Adygs. *Gorizonty antropologii: Trudy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii pamiati akademika V.P. Alekseeva*, Moscow, 286–290.

Ierusalimskaia A.A. (1978). Alan world on the «Silk Road» (Moshchevaya Balka — historical and cultural complex of the VIII–IX centuries. *Kul'tura Vostoka: Drevnost' i rannee srednevekov'e*, Leningrad, 151–162.

Ierusalimskaia A.A. (1983). Archaeological parallels to ethnographically attested cults of the Caucasus (based on the materials of the Moshchevaya Balka burial ground). *Sovetskaia etnografiia*, (1), 102–113.

Ierusalimskaia A.A. (1992). *The Caucasus on the «Silk Road»*, St. Petersburg: Gosudarstvennyi Ermitazh.

Ierusalimskaia A.A. (2012). *Burial ground Moshchevaya balka: Unusual archaeological monument in the North Caucasus «Silk Road»*, St. Petersburg: Gosudarstvennyi Ermitazh.

Noskova L.M. (2010). The medieval burial ground in the village of Kabardinka near Gelendzhik (based on excavations from 1990). *Material'naia kul'tura Vostoka*, (5). Moscow, 167–200.

Savchenko E.I. (1999). Moshchevaya Balka — the main point of the Great Silk Road in the North Caucasus. *Rossiiskaia arkheologiia*, (1). 125–140.

Tikhomirov A.A. (1882). To the anthropology of the modern Caucasian races. *Izvestiia obshchestva liubitelei estestvoznaniia antropologii i etnografii, XXXV*(4), Moscow: Tipografiia M.N. Lavrova i Ko, 16–27.

К.Н. Солодовников*, Г.Г. Кравченко, М.П. Рыкун****

*ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: solodk@list.ru
**Национальный исследовательский Томский государственный университет
просп. Ленина, 36, Томск, 634050
E-mail: ggk_07@mail.ru;
m_rykun@mail.ru

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ЭНЕОЛИТА — РАННЕЙ БРОНЗЫ КАК РЕЗУЛЬТАТ АДАПТАЦИИ К ГЕОГРАФИЧЕСКИМ И БИОКЛИМАТИЧЕСКИМ УСЛОВИЯМ АЛТАЙСКОЙ ГОРНОЙ СТРАНЫ

В работе исследуется связь морфологических особенностей населения энеолита — ранней бронзы с географическими и биоклиматическими условиями долин и межгорных котловин Горного Алтая. Выделены территориальные группы памятников этого периода в пределах Алтайской горной страны, для которых приведены климатогеографические и биоклиматические параметры. На основании их сопоставления с характеристиками краниологических и остеологических серий выявлены основные тенденции межгрупповой изменчивости популяции энеолита — ранней бронзы данной территории. Подтверждено, что основным приспособительным механизмом биологической адаптации населения этой эпохи к местным условиям высокогорья и резко континентального климата на территории Алтая являлось еще большее увеличение размеров тела изначально высокорослого и крупного протоевропеоидного населения восточно-европейского происхождения. Это сопровождалось увеличением общих размеров черепа, в особенности его высоты, и фиксирующимся в мужских группах увеличением ширины лицевого отдела при неизменности остальных расово-дифференцирующих признаков.

Ключевые слова: афанасьевская культура, эпоха энеолита и бронзы, Горный Алтай, палеоантропология, краниометрия, остеометрия, биоклимат.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-120-135

Работа выполнена при поддержке грантов РФФИ (проекты № 18-09-00779А, № 18-59-94020МОКНМа) и в рамках базового бюджетного проекта РАН (программа XII.186.4, проект № 0371-2018-0034 ТюмНЦ СО РАН).

Введение

Человеческие популяции защищены от действия внешних факторов природной среды своеобразным «буфером» в виде различных социокультурных механизмов адаптации, которые модифицируют природное воздействие. Исследования влияния климатических факторов на морфофункциональные характеристики популяций человека проводились многократно, однако в основном в отношении современного населения и на соматологических материалах [Аксянова, Евтеев, 2009, с. 74]. В отечественной антропологии исследование связи морфологических признаков с географическими и климатическими параметрами на краниологических материалах осуществлялось В.П. Алексеевым в панойкуменном масштабе [1985, с. 7–17] либо для большой территории Кавказа [1974]. Сравнительно недавно А.А. Евтеевым с соавторами на краниологических материалах исследовалась взаимосвязь особенностей строения лицевого скелета с климатическими факторами, преимущественно в современных популяциях также очень обширных регионов Северной и Северо-Восточной Европы, Сибири и Северо-Восточной Азии [Evteev et al., 2014, 2017]. Мы предприняли попытку изучения связи морфологических особенностей древних групп с местными климатогеографическими особенностями на сравнительно ограниченной территории Алтайской горной страны в эпоху энеолита — ранней бронзы.

Алтай — горная страна на территории России, Казахстана, Монголии и Китая, состоящая из хребтов, образующих водораздел Оби, Иртыша, Енисея и рек бессточной области Центральной Азии. Их высота над уровнем моря в общем нарастает с северо-запада на юго-восток. Для обозначения этого трансграничного региона используют понятие «Большой Алтай», включающее Монгольский, Гобийский и Русский Алтай. Последний подразделяется на Горный (Россия) и

Рудный (преимущественно Казахстан) Алтай [Ревякин и др., 1995; Гармс, Сухова и др. 2013]. Важнейшими климатообразующими факторами для Алтая, помимо рельефа, являются его широтное положение, которое определяет довольно высокий уровень солнечной радиации, а также глубокое внутриконтинентальное положение территории с присущим ему характером циркуляции воздушных масс. В целом продолжительный холодный период увеличивается вглубь гор и с высотой и наблюдается убывание суммы твердых осадков с северо-запада на юго-восток [Ревякин и др., 1979, 1995]. Кроме общих климатических закономерностей для региона большое значение имеют так называемые местные климаты, формирующиеся в результате орографических особенностей и наиболее сильно выраженные в долинах и межгорных котловинах. К таким наиболее важным особенностям относятся теплые и сухие ветры в долинах субмеридионального простирания — фены, зимние инверсии температур в высокогорных котловинах, где длительный период радиационного выхолаживания определяет застой переохлажденного воздуха, что препятствует воздухообмену с приходящими воздушными массами, а также горно-долинные ветры. В результате, например, среднегодовая температура региона меняется от +3 ^{o}C на севере (Беле, Чемал) до -6 ^{o}C на юге (Кош-Агач). Такие же большие различия наблюдаются и в континентальности климата — годовая амплитуда средних месячных температур изменяется от 23 до 45 ^{o}C [Модина, 1997].

На основе комплексного анализа донных отложений озер Северного Алтая реконструированы среднегодовые характеристики климата в позднем неоплейстоцене и голоцене [Русанов, 2007]. По данным Г.Г. Русанова, атлантический период 7000–5000 л.н. был теплым и сухим, средние температуры в среднегорье были выше современных на 4–5 ^{o}C. При переходе к суббореальному периоду (4500 л.н.) отмечаются повышение влажности, увеличение годовых осадков примерно на 100 мм и понижение среднегодовых температур в горах Алтая на 2,5 ^{o}C по сравнению с современными [Там же]. При этом наибольшее увлажнение наблюдалось во второй половине суббореального периода (между 4,74–3,17 тыс. л.н.). Увлажнение и похолодание на рассматриваемый период фиксируются и для среднегорья Восточного Алтая и для Чуйской котловины [Русанов, 2009, 2010]. По результатам исследований О.Н. Соломиной [1999], период 6700–5900 л.н. на Алтае был теплым, а периоды 5900–4700 л.н. и около 3900 л.н. — более прохладными. Но самый заметный рубеж смены климата, по ее данным, также относится к периоду 4000–4500 л.н., когда теплый в целом климат раннего и среднего голоцена сменился холодным и влажным [Там же].

Однако, по другим данным, верхняя граница теплого периода на территории Горного Алтая проходит около 5000 л.н., затем была достаточно резкая смена климата. Основывается этот вывод на геоморфологических исследованиях, радиоуглеродном датировании моренных комплексов и верхней границы леса в пределах Северо-Чуйского хребта, увязанных с активизациями склоновых процессов, почво- и торфообразованием [Агатова и др., 2012]. В последней работе отмечено потепление около 7000–5000 л.н. (включающее возможный эпизод похолодания около 6800–6300 л.н.) на территории Юго-Восточного Алтая, существенно превышавшее современное по температуре и продолжительности. Период 4900–4200 л.н. характеризуется понижением температуры и увеличением влажности, что привело к катастрофически быстрому и максимальному по амплитуде продвижению ледников [Там же]. По данным Г.И. Ненашевой [2013], полученным на основе палинологических исследований и радиоуглеродного датирования природной обстановки на территории Центрального Алтая, в периоды раннего, среднего и позднего голоцена зафиксированы теплые и холодные периоды. В конце позднеатлантического времени (5220 ± 70 л.н.) происходит похолодание и увлажнение климата, конец первой половины раннесуббореального времени (4745 ± 80 л.н.) характеризуется холодным и переменно-влажным климатом, а середина раннесуббореального периода (4400 ± 70 л.н.) — теплым и переменно-влажным климатом. В целом на территории Сибири суббореальный и субатлантический периоды — это более или менее единый этап в развитии природных условий. При этом для суббореального периода (4500–2500 л.н.) отмечается спокойный климат, близкий к современному [Ненашева, 2013]. Таким образом, для Алтая изменения климата являлись региональными. Однако вопрос об изменении местных климатов, на которые в основном влияет характер взаимодействия атлантического циклона и монгольского антициклона, а также величина солнечной радиации, остается открытым. Можно предполагать, что различия в местных климатах сохранялись, но, возможно, степень этих различий была иной по сравнению с современной ситуацией. С учетом вышеизложенных характеристик палеоклимата нет оснований полагать, что эти различия были значительными.

В период перехода от теплой и сухой фазы атлантического периода голоцена к прохладной и влажной фазе суббореального периода, в эпоху энеолита — ранней бронзы, на территории Алтае-Саяно-Хангайского нагорья существовала афанасьевская археологическая культура, датирующаяся XXXI–XXV вв. до н.э [Поляков, 2010; Поляков и др., 2017], при этом ее алтайский вариант признается древнейшим [Там же; Цыб, 1984]. С формированием афанасьевской культуры на территории Сибири появляются развитые навыки производящего хозяйства в виде скотоводства, металлургия меди, курганный обряд погребения и новый антропологический тип населения [Грязнов, 1999]. На горно-алтайских материалах энеолита — бронзы из массива памятников собственно афанасьевской культуры выделены отдельные самостоятельные куротинский, арагольский и улитинский типы, население которых, при вероятной общности происхождения части населения, контактировало и взаимодействовало с афанасьевским на территории Горного Алтая [Степанова, 2009, 2010; Вадецкая и др., 2014].

В антропологическом отношении афанасьевские популяции характеризовались особенностями проевропеоидного типа, широко распространенного в эпоху бронзы на степных пространствах Евразии — крупной долихокранной черепной коробкой, широким лбом, широким невысоким, ортогнатным и клиногнатным лицом, широкими и низкими орбитами, абсолютно и относительно высоким переносьем и очень сильно выступающим носом [Дебец, 1948; Алексеев, 1961]. Выделены два краниологических типа, определяемых в качестве основных антропологических компонентов в составе населения афанасьевской культуры: преобладающий у алтайских афанасьевцев выраженно гиперморфный с крупным и высоким черепом; и умеренно гиперморфный с менее крупным и особенно менее высоким черепом, определяющий краниологическую специфику единокультурного населения Минусинской котловины [Солодовников, 2003; 2005]. В целом появление афанасьевцев с их протоевропеоидным антропологическим обликом на Алтае-Саяно-Хангайском нагорье связано с масштабными миграциями древнескотоводческих групп восточно-европейского происхождения [Дебец, 1948; Алексеев, 1961; Солодовников, 2010]. Среди всех синхронных и предшествующих восточно-европейских групп наибольшее сходство суммарных серий черепов из погребений собственно афанасьевской культуры и близких культурных типов Горного Алтая прослеживается с краниологическими сериями ямной культуры и связанных с ней культурно-хронологических групп ранней и начала средней бронзы степей и лесостепей Волго-Уралья [Солодовников, 2010; Хохлов, и др., 2016]. При этом обнаруживается значительное сходство ямно-афанасьевского населения с синхронными группами на промежуточной территории казахстанских степей (краниологические находки из Карагаша и Усть-Нарыма) и отличия от других, в том числе предшествующих по времени и локализованных на более северных территориях Казахстана и в Западной Сибири (Ботай, Гладунино 1, 3, Григорьевка 2, серии неолита — энеолита Барабы, Новосибирско-Каменского Приобья, предгорного Алтая, Красноярско-Канской лесостепи, доафанасьевского времени в пещерах Горного Алтая и др.). Последние представляют в антропологическом отношении автохтонные западно- и южно-сибирские краниотипы с комплексами признаков, отличающимися от европеоидных [Хохлов и др., 2016, с. 91–93]. Антропологически уловимые контакты афанасьевского населения с автохтонными группами были, вероятно, очень редки и осуществлялись единично через женскую часть популяции и/или население, оставившее отличные от относящихся к собственно афанасьевской культуре типы погребений Горного Алтая [Солодовников, Рыкун, 2018].

Результаты молекулярно-генетического исследования, основанные на анализе митохондриальной ДНК и аутосомных маркеров, также указывают на генетическое единство афанасьевского и ямного населения на фоне древних групп неолита — бронзы Евразии [Allentoft et al., 2015]. Эти данные дополняются сегодня новейшими результатами анализа Y-хромосомы, подтверждающими генетическое родство ямного и афанасьевского населения. Выявлено, что в генофонде населения этих культурных образований присутствуют гаплотипы гаплогруппы R1b1a1a, целиком маркирующей мужскую часть ямно-афанасьевских популяций [De Barros Damgaard et al., 2018a, 2018b; Hollard et al., 2018]. Следует также отметить, что по результатам последних исследований не обнаруживается генетической близости ямно-афанасьевского населения (включая индивида из кургана Карагаш в Центральном Казахстане) с населением ботайской культуры и ранней бронзы Северо-Восточного Казахстана (Григорьевка 2, Шолпан 4) [De Barros Damgaard et al., 2018b].

По остеометрическим характеристикам население афанасьевской культуры характеризовалось «высоким ростом и очень крепким сложением», с обращающей на себя внимание в про-

порциях длинной голенью [Дебец, 1948, с. 67]. По данным М.Б. Медниковой [1995], оно представляло локальный вариант «степного» морфотипа разнообразного населения евразийских степей эпохи бронзы. Его характерной особенностью при, как правило, повышенных длиннотных параметрах костей конечностей является сбалансированность линейных пропорций, в отличие как от населения неолита — бронзы лесной зоны с относительным укорочением голени, так и от населения энеолита — бронзы Средней Азии, которому свойственно относительное удлинение сегментов ноги, и особенно костей голени. В качестве носителей данного комплекса морфологических особенностей выступают минусинские афанасьевцы, окуневцы, минусинские андроновцы, уральские ямники и андроновцы, ямники Украины и др. [Медникова, 1995]. При этом размеры тела у афанасьевского населения Горного Алтая составляют групповой максимум за едва ли не двухтысячелетний период евразийской истории. В целом население степного коридора в эпоху энеолита — ранней бронзы было крупным, но уступало горно-алтайским афанасьевцам. Большинство представителей древнеямной КИО были ниже ростом, а афанасьевцы Минусинской котловины, невзирая на большое морфологическое сходство с алтайскими, все же уступают им в размерах тела [Медникова, 2010].

Комплексный анализ новых остеометрических данных по населению Горного Алтая афанасьевской культуры и связанных с ней культурных типов подтверждает представление об афанасьевцах Алтая как об одной из самых высокорослых групп среди евразийских популяций эпохи бронзы [Тур, Рыкун, 2006]. Скелетная конституция алтайских афанасьевцев является вариантом «степного» морфотипа, однако выраженная тенденция к удлинению конечностей преимущественно за счет увеличения длины голени сближает их со среднеазиатскими группами энеолита — бронзы, которые заметно отличаются от ямно-афанасьевских только относительным удлинением предплечья [Там же, с. 72].

Материалы и методы

Для целей структурирования палеоантропологических материалов энеолита — ранней бронзы Горного Алтая по территориальному принципу нами проведена работа по выделению групп памятников данного периода исходя из физико-географического положения. Основывается она на содержащихся в фундаментальном «Своде памятников афанасьевской культуры» [Вадецкая и др., 2014] сведениях о локализации археологических объектов энеолита — ранней бронзы Горного Алтая с учетом информации о вновь исследованных могильниках [Дашковский, Степанова, 2018; Толеубаев и др., 2017]. В итоге в соответствии с пространственной дифференциацией выделено девять групп памятников, из которых наиболее северные и южный частично расположены за пределами административных границ Республики Алтай (рис. 1, табл. 1). Эти группы памятников в значительной степени соответствуют подрайонам, выделенным в работе Т.Д. Модиной, в которой предложена типизация местных климатов долин и котловин и выполнено агроклиматическое районирование территории Горного Алтая [1997]. Характеристики основных климатогеографических показателей подрайонов [Там же; Сухова, 2009] приведены в табл. 1[1]. В ней же содержатся данные биоклиматического районирования, необходимые с точки зрения определения воздействия климата на человека, оцененные для этих подрайонов Горного Алтая на основе работ М.Г. Суховой с соавт. [Сухова, Русанов, 2004; Сухова, 2009; Гармс и др., 2013; и др.].

При комплексной оценке биоклиматов используют следующие параметры:

1. *Нормально-эквивалентно-эффективная температура* (НЭЭТ): $НЭЭТ = 0{,}8 \times ЭЭТ_{осн} + 7$ °C, где ЭЭТ — эквивалентно-эффективная температура. НЭЭТ помимо влажности и температуры воздуха учитывает скорость ветра. Этот показатель характеризует теплоощущения одетого человека.

[1] Граница между катунскими группами В1 и В2 определена по границе Северного и Центрального Алтая. Для некоторых групп памятников климатогеографические показатели (табл. 1) отличаются от имеющихся в работах Т.Д. Модиной [1997] и М.Г. Суховой [2009]. В частности, для группы А они получены усреднением показателей в бассейне верхнего течения р. Чарыш на территории Краснощековского района Алтайского края и на территории Республики Алтай, а для Ануйско-Песчаной группы — Ануйского и Семинско-Песчаного подрайонов [Модина, 1997]. Памятники Бертек-33, Мухор-Тархата, Кургак-Гови (Монголия), а также Черновая II (Казахстан), включенные в группу Е, находятся в межгорно-котловинных территориях, для климата которых характерны большая сухость, что обусловливает формирование сухостепных и полупустынных ландшафтов и жесткую суровость зимнего времени. Для данной группы использованы показатели, соответствующие Чуйской котловине, помимо полученной усреднением данных по четырем памятникам высоты над уровнем моря. Возможно, в дальнейшем с накоплением материалов включенные в группу Е южноалтайские памятники будут распределены в несколько территориальных групп.

2. *Индекс суровости* (*S*) *по Бодману*: $S = (1 - 0{,}04t) \times (1 + 0{,}27v)$, где t — температура воздуха, v — скорость ветра. Широко используемая шкала жесткости Бодмана рекомендована для характеристики погодных условий в холодное время года.

3. *Показатель благоприятности биоклиматических условий* (ПББКУ) — коэффициент, представляющий отношение повторяемости благоприятных для организма человека погод к общему числу дней в периоде — месяце, сезоне.

4. *Условная температура* (T_y) учитывает температуру воздуха и скорость ветра, что характеризует скорость охлаждения организма человека.

На основе биоклиматических параметров осуществлена типизация ландшафтов по степени комфортности биоклиматических условий для жизнедеятельности человека [Сухова, Русанов, 2004; Сухова, 2009; Гармс и др., 2013; и др.], а также дана пространственная дифференциация ландшафтно-биоклиматических условий Алтае-Саян. Для этой территории на основании вышеназванных показателей определены категории комфортности биоклиматов ландшафтов от комфортного до экстремального [Сухова, 2009].

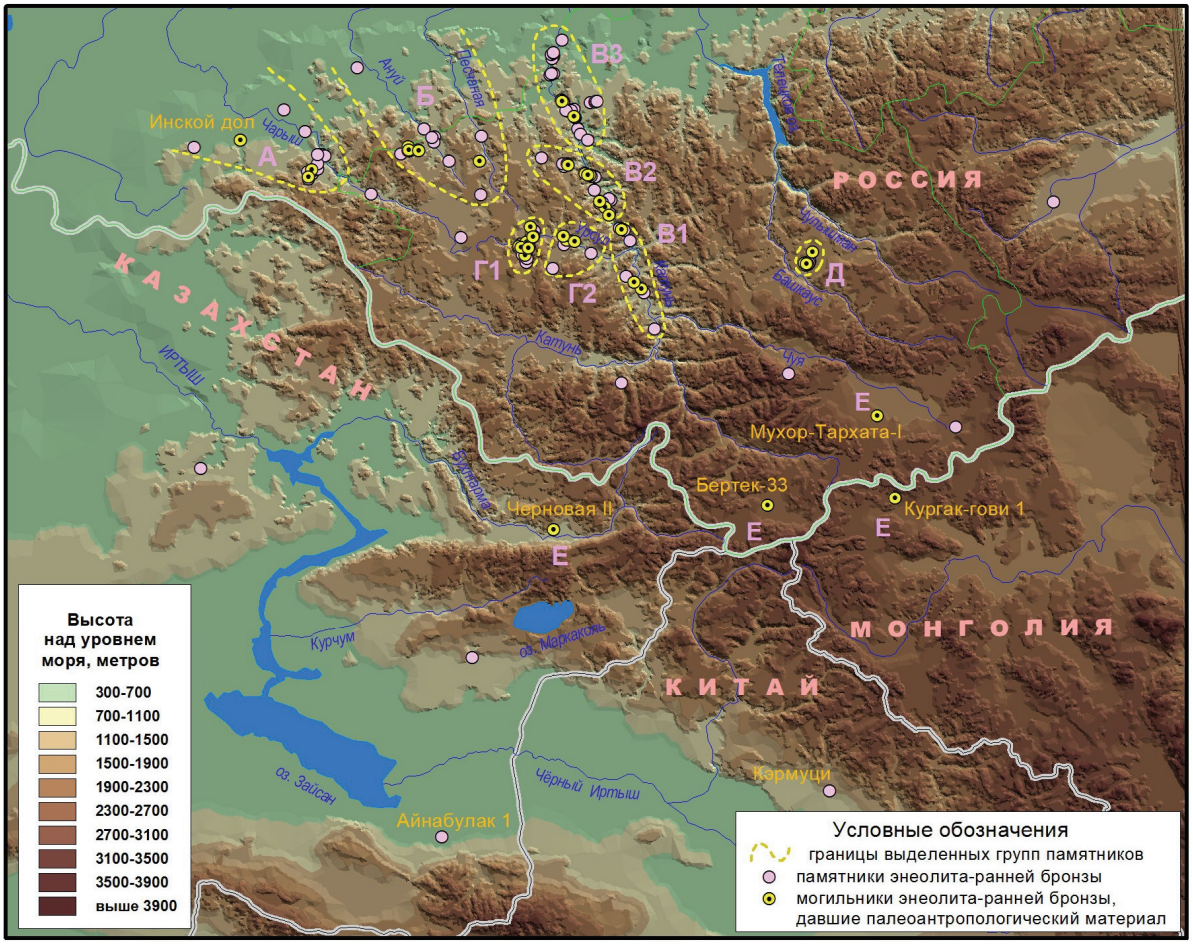

Рис. 1. Расположение памятников энеолита — ранней бронзы на территории Алтайской горной страны и выделенные группы памятников (см. табл. 1).

Fig. 1. Location of monuments of the Eneolithic — the Early Bronze Age on the territory of the Altai Upland, and singled-out groups of monuments (see table 1).

Таблица 1

Климатогеографические характеристики (1–6, по Модиной и др.), показатели оценки биоклиматов ландшафтов для жизнедеятельности человека (7–11, по Суховой) и коэффициенты их корреляций с краниометрическими признаками

Table 1

Climatic and geographical characteristics (1–6, based on Modina et al.), indicators of bioclimatic landscape assessment for human life (7–11, based on Sukhova), and their correlation coefficients with craniometric features

Группа памятников, подрайон (по Модиной и др.) Признаки (по Мартину и др.)	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
	Высота, м	Температура января, ср., °С	Температура июля, ср., °С	Безморозный период, дней	Сумма температур выше 10°С	Осадки за год, мм	НЭЭТ, °С, июль	*S*, балл	ПББКУ (XI–III месяцы)	ПББКУ (IV–X месяцы)	T_y, °С
А Чарышский	400–800	-(15–17)	15–18	85–115	1600–1900	530–590	18	1,55	0,70	0,75	-13
Б Ануйско-Песчаный	750–1050	-(16–17)	14–15	70–85	1300–1350	450–550	13	3,0	0,35	0,50	-23
В1 Ининский	500–800	-(14–17)	17–18	80–90	1500–1600	240–260	15	2,.5	0,55	0,65	-20
В2 Катунский (Чемал-Куюс)	400–500	-(12–15)	17–19	115–120	1800–2000	400–550	18	1,5	0,75	0,75	-13
В3 Катунско-Майминский	250–400	-(12–16)	18–19	115–120	1900–2050	550–750	17	1,5	0,70	0,75	-13
Г1 Теньгинский	1000–1100	-(19–20)	13,5–14,5	60–75	1200–1300	400–450	12	4,0	0.35	0.40	-23
Г2 Урсульский	750–1000	-(20–22)	15–16	80–90	1500–1600	300–350	15	3,5	0,50	0,43	-21
Д Улаганский	1200–1450	-(24–25)	13–14	50–65	1100–1200	450–500	11	4,5	0,30	0,35	-26
Е Чуйский (юго-восток)	950–2300	-(32–34)	13–14	50 и менее	1000–1100	100–150	10	6,0	0,20	0,40	-32
1. Продольный диаметр	0,393	-0,344	-0,316	-0,366	-0,361	-0,521	-0,218	0,340	-0,210	-0,304	-0,308
	0,391	-0,594	-0,359	-0,302	-0,240	-0,198	-0,138	0,442	-0,129	-0,459	-0,198
8. Поперечный диаметр	-0,033	0,076	-0,001	0,051	0,008	-0,354	0,053	0,048	0,034	-0,128	-0,005
	0,631	-0,519	-0,538	-0,722	-0,570	-0,581	-0,823	0,770	-0,822	-0,817	-0,873
8:1. Черепной указатель	-0,347	0,343	0,269	0,349	0,305	0,075	0,224	-0,226	0,200	0,145	0,240
	0,247	-0,043	-0,148	-0,378	-0,307	-0,419	-0,561	0,339	-0,538	-0,334	-0,562
17. Высотный диаметр	**0,797****	**-0,854****	**-0,731***	**-0,717***	**-0,675***	-0,407	**-0,671***	**0,781***	**-0,699***	**-0,743***	**-0,736***
	0,857*	**-0,899****	-0,682	**-0,759***	**-0,780***	-0,443	-0,740	**0,913****	-0,659	**-0,812***	**-0,776***
17:8. Высотно-поперечный указатель	0,362	-0,471	-0,325	-0,366	-0,295	-0,059	-0,385	0,408	-0,396	-0,368	-0,373
	0,543	-0,450	-0,444	-0,491	-0,527	-0,318	-0,638	0,607	-0,616	-0,601	-0,671
17:1. Высотно-продольный указатель	0,573	-0,656	-0,427	-0,503	-0,446	-0,110	-0,533	0,545	-0,484	-0,422	-0,509
	0,191	-0,417	-0,248	0,052	-0,061	0,230	0,167	0,151	0,131	-0,199	0,103
5. Длина основания черепа	0,452	-0,479	-0,457	-0,338	-0,315	-0,327	-0,129	0,343	-0,211	-0,246	-0,246
	0,181	-0,437	-0,047	0,075	-0,169	0,081	0,242	0,086	0,317	0,079	0,187
9. Наименьшая ширина лба	0,057	-0,110	-0,205	0,051	0,048	0,418	0,059	0,026	0,071	-0,185	0,121
	0,350	-0,532	-0,006	-0,136	-0,460	-0,261	-0,023	0,261	0,159	0,083	-0,067
32. Угол профиля лба от n.	0,138	-0,101	0,028	-0,164	-0,151	0,025	-0,229	0,089	-0,119	0,079	-0,138
	0,637	-0,588	-0,442	-0,612	-0,680	-0,504	-0,671	0,657	-0,668	-0,576	-0,805
40. Длина основания лица	0,458	-0,503	-0,442	-0,441	-0,382	-0,568	-0,217	0,445	-0,276	-0,447	-0,355
	0,269	-0,509	0,047	-0,084	-0,314	-0,366	0,052	0,251	0,220	0,014	-0,006
40:5. Указатель выступания лица	0,374	-0,36	-0,321	-0,492	-0,428	-0,642	-0,334	0,435	-0,312	-0,477	-0,397
	0,397	-0,575	-0,029	-0,292	-0,452	-0,591	-0,185	0,427	0,009	-0,144	-0,231
45. Скуловой диаметр	**0,700***	**-0,679***	**-0,726***	-0,589	-0,622	-0,222	-0,624	0,654	**-0,699***	-0,623	**-0,669***
	0,268	-0,478	-0,149	-0,053	-0,280	0,155	0,153	0,119	0,214	0,088	0,108
48. Верхняя высота лица	0,252	-0,341	-0,109	-0,056	-0,086	-0,243	-0,246	0,355	-0,206	-0,312	-0,268
	-0,282	0,387	0,369	0,250	0,116	0,188	0,211	-0,375	0,332	0,580	0,345
48:17. Вертикальный фацио-церебральный указатель	-0,195	0,128	0,357	0,274	0,257	-0,140	0,082	-0,050	0,175	0,079	0,104
	-0,589	0,442	0,725	0,605	0,512	-0,092	0,655	-0,560	**0,779***	0,672	0,694
48:45. Верхний лицевой указатель	-0,132	0,017	0,339	0,286	0,281	-0,139	0,119	-0,018	0,216	0,088	0,116
	-0,378	0,577	0,381	0,213	0,264	0,020	0,071	-0,350	0,135	0,388	0,205
72. Общий лицевой угол	-0,264	0,112	0,336	0,435	0,450	-0,046	0,521	-0,298	0,422	0,351	0,333
	-0,248	0,400	0,006	0,197	0,218	0,538	0,143	-0,365	-0,018	0,233	0,141
77. Назомалярный угол	-0,043	0,152	-0,005	0,059	-0,034	-0,102	-0,043	-0,037	-0,116	0,064	-0,076
	0,537	-0,587	-0,249	-0,472	-0,540	-0,736	-0,548	0,666	-0,445	-0,570	-0,643
∠Zm. Зигомаксиллярный угол	-0,175	0,180	0,074	0,254	0,182	0,240	0,069	-0,082	0,091	-0,118	0,120
	0,454	-0,557	-0,060	-0,268	-0,590	-0,464	-0,263	0,414	-0,080	-0,087	-0,330
51. Ширина орбиты от mf.	-0,061	0,071	-0,114	0,020	0,042	0,055	0,230	-0,132	0,121	0,093	0,174
	-0,607	0,384	0,706	**0,796***	0,524	0,187	**0,848***	-0,671	**0,913****	**0,768***	**0,812***
51a. Ширина орбиты от d.	0,219	-0,176	-0,402	-0,273	-0,250	-0,008	-0,049	0,117	-0,156	-0,150	-0,090
	-0,353	0,093	0,525	0,597	0,275	0,081	0,681	-0,431	**0,772***	0,590	0,618
52. Высота орбиты	0,502	-0,429	-0,532	-0,474	-0,488	-0,003	-0,445	0,409	-0,413	-0,430	-0,397
	-0,516	0,568	0,376	0,505	0,553	0,105	0,304	-0,404	0,240	0,174	0,318
52:51. Орбитный указатель от mf.	0,392	-0,361	-0,366	-0,383	-0,385	0,004	-0,443	0,379	-0,369	-0,432	-0,374
	-0,195	0,218	0,015	0,148	0,344	-0,102	-0,010	-0,010	-0,130	-0,323	-0,053
52:51a . Орбитный указатель от d.	0,141	-0,087	-0,116	-0,121	-0,154	0,125	-0,232	0,135	-0,140	-0,194	-0,144
	-0,203	0,405	-0,025	0,047	0,285	0,059	-0,165	-0,068	-0,275	-0,220	-0,111
55. Высота носа	0,302	-0,338	-0,391	-0,207	-0,225	-0,245	-0,159	0,317	-0,268	-0,432	-0,284
	-0,410	0,536	0,178	0,385	0,342	0,675	0,359	-0,572	0,229	0,497	0,389
54. Ширина носа	0,206	-0,232	-0,368	-0,121	-0,136	0,108	-0,038	0,139	-0,163	-0,247	-0,120
	-0,489	0,475	0,255	0,646	0,506	0,753	0,583	-0,595	0,501	0,472	0,637
54:55. Носовой указатель	-0,014	-0,002	-0,175	0,055	0,054	0,469	0,155	-0,140	0,058	0,064	0,146
	-0,523	0,489	0,273	0,593	0,643	0,421	0,483	-0,452	0,408	0,192	0,545
75(1). Угол выступания носа	-0,494	0,431	0,415	0,457	0,504	0,184	**0,684***	-0,560	0,620	0,468	0,580
	-0,368	0,158	0,304	0,509	0,384	0,422	0,683	-0,478	0,671	0,506	0,673
SC. Симотическая ширина	-0,503	0,469	0,329	0,481	0,492	**0,879****	0,469	-0,566	0,480	0,496	0,609
	0,743	-0,635	-0,731	-0,660	-0,730	-0,004	-0,710	0,673	**-0,757***	-0,639	**-0,763***
SS. Симотическая высота	-0,278	0,309	-0,042	0,152	0,140	0,481	0,187	-0,263	0,095	-0,071	0,210
	0,283	-0,055	-0,336	-0,312	-0,400	0,446	-0,325	0,084	-0,318	0,082	-0,212
SS:SC . Симотический указатель	0,017	0,026	-0,258	-0,128	-0,141	-0,017	-0,058	0,061	-0,168	-0,361	-0,123
	-0,168	0,358	0,149	0,019	0,043	0,252	0,012	-0,261	0,083	0,408	0,180
DC . Дакриальная ширина	-0,163	0,140	-0,008	0,177	0,200	0,652	0,281	-0,288	0,271	0,238	0,369
	0,303	-0,308	0,055	-0,203	-0,532	-0,219	-0,157	0,151	0,018	0,261	-0,174
DS . Дакриальная высота	-0,546	0,444	0,455	0,538	0,569	0,180	0,590	-0,451	0,583	0,301	0,573
	-0,117	0,254	0,104	-0,014	0,015	0,254	0,040	-0,218	0,119	0,382	0,204
DS:DC . Дакриальный указатель	-0,388	0,340	0,361	0,304	0,329	-0,217	0,347	-0,254	0,319	0,145	0,276
	-0,252	0,424	-0,083	0,025	0,361	0,446	0,035	-0,222	-0,038	0,031	0,228
M1. Модуль массивности мозговой коробки	0,634	-0,622	-0,570	-0,564	-0,559	**-0,686***	-0,463	0,641	-0,485	-0,636	-0,577
	0,810*	**-0,859***	-0,677	**-0,775***	-0,700	-0,540	-0,747	**0,918****	-0,708	**-0,900****	**-0,811***
M2. Модуль относительной высоты свода	0,511	-0,589	-0,474	-0,462	-0,417	-0,020	-0,476	0,487	-0,495	-0,440	-0,477
	0,564	-0,584	-0,371	-0,372	-0,610	-0,040	-0,371	0,479	-0,237	-0,236	-0,337
M3. Модуль величины лицевого скелета	0,505	-0,561	-0,408	-0,307	-0,346	-0,285	-0,472	0,565	-0,472	-0,519	-0,506
	-0,098	0,065	0,241	0,198	-0,060	0,260	0,283	-0,267	0,421	0,563	0,370

Примечание. В первой строчке краниометрических признаков указаны значения коэффициентов корреляции для мужских серий, во второй — для женских; **жирным** выделены статистически значимые коэффициенты корреляции (*t*-критерий Стьюдента); * — достоверно на уровне $P \le 0,05$; ** — на уровне $P \le 0,01$.

Таблица 2

Средние размеры черепов территориальных групп памятников энеолита — ранней бронзы Горного Алтая

Table 2

Average sizes of skulls of territorial groups of monuments of the Eneolithic — the Early Bronze Age of the Mountainous Altai

Признак	Мужчины									Женщины						
	А	Б	В1	В2	В3	Г1	Г2	Д	Е	А	Б	В1	В2+В3	Г1	Г2	Д+Е
	x(n)	*x(n)*	*x(n)*	*x(n)*	*x(n)*	*x(n)*	*x(n)*	*x(n)*	*x(n)*	*x(n)*	*x(n)*	*x(n)*	*x(n)*	*x(n)*	*x(n)*	*x(n)*
1. Продольный диаметр	192,0(3)	189,7(3)	193,0(5)	194,7(6)	186,0(4)	191,8(17)	192,5(6)	194,4(5)	193,0(5)	185,0(1)	180,3(3)	183,0(8)	180,4(10)	185,2(10)	188,3(4)	185,7(3)
8. Поперечный диаметр	140,0(3)	141,3(3)	141,8(5)	144,7(6)	139,3(4)	144,5(18)	144,0(6)	139,2(5)	141,6(5)	133,0(1)	140,0(3)	138,6(8)	137,8(10)	139,5(8)	139,8(5)	140,7(3)
8:1. Черепной указатель	73,0(3)	74,5(3)	73,6(5)	74,4(6)	74,9(4)	75,4(17)	74,8(6)	71,6(5)	73,6(4)	71,9(1)	76,9(2)	75,8(8)	76,4(10)	75,4(8)	74,2(4)	75,8(3)
17. Высотный диаметр	138,5(2)	139,0(2)	137,0(4)	136,3(3)	137,7(3)	137,6(10)	141,3(3)	142,2(5)	142,3(3)	132,0(1)	133,0(2)	132,5(6)	134,0(9)	136,0(8)	136,0(2)	138,3(3)
17:1. Высотно-продольный указатель	72,8(2)	72,6(2)	72,1(4)	69,7(3)	74,3(3)	72,5(10)	73,6(3)	73,2(5)	73,9(3)	71,4(1)	74,1(2)	72,3(6)	74,3(9)	73,5(8)	73,6(2)	74,5(3)
17:8. Высотно-поперечный указатель	97,2(2)	96,5(2)	96,6(4)	94,7(3)	99,1(3)	95,6(10)	97,0(3)	102,2(5)	100,5(3)	99,2(1)	96,7(2)	95,6(6)	97,3(9)	97,5(8)	100,0(2)	98,4(3)
20. Высотный диаметр от ро.	117,7(3)	117,0(3)	117,2(5)	115,3(6)	114,8(4)	116,6(15)	116,0(4)	115,0(1)	118,4(5)	109,0(1)	112,8(4)	111,6(8)	111,4(8)	113,8(8)	115,3(3)	117,0(2)
5. Длина основания черепа	113,0(2)	106,0(2)	104,0(4)	107,0(3)	101,7(3)	108,1(10)	109,7(3)	106,6(5)	111,3(4)	108,0(1)	99,5(2)	101,3(6)	103,8(9)	103,1(8)	106,0(2)	106,7(3)
9. Наименьшая ширина лба	100,6(3)	99,0(3)	97,0(5)	101,0(8)	99,8(5)	99,9(16)	101,0(7)	102,2(6)	99,1(7)	98,5(1)	91,6(2)	95,5(8)	98,7(12)	96,0(10)	95,9(6)	101,6(3)
32. Угол профиля лба от n.	79,5(2)	79,0(3)	83,2(5)	80,3(6)	81,8(5)	79,3(14)	74,5(2)	84,6(5)	81,4(5)	79,0(1)	87,5(2)	84,4(7)	83,6(10)	81,5(8)	85,7(3)	89,3(3)
40. Длина основания лица	107,5(2)	98,2(2)	102,8(4)	101,0(2)	93,3(3)	104,5(8)	112,0(1)	104,0(5)	107,0(4)	101,0(1)	86,0(1)	96,8(4)	99,8(8)	97,9(8)	100,0(2)	105,0(3)
40:5. Указ-ль выступания лица	95,1(2)	92,6(2)	98,8(4)	94,9(2)	91,8(3)	97,4(8)	98,2(1)	97,6(5)	96,1(4)	93,5(1)	86,9(1)	94,7(4)	94,8(8)	95,0(8)	94,4(2)	98,7(3)
45. Скуловой диаметр	139,3(3)	142,5(2)	137,0(5)	138,3(6)	139,1(5)	139,1(15)	140,8(5)	140,8(6)	142,8(6)	134,0(1)	128,3(3)	129,6(8)	129,3(9)	129,9(8)	131,3(3)	133,0(3)
48. Верхняя высота лица	67,0(2)	69,7(3)	68,4(5)	72,0(6)	71,2(5)	70,7(12)	71,8(5)	70,0(6)	72,0(6)	68,0(1)	66,5(2)	67,6(5)	69,0(9)	67,8(9)	64,0(3)	67,0(3)
48:17. Вертикальн. фацио-церебр. ук.	48,4(2)	49,6(2)	51,0(4)	52,2(2)	51,7(3)	51,4(8)	51,0(3)	50,0(5)	50,7(3)	51,5(1)	46,7(1)	51,1(4)	51,7(8)	50,3(8)	49,2(2)	48,5(3)
48:45. Верхний лицевой указатель	47,9(2)	48,4(2)	50,0(5)	52,3(5)	51,2(5)	50,5(11)	50,7(4)	49,8(6)	50,5(6)	50,7(1)	52,0(2)	52,7(5)	53,7(8)	52,7(8)	48,7(3)	50,3(3)
72. Общий лицевой угол	87,0(2)	86,0(3)	85,0(5)	86,6(5)	85,8(5)	84,0(10)	88,0(2)	83,8(5)	86,2(5)	88,0(1)	92,5(2)	86,8(5)	85,5(10)	84,1(8)	85,5(2)	85,0(3)
74. Угол альвеолярной части	81,0(2)	82,7(3)	74,6(5)	76,4(5)	79,9(4)	75,9(10)	90,5(2)	71,3(1)	78,0(4)	78,0(1)	92,5(2)	79,4(5)	79,8(7)	75,8(8)	83,0(1)	78,5(2)
77. Назомалярный угол	135,8(3)	141,6(3)	137,0(5)	138,1(8)	137,1(4)	138,2(16)	136,6(4)	133,1(1)	138,4(5)	134,1(1)	136,0(2)	136,4(7)	137,8(10)	136,9(10)	137,9(5)	138,7(2)
∠Zm. Зигомаксиллярный угол	121,1(2)	126,5(2)	122,3(5)	129,5(5)	126,5(4)	126,1(14)	127,8(2)	126,0(1)	123,6(4)	123,9(1)	121,9(3)	124,0(5)	129,5(8)	124,2(9)	124,4(3)	131,6(2)
51. Ширина орбиты от mf.	46,7(2)	44,2(3)	43,4(5)	43,0(7)	42,9(4)	44,8(16)	44,8(2)	42,5(1)	43,8(6)	44.0(1)	42,0(2)	42,7(7)	43,7(9)	42,3(9)	43,0(2)	42,5(2)
51a. Ширина орбиты от d.	43,8(2)	42,0(3)	41,0(5)	40,4(7)	40,4(5)	42,1(13)	42,0(3)	41,3(6)	41,8(5)	41,4(1)	39,0(2)	39,8(7)	41,1(11)	39,5(9)	40,5(4)	40,3(3)
52. Высота орбиты	31,2(2)	31,2(3)	30,5(5)	31,5(7)	30,1(5)	30,7(16)	30,5(4)	33,7(6)	31,5(6)	30,0(1)	31,4(2)	30,2(7)	31,9(11)	30,7(9)	31,1(4)	29,5(3)
52:51. Орбитный указатель от mf.	66,6(2)	70,6(3)	70,4(5)	73,4(7)	70,5(4)	68,5(16)	69,9(2)	87,1(1)	72,4(6)	68,2(1)	74,8(2)	70,7(7)	73,2(9)	72,6(9)	76,7(2)	68,9(2)
52:51a . Орбитный указатель от d.	71,2(2)	74,4(3)	74,5(5)	78,4(7)	74,6(5)	73,5(13)	72,6(3)	81,7(6)	73,9(5)	72,5(1)	80,5(2)	75,9(7)	77,6(11)	77,9(9)	76,8(4)	73,3(3)
55. Высота носа	52,0(2)	53,4(3)	50,3(5)	52,2(6)	50,9(5)	51,7(14)	55,3(3)	51,7(6)	53,0(6)	50,7(1)	51,5(2)	49,4(5)	49,1(10)	48,2(9)	48,3(3)	48,4(3)
54. Ширина носа	27,7(2)	28,0(3)	24,5(5)	26,0(6)	25,9(5)	25,6(14)	28,3(3)	26,6(6)	26,9(7)	25,9(1)	25,5(3)	24,0(5)	25,9(10)	24,8(9)	25,0(3)	24,4(2)
54:55. Носовой указатель	53,4(2)	52,3(3)	48,9(5)	49,9(6)	51,0(5)	49,6(13)	51,3(3)	51,5(6)	50,6(6)	51,1(1)	50,8(2)	48,6(5)	52,9(10)	51,5(9)	51,9(3)	48,3(2)
75(1). Угол выступания носа	43,0(2)	34,5(2)	38,0(5)	37,8(4)	33,8(5)	33,0(9)	40,0(2)	35,3(4)	32,0(4)	39,0(1)	28,0(2)	30,8(5)	30,0(10)	30,1(8)	33,0(1)	30,0(2)
SC. Симотическая ширина	10,10(2)	8,95(2)	8,36(5)	8,74(7)	10,10(4)	9,01(12)	8,40(2)	9,2(1)	8,24(5)	8,0(1)	9,75(2)	7,90(6)	8,38(8)	8,38(10)	8,75(2)	9,85(2)
SS. Симотическая высота	6,20(2)	6,85(2)	5,30(5)	5,18(5)	5,98(4)	5,43(12)	6,85(2)	6,1(1)	4,74(5)	5,0(1)	5,40(2)	4,63(6)	4,56(8)	4,82(9)	3,60(2)	5,15(2)
SS:SC . Симотический указатель	64,1(2)	76,5(2)	62,6(5)	59,9(5)	58,8(4)	61,4(12)	82,4(2)	66,3(1)	58,5(5)	57,8(1)	54,7(2)	59,2(6)	55,2(8)	59,3(9)	41,0(2)	53,2(2)
DC. Дакриальная ширина	25,15(2)	22,60(3)	21,70(5)	22,6(6)	23,28(4)	22,75(11)	22,25(2)	24,0(1)	22,18(5)	22,0(1)	20,55(2)	22,10(6)	22,70(9)	20,54(7)	19,00(2)	24,30(2)
DS. Дакриальная высота	14,40(2)	12,95(2)	13,94(5)	14,6(3)	14,33(4)	14,85(11)	15,40(2)	13,0(1)	13,02(5)	14,2(1)	12,75(2)	14,07(6)	12,88(8)	14,17(7)	11,00(2)	13,10(2)
DS:DC. Дакриальный указатель	60,6(2)	59,72(2)	66,0(5)	62,5(3)	61,8(4)	65,8(11)	69,2(2)	54,2(1)	58,9(5)	64,5(1)	63,1(2)	63,9(6)	57,3(8)	70,2(7)	58,3(2)	55,3(2)
M1	155,0	155,0	155,4	156,6	152,8	156,2	157,6	156,7	157,3	148,1	149,7	149,8	152,6	152,0	153,0	153,5
M2	84,5	84,9	82,8	81,2	85,5	82,7	84,9	86,4	86,1	84,2	83,7	83,2	87,0	84,6	83,8	85,6
M3	96,6	99,7	96,8	99,8	99,5	99,2	100,5	99,3	101,4	95,5	92,4	93,6	94,7	93,8	91,7	94,4

Примечание. Модули средних: M1 — $\sqrt[3]{1\times8\times17}$ — модуль массивности мозговой коробки; M2 — $17/\sqrt{1\times8}$ — модуль относительной высоты свода; M3 — $\sqrt{45\times48}$ — модуль величины лицевого скелета.

В соответствии с выделением групп памятников энеолита — ранней бронзы Алтая на основе географических и биоклиматических показателей все краниологические материалы, изученные исследователями [Дебец, 1948; Алексеев, 1961; Исмагулова, 1989; Солодовников, 2003, 2005, 2010; Чикишева, 2012; Солодовников, Рыкун, 2018], включая неопубликованные материалы авторов, С.С. Тур, А.В. Громова и Д. Тумэн, распределены в девять серий черепов (табл. 2)[2]. Малочисленные у женщин краниологические серии групп памятников В2 и В3; Д и Е объединены на основании климатогеографической близости. Значения краниологических признаков этих серий

[2] Для формирования локально-территориальных серий скорректированы данные по половозрастной принадлежности некоторых опубликованных краниологических материалов энеолита — ранней бронзы Горного Алтая, в том числе после непосредственного ознакомления с большей их частью. Значительное увеличение объема материалов позволило точнее определить внутригрупповой масштаб половых различий. В первую очередь это касается представительных краниологических материалов из могильников в районе с. Ело в Центральном Алтае, публикации которых будет посвящена отдельная работа. Также учтены изменения определений половой принадлежности скелетов из кург. 2а и 4 могильника Курота II на женские [Медникова, 2010], уточнение половой принадлежности индивида из кург. 4, погр. 1 могильника Бертек 33 как мужской [Медникова, 2010, с. 215], из кург. 3, погр. 1 этого могильника — как женской [Чикишева, 2012]. Однако осталась не изменена на мужскую [Медникова, 2010] половая принадлежность индивида из мог. 6 могильника Усть-Куюм [Дебец, 1948; Алексеев, 1961], в том числе в связи с публикацией данных, подтверждающих его женский пол по результатам редкого в практике палеогенетических исследований анализа генома, выделенного из двух зубов, принадлежность которых одному индивиду, вероятно, изначально вызывала сомнения [Allentoft et al., 2015, table S1]. Кроме этого, учтены измерения фрагментарного черепа из кург. 2, погр. 1 могильника Каракол (опубл. как кург. 1, погр. 2 [Чикишева, 2012]), перенесенного из серии каракольской культуры эпохи бронзы в афанасьевскую серию, пол которого изменен на женский. На женский изменен пол индивидов: с фрагментарным черепом из кург. 3 могильника Урускин Лог I; погр. 18 могильника Усть-Куюм. Не включены во взрослые серии черепа неполовозрелых субъектов из погр. 9а и 10 Куюмского могильника [Чикишева, 2012], при этом пол последнего индивида определен как мужской, что подтверждается последними данными палеогенетического исследования. Исключены измерения черепов из могильника Кокса [Алексеев, 1961] — из мог. 2, кург. 3, как относящегося к более поздней эпохе [Дебец, 1948, прил. 34; Солодовников, 2003, прим. 6], и из мог. 1 этого же кургана из-за отсутствия сведений о раскопках афанасьевских погребений [Вадецкая и др., 2014].

сопоставлялись с географическими и биоклиматическими параметрами с помощью парных коэффициентов корреляций. В анализе применялись средние значения интервалов каждой группы, за исключением высоты над уровнем моря для группы Е, полученные на основании усреднения показателей для четырех памятников, входящих в нее (1800 м). Статистическая значимость отличий коэффициентов корреляций от нулевых значений оценивалась с помощью *t*-критерия Стьюдента.

Также сравнивались остеометрические показатели групп населения энеолита — ранней бронзы Горного Алтая, проживавших в комфортных (группы памятников А, В1, В2, В3) и дискомфортных (группы Б, Г1, Г2; Д, Е) биоклиматических условиях. Мужские и женские остеометрические серии получены суммированием данных разных авторов [Дебец, 1948; Чикишева, 1994; Тур, Рыкун, 2006, Медникова, 2010; Солодовников, Рыкун, 2018]. При этом ряд индивидуальных размеров рассчитан из соответствующих указателей при публикации другого фигурирующего в индексе размера [Дебец, 1948; Чикишева, 1994]. Для подсчета средних значений признаков и пропорций использовались размеры правой половины тела, при их отсутствии — левой[3]. Статистическая значимость различий между сериями костяков по остеометрическим признакам оценивалась с помощью *t*-критерия Стьюдента. Исходя из полученных средних показателей вычислялась длина тела по формулам для высокорослых европеоидных популяций на основе значений наибольшей длины бедренной кости [Алексеев, 1966] и реконструировались вес и рост тела по формулам Г.Ф. Дебеца [Дебец, Дурново, 1971]. На основе последней формулы [Там же] применен способ графической визуализации, предложенный В.П. Алексеевым [1978] для иллюстрации соотношения длины тела и пропорций конечностей остеологических серий. Статистический анализ проводился с помощью программ STATISTICA 10.0.

Результаты и обсуждение

Сопоставление значений краниологических признаков полученных девяти мужских и семи женских локально-территориальных серий черепов (табл. 2) энеолита — ранней бронзы Алтая с климатогеографическими и биоклиматическими параметрами каждой группы с помощью парных коэффициентов корреляций ожидаемо выявило высокую степень сопряженности последних. Коэффициенты корреляции для большинства климатических показателей в высшей степени достоверны, со значениями от 0,667 до 0,996 (с обратными знаками для высоты над уровнем моря и нормально-эквивалентно-эффективной температурой июля). Исключение составляет сумма осадков за год, значения коэффициентов корреляции которой с остальными показателями существенно ниже и редко достигают уровня статистической значимости. Вероятно, это отражает более сложные связи и взаимозависимости распределения осадков на территории Алтая с высотой, температурой и другими климатогеографическими характеристиками. При сопоставлении краниологических признаков с высотностью, климатическими и биоклиматическими показателями наблюдается почти полное отсутствие значимых корреляций с угловыми размерами и указателями мозговой коробки и лицевого отдела, а также большинством линейных размеров (табл. 1). Однако и некоторые краниологические признаки проявляют высокую и достоверную связь с природными показателями, при этом зачастую — за исключением среднегодового уровня осадков. В мужских и женских сериях наблюдается достоверно высокая положительная связь высоты черепа с высотой над уровнем моря и НЭЭТ и достоверно отрицательная — с большинством остальных характеристик. В этом же направлении, на уровне статистической значимости, варьируется у мужских и женских локально-территориальных групп модуль массивности мозговой коробки, лишь немного не достигая уровня значимости $P \leq 0{,}05$ по некоторым климатическим признакам. Помимо этого, у мужских групп достоверно высока связь скулового диаметра со многими климатическими и биоклиматическими показателями (табл. 1).

Таким образом, территориальная изменчивость краниологических выборок энеолита — ранней бронзы в ее связи с биоклиматическими и физико-географическими характеристиками в своих крайних проявлениях у мужских групп соответствует двум морфологическим комплексам. Первый из них — сравнительно мезоморфный, с менее крупной и, особенно, менее высокой

[3] Результаты сопоставления измерений скелетов, исследованных Г.Ф. Дебецем и М.Б. Медниковой, привели к заключению, что Г.Ф. Дебецем измерялись кости левой половины тела, а большая степень совпадения остеометрических данных дает возможность использовать измерения первой половины XX в. без каких-либо поправок. Это, в свою очередь, позволяет дополнять отсутствующие в работе М.Б. Медниковой [2010] индивидуальные измерения у некоторых костяков данными Г.Ф. Дебеца [1948].

мозговой капсулой — в низкогорьях Алтая, в зонах с более мягким климатом. Второй морфологический комплекс — выраженно гиперморфный, с более высокой и в целом более крупной черепной коробкой — в высокогорных зонах с суровым климатом. По остальным расоводифференцирующим признакам различия между сериями черепов несущественны, за исключением уменьшения продольного диаметра черепа в нижнекатунской группе и отмечаемой горизонтальной уплощенности лица на среднем уровне в некоторых североалтайских сериях энеолита — ранней бронзы. У женских групп при сохранении тех же закономерностей, что и у мужских, различия по ширине лицевого отдела менее выраженные. В целом данный территориальный вектор изменчивости локальных серий направлен с северо-запада на юго-восток, с исключениями, соответствующими климатогеографическим параметрам. Однако следует признать, что в общем различия алтайских групп энеолита — ранней бронзы при их выраженной и вполне определенной тенденции все же небольшие (табл. 2). Эти результаты подтверждают ранее выявленный при другой разбивке краниологических материалов градиент изменчивости серий черепов этого времени Горного Алтая с северо-запада на юго-восток [Солодовников, 2009]. По-видимому, различия между двумя краниологическими типами, определяемыми в качестве основных антропологических компонентов в составе населения афанасьевской культуры [Там же; Солодовников, 2003, 2005], соответствуют различиям между локальными группами населения энеолита — ранней бронзы Горного Алтая по их отношению к биоклиматическим и физико-географическим условиям.

Возможно, увеличение размеров мозговой капсулы и ширины лица у алтайских популяций выступает как проявление общего увеличения размеров тела. Для проверки этой гипотезы сравнивались остеометрические показатели разных групп населения энеолита — ранней бронзы Горного Алтая. Суммированием опубликованных данных получены три мужские и две женские остеологические серии (табл. 3)[4]. Первая состоит из измерений индивидов, захороненных в могильниках территориальных групп, расположенных в климатически наиболее комфортных низкогорных зонах северо-западных предгорий Алтая и долины Катуни. Вторая и третья — из биоклиматически дискомфортных районов Центрального Алтая и долин Ануя и Песчанной и наиболее дискомфортных районов высокогорных долин и межгорных котловин Восточного, Юго-Восточного и Южного Алтая (объединены у женщин в одну серию из-за малой численности).

Пропорции всех однополых серий практически одинаковы, можно отметить только слабую тенденцию удлинения предплечья относительно проксимального сегмента верхних конечностей у мужчин и женщин низкогорной зоны. Выраженные отличия выявляются по длине и весу тела между двумя сходными между собой мужскими группами из средне- и высокогорных районов с суровым климатом, с одной стороны, и серией из климатически комфортных низкогорных районов — с другой. Наибольшая длина (Fe.1) и общая длина в естественном положении (Fe.2) бедренной кости мужчин из групп климатически дискомфортных районов в среднем превышают соответствующие показатели групп низкогорной зоны на уровне статистической значимости ($P \leq 0{,}05$), а по наименьшей окружности диафиза лучевой кости (Ra.3) лишь немного не достигают его. Соответственно мужчины из средне- и высокогорных районов Алтая в среднем превосходят мужскую выборку населения энеолита — ранней бронзы низкогорных районов в росте не менее чем на 4–5 см и в весе тела на 3–5 кг (табл. 3). Для женских серий из районов с дискомфортными и комфортными биоклиматическими условиями на данном уровне накопления материалов различий в остеометрических параметрах длины тела практически не выявлено, но в весе различия такие же, как и между мужскими группами (табл. 3). Вес тела женщин из групп энеолита — ранней бронзы Горного Алтая средне- и высокогорных районов больше, чем у женщин из низкогорных районов в среднем на 3 кг, и при этом различия по указателю массивности бедренной кости (Fe.8:2) статистически достоверны. Сопоставление этих трех мужских и двух женских горно-алтайских остеологических серий на фоне популяций Евразии неолита — бронзы [Медникова, 1995; Дебец, Дурново, 1971; Круц, 1984] подтверждает, что население средне- и высокогорных районов Алтая характеризовалось крайне высоким ростом не только для афанасьевских популяций, но и в целом для высокорослого древнего европеоидного населения Евразии (рис. 2, 3).

[4] К остеометрическим данным по афанасьевской культуре Алтая можно добавить измерения правой ключицы мужчины зрелого возраста из огр. 5 могильника Ело-Баши (КА ТГУ, инв. № 2099). Cl. 1. Наибольшая длина — 166; 6. Окружность середины диафиза — 47.

Таблица 3

Остеометрическая характеристика населения энеолита — ранней бронзы Горного Алтая. Средние групповые значения в соответствии с биоклиматической зоной

Table 3

Osteometric characteristics of the Eneolithic — the Early Bronze Age population of the Mountainous Altai. Average group values according to the bioclimatic zone

	I	II	III	I	II+III
	А, В1, В2, В3	Б, Г1, Г2	Д, Е	В1, В2, В3	Г1, Г2, Д, Е
	Мужчины			Женщины	
Плечевая кость					
1.Наибольшая длина	341,3(3)	351,1(8)	344,6(8)	310,5(4)	316,3(10)
2. Полная длина	342,0(2)	346,4(8)	345,7(3)	312,5(2)	312,1(8)
3. Ширина верхнего эпифиза	54,0(3)	56,9(8)	53,5(2)	48,5(2)	49,6(8)
4. Ширина нижнего эпифиза	66,5(4)	67,4(9)	64,3(3)	62,0(3)	61,8(10)
5. Наибольший диаметр середины диафиза	24,7(5)	26,7(9)	25,3(5)	24,4(5)	24,2(9)
7. Наименьшая окружность диафиза	69,2(6)	72,1(9)	66,8(8)	65,3(4)	65,5(11)
7:1 Указатель прочности	20,7(3)	20,9(8)	19,4(8)	20,6(3)	20,7(10)
6:5. Указатель поперечного сечения диафиза	79,3(5)	74,5(9)	75,1(7)	71,4(5)	73,3(11)
Лучевая кость					
1. Наибольшая длина	262,3(4)	269,8(8)	261,3(8)	235,8(4)	237,9(7)
2. Физиологическая длина	248,7(3)	252,7(7)	251,7(3)	218,0(1)	223,8(5)
3. Наименьшая окружность диафиза	43,8(4)	48,4(8)	48,0(3)	46,0(2)	43,4(7)
4. Поперечный диаметр диафиза	18,1(6)	19,2(8)	17,7(4)	19,1(3)	16,8(6)
5. Сагиттальный диаметр диафиза	12,4(6)	13,0(8)	12,8(4)	12,4(3)	11,4(6)
3:2. Указатель прочности	17,9(3)	19,1(7)	19,1(3)	20,6(1)	19,8(5)
5:4. Указатель поперечного сечения диафиза	68,5(6)	67,8(8)	70,2(6)	65,1(3)	66,5(8)
Локтевая кость					
1. Наибольшая длина	283,3(4)	290,8(6)	283,5(8)	286,3(4)	269,3(7)
2. Физиологическая длина	249,0(3)	254,1(5)	253,7(3)	222,0(1)	233,0(6)
3. Наименьшая окружность диафиза	42,0(4)	42,6(6)	37,0(3)	38,5(2)	42,4(8)
13. Верхний поперечный диаметр диафиза	21,7(4)	23,9(6)	23,2(6)	20,9(3)	20,9(7)
14. Верхний сагиттальный диаметр диафиза	26,5(5)	27,9(7)	27,8(6)	26,4(3)	26,1(7)
3:2. Указатель прочности	17,5(3)	16,4(5)	14,5(3)	17,6(1)	18,4(6)
11:12. Указатель поперечного сечения диафиза	82,6(4)	88,6(6)	96,1(3)	73,9(2)	87,4(8)
13:14. Указатель платолении	81,8(4)	87,4(6)	82,7(8)	79,5(3)	80,1(9)
Бедренная кость					
1. Наибольшая длина	466,6(5)	490,8(8)	487,2(9)	441,8(5)	443,0(10)
2. Длина в естественном положении	464,6(5)	487,4(8)	485,4(9)	445,3(4)	441,4(10)
21. Ширина нижнего эпифиза	91,0(3)	91,7(7)	84,3(4)	81,3(4)	82,5(5)
6. Сагиттальный диаметр середины диафиза	32,2(6)	32,7(9)	33,7(6)	27,6(6)	28,1(8)
7а. Ширина середины диафиза	30,6(6)	31,2(9)	30,7(6)	27,8(6)	27,8(8)
9. Верхний поперечный диаметр	37,6(5)	37,5(9)	37,0(6)	36,7(6)	33,2(8)
10. Верхний сагиттальный диаметр	30,1(5)	28,8(9)	28,4(6)	26,0(6)	25,3(8)
8. Окружность середины диафиза	98,8(6)	99,3(9)	99,8(9)	86,2(5)	89,7(10)
8:2. Указатель массивности	21,2(5)	20,7(8)	20,5(9)	18,6(3)	20,3(9)
6:7а. Указатель пилястрии	105,3(6)	105,1(9)	110,2(9)	99,4(6)	100,5(10)
10:9. Указатель платимерии	80,1(5)	77,3(9)	77,6(9)	71,0(6)	76,9(10)
Большеберцовая кость					
1. Полная длина	398,6(5)	408,3(9)	406,1(9)	366,8(5)	365,4(11)
1а. Наибольшая длина	414,0(2)	416,2(9)	424,5(4)	369,0(3)	375,0(9)
5. Наибольшая ширина верхнего эпифиза	85,5(2)	84,6(8)	80,5(4)	74,0(3)	77,3(8)
6. Наибольшая ширина нижнего эпифиза	59,0(3)	59,8(9)	55,8(4)	51,7(3)	53,1(9)
8а. Сагиттальный диаметр на уровне питательного отверстия	38,4(6)	40,6(9)	40,8(6)	35,0(6)	35,1(9)
9а. Поперечный диаметр на уровне питательного отверстия	27,5(6)	28,2(9)	25,6(6)	24,2(6)	23,8(9)
10в. Наименьшая окружность диафиза	84,8(6)	87,2(9)	86,1(8)	75,8(5)	77,7(11)
9а:8а. Указатель платикнемии	71,7(6)	69,6(9)	64,6(9)	69,1(6)	68,1(11)
10b:1. Указатель прочности	22,1(5)	21,4(9)	21,4(8)	20,6(3)	21,3(11)
Указатели					
R1:H1. Луче-плечевой	77,5(3)	76,9(8)	75,8(8)	75,5(3)	74,4(7)
R1:T1. Луче-берцовый	65,2(4)	65,7(7)	64,9(8)	64,6(4)	65,3(7)
H1:F2. Плече-бедренный	71,2(3)	72,3(7)	71,1(8)	71,2(3)	71,6(10)
T1:F2. Берцово-бедренный	84,9(4)	85,1(8)	83,7(9)	82,3(4)	82,4(10)
H1+R1):(F2+T1). Интермембральный	68,2(2)	69,3(7)	68,3(8)	68,3(3)	69,0(7)
Длина (см) и вес (кг) тела					
Длина по Пирсону и Ли	169,0	173,6	172,9	158,8	159,0
Длина по Дюпертюи и Хэддену	175,8	180,9	180,1	165,5	165,7
Длина по Троттер и Глезер	173,8	179,4	178,6	163,2	163,5
Длина по Дебецу	171,0	178,1	177,1	162,9	163,2
Вес по Дебецу	77,2	82,6	79,9	65,1	68,3

Примечание. I — климат зимой прекомфортный, летом комфортный; II — зимой умеренно дискомфортный, летом дискомфортный; III — зимой остро дискомфортный, летом умеренно дискомфортный (по: [Сухова, 2009]).

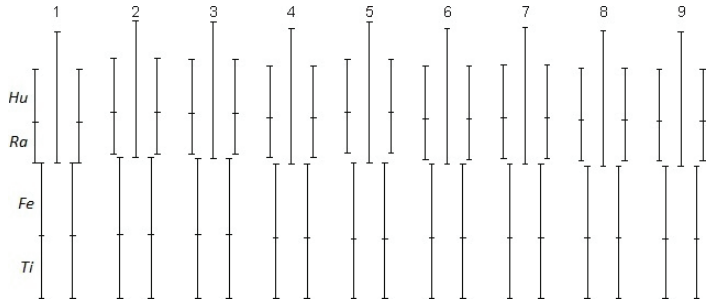

Рис. 2. Сравнительная характеристика длины и пропорций тела отдельных групп неолита — бронзы Евразии (средние по формуле Г.Ф. Дебеца):

Мужчины: Hu — плечевая кость; Ra — лучевая кость; Fe — бедренная кость; Ti — большая берцовая кость; 1–3 — энеолит-ранняя бронза Горного Алтая (1 — группы памятников А, В1, В2, В3; 2 — группы памятников Б, Г1, Г2; 3 — группы памятников Д, Е); 4 — афанасьевская культура Минусинской котловины; 5 — окуневская культура Минусинской котловины; 6 — днепро-донецкая общность, неолит Украины; 7 — древнеямная культура Украины; 8 — катакомбная культура Украины; 9 — Кара-Депе и Геоксюр, энеолит юга Средней Азии (суммарно).

Fig. 2. Comparative characteristics of body length and proportions of certain Neolithic — Bronze Age groups of Eurasia (average values according to the formula by G.F. Debets):

Men: Hu — Humerus; Ra — Radius; Fe — Femur; Ti — Tibia; 1–3 — Eneolithic — Early Bronze Age of the Mountainous Altai (1 — groups of monuments A, B1, B2, B3, 2 — groups of monuments Б, Г1, Г2, 3 — groups of monuments Д, Е); 4 — Afanasyevo culture of the Minusinsk Depression; 5 — Okunevo culture of the Minusinsk Depression; 6 — Dnieper-Donetsk community, the Neolithic of Ukraine; 7 — Ancient Yamna culture of Ukraine; 8 — Catacomb culture of Ukraine; 9 — Kara-Depe and Geoksyur, the Eneolithic of the south of Central Asia (in aggregate).

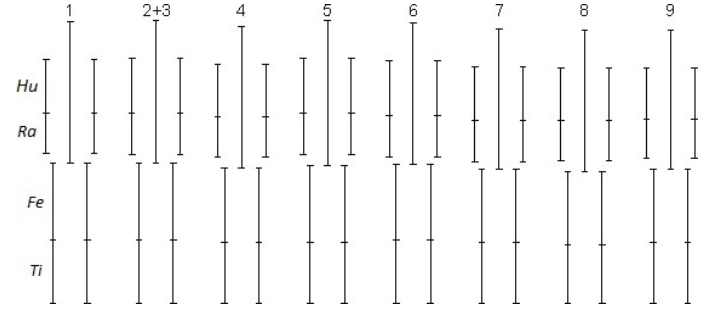

Рис. 3. Сравнительная характеристика длины и пропорций тела отдельных групп неолита — бронзы Евразии (средние по формуле Г.Ф. Дебеца):

Женщины: 2 + 3 — энеолит — ранняя бронза Горного Алтая, группы памятников Г1, Г2, Д, Е; остальные обозначения — те же, что на рис. 2.

Fig. 3. Comparative characteristics of body length and proportions of certain Neolithic — Bronze Age groups of Eurasia (average values according to the formula by G.F. Debets):

Women: 2 + 3 — Eneolithic — Early Bronze Age of the Mountainous Altai, groups of monuments Г1, Г2, Д, Е; the remaining legend is the same as in fig. 2.

Остеометрические параметры, а также во многом размеры и пропорции черепа групп энеолита — ранней бронзы из низкогорных районов Алтая с более комфортными биоклиматическими условиями сопоставимы с таковыми афанасьевского населения Минусинской котловины и шире — протоевропеоидных популяций степей Евразии этого времени. Вероятно, некоторые морфологические различия афанасьевского населения Алтая и Среднего Енисея, констатированные Г.Ф. Дебецем [1948] и В.П. Алексеевым [1961, 1981], объясняются не только исходным краниологическим полиморфизмом древнескотоводческого восточно-европейского населения энеолита — ранней бронзы [Солодовников, 2003, 2005, 2010]. Результаты исследования позволяют заключить, что отличия алтайских афанасьевцев в целом от минусинских, а также морфологическая дифференциация групп населения энеолита — ранней бронзы на территории Алтая могут определяться и особенностями биологической адаптации к условиям высокогорья и резко континентального климата Алтайской горной страны.

Новые полученные данные подтверждают результаты комплексного анализа морфологических признаков и маркеров стресса, показывающего в своей совокупности, что скелетная конституция населения афанасьевской культуры Горного Алтая представляет собой горный вариант степного морфотипа [Тур, Рыкун, 2006]. Ранее было выявлено, что в условиях холодового стресса и гипоксии

у населения афанасьевской культуры Горного Алтая основной приспособительной реакцией было усиление энергетических процессов за счет повышения основного обмена, что приводит к увеличению длины и веса тела. Возрастание объема костно-мозгового пространства, связанное с увеличением размеров длинных костей конечностей, в условиях средне- и высокогорья также оказалось полезным [Там же, с. 72]. Однако уменьшения индекса компактизации у алтайских афанасьевцев в связи с интенсификацией функции кроветворения в условиях высокогорий [Медникова, 2010] по сравнению с синхронным и предшествующим населением равнинных областей умеренного пояса Восточной Европы не наблюдается. По-видимому, перестройки кортикомедуллярных соотношений, связанных с адаптацией к гипоксии, у горно-алтайского населения энеолита — ранней бронзы не произошло [Тур, Рыкун, 2006], а объем костного мозга возрастал не за счет относительного уменьшения кортикального слоя, а за счет увеличения общих размеров.

Данные процессы биологической адаптации затронули, вероятно, главным образом популяции энеолита — ранней бронзы средне- и высокогорных районов Алтая, а относительная перестройка систем организма коснулась также краниального скелета, по-видимому, на основе корреляционных морфофункциональных связей размеров тела и головы. Увеличение размеров черепа, его высоты в особенности, у населения энеолита — ранней бронзы Алтая в целом, а также фиксирующееся в мужских группах увеличение ширины лица — те признаки, что отличают в среднем алтайских афанасьевцев от минусинских [Дебец, 1948; Алексеев, 1961; 1981], а также, как выявлено, алтайские средне- и высокогорные группы от низкогорных. Возможно, данные различия формировались под воздействием географических и биоклиматических факторов как результат отбора и адаптации к местным условиям мигрантного населения, осваивавшего новые для себя экологические ниши[5]. Причинами расселения в столь дискомфортных биоклиматических условиях, как в средне- и высокогорных районах Алтая, вероятно, являлись особенности хозяйственной деятельности древнескотоводческих коллективов энеолита — ранней бронзы, рассмотрение которых заслуживает отдельного исследования.

Выводы

Таким образом, анализ краниологических и остеологических материалов энеолита — ранней бронзы Алтая в их совокупности и в связи с климатогеографическими и биоклиматическими показателями позволяет выявить особенности биологической адаптации населения к местным условиям высокогорья и резко континентального климата Алтайской горной страны. Адаптация проявилась в еще большем увеличении размеров тела изначально высокорослого и крупного протоевропеоидного населения восточно-европейского происхождения. Это фиксируется на остеологических материалах в увеличении продольных и обхватных размеров длинных костей скелета групп населения из средне- и высокогорных районов по сравнению с контрольными выборками энеолита — ранней бронзы из низкогорных районов Алтая и афанасьевской культуры Минусинской котловины. Укрупнение размеров тела сопровождалось увеличением размеров черепной коробки, особенно ее высоты, а также отмечающимся в мужских группах увеличением ширины лицевого отдела при неизменности остальных расоводифференцирующих признаков. Данный процесс формообразования отличает население энеолита — ранней бронзы Горного Алтая как от популяций афанасьевской культуры Минусинской котловины, так и, по-видимому, от родственного населения этого периода восточно-европейских степей и лесостепей.

Благодарности

Авторы выражают искреннюю признательность коллегам-антропологам С.С. Тур, А.В. Громову и Д. Тумэн за возможность использовать неопубликованные данные. Также считаем своим долгом выразить огромную благодарность Т.А. Чикишевой за помощь в организации работы с оригинальными краниологическими материалами для уточнения их половой принадлежности, С.С. Тур за указание соответствия остеометрических данных конкретным скелетам из погребений энеолита — ранней бронзы Горного Алтая, С.И. Цембалюк за помощь в подготовке графической иллюстрации к работе. Благодарим Российский фонд фундаментальных исследований за финансовую поддержку (проекты № 18-09-00779А и 18-59-94020МОНКМа).

[5] Следует все же отметить, что на территории восточно-европейских степей в эпоху энеолита — ранней бронзы проживали группы протоевропеоидного облика со столь же массивной, крупной и высокой черепной коробкой и не менее широким лицом, чем у алтайского населения из средне- и высокогорных районов. В частности, они представлены краниологическими материалами из погребений новоданиловского типа и среднестоговской культуры раннего энеолита [Потехина, 1999], позднего энеолита из Дериивки I [Зиневич, 1967], а также различных групп древнеямной общности от Днепра до Урала.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Агатова А.Р., Назаров А.Н., Непоп Р.К., Орлова Л.А. Радиоуглеродная хронология гляциальных и климатических событий голоцена Юго-Восточного Алтая (Центральная Азия) // Геология и геофизика. 2012. Т. 53. № 6. С. 712–737.

Аксянова Г.А., Евтеев А.А. Межгрупповая изменчивость полового диморфизма в строении черепа у коренного населения Северной и Центральной Азии // ЭО. 2009. № 1. С. 61–79.

Алексеев В.П. Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья эпохи неолита и бронзы // Антропол. сборник III. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 107–206.

Алексеев В.П. Остеометрия: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 251 с.

Алексеев В.П. Палеоантропология земного шара и формирование человеческих рас: Палеолит. М.: Наука, 1978. 284 с.

Алексеев В.П. О происхождении древнейшего европеоидного населения Минусинской котловины // Вопросы этнографии Хакасии. Абакан: ХакНИИЯЛИ, 1981. С. 4–10.

Алексеев В.П. Географические очаги формирования человеческих рас. М.: Мысль, 1985. 236 с.

Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул: Азбука, 2014. 380 с.

Гармс Е.О., Сухова М.Г., Ромашова Т.В. Рекреационная оценка биоклимата трансграничной территории Алтая // Вестник ТГУ. 2013. № 370. С. 148–155.

Грязнов М.П. Афанасьевская культура на Енисее. СПб.: Дм. Буланин, 1999. 136 с.

Дашковский П.К., Степанова Н.Ф. Инской Дол — памятник эпохи ранней бронзы в Западном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. № 1. С. 41–50.

Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 392 с.

Дебец Г.Ф., Дурново Ю.А. Физическое развитие людей эпохи энеолита в Южной Туркмении // СЭ. 1971. № 1. С. 26–35.

Зиневич Г.П. Очерки палеоантропологии Украины. Киев: Наук. думка, 1967. 223 с.

Круц С.И. Палеоантропологические исследования степного Приднепровья (эпоха бронзы). Киев: Наук. думка, 1984. 208 с.

Медникова М.Б. Древние скотоводы Южной Сибири: Палеоэкологическая реконструкция по данным антропологии. М.: ИА РАН, 1995. 216 с.

Медникова М.Б. Курота-2 и Куюм: Данные антропологии к реконструкции условий жизни алтайских афанасьевцев // Афанасьев. сборник. Барнаул: Азбука, 2010. С. 200–224.

Модина Т.Д. Климаты Республики Алтай. Новосибирск. Издательство НГУ, 1997. 177 с.

Ненашева Г.И. Растительность и климат голоцена межгорных котловин Центрального Алтая. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2013. 164 с.

Поляков А.В. Радиоуглеродные даты афанасьевской культуры // Афанасьев. сборник. Барнаул, 2010. С. 158–171.

Поляков А.В., Святко С.В., Степанова Н.Ф. Новые данные по радиоуглеродной хронологии памятников афанасьевской культуры Алтая // Труды V (XXI) Всерос. археол. съезда в Барнауле — Белокурихе: В 3 т. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2017. Т. III. С. 62–66.

Потехина И.Д. Население Украины в эпохи неолита и раннего энеолита по антропологическим данным. Киев: ИА НАНУ, 1999. 208 с.

Ревякин В.С., Галахов В.П., Голещихин В.С. Горно-ледниковые бассейны Алтая. Томск: ТГУ, 1979, 309 с.

Ревякин В.С., Ревякина Н.В., Малиновский А.В. География Алтайского края. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1995. 136 с.

Русанов Г.Г. Озера и палеогеография Северного Алтая в позднем неоплейстоцене и голоцене. Бийск: БПГУ, 2007. 164 с.

Русанов Г.Г. Изменения климата и ландшафтов среднегорья Восточного Алтая в суббореальном периоде голоцена // Известия РАН. Сер. геогр. 2009. № 5. С. 101–106.

Русанов Г.Г. Изменения климата Чуйской котловины Горного Алтая в голоцене по фауне остракод // Успехи современного естествознания. 2010. № 10. С. 20–25.

Солодовников К.Н. Материалы к антропологии афанасьевской культуры // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2003. № 10. С. 3–27.

Солодовников К.Н. Антропологические материалы из могильника Сальдяр I в связи с вопросами происхождения афанасьевской культуры // О.В. Ларин. Афанасьевская культура Горного Алтая: Могильник Сальдяр-1. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. Приложение 1. С. 120–154.

Солодовников К.Н. Антропологические материалы афанасьевской культуры: К проблеме происхождения // Вестник антропологии. М.: Проект-Ф, 2009. Вып. 17. С. 117–135.

Солодовников К.Н. Черепа из погребений афанасьевской культуры Средней и Нижней Катуни // Афанасьев. сборник. Барнаул: Азбука, 2010. С. 233–244.

Солодовников К.Н., Рыкун М.П. К вопросу об автохтонном компоненте в составе населения энеолита-бронзы Горного Алтая: Материалы из коллекции и архива кабинета антропологии Томского госуниверси-

тета // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 1. С. 46–59. [Электрон. ресурс]. URL: http://www.ipdn.ru/_private/va40.htm.

Соломина О.Н. Горное оледенение Северной Евразии в голоцене. М.: Науч. мир, 1999. 272 с.

Степанова Н.Ф. Погребения куротинского типа эпохи бронзы в Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. Т. XV. С. 391–395.

Степанова Н.Ф. Арагольский и улитинский типы погребений эпохи бронзы (Горный Алтай) // Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы. Барнаул: Слово, 2010. С. 24–37.

Сухова М.Г. Эколого-климатический потенциал ландшафтов Алтае-Саянской горной страны для жизнедеятельности населения и рекреационного природопользования: Автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. Томск, 2009. 37 с.

Сухова М.Г., Русанов В.И. Климаты ландшафтов Горного Алтая и их оценка для жизнедеятельности человека. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. 150 с.

Толеубаев А.Т., Жуматаев Р.С., Шагирбаев М.С., Ожаубаев А.С. Предварительные итоги археологических исследований на могильниках Айнабулак-1 и Улкен Каратал в полевом сезоне 2017 года // Алтай — туркі әлемінің алтын бесігі. Өскемен, 2017. Б. 172–192.

Тур С.С., Рыкун М.П. Палеоэкология афанасьевской культуры // А.П. Погожева, М.П. Рыкун, Н.Ф. Степанова, С.С. Тур. Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Барнаул: Азбука, 2006. С. 1. С. 60–114.

Хохлов А.А., Солодовников К.Н., Рыкун М.П., Кравченко Г.Г., Китов Е.П. Краниологические данные к проблеме связи популяций ямной и афанасьевской культур Евразии начального этапа бронзового века // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 3 (34). С. 86–106. [Электрон. ресурс]. URL: http://www.ipdn.ru/rics/va/_private/va34.htm.

Чикишева Т.А. Характеристика палеоантропологического материала памятников Бертекской долины // Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок). Новосибирск: Наука, 1994. С. 157–175.

Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита-раннего железа. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. 468 с.

Allentoft M.E., Sikora M., Sjögren K.G. et al. Population genomics of Bronze Age Eurasia // Nature. 2015. Vol. 522. No 7555. P. 167–172. doi: 10.1038/nature14507.

De Barros Damgaard P., Marchi N., Rasmussen S. et al. 137 ancient human genomes from across the Eurasian steppes // Nature. 2018a. Vol. 557. No 7705. P. 369–374. doi: 10.1038/s41586-018-0094-2.

De Barros Damgaard P., Martiniano R., Kamm J. et al. The first horse herders and the impact of Early Bronze Age steppe expansions into Asia // Science. 09 May 2018b. Vol. 360. No. 6396. doi: 10.1126/science.aar7711.

Evteev A., Cardini A.L., Morozova I., O'Higgins P. Extreme climate, rather than population history, explains mid-facial morphology of northern Asians // Amer. Journal of Physical Anthropology. 2014. Vol. 153. No 3. P. 449–462. doi: 10.1002/ajpa.22444.

Evteev A.A., Movsesian A.A., Grosheva A.N. The association between mid-facial morphology and climate in northeast Europe differs from that in north Asia: Implications for understanding the morphology of Late Pleistocene Homo sapiens // Journal of Human Evolution. 2017. Vol. 107. P. 36–48. doi: 10.1016/j.jhevol.2017.02.008.

Hollard C., Zvénigorosky V., Kovalev A. et al. New genetic evidence of affinities and discontinuities between Bronze Age Siberian populations // Amer. Journal of Phys. Anthropology. 2018. Vol. 167. No 1. P. 97–107. doi: 10.1002/ajpa.23607.

K.N. Solodovnikov*, G.G. Kravchenko, M.P. Rykun****

*Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: solodk@list.ru
**National Research Tomsk State University
Lenina prospect, 36, Tomsk, 634050, Russian Federation
E-mail: ggk_07@mail.ru;
m_rykun@mail.ru

MORPHOLOGICAL FEATURES OF THE ENEOLITHIC — EARLY BRONZE POPULATION AS A RESULT OF ADAPTATION TO THE GEOGRAPHICAL AND BIOCLIMATIC CONDITIONS OF THE ALTAI HIGHLANDS

This paper is aimed at scrutinizing the dependence between the morphological features of the Eneolithic — Early Bronze population and the geographical and bioclimatic conditions in the Altai valleys and intermountain basins. Across the territory of the Altai highlands, we have identified several local-territorial groups of archaeological sites dating to the period under study. Most of them belong to the Afanasyevo culture, with the rest being represented by the Kurota, Aragol and Ulita cultural types that have been recently designated from the Afanasyevo culture. For each group, in accordance with their geographical localization, we have calculated geographical and bioclimatic parameters. The comparison of these parameters with the characteristics of the corresponding craniological series has allowed us to reveal the main trends of intergroup variability within the Eneolithic — Early Bronze Altai population. A considerable and statis-

tically significant correlation is found between the morphological parameters, such as the height of the cranium, general sizes of a cranial cavity and the width of the face, and geographic and bioclimatic parameters characterizing the severity of the climate and the mountain height above sea level. In terms of other race-demarcating characteristics, no significant difference has been revealed between the territorial groups of the Altai Eneolithic — Early Bronze population characterized by the proto-European type. The identified variations correspond to the previously established differences between the total series of skulls of the Afanasyevo culture from the Altai highlands and the Minusinsk Hollow, as well as to two craniological types defined as the main anthropological components of the Afanasyevo culture population in Southern Siberia. The first of these types, prevailing among the Altai Afanasyevo culture population, is markedly hypermorphic and characterized by a higher and, in general, a larger skull. The second type, determining the craniological specifics of the unicultural population in the Minusinsk Hollow, is moderately hypermorphic and characterized by a smaller and, importantly, less high skull. Our findings suggest that these differences are associated in many respects with a general increase in the body size in populations having lived in the most bioclimatically unfavourable areas of the Altai highlands. This is evidenced by an increase in the longitudinal and girth dimensions of the long skeletal bones of the Altai Eneolithic — Early Bronze population having inhabited the mid-mountain and high-mountain Altai areas compared with the control samples from the low-mountain Altai regions and the Afanasyevo culture from the Minusinsk Hollow. Therefore, according to the calculated parameters, the population from the bioclimatically unfavourable Altai regions was characterized by a rather large weight and height among all the studied ancient Neolithic — Bronze Eurasian groups. Thus, our study confirms that the main mechanism of biological adaptation to the severe mountain environment of the Altai highlands among the Eneolithic — Early Bronze population was the enhancement of energy processes by means of increasing standard metabolism. As a result, the initially tall and large proto-European population was becoming even larger.

Key words: Afanasyevo culture, the Eneolithic and the Bronze Age, the Altai Mountains, paleoanthropology, craniometry, osteometry, bioclimate.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-120-135

REFERENCES

Agatova A.R., Nazarov A.N., Nepop R.K., Orlova L.A. (2012). Radiocarbon chronology of the glacial and climatic events of the Holocene of the South-Eastern Altai (Central Asia). *Geologiia i geofizika, 53*(6), 712–737.

Aksianova G.A., Evteev A.A. (2009). Variability of the sexual dimorphism in the crania among indigenous populations of Northern and Central Asia. *Etnograficheskoe obozrenie*, (1), 61–79.

Alekseev V.P. (1961). Paleoanthropology of the Altai-Sayan Highland during the Neolithic and the Bronze Age. *Antropologicheskii sbornik III*, Moscow: Izd-vo AN SSSR, 107–206.

Alekseev V.P. (1966). *Osteometry: Methodology of anthropological researches*, Moscow: Nauka.

Alekseev V.P. (1978). *Paleoanthropology of the Earth and formation of human races: The Paleolithic*, Moscow: Nauka.

Alekseev V.P. (1981). On the origins of the most ancient Caucasoid population of the Minusinsk Depression. *Voprosy etnografii Khakasii*, Abakan: KhakNIIIaLIS, 4–10.

Alekseev V.P. (1985). *Geographical foci of the formation of human races*, Moscow: Mysl'.

Allentoft M.E., Sikora M., Sjögren K.G. et al. (2015). Population genomics of Bronze Age Eurasia. *Nature, 522*(7555), 167–172. doi: 10.1038/nature14507.

Chikisheva T.A. (1994). Characteristics of paleoanthropological materials of the Bertek valley monuments. *Drevnie kul'tury Bertekskoidoliny (Gornyi Altai, ploskogor'e Ukok)*, Novosibirsk: Nauka, 157–175.

Chikisheva T.A. (2012). *Dynamis of anthropological differentiation of the population of Southern parts of Western Siberia in the Neolithic and the Early Iron Age*, Novosibirsk: IAET SO RAN.

Dashkovsky P.K., Stepanova N.F. (2018). Inskoy Dol: A new Early Bronze Age site in Western Altai. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, (1), 41–50.

De Barros Damgaard P., Marchi N., Rasmussen S. et al. (2018a). 137 ancient human genomes from across the Eurasian steppes. *Nature, 557*(7705), 369–374. doi: 10.1038/s41586-018-0094-2.

De Barros Damgaard P., Martiniano R., Kamm J. et al. (2018b). The first horse herders and the impact of Early Bronze Age steppe expansions into Asia. *Science*, 360(6396). doi: 10.1126/science.aar7711.

Debets G.F. (1948). *Paleoanthropology of the USSR*, Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR.

Debets G.F., Durnovo Iu.A. (1971). Long bones from eneolithic burial grounds in Turkmenia. *Sovetskaia etnografiia*, (1), 26–35.

Evteev A., Cardini A.L., Morozova I., O'Higgins P. (2014). Extreme climate, rather than population history, explains mid-facial morphology of northern Asians. *American Journal of Physical Anthropology, 153*(3), 449–462. doi: 10.1002/ajpa.22444.

Evteev A.A., Movsesian A.A., Grosheva A.N. (2017). The association between mid-facial morphology and climate in northeast Europe differs from that in north Asia: Implications for understanding the morphology of Late Pleistocene Homo sapiens. *Journal of Human Evolution*, (107), 36–48. doi: 10.1016/j.jhevol.2017.02.008.

Garms E.O., Sukhova M.G., Romashova T.V. (2013). Bioclimate recreation assessment of the Altai transborder territory. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, (370), 148–155.

Griaznov M.P. (1999). *The Afanasievo culture at the Enisei river*, St. Petersburg: Dmitrii Bulanin.

Hollard C., Zvénigorosky V., Kovalev A. et al. (2018). New genetic evidence of affinities and discontinuities between bronze age Siberian populations. *American Journal of Physical Anthropology, 167*(1), 97–107. doi: 10.1002/ajpa.23607.

Khokhlov A.A., Solodovnikov K.N., Rykun M.P., Kravchenko G.G., Kitov E.P. (2016). Craniological data regarding the problem of connections between Yamnaya and Afanasievo cultures of Eurasia of the early stage of the Bronze Age. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (3), 86–106. Retrieved from http://www.ipdn.ru/rics/va/_private/va34.htm.

Kruc S.I. (1984). *Paleoanthropological research of the Steppe Cis-Dnieper region (Bronze Age)*, Kiev: Naukova dumka.

Mednikova M.B. (1995). *Ancient cattle breeders of South Siberia: Paleoecological reconstruction according to anthropological data*, Moscow: IA RAN.

Mednikova M.B. (2010). Kurota-2 and Kuium: Anthropological data towards reconstruction of life conditions of the Altai Afanasievo population. *Afanas'evskii sbornik*, Barnaul: Azbuka, 200–224.

Modina T.D. (1997). *Climates of the Altai Republic*, Novosibirsk: NGU.

Nenasheva G.I. (2013). *Vegetation and climate of the Holocene of intermountain basins of the Central Altai*, Barnaul: AltGU.

Polyakov A.V. (2010). Radiocarbon dates for the Afanasyevo culture. *Afanas'evskij sbornik*, Barnaul: Azbuka, 158–171.

Poliakov A.V., Sviatko S.V., Stepanova N.F. (2017). New data on the radiocarbon chronology of the Afanasievo culture monuments of the Altai Mountains. *Trudy V (XXI) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Barnaule — Belokurikhe*, (III), Barnaul: AltGU, 62–66.

Potehina I.D. (1999). *The population of Ukraine in the Neolithic and Early Chalcolithic Age according to anthropological data*, Kiev: IA NANU.

Reviakin V.S., Galakhov V.P., Goleshchikhin V.S. (1979). *Mountain-glacial basins of the Altai Mountains*, Tomsk: TGU.

Reviakin V.S., Reviakina N.V., Malinovskii A.V. (1995). *Geography of the Altai Territory*, Barnaul: Altaiskoe knizhnoe izd-vo.

Rusanov G.G. (2007). *Lakes and paleogeography of the Northern Altai in the Late Neopleistocene and the Holocene*, Biisk: BPGU.

Rusanov G.G. (2009). Changes in the climate and landscapes of the Eastern Altai middle altitudes in the Holocene Subboreal period. *Izvestiia RAN. Seriia geograficheskaia*, (5), 101–106.

Rusanov G.G. (2010). Climate changes in the Chui Basin of the Mountainous Altai in the Holocene based on the ostracod fauna. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniia*, (10), 20–25.

Solodovnikov K.N. (2003). Materials to the anthropology of the Afanasievo culture. *Drevnosti Altaia*, (10), Gorno-Altaisk: GAGU, 3–27.

Solodovnikov K.N. (2005). Anthropological materials from the burial ground of Saldiar I in connection to the origins of the Afanasievo culture. In O.V. Larin. *Afanas'evskaia kul'tura Gornogo Altaia: Mogil'nik Sal'diar-1*, Barnaul: AltGU, 120–154.

Solodovnikov K.N. (2009). Anthropological materials of the Afanasyevo culture: Problem of the origin. *Vestnik antropologii*, (17), 117–135.

Solodovnikov K.N. (2010). Skulls from burials of the Afanasievo culture on the Middle and Lower Katun river. *Afanas'evskii sbornik*, Barnaul: Azbuka, 233–244.

Solodovnikov K.N., Rykun M.P. (2018). An autochthonous component in the composition of the population of the Eneolithic-Bronze Age in the Altai Mountains revisited: Materials from the collection and archive of the anthropology room at Tomsk State University. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (1), 46–59. Retrieved from http://www.ipdn.ru/_private/va40.htm.

Solomina O.N. (1999). *Mountain glaciation of Northern Eurasia in the Holocene*, Moscow: Nauchnyi mir.

Stepanova N.F. (2009). Bronze Age Kurota type burials in the Mountainous Altai. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii, XV*, Novosibirsk: IAET SO RAN, 391–395.

Stepanova N.F. (2010). Aragolsky and Ulitinsky types of burial grounds of the Bronze Age (the Altai Mountains). *Khoziaistvenno-kul'turnye traditsii Altaia v epokhu bronzy*, Barnaul: Slovo, 24–37.

Sukhova M.G. (2009). *Ecological and climatic potential of landscapes of the Altai-Sayan Upland for vital activity of the population and recreational wildlife management*, Tomsk.

Sukhova M.G., Rusanov V.I. (2004). *Landscape climates of the Mountainous Altai and their assessment for human life*, Novosibirsk: Izd-vo SO RAN.

Toleubaev A.T., Zhumataev R.S., Shagirbaev M.S., Ozhaubaev A.S. (2017). Preliminary results of archaeological researches at Ainabulak-1 and Ulken Karatal burial grounds in 2017 field season. *Altai — tyrki әleminің altyn besigi*, Өskemen, 172–192.

Tur S.S., Rykun M.P. (2006). Palaeoecology of the Afanasievo culture. In A.P. Pogozheva, M.P. Rykun, N.F. Stepanova, S.S. Tur. *Epokha eneolita i bronzy Gornogo Altaia, 1*, Barnaul: Azbuka, 60–114.

Vadetskaia E.B., Poliakov A.V., Stepanova N.F. (2014). *Collection of the Afanasievo culture settlements*, Barnaul: Azbuka.

Zinevich G.P. (1967). *Essays on the Ukraine's paleoanthropology*, Kiev: Naukova dumka.

Т.А. Сюткина

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
Ленинский проспект, 32а, Москва, 119991
E-mail: syuttaya@gmail.com

ИСКУССТВЕННАЯ ДЕФОРМАЦИЯ ЧЕРЕПА У АБОРИГЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ДОКОЛУМБОВОЙ КУБЫ

Рассматривается феномен искусственной деформации черепа, практиковавшейся коренным населением Кубы до его столкновения с европейской цивилизацией (VIII–XV вв. н.э). Предпринята попытка охарактеризовать деформированные черепа, сравнить их с недеформированной краниологической серией из того же региона и поставить вопрос о возможных территориальных различиях в способах деформации между населением Кубы и соседнего острова Гаити. В статье делаются выводы о значительном разнообразии деформированной серии и роли индивидуальных различий, а также о возможном существовании территориальной изменчивости в технике наложения деформирующего аппарата.

Ключевые слова: палеоантропология, искусственная деформация черепа, Антильские острова, антропология Кубы, таино, сибонеи.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-136-146

Введение

Практика искусственной деформации черепа некогда была широко распространена во всем мире, дожив в некоторых отдаленных местах до середины XX в. В настоящее время эта яркая культурная традиция нигде не зафиксирована и, оставшаяся в прошлом, представляет особенный интерес для палеоантропологического изучения.

Т.Д. Стюарт [Stewart, 1950] выделял три центра бытования практики искусственной деформации черепа в Америке — карибское и тихоокеанское побережья и Патагония. Первые свидетельства искусственной деформации черепа на континенте относятся к IV тыс. до н.э.: у носителей культуры Вальдивия на южном побережье Эквадора и в Чили среди носителей культуры чинчорро [Munizaga, 1987, p. 119]. Скорее всего, в Новый Свет традиция попала из Старого, хотя не исключено, что происхождение каждого типа деформации нужно рассматривать отдельно.

Карибский ареал (по Стюарту) характеризуется в целом распространением одного, лобно-затылочного (табулярного) косого, типа деформации. Это один из трех типов, выделяемых в рамках классификации Х. Имбеллони [Dembo, Imbelloni, 1938] — классика изучения искусственной деформации в Америке, чья терминология используется в абсолютном большинстве публикаций на эту тему. Другие два типа — это табулярная и кольцевая деформации. По Имбеллони, табулярная деформация производилась при помощи дощечек, фиксируемых на голове ребенка или специальной жесткой колыбели. Однако впоследствии эта система подвергалась объективной критике (см., напр.: [Weiss, 1958]) из-за ошибочности отождествления способа и формы деформации, и за табулярной закрепилось более корректное название лобно-затылочной деформации. В общих чертах можно сказать, что при косой лобно-затылочной деформации оси наклона лобной и затылочной костей примерно параллельны друг другу и лоб резко уходит назад, а при прямой форме затылок более или менее перпендикулярен франкфуртской горизонтали. Кольцевая деформация производилась при помощи тугой круговой повязки, сужающей и «вытягивающей» черепную коробку назад.

Происхождение искусственной деформации черепа на Антильских островах традиционно связывают с саладоидными группами — производителями керамики одноименного стиля, названного так по археологическому памятнику Саладеро в Венесуэле. Саладоиды общепризнанно считаются предками антильских земледельцев, практиковавших деформацию, однако не существует палеоантропологических материалов, представленных черепами с деформацией, найденных в ассоциации с саладоидным инвентарным комплексом. Это оставляет пространство для альтернативных гипотез, одна из которых была выдвинута пуэрториканским археологом и антропологом Э. Креспо Торресом [Crespo Torres, 2010]. По его мнению, практику деформа-

ции на островах следует связывать не с саладоидами, а с синхронной им группой иммигрантов-земледельцев из Южной Америки, называемой уэкоидами, носителями культурного комплекса ля Уэка.

Теоретически нельзя исключать и вероятность того, что искусственная деформация черепа была заимствована жителями Антильских островов у майя Мезоамерики, где эта традиция больше чем на тысячелетие старше, чем в Карибском регионе [Tiesler, 2010, p. 291; Romano, 1974]. Однако пока вопрос о происхождении там деформации приходится оставить открытым из-за недостатка палеоантропологических материалов.

Целью настоящей работы является изучение деформированных черепов коренного индейского населения Кубы, в разное время найденных на территории острова и составляющих остеологические коллекции нескольких кубинских музеев. Для того чтобы охарактеризовать изменения, происходящие с черепной коробкой в результате деформации, было проведено сравнение деформированной серии с недеформированной. Это также позволило сравнить изменчивость внутри каждой из групп. Кроме того, присутствие в деформированной серии четырех индивидов из Доминиканской Республики позволили поставить вопрос о территориальной дифференциации форм модифицированных черепных коробок.

Население, не практиковавшее искусственную деформацию черепа, является более древним и носит собирательное название «сибонеи». Мезолитическая культура сибонеев существовала на острове примерно со II тыс. до н.э. до самого контакта с европейцами, памятники этой культуры встречаются по всему острову, с востока до запада. К тому моменту, как Колумб со спутниками прибыли на Кубу, некоторое количество их еще проживало на западе острова, в нынешней провинции Пинар-дель-Рио. Сибонеи вели охотничье-собирательский образ жизни, не производили керамику, но по крайней мере некоторые их группы практиковали земледелие в зачаточном виде [Chinique de Armas et al., 2015].

Об этом населении достоверно известно немного, название «сибонеи» является условным, как условна и целостность этого населения — и археологически [Izquierdo Díaz, 2015], и морфологически [Сюткина, 2017]. Объединяет сибонеев в первую очередь признак отсутствия следов искусственной деформации черепа на найденных костных останках.

К XVIII в. н.э. с о. Гаити на Кубу перебрались аравакоязычные земледельческие группы таино — именно это население оставило деформированные черепа, исследуемые в данной работе. Таино, потомки саладоидов из долины Ориноко в Южной Америке, практиковали поголовную искусственную деформацию черепа лобно-затылочного косого типа по классификации Имбеллони. Вероятно, они захватили остров, вытеснив охотников-собирателей на самый запад, и именно их встретили на острове европейцы [Torres Etayo, 2006, p. 33–36].

Материалы и методы

Итак, палеоантропологические материалы остаются фактически единственным доступным источником, позволяющим получить знания о практике искусственной деформации. В нашем распоряжении оказались материалы коллекции Антропологического музея Монтане в Гаване, несколько индивидов из других музеев, находящихся в городах Матансас, Баракоа и Сантьяго, и индивидуальные краниометрические данные, опубликованные В.В. Гинзбургом [1967] и В.П. Алексеевым [1986]. Все они происходят с территории Кубы, за исключением четырех индивидов (трех — мужского пола и одного — женского), хранящихся также в музее Монтане, но имеющих доминиканское происхождение. Всего было проанализировано 38 деформированных черепов (из них 34 с Кубы и 4 из Доминиканы) и 35 недеформированных.

Обе серии являются сборными — они состоят из материалов, происходящих из разных районов острова, собранных в разное время с конца XIX в. зачастую не профессиональными археологами, а любителями или даже просто местными жителями, исследующими пещеры в поисках гуано. Отсюда проистекает главная археологическая трагедия кубинских материалов — большинство из них полностью деконтекстуализировано и для них известен лишь примерный район происхождения. Так, например, значительная часть черепов таино, хранящихся в музее Монтане, происходит из Маиси — небольшой области на самом востоке острова. Скорее всего, они вошли в состав коллекции в результате исследований американского археолога М. Харрингтона в начале XX в., однако несомненно это в отношении лишь некоторых из них. К счастью, в последнее время все меняется к лучшему, и находки из раскопок сибонейского памятника Канимар Абахо, проводимых Институтом антропологии АН Кубы, Провинциальным музеем

Матансас и музеем Монтане Университета Гаваны, тщательно документируются, однако пока таких материалов меньшинство.

Отсутствие археологического контекста и радиоуглеродных дат для большей части находок является серьезным ограничением при работе с костными останками с этой территории. Другая сложность — для культуры таино неизвестны недеформированные черепа, т.е. невозможно произвести сравнение деформированных и соответствующих физиологической норме индивидов из одной и той же популяции и достоверно выяснить, каким образом деформация влияет на морфологию черепа. Однако имеющиеся материалы позволяют охарактеризовать деформированные черепа, сравнить внутригрупповую изменчивость в каждой серии, поставить вопрос о территориальной дифференциации.

Характеристики мозгового отдела черепа изучались при помощи следующих краниометрических признаков: продольный, поперечный и высотный диаметры черепа, длина основания черепа, наименьшая и наибольшая ширина лба, ширина основания черепа, ширина затылка, хорды и дуги лобной, теменной и затылочной костей и соответствующие указатели, высота изгиба лба и затылка и угол наклона лба от назиона и от глабеллы, измеряемый при помещении черепа в штатив Моллисона. Все признаки измерялись в соответствии с рекомендациями отечественной краниометрической школы, сформулированными в методическом пособии В.П. Алексеева и Г.Ф. Дебеца [1964]. Статистический анализ и построение графиков выполнены в программе RStudio [RStudio Team, 2015].

Результаты

В таблицах 1 и 2 приведены основные статистические показатели для двух исследованных групп (для мужской и женской их половин соответственно). Сравнивая непосредственно значения признаков, можно отметить, что черепа таино устойчиво превосходят черепа сибонеев по широтным размерам и уступают последним по длине и высоте, имеют значительно более плоскую лобную и более короткие теменные кости. Как уже говорилось, эти отличия могут в некоторой степени объясняться естественной разницей между двумя популяциями, однако, поскольку значения ряда признаков в серии таино выходят за верхние границы очень больших значений [Алексеев, Дебец, 1964, с. 114–127], полагаем, что искусственная деформация сыграла существенную роль в появлении этих отличий. Более интересным представляется следующее наблюдение: в абсолютном большинстве случаев показатели вариации — стандартное отклонение и общий размах значений в серии таино превосходят таковые в серии сибонеев. Это особенно показательно потому, что деформированная серия представлена индивидами почти наверняка единой популяции, в то время как о сибонеях этого сказать нельзя — единственным надежным объединяющим их признаком является как раз отсутствие деформации. Следовательно, результат влияния деформирующего аппарата на череп мог значительно варьироваться, порождая каждый раз уникальную форму.

В целом черепа таино характеризуются средней длины очень широкой и очень низкой черепной коробкой, т.е. по пропорциям они гипербрахикранные, ортокранные и тапейнокранные. Средней ширины лоб очень уплощен и резко уходит назад, иногда на нем видны резко выраженные следы воздействия давящей повязки, накладывавшейся на лоб индивида в детском возрасте. Высота изгиба лба очень мала, ее значение существенно ниже нижней границы категории самых малых значений. Затылок при этом, наоборот, имеет высоту изгиба несколько бóльшую. У черепов таино широкие затылки и очень широкое основание (эта особенность серии, скорее всего, не связана с деформацией).

Черепа сибонеев в среднем характеризуются мезокранией, по высотно-продольному указателю черепа гипсикранные, по высотно-поперечному — акрокранные. Причиной тому служит в среднем достаточно большой высотный диаметр (входит в категорию средних в мировом масштабе, приближается к большим) при малых продольном и поперечном диаметрах. Наименьшая и наибольшая ширина лба малые, лобно-поперечный указатель относится к категории средних. Указатель изгиба лба большой, теменной и затылочной костей — средний. В категорию средних входит также абсолютный размер ширины затылка.

Сравнение деформированной и недеформированной серий с применением непараметрического критерия Манна — Уитни выявило значимые статистические различия по следующим использующимся в исследовании признакам: поперечный диаметр, высотный диаметр, наименьшая и наибольшая ширина лба, ширина основания черепа, ширина затылка, теменная дуга

и теменная хорда, указатель изгиба лба, высота изгиба лба, угол профиля лба от назиона и от глабеллы (табл. 3). Результаты одинаковые для мужских и женских серий за единственным исключением: по высоте черепа наблюдаются различия между деформированными и недеформированными черепами только в мужской серии. Таким образом, статистическая проверка подтверждает сделанный ранее вывод, что деформированные черепа отличаются значительным увеличением широтных размеров, длиной теменной кости и изгибом — лобной.

Таблица 1

Основные статистические показатели в сериях таино и сибонеев. Мужские черепа

Table 1

Main statistics for the Taino and Ciboney male samples

Признак	Группа	*n*	mean	sd	median	min	max	range
1. Продольный диаметр	Ciboney	20	172,4	5,9	172	162	188	26
	Taíno	23	171,8	5,5	171	165	183	18
8. Поперечный диаметр	Ciboney	17	134,3	3,4	134	129	141	12
	Taíno	23	154,3	5,5	154	144	166	22
17. Высотный диаметр	Ciboney	15	134,5	5,2	134	126	144	18
	Taíno	18	125,9	5,1	127	116	134	18
5. Длина основания черепа	Ciboney	15	97,6	3,0	98	93	103	10
	Taíno	18	97,2	4,2	96,5	92	107	15
9. Наименьшая ширина лба	Ciboney	21	92,6	5,3	92	84	103	19
	Taíno	21	96,2	3,5	96	85	102	17
10. Наибольшая ширина лба	Ciboney	20	110,8	5,8	112,5	95	118	23
	Taíno	21	121,7	6,1	121	114	141	27
11. Ширина основания черепа	Ciboney	17	123	4,2	123	114	131	17
	Taíno	22	135,5	4,2	136	127	143	16
12. Ширина затылка	Ciboney	18	105,2	5,0	104,5	99	115	16
	Taíno	22	113,6	5,7	113	105	133	28
26. Лобная дуга	Ciboney	24	119,4	5,7	118,5	111	134	23
	Taíno	25	117,7	5,9	117	107	132	25
27. Теменная дуга	Ciboney	20	126	5,6	125,5	118	138	20
	Taíno	25	108,9	9,6	110	85	127	42
28. Затылочная дуга	Ciboney	19	110,2	7,4	111	99	129	30
	Taíno	20	113,2	10,9	114,5	87	136	49
29. Лобная хорда	Ciboney	24	107,1	4,9	106,5	99	120	21
	Taíno	25	109,5	5,2	108	101	125	24
30. Теменная хорда	Ciboney	20	110,7	4,0	111,5	102	116	14
	Taíno	25	97	7,3	98	80	107	27
31. Затылочная хорда	Ciboney	19	94,7	4,0	95	88	102	14
	Taíno	20	97,5	7,3	97	81	111	30
29/26. Указатель изгиба лба	Ciboney	24	89,7	2,4	89,7	80,2	92,2	12
	Taíno	25	93	1,8	93,5	89,3	96,4	7,1
30/27. Указатель изгиба темени	Ciboney	20	87,9	2,1	87,8	83,3	91,9	8,6
	Taíno	25	89,2	3,2	89,5	81,1	94,2	13,1
31/28. Указатель изгиба затылка	Ciboney	19	86,1	3,2	86,5	75,2	89,2	14
	Taíno	20	86,4	4,2	85,7	76,1	93,1	17
Sub.NB. Высота изгиба лба	Ciboney	23	21,6	2,3	21,2	17,4	25,5	8,1
	Taíno	25	15,4	3,2	15,3	11	21,5	10,5
Высота изгиба затылка	Ciboney	17	24,4	2,9	24	21	32,6	11,6
	Taíno	19	24,6	4,7	24,4	16,5	37,7	21,2
32. Угол профиля лба от назиона	Ciboney	15	81,8	3,9	82	76	88	12
	Taíno	16	67,6	6,2	67	57	81	24
GM/FH. Угол профиля лба от глабеллы	Ciboney	15	76,3	3,3	76	72	83	11
	Taíno	16	58,0	6,5	57	49	72	23

Для анализа главных компонент были выбраны те признаки (исключая указатели), которые лучше всего диффенциируют серии либо не сказываются принципиально на численности анализируемой серии, т.е. не содержащие большого количества пропущенных значений: поперечный диаметр, хорды и дуги костей свода черепа, высота изгиба лба, угол наклона лба от назиона. Таким образом, было рассмотрено 28 деформированных и недеформированных индивидов мужского пола (по 14 в каждой серии). Первые две главные компоненты вместе объясняют 78 % общей изменчивости: ГК1 отвечает преимущественно за ширину черепа, длину теменных костей и в некоторой степени — угол наклона лобной кости, ГК2 — за хорду и дугу затылочной кости (табл. 4).

Таблица 2

Основные статистические показатели в сериях таино и сибонеев. Женские черепа

Table 2

Main statistics for the Taino and Ciboney female samples

Признак	Группа	*n*	mean	sd	median	min	max	range
1. Продольный диаметр	Ciboney	8	165,6	6,6	163	159	178	19
	Taíno	13	162,6	6,5	162	155	178	23
8. Поперечный диаметр	Ciboney	9	129,7	4,2	130	120	135	15
	Taíno	13	147,3	6,3	149	135	160	25
17. Высотный диаметр	Ciboney	6	126,3	4,8	126	120	135	15
	Taíno	11	122,9	3,3	123	116,5	127,5	11
5. Длина основания черепа	Ciboney	6	91,6	3,9	91,5	87	98	11
	Taíno	11	91,7	2,5	92,5	88	95	7
9. Наименьшая ширина лба	Ciboney	8	86,5	4,6	87	81	95	14
	Taíno	13	93,8	4,5	94	87	100	13
10. Наибольшая ширина лба	Ciboney	9	105,9	3,9	106	98	113	15
	Taíno	11	117,7	5,7	116	110	128	18
11. Ширина основания черепа	Ciboney	9	115,7	3,2	116	110	121	11
	Taíno	11	129,8	3,8	132	123	134	11
12. Ширина затылка	Ciboney	9	101,1	4,3	101	96	110	14
	Taíno	13	108,7	4,3	110	101	116	15
26. Лобная дуга	Ciboney	9	115,3	4,9	115	111	127	16
	Taíno	11	114,0	3,1	114	109	119	10
27. Теменная дуга	Ciboney	10	120,1	4,4	120,5	113	129	16
	Taíno	12	106,5	8,4	105,5	95	118	23
28. Затылочная дуга	Ciboney	6	107,7	3,0	107,5	104	113	9
	Taíno	13	109,0	6,5	110	98	117	19
29. Лобная хорда	Ciboney	10	103,6	2,9	103,5	100	109	9
	Taíno	11	105,0	3,2	105	99	111	12
30. Теменная хорда	Ciboney	10	105,5	4,9	106,5	99	116	17
	Taíno	12	95,2	6,0	93,5	87	106	19
31. Затылочная хорда	Ciboney	6	93,2	2,5	93,5	89	96	7
	Taíno	13	92,8	3,9	93	87	101	14
29/26. Указатель изгиба лба	Ciboney	9	89,4	2,7	89,7	82,7	91,9	9,2
	Taíno	11	92,1	2,7	92	86,1	95,7	9,6
30/27. Указатель изгиба темени	Ciboney	10	87,8	1,4	87,8	84,9	89,9	5
	Taíno	12	89,6	3,8	89,8	79,7	94,8	15,1
31/28. Указатель изгиба затылка	Ciboney	6	86,6	2,6	87	82,4	89,6	7,2
	Taíno	13	85,3	3,8	85,5	80,2	91	10,8
Sub.NB. Высота изгиба лба	Ciboney	9	21,4	0,8	21,1	20,2	22,8	2,6
	Taíno	11	16,1	3,8	17,1	10,2	23,7	13,5
Высота изгиба затылка	Ciboney	6	22,0	4,4	20,6	17	27,6	10,6
	Taíno	13	23,1	3,9	22	17,2	29,4	12,2
32. Угол профиля лба от назиона	Ciboney	8	84,8	5,0	84	79	96	17
	Taíno	11	70,1	7,3	72	60	85	25
GM/FH. Угол профиля лба от глабеллы	Ciboney	8	78,8	5,4	77,5	73	91	18
	Taíno	11	62,6	7,9	62	51	80	29

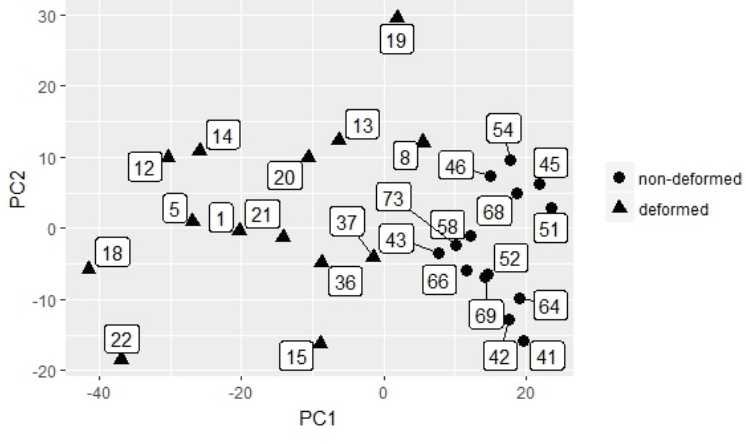

Рис. 1. Анализ деформированной и недеформированной мужских серий методом главных компонент:
non-deformed — недеформированная серия, сибонеи; deformed — деформированная серия, таино.

Fig. 1. PCA of the deformed and non-deformed samples:
non-deformed — Ciboneys; deformed — Taino.

В результате очевидны два кластера, один из которых точно соответствует деформированным черепам, а другой — недеформированным (рис. 1). При этом недеформированные демонстрируют существенное единство, слегка разделяясь на две группы по второй компоненте, т.е., вероятно, несколько различаясь строением затылочной кости. Придавать этому выводу большое значение вряд ли стоит, так как при бóльшей численности анализируемых индивидов образовавшийся на графике хиатус, вполне вероятно, был бы заполнен. Совсем другой смысл имеет широкий разлет деформированных индивидов по левой части графика: он со всей определенностью указывает на значительную вариативность деформированных черепов по сравнению с черепами, соответствующими физиологической норме. Таким образом, анализ главных компонент позволяет проиллюстрировать обозначенный выше вывод, что деформированные черепа отличаются значительной вариативностью.

Таблица 3

Сравнение черепов таино и сибонеев при помощи непараметрического критерия Манна — Уитни (знаком «*» отмечены значения меньше 0,01)

Table 3

Results of the Mann — Whitney U-test for the Taino and Ciboney crania
(P-values less than 0,01 marked with «*»)

	Statistic	P. value	Statistic	P. value
	M		F	
1. Продольный диаметр	209	0,617	36,5	0,275
8. Поперечный диаметр	391	0,000*	116,5	0,000*
17. Высотный диаметр	33	0,000*	18	0,143
5. Длина основания черепа	113	0,434	37,5	0,686
9. Наименьшая ширина лба	332,5	0,005*	90,5	0,006*
10. Наибольшая ширина лба	402,5	0,000*	96	0,000*
11. Ширина основания черепа	367,5	0,000*	99	0,000*
12. Ширина затылка	346,5	0,000*	105,5	0,002*
26. Лобная дуга	251,5	0,336	43,5	0,674
27. Теменная дуга	27	0,000*	8,5	0,001*
28. Затылочная дуга	239	0,172	45,5	0,596
29. Лобная хорда	385,5	0,088	70	0,303
30. Теменная хорда	15	0,000*	11	0,001*
31. Затылочная хорда	251,5	0,086	34,5	0,724
29/26. Указатель изгиба лба	539	0,000*	80	0,023*
30/27. Указатель изгиба темени	325,5	0,087	93,5	0,029*
31/28. Указатель изгиба затылка	179	0,768	32,5	0,599
Sub.NB. Высота изгиба лба	42,5	0,000*	9	0,002*
Высота изгиба затылка	171,5	0,763	46,5	0,539
32. Угол профиля лба от назиона	8,5	0,000*	5,5	0,002*
GM/FH. Угол профиля лба от глабеллы	1	0,000*	6	0,002*

Таблица 4

Анализ деформированной и недеформированной мужских серий методом главных компонент. Нагрузки на признаки

Table 4

PCA of the deformed and non-deformed samples. Loadings

	PC1	PC2
8. Поперечный диаметр	-0,49	0,11
26. Лобная дуга	0,08	-0,15
27. Теменная дуга	0,56	0,02
28. Затылочная дуга	-0,18	-0,76
29. Лобная хорда	-0,02	-0,15
30. Теменная хорда	0,44	-0,08
31. Затылочная хорда	-0,12	-0,54
Sub.NB. Высота изгиба лба	0,18	-0,05
32. Угол профиля лба	0,40	-0,24

Для выявления возможных территориальных отличий были проанализированы только мужские черепа таино с Кубы и из Доминиканы. Признаки были выбраны таким образом, чтобы доминиканские черепа обязательно вошли в анализ, несмотря на их неидеальную сохранность. В результате серия была проанализирована по следующим признакам: поперечный диаметр, хорды и дуги мозговой коробки, высота изгиба лба и высота изгиба затылка. Самыми значимы-

ми как по первой, так и по второй компоненте оказались нагрузки на дуги и хорды теменной и затылочной костей (табл. 5). Результат (рис. 2) кажется достаточно любопытным: доминиканские индивиды располагаются на графике так близко друг к другу, что практически сливаются в одну точку. Почти так же близко к ним расположены два кубинских черепа из Баракоа — самой восточной точки острова, находящейся менее чем в 100 км от о. Гаити. Однако в выборке есть и другие индивиды из Баракоа: номера 3, 14, 19, 20 также происходят из этой местности, и они не демонстрируют единства ни с доминиканскими черепами, ни между собой. К сожалению, мы не располагаем никакой дополнительной археологической информацией об этих материалах, поэтому не имеем возможности судить о причинах близкого сходства между этими пятью индивидами. Тем не менее с определенной долей уверенности можно предположить территориальные различия в практике наложения деформирующего аппарата.

Таблица 5

Анализ деформированной мужской серии. Нагрузки на признаки

Table 5

PCA of the deformed male sample. Loadings

	PC1	PC2
8. Поперечный диаметр	0,07	0,15
26. Лобная дуга	-0,04	-0,07
27. Теменная дуга	-0,54	-0,52
28. Затылочная дуга	0,64	-0,55
29. Лобная хорда	0,04	0,02
30. Теменная хорда	-0,31	-0,52
31. Затылочная хорда	0,38	-0,19
Sub.NB. Высота изгиба лба	-0,09	-0,17
Высота изгиба затылка	0,21	-0,24

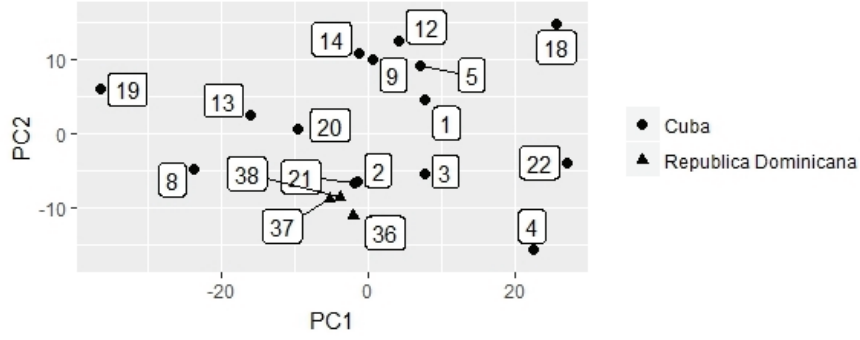

Рис. 2. Анализ деформированной мужской серии методом главных компонент.
Fig. 2. PCA of the deformed male sample.

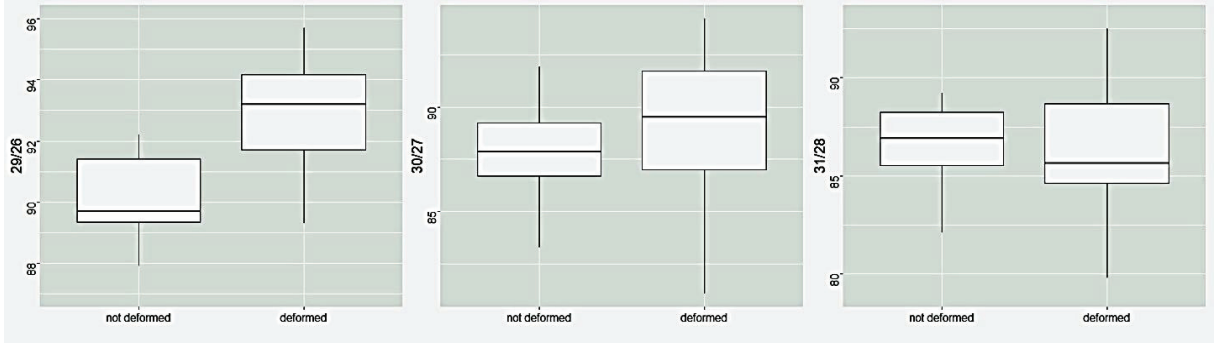

Рис. 3. Указатели изгиба лобной, теменной и затылочной костей в деформированной и недеформированной сериях:
non-deformed — недеформированная серия, сибонеи; deformed — деформированная серия, таино.
Fig. 3. Frontal, parietal and occipital bones curvature indices in the deformed and non-deformed samples:
non-deformed — Ciboneys; deformed — Taino.

В приведенных выше анализах главных компонент игнорировались значения указателей изгиба костей черепного свода, поэтому они рассматриваются отдельно. Сравнивая деформированную и недеформированную серии (только мужские черепа) по этим показателям, можно видеть, что максимальные различия между сериями наблюдаются по указателю лобной кости (рис. 3). Распределение значений указателей изгиба теменной и затылочной костей подтверждают уже зафиксированную закономерность: размах этих показателей в деформированной серии так велик, что полностью включает в себя размах значений в недеформированной серии.

Обсуждение и заключение

Итак, изучение доступных палеоантропологических материалов позволяет сделать следующие выводы:

1. Деформированная серия характеризуется значительно большим разнообразием по сравнению с более разнородными генетически, но недеформированными черепами

2. Важнейшая роль в дифференциации деформированной и недеформированной серий отводится длине теменных костей (характеризуемой хордой и дугой), изгибу лобной кости, а также всем широтным признакам: поперечному диаметру, ширине затылка, наибольшей и наименьшей ширине лба

3. Прослеживается особая схожесть доминиканских черепов между собой по форме на общем фоне деформированной кубинско-доминиканской серии

Таким образом, палеоантропологический материал как источник сведений о практике искусственной деформации черепа на Антильских островах помогает к уже известной из исторических источников информации добавить некоторые новые заключения. Ценность его несколько умаляется тем фактом, что до сих пор неизвестны останки индивидов, которые относились бы к той же популяции таино, однако не подвергались бы практике искусственной деформации. Прямое сравнение тех и других позволило бы точно установить, какое влияние на морфологию черепа, в том числе лицевого скелета, оказывает встречающийся именно на этой территории способ деформации, как это было сделано для многих народов Южной Америки (см., напр.: [Cocilovo, 1975]).

В связи с вышесказанным приходится в качестве сравнительного материала использовать неродственные таино группы сибонеев — охотничье-собирательских племен, у которых практика деформации черепа отсутствовала. Такое сравнение не позволяет нам судить о непосредственном влиянии деформирующего аппарата на строение черепа, однако не бесплодно. Например, вывод о значительно большем разнообразии деформированной серии тем более интересен, что черепа сибонеев на самом деле необязательно принадлежат даже одной популяции, в то время как деформированные черепа принадлежат таино — населению более позднему и значительно лучше изученному, для которого единое происхождение считается фактом установленным.

Следовательно, несмотря на единую технику применения деформирующего аппарата, индивидуальные различия были неминуемы. Если верить единственному письменному источнику, свидетельствующему о технике деформации, созданному уже в постколумбову эпоху на одном из Малых Антильских островов (Jean-Baptiste Le Blond. Voyage aux Antilles: d'île en île, de la Martinique à Trinidad (1767–1773). Цит. по: [Duijvenbode, 2014]), деформирующий аппарат применялся непродолжительное время — это может объяснять причину, по которой на некоторых черепах деформация оставляет значительно более слабые следы, чем на других.

При таком разнообразии не должны вызывать удивление и некоторые отклоняющиеся формы, побуждающие исследователей видеть в них результат деформации другого типа, созданной при помощи другой техники. Таков случай отличного черепа из Хауко, Баракоа, дата и археологический контекст для которого неизвестны; в литературе он описывается как череп с лобно-затылочной прямой деформацией [Rivero de la Calle, 1960]. Другой известный индивид из той же области деформирован по обычному стандарту, и Риверо де ля Калье считает, что вертикальный скос деформированной затылочной кости является случайностью, результатом неверного наложения деформирующего аппарата. Зачастую речь идет о непрерывной изменчивости между формами, которые можно отнести как к типу лобно-затылочной прямой, так и лобно-затылочной косой деформации.

Наконец, вероятные различия между кубинскими и доминиканскими черепами свидетельствуют, что, несмотря на визуально одинаковые типы деформации на двух островах, традиции

осуществления этой операции как таковой могли немного разниться. На это указывает тот факт, что территориальная изменчивость в данном случае перекрывает индивидуальную. Однако этот вывод был сделан на очень небольшом объеме материалов, поэтому дальнейшее развитие этой темы следует отложить до появления большего количества данных по краниологии населения о. Гаити.

В заключение следует сказать, что возможности палеоантропологического материала для изучения практики искусственной деформации черепа на Антильских островах этим не исчерпаны, однако для получения новых данных требуются расширение материальной базы исследования (в первую очередь за счет находок с других островов), уточнение археологического контекста, а также усовершенствование техник изучения костных останков.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 127 с.

Алексеев В.П. К краниологической характеристике аборигенного населения Кубы // Археология Кубы. Новосибирск: Наука, 1986. С. 15–22.

Гинзбург В.В. Антропологическая характеристика древних аборигенов Кубы // СМАЭ. 1967. Т. XXIV. С. 180–278.

Сюткина Т.А. Краниометрическая характеристика древнего населения Кубы докерамической культуры // ЭО. 2017. № 4. С. 65–82.

Cocilovo J.A. Estudio de dos factores que influencian la morfología craneana en una colección andina: El sexo y la deformación artificial // Revista del Instituto de Antropología. 1975. Т. 3. № 2. P. 197–212.

Crespo-Torres E.F. Ancient Bones Tell Stories // Tibes: People, Power, and Ritual at the Center of the Cosmos. University of Alabama Press, 2010. P. 191.

Dacal Moure R., Rivero de La Calle M. Arqueología aborigen de Cuba. Bogotá: Gente Nueva, 1984.

Dembo A., Imbelloni J. Deformaciones intencionales del cuerpo humano de carácter étnico. Buenos Aires: Editori Nova, 1938. Т. 3. 348 p.

Duijvenbode A. Forming identities: An overview of intentional cranial modification in the Caribbean // Proceedings of the XXIV Congress of the International Association for Caribbean Archaeology. 2014. P. 39–51.

Herrera Fritot R. Arquetipos zoomorfos en las Antillas Mayores. La Habana, 1952. 14 p.

Hofman C. et al. Stage of encounters: Migration, mobility and interaction in the pre-colonial and early colonial Caribbean // World Archaeology. 2014. Т. 46. № 4. P. 590–609.

Hofman C.L., Hoogland M.L.P., Gijn A.L. Crossing Disciplinary Boundaries and National Borders. New Methods and Techniques in the Study of Archaeological Materials from the Caribbeam // Crossing the Borders: New Methods and Techniques in the Study of Archaeological Materials from the Caribbean. University of Alabama Press, 2008. P. 1–16.

Izquierdo Díaz G. Arqueología de Cuba: La comunidad pretribal temprana. ASPHA, 2015.

Keegan W.F. Modeling dispersal in the prehistoric West Indies // World Archaeology. 1995. Т. 26. № 3. P. 400–420.

Keegan W.F. West Indian archaeology. 1. Overview and foragers // Journal of Archaeol. Research. 1994. Т. 2. № 3. P. 255–284.

Keegan W.F., Rodríguez Ramos R. Archaic origins of the Classic Tainos // Proceedings of the XXIst Congress of the International Association for Caribbean Archaeology. Trinidad-Tobago, 2007. P. 211–217.

Munizaga J.R. Deformación craneana intencional en América // Revista Chilena de Antropología. 1987. № 6. P. 113–147.

Rivero de La Calle M. Las culturas aborígenes de Cuba. La Habana: Editora universitaria, 1966. 194 p.

Rivero de la Calle M. Deformación Craneana en los Aborigenes de Cuba. Estudio Comparativo // VIe Congrès International des Sciences Anthropologiques et ethnologiques. Paris, 30 juillet. 1960. Т. 1. P. 252–260.

Rouse I. Migrations in prehistory: Inferring population movement from cultural remains. Yale University Press, 1986. 216 p.

RStudio Team. RStudio: Integrated Development for R // RStudio, Inc., Boston, MA, 2016. [Электрон. ресурс]. URL: http://www.rstudio.com.

Stewart T.D. Deformity, trephining, and mutilation in South American Indian skeletal remains // Handbook of South American Indians. 1950. Т. 6. P. 43–48.

Torres Etayo D. Taínos: Mitos y realidades de un pueblo sin rostro. México: Editorial Asesor Pedagógico, 2006. 119 p.

Weiss P. Osteología cultural: Prácticas cefálicas. Universidad Nacional Mayor de San Marcos, 1958. Т. 1. 276 p.

Wilson S.M. The archaeology of the Caribbean. Cambridge University Press, 2007. 209 p.

T.A. Syutkina
N.N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of RAS
Leninskiy Prospect, 32a, Moscow, 119991, Russian Federation
E-mail: syuttaya@gmail.com

ARTIFICIAL CRANIAL DEFORMATION AMONG THE ABORIGINAL POPULATION OF PRE-COLUMBIAN CUBA

Artificial cranial deformation has been practiced by indigenous peoples at various times in different parts of the world. In pre-Columbian Cuba, it is believed to have been practiced by the pottery-making agricultural groups called Taino. These people, who spoke the Arawak language, started to inhabit the island around 800 AD. According to the dominant theory, the practice was imported to the region from the Orinoco river valley by the Saladoid pottery makers. However, some authors ascribe this role to the Huecoid groups. Since any written record of the practice is virtually absent, a study of known paleoanthropological materials can be of crucial importance. In this paper, we set out to compare two samples of pre-Columbian crania belonging to the pre-ceramic population, who did not apply the practice of deforming their newborns' heads (Ciboney), with those belonging to the pottery making agriculturalists (Taino), who did use such a practice. The crania under study, originating from Cuba and the Dominican Republic, mainly feature the frontal occipital oblique type of deformation. The intra-group variation in the deformed group is found to be much higher. This suggests that, despite the presumably standard deforming procedure, individual variations were inevitable. Taking the variations into account, somewhat unusual shapes, which cannot be unequivocally labelled as frontal occipital oblique, should be treated as a result of this diversity. The specific features that differentiate the deformed samples from the non-deformed ones are found to be the length of the parietal bones, the curvature of the frontal bone and the width of the crania. However, we cannot conclude that the deformations are wholly responsible for these differences. Another result of the study consists in the differences found between the crania from Cuba and the Dominican Republic, which point to a possible variation in deformation techniques. However, this firm conclusion cannot be drawn until additional materials from other Antillean islands become available.

Key words: paleoanthropology, artificial cranial deformation, Antilles, Cuban anthropology, Taino, Ciboney.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-136-146

REFERENCES

Alekseev V.P. (1986). On craniological characteristic of the aboriginal population of Cuba. *Arkheologiia Kuby*, Novosibirsk: Nauka, 15–22.

Alekseev V.P., Debets G.F. (1964). *Craniometry: Methods of anthropological studies*, Moscow: Nauka.

Cocilovo J.A. (1975). Estudio de dos factores que influencian la morfología craneana en una colección andina: El sexo y la deformación artificial. *Revista del Instituto de Antropología, 3*(2), 197–212.

Crespo-Torres E.F. (2010). Ancient Bones Tell Stories. *Tibes: People, Power, and Ritual at the Center of the Cosmos*, University of Alabama Press.

Dacal Moure R., Rivero de La Calle M. (1984). *Arqueología aborigen de Cuba*, Bogotá: Gente Nueva.

Dembo A., Imbelloni J. (1938). *Deformaciones intencionales del cuerpo humano de carácter étnico, 3*, Buenos Aires: Editori Nova.

Duijvenbode A. (2014). Forming identities: An overview of intentional cranial modification in the Caribbean. *Proceedings of the XXIV Congress of the International Association for Caribbean Archaeology*, 39–51.

Ginzburg V.V. (1967). Anthropological characteristic of ancient Cuban aborigenes. *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii AN SSSR, XXIV*, 180–278.

Herrera Fritot R. (1952). *Arquetipos zoomorfos en las Antillas Mayores*, La Habana.

Hofman C. et al. (2014). Stage of encounters: Migration, mobility and interaction in the pre-colonial and early colonial Caribbean. *World Archaeology, 46*(4), 590–609.

Hofman C.L., Hoogland M.L.P., Gijn A.L. (2008). Crossing Disciplinary Boundaries and National Borders. New Methods and Techniques in the Study of Archaeological Materials from the Caribbeam. *Crossing the Borders: New Methods and Techniques in the Study of Archaeological Materials from the Caribbean*, University of Alabama Press, 1–16.

Izquierdo Díaz G. (2015). *Arqueología de Cuba: La comunidad pretribal temprana*, Buenos Aires: ASPHA.

Keegan W.F., Rodríguez Ramos R. (2007). Archaic origins of the Classic Tainos. *Proceedings of the XXIst Congress of the International Association for Caribbean Archaeology*, Trinidad-Tobago, 211–217.

Keegan W.F. (1995). Modeling dispersal in the prehistoric West Indies. *World Archaeology, 26*(3), 400–420.

Keegan W.F. (1994). West Indian archaeology. 1. Overview and foragers. *Journal of Archaeological Research, 2*(3), 255–284.

Munizaga J.R. (1987). Deformación craneana intencional en América. *Revista Chilena de Antropología*, (6), 113–147.

Rivero de la Calle M. (1960). Deformación Craneana en los Aborigenes de Cuba. Estudio Comparativo. *VIe Congrès International des Sciences Anthropologiques et ethnologiques*, (1), Paris, 252–260.

Rivero de La Calle M. (1966). *Las culturas aborígenes de Cuba*, La Habana: Editora universitaria.

Rouse I. (1986). *Migrations in prehistory: Inferring population movement from cultural remains*, Yale University Press.

Siutkina T.A. (2017). A craniometric study of the ancient preceramic population of Cuba. *Etnograficheskoe obozrenie*, (4), 65–82.

Stewart T.D. (1950). Deformity, trephining, and mutilation in South American Indian skeletal remains. *Handbook of South American Indians*, (6), 43–48.

Torres Etayo D. (2006). *Taínos: Mitos y realidades de un pueblo sin rostro*, México: Editorial Asesor Pedagógico.

Weiss P. (1958). *Osteología cultural: Prácticas cefálicas, 1*, Universidad Nacional Mayor de San Marcos.

Wilson S.M. (2007). *The archaeology of the Caribbean*, Cambridge University Press.

ЭТНОЛОГИЯ

Р.Ю. Федоров, Л.А. Аболина

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: r_fedorov@mail.ru
НПО «Красноярская Геоархеология»
Проспект Мира, 25, стр. 1, Красноярск, 660049
E-mail: larisa-abolina@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ БЕЛОРУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ БРАТСКОГО РАЙОНА ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ: МАРКЕРЫ ИДЕНТИЧНОСТИ

В начале XX в. на территории современного Братского района Иркутской области появился ряд деревень, основанных переселенцами из Белоруссии, с Украины и из Псковской губернии. Анализ устных историй, собранных у потомков белорусских переселенцев в ходе проведенной в 2017 г. этнографической экспедиции, а также визуальный осмотр жилых и хозяйственных построек показали, что народная архитектура сохранила некоторые традиционные особенности. Такие проявления традиционной материальной культуры, как пища и одежда, оказались быстрее подвержены трансформациям, чем объекты архитектуры.

Ключевые слова: белорусы, Братский район, крестьянские переселения, этнокультурная идентичность, культура жизнеобеспечения, материальная культура.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-147-155

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00028.

В большинстве публикаций, посвященных традиционной культуре восточно-славянского населения Среднего Приангарья, рассматриваются поселения, которые были основаны русскими старожилами в XVII–XVIII вв. В то же время деревни, возникшие на территории этого географического района в начале XX в. во время аграрной реформы П.А. Столыпина, так и не стали объектом специальных исследований. К примеру, экспедиции Института истории материальной культуры АН СССР (1955 г.) и Ангарского отряда Института этнографии АН СССР (1957–1958 гг.), проведенные незадолго до затопления территорий под Братское водохранилище, охватили преимущественно северную часть Братского района Иркутской области, где были сосредоточены старожильческие поселения [Вагнер, 1956; Сабурова, 1967; Быт и искусство…, 1971]. Начиная с 1960-х гг. исследования материальной культуры сельских поселений района периодически осуществлялись Братским отделением Всероссийского общества охраны памятников истории, позднее — Братским краевым музеем (с 1990 г. — Братский городской объединенный музей истории освоения Ангары). С 2013 г. экспедиции с целью изучения народной архитектуры Братского района проводились А.Ю. Майничевой [Майничева, 2013; Майничева, Глухих, 2014, 2015 и др.]. При этом расположенные на юго-западе района переселенческие деревни на протяжении многих лет не исследовались. Исключением являются лишь несколько этнографических экспедиций, материалы которых не публиковались и потому остаются неизвестными. В 1975 г. экспедиция под руководством О.М. Леонова при участии А.В. Ополовникова и Е.А. Ополовниковой изучала деревянное зодчество деревень и сел, расположенных на юге Братского района Иркутской области. В отчете о работе экспедиции отмечено, что «район среднего течения р. Ия начал заселяться значительно позднее Ангары и низовьев рек Оки и Ии — в конце XIX — начале XX в. за счет организованного переселения крестьян из западных областей России и из Белоруссии» [Отчет…, 1975, с. 2]. По мнению участников экспедиции, это «наложило своеобразный отпечаток на характер жилых и хозяйственных построек, на планировку сел, которые значительно отличаются от ангарских, в неизмеримо большей степени сохранивших чер-

ты древнерусского деревянного зодчества» [Там же, с. 2–3]. В 2014 и 2016 гг. Братским городским объединенным музеем истории освоения Ангары под руководством М.А. Глушенко были осуществлены экспедиции, изучавшие особенности материальной культуры расположенных на юге района деревень, в которых проживали столыпинские переселенцы [Глушенко, 2017].

В мае 2017 г. совместно с Братским городским объединенным музеем истории освоения Ангары нами проведена этнографическая экспедиция, охватившая расположенные на юго-западе Братского района Иркутской области переселенческие деревни Зарбь, Илир, Чистяково, Карай, Кардой и Леоново, где проживают потомки белорусских крестьян-переселенцев. В задачи экспедиции входило выявление как наиболее стойких особенностей, так и трансформаций элементов их материальной культуры, связанных с процессами адаптации переселенцев к новым природно-климатическим условиям и этническому окружению, которым являлись русские старожилы, а также переселенцы из Украины и Псковской губернии. В фокусе нашего внимания были жилые постройки, пища, одежда, как атрибуты/элементы, наиболее долго и полно сохраняющие характерные традиционные черты в культуре белорусских переселенцев. Особенности пищи и одежды реконструированы по устным рассказам представителей преимущественно второго и третьего поколений переселенцев, рожденных в 1930–1960-е гг. В дополнение к ним были произведены визуальный осмотр и фотофиксация жилых и хозяйственных построек. Собранные в ходе экспедиции материалы мы сопоставили с имеющимися этнографическими описаниями, сделанными в местах выхода переселенцев, а также с особенностями традиционной культуры русского старожильческого населения Приангарья. Принимая во внимание фрагментарность содержащихся в рассказах информаторов сведений, относящихся к традиционной материальной культуре, мы не претендуем на полноту ее описания и анализа; ограничимся рассмотрением лишь некоторых, наиболее стойких ее особенностей, выявленных в ходе экспедиции.

На сегодняшний день этническая идентичность потомков белорусских переселенцев в разных семьях сильно варьируется. Отдельные представители старшего поколения считают себя белорусами. В то же время в большинстве рассказов информаторов подчеркивается, что белорусами были только их предки — первопоселенцы. Русские, проживающие в деревнях Братского района, называют потомков от смешанных браков между белорусскими и украинскими переселенцами «хохлами». Это название можно рассматривать в качестве своеобразного этнокультурного стереотипа, который, по всей видимости, связан с внешним сходством диалектных особенностей речи переселенцев. Еще одна, значительная по числу группа переселенцев носила название «скобари», являвшееся региональным самоназванием жителей Псковской губернии [Манаков, Евдокимов, 2013; Герасимов, 2015].

Большинство опрошенных в ходе экспедиции переселенцев называли русских старожилов *челдонами*, что имело повсеместное распространение на территории значительной части земледельческой зоны Сибири [Бережнова, 2012]. В памяти переселенцев сохранились истории, в которых челдоны, считавшие себя хозяевами этих мест, активно отстаивали свои права на лучшие угодья. К примеру, вот как описала обстоятельства основания д. Зарбь проживающая в ней Мария Николаевна Рогова (Залепа), 1940 г.р., отец которой был украинцем, а мать — белоруской: *Свекровка говорила, что деревню надо было строить на Зарбинке речке, она в семи километрах отсюда. Один дом или два построили, а все листвяк, сосняк, поля надо было разрабатывать, а его было трудно корчевать, толстые деревья были. А потом уже ходоки, три мужика пришли. Пошли разведывать, где березничные деляны. Березняк легче разрабатывать, и земля черная. А листвяки, там подзолистая, белая земля, и она не плодородная. Когда прошли, тут несколько было делян таких березничных, и они пошли туды. А там уже челдоны отпихнули их назад. Это, говорят, наши деляны, поля наши. Там и речка, там очень хорошие черные поля, земля хорошая, а у нас в Зарбе не очень — глинистая. Кое-где такие есть черные земли. Даже в деревне в огороде не у каждого.* Другой житель д. Зарбь — Леонид Яковлевич Чайка, 1965 г.р., предки которого были выходцами из Гродненской и Черниговской губерний, отмечал: *Челдонами называли жителей деревни Бада. Они люди вредные были. По ягоды пойдут женщины, а раньше клубникой было все усыпано, они на конях обычно подъезжают, слезут — эту корзину опрокинут, растопчут. Траву не топчите их.*

Население д. Зарбь делилось на переселенческие сообщества скобарей и хохлов: *В Зарби половина деревни скобари на ту сторону, на эту сторону полдеревни хохлы. Так были у них скандалы, драки. Дрались в основном молодежь. Девок, наверно, не поделили. Кулаками друг друга побьют* (Рогова (Залепа) Мария Николаевна, 1940 г.р., д. Зарбь). По рассказу Любови

Федоровны Тарасенко, 1961 г.р., из д. Карай, в ее деревне стычки, наоборот, чаще происходили между пожилыми людьми. При этом большинство конфликтов между старожилами и переселенцами из разных регионов носили бытовой, а не этнический характер.

В ряде обследованных деревень Братского района переселенцы из разных регионов старались сохранить свою общность и компактно селились на разных улицах. К примеру, в д. Илир были Скобарская, Низовая и Заречная улицы: *Наша улица Скобарская. А там челдонье жило. Мы по-скобарски говорили. С челдонам в юности драка была. Они за речкой Низовая были стенка на стенку все. Брату однажды дали оглоблей по голове* (Драгунова Татьяна Филипповна, 1936 г.р., с. Илир).

Благодаря переездам из одного поселения в другое, а также посещениям соседних деревень в связи с хозяйственными контактами или праздниками представители разных территориально-этнографических групп, проживавших в Братском районе, неоднократно описывали в устных рассказах отмеченные ими сходство или различие в отдельных элементах их традиционной культуры. К примеру, у проживающей в д. Кардой Зинаиды Федоровны Томышевой, 1939 г.р., бабушка относила себя к скобарям, а предки по линии отца жили в находившейся неподалеку д. Карай и были белорусами. Характеризуя особенности культуры питания жителей соседних деревень, З.Ф. Томышева отмечала, что челдоны любили готовить сдобную выпечку, тогда как белорусы и скобари чаще всего пекли лепешки, которые ели, макая в творог со сметаной. Блюда из картофеля одинаково любили как белорусы, так и скобари, однако рецепты приготовления у них различались. Так, проживавшие в Карае белорусы предпочитали распространенное на родине их предков блюдо под названием «бабка» из тертого картофеля с добавлением мяса или сала, запекаемое в горшке, тогда как скобари, жившие в Кардое, чаще делали из картофеля галушки, которые отваривали в воде или молоке. Потомок русских старожилов Капитолина Ильинична Номоконова (Миронова), 1939 г.р., переселившаяся в д. Чистяково, в которой преобладало белорусское население из п. Ангарстрой Аларского района Иркутской области, отмечала, что среди ранее незнакомых ей блюд были клецки и драники, а когда варили холодец, белорусы, в отличие от русских, не убирали из него кости.

М.Н. Рогова (Залепа) описала ряд блюд, которые готовила ее мать — потомок белорусских переселенцев: *Моя мамка любила крупеню. Вода закипела, в чугун кусочек мяска положишь, насыплешь стакана два пшеницы, ложку сметанки лянут, когда уже сварится*. Летом часто варили ботвинью — суп из стеблей и листьев свеклы: *На поле мама, помню, идет, вот такая крынка — из лебеды, из бурачного листа, сейчас мы окрошкой называем, а у нас называлась — ботвинья. Она тоже на квасу, со свежим огурцом. Свекольный лист ошпаривался. Если куриц кто держал, туда яйцо крошили, ложку сметаны добавляли*. Распространенный на территории Белоруссии суп под названием «полевка» в д. Зарбь являлся важным ритуальным блюдом. С него, как правило, начиналась поминальная трапеза. Для приготовления полевки вначале делали *расчину* — смесь муки и воды, которую оставляли на несколько дней для того, чтобы она закисла. Иногда для более быстрого закисания в нее добавляли корку ржаного хлеба. Затем расчину заваривали в кипящей воде, добавляя в нее мясо. Заправляли полевку сметаной (при ее наличии). Среди блюд из картофеля в семье М.Н. Роговой часто готовили комы́ — шарики из картофельного теста, которые отваривали в воде или запекали в печи. На праздники делали лапшу из крахмала и яиц. Ее пекли в виде блина, затем разрезали на кусочки и потом добавляли в куриный суп. Из мучных блюд делали толокно. Для его приготовления овес поджаривался в печи. Затем его толкли в супе или перемалывали на мельнице. Для употребления в пищу измельченное зерно разводили холодной водой. Еще одно мучное блюдо называлось колотухой: *Когда есть особо нечего было, муку экономили, кипяток закипит, а потом уже эту муку в подсоленную водичку засыпают, и она как кисель, погуще бывает. Это блюда называли колотуха у белорусов. На колотуху нужно меньше муки, а на хлеб слишком много надо. Вот так люди и выживали на этой колотухе*. На территории Белоруссии колотуха была довольно распространенным блюдом. По этнографическим описаниям второй половины XIX в., она чаще всего готовилась из гречневой, гороховой или бобовой муки [Шейн, 1903, с. 31]. У белорусских переселенцев Братского района ингредиенты для этого блюда варьировались в зависимости от их наличия в той или иной семье.

В д. Карай варили щи из «серой капусты» — так белорусы называли небольшие зеленые кочаны, которые крупно рубили и солили отдельно от белых. По рассказу Л.Ф. Тарасенко, когда наступали морозы, капусту на зиму нарубали топором пластинами, заливали водой и замораживали в бочках, а не квасили, как это делали сибиряки. Эту капусту потом тушили со свиной костью в чугуне.

Из мяса в рационе белорусских крестьян-переселенцев преобладала свинина. Как отмечала Л.А. Молчанова, «употребление свинины, характерное и для украинцев, отличает белорусскую кухню от русской, где говядина и баранина с давних времен преобладали в повседневном питании, а свинина появлялась только по праздникам» [1968, с. 200]. Почти во всех семьях запасали сало, которое использовалось при приготовлении многих блюд.

Среди традиционных напитков у переселенцев широкое распространение имел квас. Его ставили на березовом соке, в который клали ржаные лепешки. Во многих деревнях переселенцев делали муку из черемухи. Заварив кипятком, в нее макали блины и сушки, также из нее варили кисели.

Традиционные способы хранения продуктов у переселенцев имели свои особенности, сложившиеся за время проживания в отличных от их родины природно-климатических условиях. Жители д. Карай хранили бочки с засоленным салом и рыбой в амбаре. Иногда для охлаждения продуктов бочки наполовину вкапывали в землю, так как она здесь промерзала на глубину до 2 м и летом являлась естественным охладителем. К тому же амбары в Карае крыли лиственничной корой в несколько слоев, за счет этого в них дольше удерживалась прохлада от земли. Большинство жителей исследованных в ходе экспедиции деревень хранили картофель в подпольях, расположенных под жилым помещением. По описаниям, сделанным М.Н. Роговой (Залепой) из д. Зарбь, в их усадьбе был погреб-ледник, называемый «яма». Он находился во дворе под навесом. Нижняя часть погреба наполнялась снегом или льдом. Поверх него на клеенке оставляли мясо, масло и сметану. Кроме них в леднике хранили сало в бочке, а также консервированные овощи и варенье. В деревнях Карай и Чистяково также встречались подвалы с боковым входом, напоминавшие распространенные на территории Белоруссии «склепы».

Воспоминания, связанные с традиционной одеждой, значительно меньше сохранились в памяти потомков белорусских переселенцев Братского района. В первой половине XX в. во многих семьях выходцев из Белоруссии повседневную одежду изготавливали изо льна. Из льняного холста шили рубахи, юбки, штаны. Такую холщевую одежду чаще всего красили лиственничной корой, придававшей ей красный или темно-коричневый цвет. По рассказу М.Н. Роговой (Залепы), в окрестностях д. Александровки, находившейся в болотистой местности, местные жители брали «черную землю», которую также использовали в качестве красителя для одежды. Из шерстяной ткани женщины шили клетчатые юбки — *андараки*, имевшие повсеместное распространение на территории Белоруссии. Ввиду отсутствия липового лыка первые поколения переселенцев делали лапти из лозы или бересты. Веревочные лапти изо льна называли чунями. На территории Белоруссии такие виды лаптей встречались довольно редко, несмотря на их бóльшую устойчивость к сырости. Это было связано со сложностью добывания и обработки бересты и экономией льна [Молчанова, 1968, с. 178]. В более зажиточных семьях переселенцев шили чирки из свиной или овечьей кожи. Л.М. Сабурова отмечала характерное для русского старожильческого населения Приангарья отсутствие плетеной обуви и употребление чирков как наиболее универсальной мужской и женской обуви [1967, с. 142–143]. В то же время, по наблюдениям Е.Ф. Фурсовой, большинство белорусских переселенцев начали заменять лапти на кожаную обувь уже в Сибири [2015, с. 237]. Исходя из этого изготовление переселенцами чирков можно отнести к заимствованиям, которые были продиктованы необходимостью адаптации к более суровым природно-климатическим условиям.

Первые жилые постройки переселенцев были небольшого размера и назывались *хата*. В д. Карай в хатах от стены до печи (на высоте ее пода) располагался настил из досок, называвшийся *полати* или *нары*. Печи в них сооружали не только из глины и кирпича-сырца; например, в находившемся поблизости с. Прибрежном расслаивали булыжник и печи клали из него. Печь традиционно ставилась на землю, за ней, под нарами, также не было пола, это место могли использовать для содержания теленка. Глинобитная печь сооружалась на прямоугольном деревянном опечке, который рубился из толстых широких плах и устанавливался на пол. Верхняя часть опечка, отделенная настилом, заполнялась глиной, которая утрамбовывалась, образуя *под*, на нем и сооружалась глинобитная топочная камера. Пространство между полом и подом оставалось пустым и называлось «подпечек». В зимнее время там держали кур, прикрывая подпечек решетчатой дверкой. Первые поколения переселенцев не делали стаек для скота: зимой коров и даже свиней могли держать в хате. Позднее, в середине XX в., построив большие по размеру, чистые дома, потомки белорусских переселенцев уже не держали в них животных, для этого, в отличие от сибиряков, они использовали сени или рядом стоящую клеть со входом из сеней, что было зафиксировано в нескольких осмотренных постройках в д. Зарбь. Отдельно стоящие во дворе стайки пе-

реселенцы строили только для коней. Амбар предназначался для хранения зерна, а клеть в основном использовалась для хозяйственного инвентаря: дуг, хомутов, уздечек и т.д.

Большинство домов белорусских переселенцев, построенных в первой половине XX в., расположены широкой стороной вдоль улицы. Как и в Белоруссии, некоторые из них имели главный вход с уличного фасада (рис. 1). Часть домов были рублены в чашу, но имели более короткие выпуски бревен, чем в домах русских старожилов. При рубке углов присутствовало сомление бревен или уплощение их до овального сечения. В д. Леоново избы, приобретенные переселенцами у старожилов (судя по рубке углов и следам перемещения), стоявшие раньше торцом в улицу, были поставлены ими вдоль улицы боковой стороной. При перемещении изб меняли самцовую конструкцию крыши на стропильную или «полустропильную», у которой стропила врубались в верхние длинные венцы. Для крепления конструкции кровли переселенцы повсеместно использовали деревянные нагели. У домов со щипцовой крышей обязательно делали козырек на границе стены и фронтона (рис. 2), а также верхний напуск наветренного ската кровли над подветренным.

А Б

Рис. 1. Дома с главным входом с уличного фасада (фото Л.А. Аболиной):
А — д. Карай, Братский р-н; Б — Беларусь, Воложинский р-н Минской обл.
Fig. 1. Houses with the main entrance from a street facade (photo by L.A. Abolina):
А — Karaj village of Bratsk district; Б — Belarus, Volozhinsk district of Minsk region.

А Б В

Рис. 2. Конструкции козырька (фото Л.А. Аболиной):
А, Б — крепление козырька, д. Зарбь, Братский р-н; В — дом с козырьком, центральная Беларусь.
Fig. 2. Peak designs (photo by L.A. Abolina):
А, Б — fastening of a peak, Zarb' village of Bratsk district; В — a house with a peak, Central Belarus.

Больше всего южнорусских элементов архитектуры сохранилось в д. Леоново. При постройке новых домов в 1920–1950-х гг., заменявших первые маленькие хаты, крыши делали четырехскатные, вальмовые (называвшиеся «круглыми»), со слуховым выходом или с верхним *залобком* (полуфронтоном). Кровля крыш на многих этих домах состоит из короткой тонкой щепы до 10 горизонтальных рядов на скате (рис. 3). Для обшивки фронтонов применялась и тонкая дранка длиной около 1 м. Она скреплялась поверху проволокой (такой способ был распространен на территории Белоруссии до конца XX в.). Только в д. Леоново встречаются дворовые постройки с крышей *на сохах*. В деревнях Зарбь и Карай была отмечена своеобразная конструкция полустропильных крыш (рис. 4). Для разгрузки стен рядом с ними укладывались еще два дополнительных продольных бревна, на которых при помощи деревянных нагелей фиксировались стропила, врубленные в вен-

цы стен. Потолок утепляли соломой, засыпанной сверху сырой утрамбованной глиной, что было распространено у белорусских переселенцев и в других регионах Сибири [Аболина, 2014]. До середины XX в. жители обследованных деревень пилили доски сами и в строительстве использовали деревянные гвозди. Дранье применяли до начала 2000-х гг. У переселенцев, в том числе у белорусов, были свои особенности его изготовления: сначала бревно раскалывали на четыре сегмента, получались *лековья*, а потом из них делали дранку. В отличие от русских старожилов, у переселенцев жилые постройки этого времени практически не имели декора. Наличники окон у большинства домов соединяются в ус и традиционно не имеют ставень. У маленьких окон старых построек еще остались вертушки от щитов, которыми их закрывали зимой. Двойные рамы получили распространение в этой местности только во второй половине XX в. Кроме топора и продольной пилы при строительстве использовали коловорот, сверло, перку и чертилку.

А Б В

Рис. 3. Крыши из щепы (фото Л.А. Аболиной):
А — дом с полувальмовой крышей, крытой щепой (д. Леоново, Братский р-н); Б — дом с крышей и фронтоном из щепы, д. Леоново, Братский р-н; В — трехкамерная постройка с крышей, крытой щепой, Беларусь, Оршанский р-н Витебской обл.
Fig. 3. Roofs from spill (photo by L.A. Abolina):
А — a house with the partial hip («poluval'movaya») roof covered by spill (Leonovo village of Bratsk district); Б — a house with a roof and a pediment from spill, Leonovo village of Bratsk district; В — three-chambered construction with a roof covered by spill, Belarus, Orshansk district of Vitebsk region.

А Б

Рис. 4. Дома с полустропильной крышей (фото Л.А. Аболиной):
А — Братский р-н; Б — центральная Беларусь.
Fig. 4. Houses with a semi-rafter roof (photo by L.A. Abolina):
А — Bratsk district; Б — Central Belarus.

При раздаче земельных наделов размером в 1 га предписывалась их планировка, она сохранилась в д. Зарбь. В левом углу по лицевой стороне строился дом, в центре располагался двор, справа был огород, а позади двора — поле. Городьба с улицы состояла из *щитных* (т.е. плотно согнанных) заплотов, по сторонам делались заплоты с зазорами, также часто использовали частокол и плетеные изгороди.

Выводы

Анализ собранных в ходе экспедиции устных историй потомков белорусских переселенцев и визуальный осмотр их жилых и хозяйственных построек показывают, что специфические элементы традиционной культуры, привнесенные предками переселенцев из мест выхода, на се-

годняшний день сохранились фрагментарно. Это связано как с адаптационными процессами и заимствованиями, так и с общими тенденциями модернизации жизненного уклада сибирской деревни, происходившими на протяжении XX — начала XXI в.

Адаптационные изменения в хозяйственной деятельности и материальной культуре переселенцев хорошо иллюстрируют слова Л.Ф. Тарасенко, проживающей в д. Карай: *В Сибири природа и климат заставили жить людей по-своему. Они уже стали больше жить как местные жители. Они меняли одежду. Лен они сажали в первое время, потом он начал вымерзать. Из продуктов стали есть больше мяса и рыбы. Морозы были под минус 50 градусов. Эти избы поставили уже после войны, а так были маленькие. Раньше, чтобы тепло держать, строили очень маленькие избы. Избы были однокамерные, снаружи их обмазывали глиной*.

В культуре питания первых поколений белорусских крестьян-переселенцев и русского старожильческого населения Среднего Приангарья имелись существенные различия. Для старожилов сибиряков было характерным «преобладание мясной, рыбной, молочной пищи, меньшее (чем в других местах расселения русских) значение мучной и овощной, незначительный удельный вес в питании картофеля, относительно поздно освоенного и слабо распространенного» [Сабурова, 1967, с. 157]. В рационе питания белорусских переселенцев значительное место занимали такие овощи, как картофель и капуста, из мяса преобладала свинина. В отличие от русских старожилов, выращивавших пшеницу и часто готовивших пироги и сдобную выпечку, первые поколения белорусских переселенцев в основном употребляли в пищу ржаной хлеб. Рассказы об особенностях питания показывают, что семьи русских старожилов были, как правило, более зажиточными по сравнению с переселенцами. В то же время можно встретить примеры, которые свидетельствуют о том, что в процессе адаптации переселенцев к новым жизненным условиям первоначальные различия в культуре питания их и старожилов стали постепенно сглаживаться.

Поселившись в Сибири, белорусские переселенцы столкнулись с трудностями воспроизведения на новом месте отдельных технологий изготовления традиционной одежды. В первую очередь это было связано со сложностью выращивания льна, который вымерзал в отдельные годы, и отсутствием липового лыка. При этом первоначально белорусы пытались обратиться к сложившейся на их родине практике замещения наиболее распространенных материалов для изготовления одежды и обуви их аналогами (к примеру, изготовление лаптей из лозы, бересты или льняных веревок). В то же время более суровые природно-климатические условия Среднего Приангарья способствовали довольно быстрому заимствованию переселенцами у русского старожильческого населения характерных для него видов верхней одежды, обуви и головных уборов.

Среди сохранившихся особенностей и элементов в строительной культуре были отмечены архаичные черты, обусловленные тем, что переселение велось из бедных перенаселенных регионов. На первом этапе это маленький размер жилых и небольшое количество хозяйственных построек, использование хаты, клети и сеней для содержания скота и ямы для хранения продуктов, конструкции крыш на сохах и распространение деревянных креплений, в отличие от сибиряков, у которых уже произошла их замена на металлические. В то же время на территорию Восточной Сибири частью переселенцев были привнесены более прогрессивные способы строительства: стропильная вальмовая и полувальмовая кровля со слуховыми окнами, своеобразные приемы обработки бревен (сомление, уплощение), а также рубка в угол (прямой и косой).

Экспедициями, проведенными нами ранее в Баяндаевском и Тулунском районах Иркутской области, были также обследованы деревни белорусских крестьян-переселенцев [Аболина, 2016]. Сравнивая полученные результаты, можно отметить ряд общих особенностей строительной культуры у белорусов, проживающих на территории Приангарья. К ним следует отнести полустропильную и вальмовую конструкции крыш, покрытие их короткой, тонкой дранкой, напуск наветренного северного или западного ската над южным или восточным. Повсеместным было отсутствие декора в оформлении жилища и ставень на окнах с простыми наличниками, вместо которых в Баяндаевском районе использовались соломенные маты, а в Тулунском и Братском районах вставные щиты. В числе отличий в Баяндаевском районе был зафиксирован прием рубки в «простой замок» из окантованного с двух сторон бруса, имеющий сходство с рубкой в охряпку и применявшийся в случаях, когда строить приходилось из тонких или неровных бревен. Использование различных строительных приемов переселенцами свидетельствует о традициях, привнесенных из разных регионов Белоруссии, а сохранение построек дворового комплекса было отмечено в деревнях, где до сих пор занимаются сельским хозяйством и скотоводством [Титов, 1983, с. 62–69].

По сравнению с недвижимыми объектами традиционной материальной культуры, сохранившимися во многих дворах обследованных деревень, такие ее проявления, как пища и одежда, оказались быстрее подвержены трансформациям.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аболина Л.А. Некоторые особенности и детали строительной культуры Белорусских переселенцев в Тарском районе (по результатам экспедиции 2013 г.) // Материалы VII регион. науч.-практ. конф. «Вагановские чтения», посвященной 420-летию со дня основания г. Тара. Омск, 2014. С. 6–12.

Аболина Л.А. Белорусская усадьба в Иркутской области // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2016. № 2. С. 5–11.

Бережнова М.Л. Загадка челдонов: История формирования и особенности культуры старожильческого населения Сибири. М.: Форум, 2012. 280 с.

Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Новосибирск: Наука, 1971. 232 с. Ч. I: Приангарье.

Вагнер Г.К. Деревянное зодчество русских старожилов в Среднем Приангарье // СЭ. 1956. № 3. С. 52–68.

Герасимов А.С. Региональное самоназвание псковичей «скобарь»: Историко-географический анализ // Историческая география России: Ретроспектива и современность комплексных региональных исследований (100-летие завершения издания томов серии «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества»): Материалы V Междунар. конф. по исторической географии. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015. С. 164–167.

Глушенко М.А. Опыт проведения этнографических экспедиций БГОМ // Братская земля: От истоков — до города: Материалы регион. науч.-практ. конф. (Братск, 2 дек. 2016 г.). Братск, 2017. С. 26–31.

Майничева А.Ю. Мировоззренческие аспекты памяти об образовании русских старожильческих поселений Среднего Приангарья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2013. Т. XIX. С. 472–475.

Майничева А.Ю., Глухих Е.И. Домостроение русских старожилов в Среднем Приангарье: (Новые результаты полевых исследований) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2014. Т. XX. С. 375–377.

Майничева А.Ю., Глухих Е.И. Русские старожильческие поселения Приангрья: Проблемы и результаты этноэкологического моделирования // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2015. Т. 14. № 7. С. 281–287.

Манаков А.Г., Евдокимов С.И. Скобари: Историческая зрелость границ и региональная идентичность в Псковской области // Культурная и гуманитарная география. 2013. Т. 2. № 1. С. 28–38.

Молчанова Л.А. Материальная культура белорусов. Мн.: Наука и техника, 1968. 232 с.

Отчет о работе экспедиции Братского отделения по обследованию памятников деревянного народного зодчества. Август 1975 г. // Фонды Братского объединенного музея истории освоения Ангары. Ф. 30. Оп. 1. Ед. хр. 38. 5 л.

Сабурова Л.М. Культура и быт русского населения Приангарья: Конец XIX — XX в. Л.: Наука, 1967. 280 с.

Титов В.С. Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов: XIX — начало XX в. Мн.: Наука и техника, 1983. 152 с.

Фурсова Е.Ф. Традиционная одежда русского и других восточнославянских народов юга Западной Сибири (конец XIX — первая треть XX века). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. 296 с.

Шейн П.В. Материалы для изучения быта и языка населения Северо-Западного края. СПб.: Тип. Император. академии наук, 1903. Т. III. 539 с.

R.Yu. Fedorov, L.A. Abolina
Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: r_fedorov@mail.ru
NPO «Krasnoyarsk Geoarcheology»
Prospekt Mira, 25, build. 1, Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation
E-mail: larisa-abolina@yandex.ru

MATERIAL CULTURE OF BELARUSIAN MIGRANTS IN THE BRATSK DISTRICT: IDENTITY MARKERS

At the beginning of the 20th century, migrants from Belarus, Ukraine and the Pskov province founded a number of settlements in the territory of the Central Angara region. Migrants brought with them the specific features of their traditional culture and economic activity, which were different from those typical for the local Russian population. The empirical basis for the research was formed by the materials of an ethnographic expedition conducted in 2017 in the territory of the Bratsk district (Irkutsk region, Russia). The research was aimed at identifying various markers of the ethnocultural identity of Belarusian peasant migrants in their material culture and at investigating the interactions of Belarusians with their ethnic environment. It is found that the ethnic identity of Belarusian migrant descendants is currently characterized

by a high level of variability across different families. Certain representatives of the senior generation consider themselves as Belarusians. At the same time, the majority of informants emphasize in their oral stories that only their ancestors were Belarusians. The culture of food among the first Belarusian migrants had a number of distinct features. Thus, in comparison with Russian settlers, Belarusians tended to consume more vegetables, rye bread and pork. The first generation of the Belarusian migrants preferred to make clothes according to their ethnic traditions; however, the subsequent generations of migrants borrowed many clothing items from the local population, which were more practical for the local climatic conditions. A visual survey of dwellings and other buildings indicates that the national architecture of the Belarusian migrants still have a number of features introduced from their homeland. At the same time, these features have undergone certain transformations over the course of the 20th century, as a result of adaptation to a more severe climate and introduction of improved construction technologies. In comparison with the immovable objects of traditional material culture, the transformation of such cultural manifestations as cuisine and clothing is shown to be a more prolonged process.

Key words: Belarusians, Bratsk district, peasant resettlements, ethnocultural identity, subsistence, material culture.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-147-155

REFERENCES

Abolina L.A. (2014). Some features and details of construction culture of the Belarusian immigrants in Tarsky district (by results of an expedition of 2013). *Materialy VII regional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii «Vaganovskie chteniya», posvyashchennoj 420-letiyu so dnya osnovaniya g. Tara*, Omsk, 6–12.

Abolina L.A. (2016). The Belarusian estate in the Irkutsk region. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, (2), 5–11.

Berezhnova M.L. (2012). *Riddle of cheldon: History of formation and feature of culture of Old settlers population in Siberia*, Moscow: Forum, 280.

Fursova E.F. (2015). *Traditional clothes of Russians and other Eastern Slavs in the southern regions of Western Siberia (end of the 19th — first third of the 20th century)*, Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN.

Gerasimov A.S. (2015). Regional self-name of residents of Pskov «Skobari»: Historical and geographical analysis. *Istoricheskaya geografiya Rossii: Retrospektiva i sovremennost' kompleksnyh regional'nyh issledovanij (100-letie zaversheniya izdaniya tomov serii «Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva»): Materialy V mezhdunarodnoj konferencii po istoricheskoj geografii*, St. Petersburg: Leningradskij gosudarstvennyj universitet im. A.S. Pushkina, 164–167.

Glushenko M.A. (2017). Experience of carrying out ethnographic expeditions of BGOM. *Bratskaya zemlya: Ot istokov — do goroda: Materialy regional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii (Bratsk, 2 dekabrya 2016 g.),* Bratsk, 26–31.

Majnicheva A.Yu. (2013). World outlook aspects of memory of formation of the Russian Old settlers settlements of the Central Angara region. *Problemy arheologii, ehtnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij, (XIX)*, 472–475.

Majnicheva A.Yu., Gluhih E.I. (2014). Housing construction of the Russian Old settlers on average Angara region: (New results of field researches). *Problemy arheologii, ehtnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij, (XX)*, 375–377.

Majnicheva A.Yu., Gluhih E.I. (2015). Russian Old settlers settlements of Angara region: Problems and results of ethnoecological modeling. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya, filologiya, 14*(7), 281–287.

Makoveckij I.V., Maslova G.S. (Eds.) (1971) *Life and art of the Russian population of Eastern Siberia. Part I: Angara region*. Novosibirsk: Nauka.

Manakov A.G., Evdokimov S.I. (2013). Skobari: A historical maturity of borders and regional identity in the Pskov region. *Kul'turnaya i gumanitarnaya geografiya, 2*(1), 28–38.

Molchanova L.A. (1968). *Material culture of Belarusians*, Minsk: Nauka i tekhnika.

Saburova L.M. (1967). *Culture and life of the Russian population of the Angara region: End of the 19th — 20th century*, Leningrad: Nauka.

Shejn P.V. (1903). *Materials for studying of life and language of the population of the Northwest region, III*, St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoj akademii nauk.

Titov V.S. (1983). *Historical and ethnographic division into districts of material culture of Belarusians: XIX — the beginning of the 20th century*, Minsk: Nauka i tekhnika.

Vagner G.K. (1956). Wooden architecture of the Russian old residents on average Angara region. *Sovetskaya etnografiya*, (3), 52–68.

Н.А. Лискевич*, И.Ю. Копыльцова, Л.С. Поршунова****

*ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: povod_n@mail.ru
**Музей природы и Человека
ул. Мира, 11, Ханты-Мансийск, 628011

РОЛЬ ПОГОДНЫХ УСЛОВИЙ В ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ ОЛЕНЕВОДОВ ПРИПОЛЯРНОГО УРАЛА

На основе полевых материалов выявлена роль метеоусловий в годовом хозяйственном цикле оленеводов Приполярного Урала. Дана характеристика опыта прогнозирования погоды и значимых в производственной практике знаний о природных условиях. Определены сезонные трудности выпаса, выявлено изменение сроков и маршрутов касланий.

Ключевые слова: коми, манси, ненцы, Саранпаульская оленеводческая компания, приметы погоды.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-156-164

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-49-860006 р_а.

Введение

Погодные условия являются очень важным фактором в производственной практике оленеводов. От состояния сезонных метеоусловий зависят качество кормовых ресурсов пастбищных угодий, особенности выпаса, состояние здоровья оленей [Грингоф, Бабушкин, 2010, с. 11–12]. Опыт наблюдений за поведением и регуляцией отношений оленей в стаде, оценки влияния внешних факторов и организации производственных процессов в северном оленеводстве в различные сезоны года обобщен в ряде учебных пособий и фундаментальных исследований (к прим.: [Макаревский, Петрушевский, 1909; Северное оленеводство, 1948; Бороздин и др., 1990; Подкорытов и др., 2004; Баскин, 2009]). Особенности технологии оленеводства Западной Сибири рассмотрены преимущественно на материалах территории Ямало-Ненецкого автономного округа [Подкорытов, 1995; Южаков, Мухачев, 2001; Южаков, 2006; Адаев, 2017; и др.]. К опасным погодным явлениям относятся экстремально низкие температуры, высокий снежный покров (более 1 м), оттепели в зимние время, гололедные образования (наст), метели и бураны, сильные ветра, туман и мокрый снег (особенно в период отела), обилие паразитов в жаркие летние месяцы и аномальная жара [Грингоф, Бабушкин, 2010, с. 279–328]. На фоне погодных колебаний отмечаются распространение аномальных явлений и изменение повторяющихся режимов погоды [Булыгина и др., 2017, с. 92–95]. Исследования этнографов обнаруживают прямое и косвенное воздействие происходящих климатических изменений и погодных аномалий на приемы и практики выпаса оленьих стад, реакцию оленей на изменения климата (к прим.: [Bulgakova, 2010; Istomin, Habeck, 2016; Yoshida, 2018]).

Адаптация популяций оленей к используемым экологическим нишам, так же как и опыт оленеводов, складывающийся в течение поколений, имеет отличительные особенности, характерные для определенных физико-географических условий. *Каждое даже стадо индивидуальное, не говоря об отдельных оленях* (Валей А.П.). Наша статья посвящена определению роли погодного фактора в годовом хозяйственном цикле оленеводов Приполярного Урала, характеристике значимых в производственной практике знаний о природных условиях и опыта прогнозирования погоды. Основными источниками послужили материалы полевых этнографических исследований 2018 г. на территории сельского поселения Саранпауль в Березовском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, где размещается АО «Саранпаульская оленеводческая компания», кроме этого привлечены полевые материалы авторов, полученные на исследуемой территории в 2007 и 2012 гг. Приоритетным методом сбора информации являлось полуформализованное интервью с жителями п. Саранпауль и д. Щекурья, в том числе с потомственными оленеводами, руководителями и специалистами оленеводческой компании. Среди респондентов были представители разных этнических групп — коми, манси, ненцы; возраст от 48 до 86 лет.

Краткая история оленеводства на территории Приполярного Урала

Пастбищные угодья саранпаульских оленеводов находились на территории Приполярно-Уральской горной области и Северо-Сосьвинской лесной равнинной области. Бассейн Северной Сосьвы, расположенный между Уральскими горами и р. Обь, характеризуется умеренно-холодным климатом, разливами рек со второй половины мая до июля. Территория покрыта преимущественно сосновыми и елово-кедровыми лесами [Физико-географическое районирование…, 1973, с. 68–70]. Здесь представлены гольцовые и горно-тундровые ландшафты [Там же, с. 182–183]. Приполярно-Уральская (или Приполярно-Уральская предгорно-среднегорная предлесотундрово-таежная с горными тундрами и ледниками [Природное наследие Урала, 2012, с. 32]) область — самая высокая территория Урала, с горными хребтами, обширными плато и низкогорными массивами, область делится на несколько повинций. Весенний ледоход начинается в первой половине мая, начало ледостава — с 20 по 25 октября. Из опасных природных явлений возможны сход снежных лавин, сели и камнепады. На территории Народно-Итьинской провинции выпас оленей производится летом в горной тундре, редкостойной горной тайге и на горных субальпийских лужайках. Хулгинско-Маньинская провинция используется оленеводами главным образом осенью [Там же, с. 183–185].

В бассейне Северной Сосьвы оленеводством занимались манси, ненцы и коми (зыряне). У них сформировался вертикальный тип кочевания с выпасом в летнее время на горных пастбищах и переходом зимой в таежную зону притоков Сосьвы [Головнев, 1993, с. 82]. На рубеже XIX–XX вв. Уральский хребет был полностью освоен оленеводами [Абрамов, 2017, с. 5–6]. До образования колхозов использование оленьих пастбищ в регионе регулировалось на основе обычаев и укладывалось в понятие обычного права. На первоначальном этапе колхозного строительства оленеводы практиковали привычные для своих семей маршруты передвижения и территории сезонного выпаса. Однако порядок землепользования корректировался в ходе землеустроительных работ 1935–1936 гг. и продолжался на протяжении конца 1930-х — начала 1940-х гг. [Балин, 2000]. В результате сформировались меридиональные маршруты кочевания с выпасом оленей в зимний период по р. Ляпин, Хулга, Щекурья, в летний период — в тундровой зоне территорий Ямало-Ненецкого автономного округа и Республики Коми [Козьмин, с. 13]. Летние пастбища располагались на западном склоне Урала в верховьях р. Кожим и ее притоков, на невысоких хребтах в районе массива г. Сабли, в верховьях рек Большая Сыня, Манарага-Косью, безлесных пармах Тельпосского хребта, бассейнах рек Щугор и Подчерем (в настоящее время территория Национального парка «Югыд ва»). Далее на юг для выпаса использовались тундры Коренного Поясового Камня, а также массив Маньквотнер (в настоящее время — на границе Печоро-Илычского заповедника) [Лискевич, Шубницина, 2012, с. 108; Лискевич, 2017].

До начала 1950-х гг. оленеводы ходили на *летовки* до побережья Карского моря, по словам Валея А.П., директора «Саранпаульской оленеводческой компании», последний раз оленеводы каслали до Карского моря в 1953 г.: *Все время шли-шли-шли, получается, в постоянном движении. Доходили, там какое-то время чуть-чуть постояли, обратно двигаются-двигаются, не особо на месте стоят. Заходили в тайгу, там какое-то время отдыхали, январь-февраль, наверно, и опять начинали обратно двигаться*. Со второй половины XX в. маршруты значительно уменьшились, среднее расстояние перехода между *зимовками* в долине р. Сосьва и летними пастбищами на западной стороне Урала в долине рек Балбанью, Кожим, Лемва составляло около 150 км (Канев В.В.).

В 1999 г. согласно проекту межхозяйственного землеустройства совхоза «Саранпаульский» Березовского района площадь пастбищных угодий была сокращена, в частности за счет отказа совхоза от пользования оленьими пастбищами в Вуктыльском и Печорском районах Республики Коми, на участках Березовского лесхоза и Шурышкарского района ЯНАО [О проекте…]. В 2006 г. площадь пастбищных угодий, закрепленных в пользование ГУП «Саранпаульский», составляла 4,5 млн га. Среди них выделяются пастбища зимние, весенние, летние, ранне- и позднеосенние.

В начале 2018 г. в АО «Саранпаульская оленеводческая компания» насчитывалось около 13 000 оленей, поголовье было поделено на четыре стада, распределенных между четырьмя бригадами пастухов, т.е. в каждой бригаде, с учетом личных оленей, выпасается около 4000 голов (для сравнения — в 1940–1960-х гг. в одном стаде насчитывалось около 1800 голов оленей). Для горно-таежной зоны размеры поголовья в бригаде очень большие, но разделить стада нет возможности, так как не хватает специалистов — пастухов, чумработниц (Валей А.П.).

Сезонные трудности выпаса

Зимние пастбища

С 15 декабря, после коральных работ — просчета оленей и забоя, начинался переход со стадами на ***зимние*** пастбища, который длился две-три недели. Двигаться нужно было быстро: *Идешь и не смотришь ни на мороз, ни на что, потому что нужда заставит. Стараются, конечно, выбирать хорошую погоду, но бывает всякое, и в непогоду двигаемся* (Валей А.П.); *Зимой когда идешь, хоть какая погода, все равно надо идти. Раз идешь, то надо идти до места* (Канев В.В.). Трудности во время каслания были связаны и с глубоким снегом, когда два-три человека должны были ехать впереди на упряжке, чтобы *делать дорогу*, по которой пойдут стадо и аргиш (обоз из оленьих упряжек). *А когда снег-то нормальный, так и идут по ворге* (Канев В.В.) (рис. 1). Во время спусков в горах для безопасности к полозьям нарт привязывали цепи (Канева Н.П.).

Рис. 1. Зимнее каслание. Приполярный Урал, 2008 г. Фото А.С. Хозяинова.
Fig. 1. Winter tangle. The Polar Urals, 2008. Photo by A.S. Khozyainov.

К январю, когда обычно *самый холод*, доходили до зимников, располагающихся к юго-востоку от п. Саранпауль в таежной зоне, где растет ягель. Тайга давала защиту от метелей, пурги, сильных ветров. Оленей в это время отпускали. Зимний период с качественным и доступным кормом считался очень важным для будущего поголовья: *В зимовку нужно войти и выйти хорошо, тогда процент яловости меньше будет. На зимовку заходим, и как раз самые короткие дни, прямо и светового дня не хватает, и проблемы, конечно, бывают. То снег глубокий, вот по снегу там сложно оленю. Усложняет доступ к корню. Когда снег глубокий, они как бы и не разбредаются сильно — это тоже хорошо, но в то же время они питаются хуже* (Вынгилев Д.В.).

В течение последних трех-четырех лет оленеводы Саранпаульского хозяйства не заходили на зимовку в долину, используя в качестве зимних пастбищ ягельники в горах, на восточных склонах, ближе к основному перевалу в бассейнах рек Кемпаж, Народа, Хулга, Балбанью, Халмерью, Тыкотлова. Практика зимовки в горах была связана с различными факторами: с социально-экономическими условиями и спецификой ведения хозяйства, а также с погодными особенностями последних лет.

Общее уменьшение поголовья домашних оленей в хозяйствах предприятий Приполярного и Полярного Урала, уменьшение потребности в смене пастбищных угодий и использовании проходных путей привели к тому, что проходные пути в горах стали свободными: *В последние годы оленеводы со стадами практически живут на одном месте. Оленей меньше стало поголовье, потом стад меньше стало. Раньше у нас на проходном пути нельзя было пасти оленей, потому что тундровые шли, им же чем-то кормиться надо* (Валей А.П.). В Саранпаульской оленеводческой компании в связи с нехваткой пастухов стада разных бригад были объединены, что почти вдвое увеличило обычное поголовье стада. Увеличение поголовья оленей в бригадах затрудняет каслание и сохранность животных: *Без потерь нельзя идти. На зимовку заходишь, и туда идешь — оставляешь, обратно выходишь — кто-то там остался. Снегом заметет тропу. Может, посередине где-то остались. Опять замело, и... Вот не*

можешь вовремя найти, когда выходишь (Вынгилев Д.В.); *Меньше каслать надо. Люди же тоже ищут себе облегчение, а тут раз — и легче, и перегонять не надо* (Валей А.П.).

Кроме того, у саранпаульских оленеводов с 1960-х гг. корали для зимнего забоя, вакцинации и просчета оленей находятся в горах, на пути перехода с позднеосенних пастбищ на зимние. Это, по словам директора компании А.Т. Валея, предотвращает потерю веса оленей и обеспечивает лучшие вкусовые качества мяса. Раньше оленеводы подходили к коралям в середине октября и к концу октября, после проведения всех работ, двигались со стадами на зимовку. В последние годы коральные работы начинаются в середине декабря, т.е. переход на зимние пастбища становится нецелесообразным — времени для стоянки в долине остается мало. Сдвиг коральных работ был вызван объективными причинами, связанными с изменением погодных условий и сроков перехода с осенних пастбищ: *Это из-за того, что осень теперь поздняя. А причина вот — раньше в сентябре лед вставал, а теперь в ноябре встает* (Хозяинов С.Я.). Раньше специалистов (зоотехников, ветеринаров) доставляли из поселка к коралям на вертолете, теперь это очень дорого. Приходится ехать на вездеходах или снегоходах, для чего нужно дожидаться установления зимней дороги (Хозяинов С.Я.).

Также одним из факторов использования зимних пастбищ в горах стал очень глубокий снежный покров, наблюдавшийся несколько последних лет в бассейне Сосьвы, что затрудняло доступ к корму: *Снег большой был, ни заехать, ни выехать. Оленям глубоко копать, корень там труднодоступный, и поэтому в горах зимовали. В горах, конечно, там легче пасти, и корм им доступный. Корма не так много, но оленю выжить хватает* (Вынгилев Д.В); *Когда глубокий снег, и бывает, что обледенение, на ягеле образуется ледяная корка, и тогда олени не съедают. Зимние пастбища остались в горах, потому что горы всегда прокормят, где-то все равно корм найдется. По крайней мере, так у нас говорили: «Горы для оленя — мать родная». Хотя олени — это пасынки природы: зимой холодно, летом гнус* (Валей А.П.). *Наш олень — он избалованный, он носом кушает, ему рыть не надо. Весной только наст образовался — и он уходит в гору, где снег выдувается. Когда представьте, снег метровый, или пятьдесят сантиметров, мой отец говорил: «Тундровый олень здесь бы стал кушать. Наш олень пробиваться не будет. Он умрет, но копать не будет». Горы, горы, горы. Горы — это мать родная для них* (Валей А.П.).

Опасность зимнего выпаса и каслания в горах — сходы снежных заносов, лавин. *В прошлый год оленей унесло, голов сто погибло* (Вынгилев Д.В.). Пастухи смотрят, чтобы не проходить там, где сильно нависает снег, туда стараются не приближаться (Вынгилев Д.В.). Обращали внимание на направление ветра, заносы снега в метель (*тола* ‘сугроб, занос’): *Ой, занесет,— тола скатывается-то, лавина-то скатывается, надо туда оленей гонять... Вот это все они знали, с какой стороны ветер дует, а с какой стороны снег падает, и в горах же есть такие, как гребешки. Потом наметет, и раз, съедет. А у нас очень крутые горы были там. Раньше очень хорошо за этим смотрели, с какой стороны ветер несет — туда не надо, там лавина сейчас наметет, съедет потом уже* (Рокина А.Е.).

Весенние пастбища

С начала апреля начинается переход с зимних пастбищ на ***весенние***, который длится около месяца. В это время реки стояли еще замерзшие, но уже начинали появляться забереги — талая вода возле берега. В этот период проходил отел, для этого оленеводы спешили дойти до отельных мест. К примеру, в 4-й бригаде это бывает на Парнуке — там лесотундра и *чистовина*. Важенки для отела располагались на чистовине, но если было очень много снега, то их перегоняли повыше. Результаты отела во многом зависели от качества зимовки: *Если у нее все нормально, упитанная, естественно, теленок хороший будет. В течение получаса уже прыгает теленок. Это зависит от того, как мать зимой перезимовала. Если олени хорошо перезимовали, то и телятки здоровые будут* (Вынгилев Д.В.).

Кроме того, на результат отела влияла погода. *Большой снег мешает отелу. Бывает наст, тоже недоступный корм бывает, он мешает. До конца мая бывает. Нынче очень плохо тоже отел провели: пурга, мело. До места отела там не доехали, но на полпути отел проводили, прямо на перевале. Непогода. Постоянная пурга. И телята сразу замерзают. Тут же рождаются, и тут же сразу замерзают* (Вынгилев Д.В.). Потери приплода увеличивались, когда телята рождались вне стада, в поле, и становились легкой добычей хищников. Обычно период отела длится около двух недель, в это время за стадом присматривают по два пастуха, охраняют его от хищников — медведей, волков.

После отела оленеводы старались быстрее добраться до поздневесенних пастбищ, чтобы успеть перейти реку до весеннего половодья по хорошему льду, либо до дождей. *Если дождь прошел, это моментально за час вода прибудет* (Рокина А.Е.). Несмотря на то что олени хорошо плавают и не боятся воды, существовала опасность ухода под лед нарт с людьми и грузом, а также потери телят. *Так как когда вода разольется, там нежелательно переводить, там телята уплывут. Тоже от этого берегли, чтобы они как попало не залазили в воду* (Вынгилев Д.В.). При большой воде приходилось стоять и ждать, пока она спадет. *Половодье в горах зависит от погоды. Например, стало тепло резко, и с дождем. Дождь пошел — это вода. А если дождя нету, то где спокойно тихо тает-тает. Это зависит от этого, а примет таких нету. Если с дождем, значит, и тут вода большая. А в горах тогда уже знаешь какие бурные реки? Камни ворочает* (Рокина А.Е.).

Неустойчивая весенняя погода, затяжная весна создавали проблемы с питанием оленей. Высокий снег весной покрывался ледяной коркой, которую оленям было трудно разбивать. Если снег долго таял, соответственно земля прогревалась медленнее и позже появлялась молодая трава, поэтому *телята были мелкие* (Валей А.П.)

Летние пастбища

Летние пастбищные угодья располагаются большей частью на продуваемых западных склонах Урала, где меньше гнуса. Оленеводы со стадами переходят на летние угодья в начале июня, в период белых ночей, при этом каслают и ночью. Во время каслания сложности может вызывать переход через реки и разлившиеся ручьи, когда приходится ждать спада воды (рис. 2). Подъем воды зависит от интенсивности таяния снежников, поэтому оленеводы ждут ночи, когда уменьшается таяние и ослабевает напор воды. Известен способ ставить *метку* — палку у берега, на которой по насечкам замечают спад (Валей А.Т.).

Рис. 2. Переход через ручей. Приполярный Урал, 2008 г. Фото А.С. Хозяинова.
Fig. 2. Go through the creek. The Polar Urals, 2008. Photo by A.S. Khozyainov.

На летних пастбищах оленеводы стоят около двух месяцев — с 15 июня до 15 августа, олени в это время набирают жир, витамины, у них активно растут рога. Женщины находятся в чуме, который располагается на постоянной стоянке. Со второй половины XX в. в качестве временного жилья некоторые оленеводы стали использовать заброшенные избы, построенные для геологоразведчиков. Мужчины с легкими палатками караулят стадо. Для облегчения передвижения пастухов в летний период оленеводам из Саранпауля переводят лошадей.

В жаркое лето большой проблемой становится гнус — комары, пауты. В это время олени спасаются на продуваемом месте, на возвышенности, либо в сырых прохладных местах или на снежниках/*ледниках* (рис. 3). Животные могут находиться там целыми днями, при этом стадо медленно крутится на месте, скорость вращения на периферии стада больше, чем в центре, куда почти не попадает гнус. Таким образом, стадо само себя *оберегает*: *Чем больше стадо, тем легче оно переносит гнус. Самый лучший пастух — это паут и комар. Он их всех соберет в одну кучу. Тебе остается присматривать, чтобы хищник не напал, и направлять* (Валей А.П.).

Рис. 3. Олени на снежнике. Приполярный Урал, 2008 г. Фото А.С. Хозяинова.
Fig. 3. Reindeers on the place of snow accumulation («snezhnik»). The Polar Urals. 2008. Photo by A.S. Khozyainov.

Осенние пастбища

С середины августа, когда трава начинает выгорать, с летних пастбищ передвигаются на ***раннеосенние*** — на восток, выше в горы, где есть ягель и лучший обзор для защиты от волков в темные ночи. Осенью каслают в основном уже днем, предпочтение отдается дождливой погоде — *легче нарты катятся* (Валей А.П.). В этот период выпас осложняется после появления грибов, которые олени очень любят: *Олени же грибы едят. Они как бешеные становятся, у них только черви со рта летят, им только грибы подавай. Они же бегут, а за ними тоже бегут. А сейчас-то на лошадях пастухи ездят, а тогда же они все бегом. А склоны-то вон какие, и те бегут за грибами* (Рокина А.Е.).

После выпадения снега и установления ледостава на реках переходят на ***осенние*** пастбища. В конце ноября бригады подходят к забойным пунктам на р. Хальмерью или на р. Большая Тынакота. На убойном пункте есть жилые дома, построена баня, есть просчетный кораль, склад. Люди приезжают во время забоя, иногда — при переходе на осенние пастбища. Всего два кораля, *две бригады в одном корале, а две в другом. А то в одном корале проводить, всех их там пропускать — все выбьют* (Вынгилев Д.В.). На одну бригаду обычно уходит по четыре-пять дней (Вынгилев Д.В.).

Наблюдения за погодой

У оленеводов практикуются оперативные и долгосрочные наблюдения за погодой, в результате чего прогнозируются ближайшие или сезонные изменения, складывается мнение о периодах длительного изменения климата. По мнению А.П. Валея, с 2008–2009 гг. были благоприятные периоды для оленеводства, а последние несколько лет — очень сложные, *«потому что весна затяжная, и осень ранняя, и зима снежная была»*. Такие аномальные явления плохо сказываются на состоянии оленей, при позднем лете телятам не хватает травы, они не успевают летом нагулять вес и т.п. Хотя регулярные сезонные наблюдения оленеводов показывают, что климат меняется, становится мягче. К примеру в течение последних 10–15 лет позже встает лед — в конце октября, в первых числах ноября, а раньше реки покрывались льдом уже в сентябре. И ледоход начинается в апреле, начале мая, хотя последние два года реки вскрылись в середине мая (Хозяинов С.Я.).

Для добычи корма в зимнее время имеют значение высота снежного покрова, его плотность, влажность, оледенение верхнего слоя. Глубокий снег важен для пастухов *в пределах разумного* — если олень свободно ходит по снегу, когда ему немного до живота не достает. *Снег немножко удерживает оленя, для оленевода. И как бы он кушать может. Мало снега оленю хорошо может быть, но для оленевода это сложность, потому что олень большие территории покрывает и свободу чувствует. Сильно мало снега — тоже плохо. Расходятся, да и земля промерзает. И оленю плохо, в морозы особенно. А когда снег выпадет особенно, вот такой сыроватый, и уплотнится — тоже тяжело оленю. Тундровый олень-то пробьет его, а наши олени — нет, они этот снег не пробивают* (Валей А.П.).

Поведение оленя зависит от свойств верхнего слоя снега. Если снег выпадет на сырую землю и покроется коркой — *даже не лед, а льдинки есть, то олень уже начинает бродить. Если ягель совершенно сухой, олень ест на месте, он не ходит, ему достаточно корма. И когда бывает, допустим, болото — если болота замерзли сухими, то олень спокойно живет. Если осенью наледью покрыло, олень тоже большие расстояния покрывает* (Валей А.П.). Пастухи отмечают, на сырую или сухую/мерзлую землю выпал снег, от этого зависит качество ягеля зимой. Олени не едят прилипший к снегу или обледеневший ягель, который ушел под снег мокрым на талой земле (Хозяинов С.Я.).

В традиционные знания оленеводов входит система различных примет для прогнозирования погоды. Существовали долгосрочные прогнозы — о приходе весны, дождливости и температуре лета, глубине снега зимой. Срок наступления весеннего тепла предсказывали по прилету птиц и издаваемым ими звукам: *Дятел если он долго начинает трещать: тррр! — это длинная весна. Когда он так вот, долго не стучит, это весна будет короткая* (Вынгилев Д.В.); ранний прилет кукушки и вороны обещал наступление весеннего тепла; по дню св. Николая 22 мая примечали, когда начинает куковать кукушка — если раньше, то к теплой весне, а если позже — к затяжной. О том, каким будет лето — дождливым или сухим, судили по грудной косточке первого убитого чирка в мае: мутная, коричневая косточка предвещала дождливое лето, а светлая, *чистенькая* — сухое.

Перспективу погоды определяли по ее состоянию и направлению ветра на Егория (Егорьев день, 6 мая): если дул северный ветер, то он сохранялся в течение 40 дней и сопровождался прохладной погодой. Ожидаемую глубину снежного покрова наступающей зимы можно было узнать по высоте улетающей стаи перелетных птиц (гуси, утки и др.): низкий полет предрекал малоснежную зиму, высокий — глубокий снег.

Для определения ближайшей погоды обращали внимание на направление ветра в горах, наличие и расположение тумана в горах, цвет заката, мерцание звезд, ореол вокруг луны, красоту северного сияния, качество разносившихся звуков (глухие или звонкие), тягу огня и движение дыма, форму облаков, крики птиц, поведение животных — оленей, собак, насекомых. Приметы позволяли прогнозировать непогоду, дождь, снег, пургу, ветер, холод, мороз, тепло и другие метеорологические изменения, значимые в производственной практике оленеводов. Большей частью эти приметы имеют рациональное объяснение, связанное с изменением атмосферного давления.

Выводы

Практические знания и навыки оленеводов включают умение оперативного и долгосрочного наблюдения за погодой, опыт прогнозирования и оценки изменений гидрометеоусловий, возможность определения их влияния на состояние кормовой базы, поведение и здоровье оленей. Наблюдения за погодой показывают смягчение климата и повышение количества аномальных погодных явлений. В связи с погодными особенностями последних лет, а также рядом других факторов у оленеводов изменились сроки и маршруты каслания, связанные со сменой сезонных пастбищ, перестали использоваться зимние пастбищные угодья в долине Сосьвы, выпас оленей круглый год проводят в горах. Зимовка в горах имеет свои сложности — резкая смена погоды, сильные ветра, опасность снежных лавин, но в то же время сложный и разнообразный горный ландшафт дает важные преимущества для маневров при выпасе оленей в случае погодных аномалий.

Авторы благодарят жителей п. Саранпауль и д. Щекурья Валея Анатолия Прокопьевича, Вокуева Ивана Николаевича, Витязеву Полину Ивановну, Вынгилева Данилу Васильевича, Канева Василия Васильевича, Каневу Наталью Петровну, Комарицкого Сергея Ивановича, Ларионову Галину Николаевну, Рокину Александру Егоровну, Хозяинова Семена Яковлевича, Хозяинова Алексея Семеновича за помощь в проведении полевой работы и рассказы по теме исследования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абрамов И.В. Отгонное оленеводство в горах Северного Урала: История, маршруты и этносоциальное значение // Природные и исторические факторы формирования современных экосистем Среднего и Северного Урала: Материалы докладов школы-конференции. Якша: Изд-во Печоро-Илычского заповедника, 2017. С. 4–8.

Адаев В.Н. Горные ненцы Полярного Урала: Особенности традиционной культуры и ландшафтного освоения // УИВ. 2017. № 2 (55). С. 25–34.

Балин В.Г. Земельные отношения на Обском Севере. Новосибирск: СГГА, 2000. Ч. 1. 209 с.

Баскин Л.М. Северный олень: Управление поведением и популяциями. Оленеводство. Охота. М.: Товарищество науч. изданий КМК, 2009. 284 с.

Бороздин Э.К., Забродин В.А., Вагин А.С. Северное оленеводство. Л.: Агропромиздат, 1990. 240 с.

Булыгина О.Н., Коршунова Н.Н., Разуваев В.Н. Экстремальность климата на территории России [Электрон. ресурс] // Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды. URL: http://meteo.ru/pogoda-i-klimat/196-extremclim (дата обращения 30.09.2018).

Головнев А.В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1993. 204 с.

Грингоф И.Г., Бабушкин О.Л. Климат, погода и пастбищное животноводство. Обнинск: ВНИИГМИ-МЦД, 2010. 352 с.

Козьмин В.А. Оленеводческая культура народов Западной Сибири. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 236 с.

Лискевич Н.А. Оленеводство сосьвинско-ляпинских коми в XX — начале XXI в. // Природные и исторические факторы формирования современных экосистем Среднего и Северного Урала. Якша: Изд-во Печоро-Илычского заповедника, 2017. С. 107–114.

Лискевич Н.А., Шубницина Е.И. К вопросу о маршрутах кочевания оленеводов Уральского Севера в XIX — первой половине XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 4 (19). С. 106–117.

О проекте межхозяйственного землеустройства совхоза «Саранпаульский» Березовского района (с изменениями на 19 января 2001 г.) // Консорциум Кодекс: Электрон. фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: http://docs.cntd.ru/document/991005897.

Подкорытов Ф.М. Оленеводство Ямала. Л.: Тип. Ленингр. атомной электростанции, 1995. 274 с.

Подкорытов Ф.М., Забродин В.А., Бороздин Э.К., Лайшев К.А., Вагин А.Р. Северное оленеводство. М.: Аграрная Россия, 2004. 450 с

Природное наследие Урала: Разработка концепции регионального атласа / Под науч. ред. чл.-кор. РАН А.А. Чибилева и акад. РАН В.Н. Большакова. Екатеринбург: РИО УрО РАН, 2012. 480 с.

Северное оленеводство / Под ред. П.С. Жигунова и Ф.А. Терентьева. М.: ИГИЗ — СЕЛЬХОЗГИЗ, 1948. 367 с.

Физико-географическое районирование Тюменской области / Под ред. проф. Н.А. Гвоздецкого. М.: Изд-во МГУ, 1973. 247 с.

Южаков А.А. Ненецкая аборигенная порода северных оленей. Салехард: Красный Север, 2006. 160 с.

Южаков А.А., *Мухачев А.Д.* Этническое оленеводство Западной Сибири: Ненецкий тип. Новосибирск: Изд-во СО РАСХН, 2001. 112 с.

Bulgakova T. Climate change, vulnerability and adaptation among Nenets reindeer herders // Community adaptation and vulnerability in Arctic regions. Dordrecht; N. Y.: Springer, 2010. P. 83–105.

Istomin K.V., Habeck J.O. Permafrost and indigenous land use in the northern Urals: Komi and Nenets reindeer husbandry // Polar Science. 2016. Vol. 10. No 3. C. 278–287.

Yoshida Atsushi. Reindeer Herding and Environmental Change in Reindeer Herding Regions of the Sakha Republic: Comparison with the Yamal-Nenets Autonomous District // Global Warming and Human — Nature Dimension in Northern Eurasia. Global Environmental Studies / T. Hiyama, H. Takakura (eds.). Springer Nature Singapore Pte Ltd., 2018. P. 145–160.

N.A. Liskevich*, I.Yu. Kopyltsova, L.S. Porshunova****

*Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygin st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: povod_n@mail.ru
**Museum of Nature and Man
Mira st., 11, Khanty-Mansiysk, 628011, Russian Federation

THE EFFECT OF WEATHER CONDITIONS ON THE PRACTICE OF REINDEER HERDERS IN THE SUB-POLAR URALS

In this paper, we aim to determine the role of weather conditions in the annual industrial cycle of reindeer herders inhabiting the Sub-polar Urals. To this end, we analyse the knowledge accumulated by the local population about natural conditions significant for their production practices and weather forecasting. Main research sources consisted in the materials of field ethnographic studies conducted in 2018 across the territory of the rural settlement Saranpaul in the Berezovsky district of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug (Yugra). The data was collected using the method of semi-formalized interview with the residents of Saranpaul and the Shchekurya village. Among the informants were ancestral reindeer herders, specialists and heads of reindeer farms. Following the treatment and analysis of the obtained data, we have revealed seasonal difficulties concerned with grazing management, as well as changes in the dates and routes of herd migration. The practical knowledge and skills of reindeer herders are shown to include the ability of operational and long-term observation of the weather, experience in forecasting and evaluating changes in hydrometeorological conditions, the ability to determine the impact of climatic conditions on both the food supply, and the behaviour and health of deer. The experience of observing climatic conditions shows that the climate is becoming milder and that the number of anomalous weather phenomena is increasing. As a result

of climate change and a number of other external factors, reindeer herders in the territory under study have been forced to change the timing and routes of herd migration. Thus, the winter grazing lands in the Sosva river valley have ceased to be used, and deer is being gazed in the mountains all year round.

Key words: Komi, Mansi, Nenets, Saranpaul reindeer company, signs of weather.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-156-164

REFERENCES

Abramov I.V. (2017). Altitudinal reindeer herding of Northern Urals: History, migration routes and ethno-social significance. *Prirodnyye i istoricheskiye faktory formirovaniya sovremennykh ekosistem Srednego i Severnogo Urala*, Yaksha: Izd-vo Pechoro-Ilychskogo zapovednika, 4–8.

Adaev V.N (2017). The mountain Nenets of the Polar Urals: Features of traditional culture and landscape use by a local ethnic group. *Uralskiy istoricheskiy vestnik*, (2), 25–34.

Balin V.G. (2000). *Land relations in the Ob North*, (1), Novosibirsk: SGGA.

Baskin L.M. (2009). *Reindeer: Management of behavior and populations, reindeer herding, hunting*, Moscow: Tovarishchestvo nauchnykh izdatelstv KMK.

Borozdin E.K., Zabrodin V.A., Vagin A.R. (1990). *Reindeer herding*, Leningrad: Agropromizdat.

Bulgakova T. (2010). Climate change, vulnerability and adaptation among Nenets reindeer herders. *Community adaptation and vulnerability in Arctic regions*, Dordrecht; New York: Springer, 83–105.

Bulygina O.N., Korshunova N.N., Razuvaev V.N. (2017). Extrem climate in Russia. *Federalnaya sluzhba po gidrometeorologii I monitoringu okruzhayushchey sredy*. Retrived from http://meteo.ru/pogoda-i-klimat/196-extremclim.

Chibilev A.A. (Ed.) (2012). *Natural heritage of the Urals: Development of the regional Atlas concept*, Ekaterinburg: RIO UrO RAN.

Golovnev A.V. (1993). *Historical typology of economies of North-Western Siberia peoples*, Novosibirsk: Izd-vo NGU.

Gringof I.G., Babushkin O.L. (2010). *Climate, weather and grazing*, Obninsk: VNIIGMI-MCD.

Gvozdeckij N.A. (Ed.) (1973). *Physical and geographical zoning of the Tyumen region*, Moscow: MGU.

Istomin K.V., Habeck J.O. (2016). Permafrost and indigenous land use in the northern Urals: Komi and Nenets reindeer husbandry. *Polar Science, 10*(3), 278–287.

Kozmin V.A. (2003). *Reindeer herding cultures of Western Siberian peoples*, St. Petersburg: Izd-vo SPbGU.

Liskevich N.A. (2017). Reindeer herding of Sova-Lapin group of Komi in 20th — beginning of 21st century. *Prirodnyye i istoricheskiye faktory formirovaniya sovremennykh ekosistem Srednego i Severnogo Urala*, Yaksha: Izd-vo Pechoro-Ilychskogo zapovednika, 107–114.

Liskevich N.A., Shubnitsina E.I. (2012). Nomads of Big Urals: On nomadism routes with deer breeders of Polar and Circumpolar Urals in 19 — first half of 20 century. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (4), 84–93.

Podkorytov F.M. (1995). *Yamal reindeer husbandry*, Leningrad: Tipografiya Leningradskoy atomnoy elektrostantsii.

Podkorytov F.M., Zabrodin V.A., Borozdin E.K., Layshev K.A., Vagin A.R. (2004). *Reindeer herding*, Moscow: Agrarnaya Rossiya.

Yoshida Atsushi (2018). Reindeer Herding and Environmental Change in Reindeer Herding Regions of the Sakha Republic: Comparison with the Yamal-Nenets Autonomous District. In T. Hiyama, H. Takakura (Eds.). *Global Warming and Human — Nature Dimension in Northern Eurasia. Global Environmental Studies* (pp. 145–160), Springer Nature Singapore Pte Ltd.

Yuzhakov A.A. (2006). *Nenets aboriginal reindeer breed*, Salekhard: Krasnyy Sever.

Yuzhakov A. A., Mukhachev A.D. (2001). *Ethnic deer breeding in Western Siberia: Nenets type*, Novosibirsk: Izd-vo SO RASKhN.

Zhigunov P.S., Terent'yev A.A. (Eds.) (1948). *Reindeer herding*, Moscow: IGIZ — SEL'KHOZGIZ.

А.Ю. Конев, Р.О. Поплавский

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: aldimoks@mail.ru;
roman.poplavskiy@gmail.com

ДАР В ПОЛИТИКЕ И ПРАКТИКЕ ХРИСТИАНИЗАЦИИ СИБИРСКИХ «ИНОВЕРЦЕВ» (ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ КОНЦА XVI — XVIII в.)

На первых этапах русского освоения Сибири обращение в православную веру «иноверцев» из числа автохтонных жителей было точкой пересечения двух процессов: укрепления в русском подданстве и религиозной конверсии. Опираясь на теорию дарообмена М. Мосса, учитывая при этом результаты изучения Н.В. Ссориным-Чайковым феномена «дара власти», мы показываем, что: государство, санкционируя крещение, стремилось установить или укрепить свой суверенитет над новообращенными, которые еще на этапе оглашения принимали его добровольный дар — обещанное им «новое время», новое качество подданства; в ответ на факт крещения власти отдаривали деньгами и одеждой; во второй половине XVIII в. эти подарки замещаются предоставлением льгот по уплате подати, что отражало изменения в положении «ясачных иноверцев» в структуре империи; подарки светских властей и восприемников выстраивали иерархические отношения, указывая на принадлежность новокрещенного к определенной социальной группе.

Ключевые слова: христианизация, теория дарообмена, иноверцы, Сибирь, религиозная конверсия, подданство.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-165-174

Работа выполнена в рамках Программы XII.186.4; проект № 0371-2018-0033.

В 1887 г. известный исследователь Сибири С.К. Патканов записал интересное сказание, бытовавшее у остяков Тобольского уезда, о желании хантыйского князца креститься. По совету стариков он решил обратиться к самому Белому царю, следуя примеру уже бывавших до того в столице остяцких князей. Такой визит не мог обойтись без достойного подарка: «ведь царь его конечно не станет крестить даром». И князец, как гласит легенда, добыл необычную лисицу, золотистую, яркого блеска, в чем «Бог, должно быть русский, ему помог». Он прибыл ко дворцу и был допущен к царю. Зайдя в «большую и богато убранную горницу», поклонился, но не снял шапки. Государь, поздоровался и спросил: «…ты что за человек будешь и отчего предо мной шапки не снимаешь?» Тот отвечал: «…я князь остяцкий, приехавший… из Сибири. А что шапки… не снял, то это чтобы тебя не испугать, Ваше Императорское Величество». Царь усмехнулся, сказав, что он «не из трусливых», и приказал снять шапку. Князец снял, и необычайный свет озарил всю комнату. Император смекнул, что перед ним человек необыкновенный. После знатного угощения гость развернул платок и преподнес лисью шкуру с золотым руном. «Что же тебе дать взамен?» — спросил государь. «Дай мне три куска золота[1]»,— отвечал остяк. Когда ему их принесли, он взял лишь один, а два других вернул дарителю. Царь крестил князца и «по своей фамилии нарек ему имя Роман». После женил его на придворной девке. Но та, затосковав в Сибири, отравила князя, чтобы избавиться от него, и вернулась обратно. В память о погибшем родственники его, также приняв крещение, выстроили возле своих юрт церковь, вокруг которой потом выросло село Романовское [Патканов, 1898, с. 353–354].

В своеобразной, метафорической форме сказание транслирует информацию о действительных исторических событиях, связанных с вхождением в русское подданство обско-угорских племен, принятием православия их вождями и рядовыми ясачными людьми, визитами князцов в первопрестольную и новую имперскую столицы. Сюжетная линия выстроена вокруг процесса

[1] Золото у обских угров находится «на вершине цветовой иерархии, относящейся к духовному миру», является символом высшего божества — Торума и его окружения [Сподина, 2013, с. 150–151]. Предполагается, что эти символические функции могут быть связаны с культурами, ориентированными на единобожие, прежде всего с христианством.

обмена дарами, который, будучи опосредован отношениями власти и чести, затрагивает в первую очередь религиозную сферу. Обращение к этой легенде актуализирует изучение истории христианизации народов Сибири в контексте отношений взаимного обмена (reciprocity), дает определенный «ключ» к интерпретации практики одаривания властью «новокрещенных иноверцев».

Исследователи уделяли и продолжают уделять внимание как содержанию правительственных распоряжений, определявших номенклатуру подарков и формы льготирования новокрещенных в Сибири XVII–XIX вв., так и реализации этих положений. И.И. Огрызко противоречиво трактует роль подарков, то видя в них лишь «подкуп», сменявший «принуждение и запугивание», то соглашаясь с мнением миссионеров, что раздача «милостыни» влияла на успех христианизации [1941, с. 54, 56]. Н.А. Миненко, пересмотрев сформулированную И.И. Огрызко концепцию «насильственного крещения» народов Северо-Западной Сибири, подчеркнула, что предоставление новокрещенным различных льгот было главным методом приобщения к православию [1975, с. 271]. И.И. Юрганова на материалах Якутии также пришла к заключению, что «льготы по уплате ясака и применяемая в 1720–1760 гг. система одаривания неофитов» были «действенными рычагами для принятия крещения» [2017, с. 32]. Е.В. Перевалова, рассматривая случаи крещения представителей обско-угорской и ненецкой элиты в процессе их инкорпорации в имперскую систему, особо отметила роль «царских даров» и отражение соответствующих событий в туземном фольклоре [2008, с. 163, 166]. И все же данный материал использовался фрагментарно — в качестве иллюстрации процесса религиозной конверсии, не являясь предметом специального исследования. Как правило, практика одаривания сибирских «новокрещенов» рассматривалась вне общероссийского контекста, не прослеживались ее особенности и эволюция на длительном историческом отрезке.

В настоящей статье на основе систематизации имеющихся данных и введения новых источников предлагаем восполнить некоторые пробелы в изучении заявленной темы, подойдя к ее осмыслению с позиций *теории дарообмена*.

К. Сайкс подчеркивает: «Теория Мосса о дарообмене как тотальном социальном факте демонстрирует, что дар является краеугольным камнем всего общества, потому что воплощает понимание того, что значит быть человеком» [Sykes, 2005, p. 4]. Т.Ю. Ларкина и Г.Б. Юдин, отмечая достоинства этого исследовательского подхода, обращают внимание на то, что он обладает «необходимой степенью историзма», на его антропологичность и чувствительность «к проблеме возможности совместного религиозного опыта» [2015, с. 5]. Как известно, М. Мосс выделил три основных обязательства, присущих отношениям дарообмена: давать/дарить, брать/принимать, возмещать/отдаривать [2011, с. 152–155, 203–212]. Н.В. Ссорин-Чайков полагает, что обязательный характер самого первого действия — дарения — неочевиден, так как оно ничем не обусловлено, кроме воли дарителя, в то время как брать/принимать и возмещать/отдаривать являются обязательствами получателя дара [2017, p. 107–108]. Такое понимание логики дарообмена укладывается в рамки концепции Т. Гоббса [1998], из которой исходит российский антрополог. Здесь дарение — акт, совершаемый по доброй воле, тогда как для М. Мосса — это действие, имеющее характер контрактного обязательства. Более того, согласно Т. Гоббсу, отмечает Н.В. Ссорин-Чайков, добровольный первый дар является актом навязывания воли получателю дара, т.е. актом власти, эквивалентным завоеванию — власти дара как дара власти. В данном случае дар «принимает форму “добровольной” передачи прав сюзерену», а по М. Моссу — это «система взаимных обязательств» [Ssorin-Chaikov, 2017, p. 102]. Следует учесть, что классик разрабатывал свою теорию применительно к безгосударственным обществам. У Т. Гоббса и в работе Н.В. Ссорина-Чайкова участниками процесса дарообмена выступают государство (Левиафан) и подданные/граждане, а дар принимает форму «дара цивилизации» и «дара модерна». Еще одно важное замечание связано со временем — «центральной категорией для концептуализации дара» [Ibid., p. 46]. По М. Моссу, ритм дарообмена выступает особым режимом времени, «правильный подарок и правильно выбранный момент подарка создают будущее — желаемый эффект в виде отдарка» [Мосс, 2011, с. 194–195]. Н.В. Ссорин-Чайков же показывает, что «дар модерна» — это дар «нового времени» как нового мира, а «добровольная» благодарность получателей, как правило, предшествует материализации этого дара и является реакцией на навязанное дарителем обещание «дара светлого будущего», а не его дара как такового [2017, p. 27]. Отталкиваясь от этих методологических позиций, было бы интересно выяснить, что в случае крещения выступало в качестве «первого дара», каковы были правила этого дара (т.е. возникавшие обязательства сторон), как это влияло на статус новокрещенного.

Ритуалы перехода в разных обществах и на разной стадии их развития, как правило, сопровождаются дарами [Deller, 2011; Kim, 2012]. Таинство крещения не является в этом смысле исключением. Традиционные подарки на крещение имели и имеют символическое (крестильная рубаха) и сакральное (нательный крест) значение, связанное с духовных обновлением, перерождением человека. Для понимания этого следует пояснить, что с точки зрения Церкви в крещении человек получает от Бога дар Святого Духа (Деян. 2:38), оно же является условием спасения: «Кто будет веровать и креститься, спасен будет» (Мк. XVI:16). По свидетельству архиепископа Фессалоникийского Симеона, белый хитон — «анаволий» надевается на новокрещенного «во образ света и ангельской чистоты» [Анаволий]. Рубашку, в которую облачается крещаемый, отцы Церкви также называют «блистающей ризой, ризою царскою, одеждой нетления», ибо она знаменует восстановление истинной природы, утраченной вследствие грехопадения прародителей [Пономарев]. Белая рубаха и нательный крест — безусловные, обязательные атрибуты, которыми обеспечивали неофитов. Остальное зависело от доброй воли и достатка дарителя.

В Русском государстве подарки иноверцам, принимавшим православие, были давней традицией. Г. Штаден применительно к 60–70 гг. XVI в. сообщает об этом как о сложившемся правиле. «Для московских господ великая радость, когда иноземец крестится и принимает русскую веру: обычно они старательно ему (в этом) помогают... Обыкновенно они же бывают и крестными отцами и из казны выдают новокрещенным крестильный подарок и золотые» [Штаден, 1925, с. 139]. Г. Штаден и посетивший Россию спустя без малого сто лет после него А. Олеарий фиксируют в своих записках одинаковый порядок оглашения иноверцев, которые находились для наставления в вере шесть недель в монастыре [Штаден, 1925, с. 139; Олеарий, 2003, с. 265]. Затем их вели для крещения к реке, где они должны были отказаться от прежней религии, «как еретической и проклятой», и поклясться «никогда более не принимать ее», после чего от восприемников давалось «содержание, глядя по состоянию их» [Олеарий, 2003, с. 265]. В 1640–1650-е гг. прошла серия крещений выезжих Чингисидов. В частности, принял православие сибирский царевич Иш-Мухаммед ибн Алтанай. Родовитый татарин был очень щедро одарен, получив «на крест» 1000 рублей, несколько атласных тканей разного цвета, камку и кармазин [Беляков, 2011, с. 358]. Находившийся в 1654–1656 гг. в Московском государстве вместе с Антиохийским патриархом Макарием архидиакон Павел Алеппский, ставший свидетелем крещения троих «татар», сообщает: «Крестившийся получает от щедрот царя одежду, сукна и много динаров, и один из государственных сановников бывает его крестным отцом. После крещения бросают все его платье и надевают на него новое, даже (новый) колпак на голову и (новую) обувь на ноги. Они твердо верят, что именно такой крестный отец избавляет от мрака неведения и руководит к истинному свету» [Путешествие…, 2012, с. 325–326]. Стремление к решительному изменению во внешнем облике неофита было обусловлено желанием сделать из него не просто православного, а русского, в том смысле, как это тогда понималось. Способствовали этому непременная в таких случаях смена имени и новый правовой статус.

В XVI–XVII вв. существовала прямая связь между фактом крещения и превращением в полноценного подданного Московского государя[2] [Беляков, 2011, с. 357; Шауро, 2011]. Здесь уместно привести фрагмент из «Записи Казанского царевича Петра Ибрагимовича о его подданстве» 1505 г., составленной вследствие его крещения: «…и мне, Петру царевичю, в той православной истинной вере Християнской быти крепку и неотступну от нее быти и до своего живота; а Государю ми своему Великому князю Василью Ивановичю всеа Русии и его детям служить и добра им хотети, и их землям во всем вправду, без всякие хитрости» [ДРВ, 1788, с. 1–2]. Интересен и фрагмент «Оглашения» из «Просветителя Литовского I» первой половины XVII в., предназначавшегося для обращаемых в православие западных христиан: «…и за Христа моего, и за православную веру греческаго закона, и за святыя церкви, и за многолетное здравие государя царя и великаго князя (имярек) всеа Русии рады кровь свою прилияти и пострадати… А от Московскаго государьства изменным делом не отъехати, и ни которые порухи не учинити и измены» (цит. по: [Опарина, 1998, с. 342]). Т.А. Опарина подчеркивает, что в данном случае текст анафематизмов напрямую пересекался с текстами присяги государю [Там же; Белякова и др., 2017, с. 374–376].

[2] Это касалось и тех, кто ранее принес присягу — «шерть» на «вечное холопство», но оставался на положении так называемых внутренних иноземцев.

Приведенные выше свидетельства и факты дают представление о том, что означало и каким образом могло быть организовано в конце XVI — первой трети XVII в. крещение лиц из числа аборигенной сибирской элиты: обдорского князца, нареченного Василием; Учета — внука воинственного пелымского владетеля Аблегирима; представителей кодской княжеской династии Алачевых. Об этих событиях сохранились очень скудные сведения [РИБ, 1875, ст. 152–153; Сулоцкий, 2001; ПСРЛ, 1987, с. 150; Бахрушин, 1955, с. 133, 145].

И.И. Огрызко отметил, что для XVII в. можно выделить две группы новокрещенных сибирских туземцев — те, которые были взяты в «полон», куплены и крещены по сути насильно их владельцами, и те, кто в силу разных обстоятельств приходили ко крещению добровольно из числа уже приведенных в подданство — аборигенной элиты и рядовых ясачных [1941, с. 10, 16, 21, 23].

Уже в конце XVI в. случаи крещения «полоняников» не были редки. Грамота на имя сургутского воеводы С.М. Лобанова-Ростовского от 11 сентября 1598 г., касавшаяся взятого служилыми людьми ясыря из местных «остяков» и «тотар», подробно указывает, как поступать с теми, которых успели окрестить. «Жонок и девок» следовало выдавать замуж «за служивых людей, за стрелцов и за казаков, которые похотят женитца». Тем из крещенных «полоняников робят», кто «поспел в службу», велено быть «в стрелцех и в казакех» с выдачей им денежного и хлебного жалованья. Тем же, кто возрастом мал, велено быть «в Сургуте хто у ково хочет жить или у тех же людей, у которых ныне живут, покаместа они подростут и поспеют в нашу службу» [РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1, л. 53–54]. Никаких специальных подарков «на крест» от светских и духовных властей в этих случаях, естественно, не предусматривалось. В дальнейшем правительство стремилось пресечь практику крещения «иноземцев» служилыми людьми с целью похолопления.

Примером второго варианта служит известный случай с чусовскими Бай мурзой, его братьями Кулаком и Казаком Артыбашевыми и тагильским «вагулятином» Обайткой. Это, пожалуй, первый документально зафиксированный факт царского «жалованья для крещенья» представителям сибирских племен. В Верхотурье «до указу» им был дан «корм» и «по два сукна середних, да по рубашке, да по сапогам». Отпущенные с ясаком в Москву Баим, в крещении Павлик, и Афонька (Обайтко) получили в столице от царского имени соответственно пять и три рубля и «сукно доброе», мурзе выдали еще и отрез тафты. Двум братьям Иванке и Петрушке «велено дать на Верхотурье по три рубли да по сукну по доброму». Царской грамотой от 5 мая 1603 г. также предписывалось определить всех их в «нашу службу служить на Верхотурье, в стрелцех, на выбылых стрелцов место» [АИ, 1841, с. 56].

Часто мотивы добровольного крещения были связаны с неординарными обстоятельствами: браком с православным(-ой), стремлением избежать наказания за уголовное преступление [Очерки…, 1998, с. 79–81], потерей родственников [ГБУТО ГАТО, ф. И-47, оп. 1, д. 4717, л. 3]. Человек шел на кардинальные перемены своего социального положения и смену идентичности, рассчитывая на новые перспективы, казавшиеся ему более благоприятными.

Определяя к архиерейской должности первого сибирского иерарха Киприана (Старорусенкова), власти формулируют миссионерские задачи в отношении жителей края, прежде всего туземных, подчеркивая, что «Бог Слово, еже рече святыми своми усты, да во всех концех вселенныя Его святым заповедем проповедатись подобает и крещением всем концем земли просветитись» [Тобольский архиерейский дом…, 1994, с. 152]. Не случайно в царской грамоте от 15 января 1621 г. тобольским воеводам указывалось: если «татарова, и остяки, и вагуличи» захотят креститься, то воеводы бы, в ответ на просьбы архиепископа, «для крещенья посылали… лутчим людем сукна на однорядки настафилные… а мелким людем сукна летчину. И кафтаны, и шапки, и рубашки, и портки, и сапоги велели покупати у торговых людей. А денги за то платье велели по цене платити из нашие казны» [Там же, с. 148].

Во второй половине XVII в. установилась норма выдачи «на крест» сибирским ясачным иноверцам. Об этом свидетельствует содержание челобитной иркутского воеводы И.Е. Власова 1682 г. на имя царя Федора Алексеевича, из которой явствует, что государевым указом «велено призывать иноземцев в православную христианскую веру, и будет похотят которые креститца, и тем новокрещеным за крещенье давать твое великого государя жалованье по три рубли денег, да по сукну» [ДАИ, 1862, с. 312]. Интересно, что в отношении поволжских татар, мордвы и черемис с 1681 г. указом того же государя велено «денежного жалованья, и соболей, и сукон за крещение не давать», а вместо этого для новокрещенных служилых татар и мурз устанавливалась льгота в службе на шесть лет, а для новокрещенных ясачных — такая же льгота «во всяких подотях». Объяснялось это тем, что «иноверцы многие крестятца… а нашего великого го-

сударя жалованья, за недоборы денежной казны, за крещенье им в городах не дано» [Там же, с. 310–311]. Очевидно, что христианизация тюрков и угров европейской части страны в XVII в., хотя и не достигала тогда значительных масштабов, имела более существенные результаты по сравнению с Сибирью. Отметим также, что в результате миссионерской деятельности первых архиепископов казанских св. Гурия и Германа во второй половине XVI в. появляется слой «ясачных новокрещен», которые отселялись от своих некрещенных соплеменников, но из ясачного оклада не исключались [Загидуллин, 2016]. За Уралом до начала XVIII в. существовала иная практика. Правилом для Сибири было исключение новообращенных туземцев из ясачного оклада с поверстанием в службу на выбылые места, определением жить в монастыре или за русскими людьми, за которыми они пожелают. Помимо прочего, это означало исключение бывшего «ясачного иноземца» из другой системы дарообмена, выражавшейся в уплате «поминок» на «государево имя» и в ответных со стороны власти отдарках.

Развернув массовую христианизацию в Сибири и отменив порядок, по которому крестившиеся выбывали из числа ясачных, правительство подтвердило существовавшую в предшествующий период раздачу подарков тем, кто «восприимет Христианскую веру». Сенатским указом от 1 сентября 1720 г. на докладные пункты сибирского губернатора А.М. Черкасского было велено «награждение давать против прежняго и по своему разсмотрению» [ПСЗ, т. VI, 1830, с. 234]. Фраза «по своему разсмотрению» губернаторами могла трактоваться весьма широко. Не случайно, что после кончины в 1727 г. святителя Филофея Лещинского (в схиме — Феодора), миссионерская деятельность которого обеспечивалась существенной материальной помощью со стороны властей, с реализацией указа возникли проблемы.

Сменивший схиархиерея Феодора митрополит Антоний (Стаховский) в апреле 1730 г. сообщал в Синод, что «многие от калмыцкого и татарского народа» обращаются с просьбами о крещении, но желающих быть их восприемниками «весма мало», из-за того что «без государского жалования никто под своим призрением и попечением при себе содержать их не хощут» [ПСПР, 1890, с. 50–51]. Средств Тобольского митрополичьего дома обеспечить растущее число новокрещенных «одеждою и прочиим, к житию их потребным» не хватало, а от казны «им награждения во образ того, дабы протчии языцы, на то взирая, охотнее к православию приходили», не поступало. Признав эти аргументы обоснованными, Синод сообщил Сенату свое мнение выдавать Тобольскому митрополиту в год денег по 1 тыс. рублей из доходов Сибирской губернии, как ранее «архиерею схимонаху Феодору», и направил соответствующий указ митрополиту Антонию [Там же, с. 51–52]. На какое-то время вопрос был снят, к тому же соответствующее положение сенатского указа 1 сентября 1720 г. вошло 33-м пунктом в Инструкцию сибирскому губернатору 1741 г. [РГАДА, ф. 248, оп. 4, кн. 180, ч. 1, л. 371 об.].

В заботе православных иерархов о подарках и предоставлении установленной в 1720 г. для новокрещенных [ПСЗ-I, т. VI, 1830, с. 234–235] трехлетней льготе в уплате ясака следует усматривать не просто тривиальное стремление материально заинтересовать потенциальных неофитов. Определяющим здесь было понимание того, что государство и Церковь обязаны такими дарами в ответ на решение туземцев стать православными и должны поддержать их на этом этапе, чтобы они не впали в «прежнее злочестие», а их соплеменники пожелали бы принять христианскую веру. Митрополит Тобольский и Сибирский Сильвестр (Гловацкий) в своем доношении в Синод, сообщая о числе крестившихся в Сибирской епархии с 1750 по 1752 г., писал, что и «прочие многие иноверцы крестились бы, если бы им за крещение чинены были от светских команд указныя льготы и выдача вознаграждения безволокитно» [Описание документов и дел…, 1909, с. 79]. То, что светская и церковная власти оказывались в положении обязанных, прекрасно понимали новокрещенные. Н.А. Миненко, анализируя записи обычного права северных самодийцев и обских угров [Памятная книжка…, 1884], обратила внимание, что, по их представлениям, «в зависимость попадал не получатель дара, а даритель», подарок был «символом… в верности своих действий своему долгу», но «между размерами дара и степенью верности долгу не существовало непосредственной связи» [Миненко, 1975, с. 212–213]. Эти наблюдения можно экстраполировать и на исследуемые нами взаимодействия, в том числе для объяснения «корыстных крещений», нарушений клятв соблюдать новую веру вплоть до «совращения» в «идолопоклонство». Характерны и случаи укрытия от крещения младенцев. Дети не состояли в ясачном окладе и автоматически исключались из дарообменной цепочки.

В XVIII в. сохраняется особое отношение к обращению в православие представителей элиты сибирских «иноземцев». В июле 1745 г.[3] в Тобольске, с именем Василий, крестился обдорский князец Мурзин Тайшин. В этой связи в ответ на промеморию митрополита Антония (Нарожницкого) губернская канцелярия распорядилась выдать новокрещенному «на зделание платья из имеющагося в Тобольской рентереи галанского алого сукна шесть аршин ценою по два рубли по пятидесяти копеек аршин», еще князцу полагалось несколько аршин холста на две рубашки и двое портков [ГБУТО ГАТ, ф. И156, оп. 1, д. 130, л. 1–2]. Отныне «верная служба» государю (государыне) крещенного туземного «княжика» предполагала ответные обязательства, выходящие за рамки административных и фискальных функций. В сохранившемся тексте грамоты князцу Катышевой волости Тихону Нахрачеву от 24 июня 1718 г. написано: «…меж своими подручными смотрети, чтобы вси веру христианскую держали постоянно… единому небесному кланялися бы Богу» [Там же, д. 1143, л. 16]. Подтверждая права уже упомянутого Василия Тайшина «своими улусами владеть по прежнему», от него ожидали содействия местным властям в строительстве церкви во имя св. Василия Великого и в том, чтобы он «подначальных своих призывал ко крещению» [Там же, д. 130, л. 3–4, 11].

Правительство стремится упорядочить «награждение» крестящихся иноверцев из идолопоклонников и магометан в Российской империи, нивелируя региональные особенности. Важное значение в этом процессе имел параграф 15 именного императорского указа от 11 сентября 1740 г. Полагалось выдавать: «каждому по кресту медному… да по одной рубахе с порты и по сермяжному кафтану с шапкою и рукавицы, обувь чирики с чулками; а кто познатнее, тем при крещении давать кресты серебрянные… кафтан из сукон крашенных, какого цвета кто похочет… а вместо чириков сапоги… женскому полу волосники и очельники, по рубахе холщевой». В зависимости от возраста и пола устанавливалась и выдача денег от 50 копеек до полутора рублей. Если крещение принимали семьями, то им в дом следовало дарить по иконе «с изображением Спасителева образа или Богоматери с предвечным Младенцом» [ПСЗ, т. XI, 1830, с. 254]. Вместе с тем обратим внимание, что Сибирская губернская канцелярия в связи с крещением Василия Тайшина ссылается на грамоту Петра I от 6 декабря 1714 г. и сентябрьские указы 1720 г. [ГБУТО ГАТ, ф. И156, оп. 1, д. 130, л. 1 об.], а не на более поздние указы, касавшиеся льгот и подарков новокрещенным. Очевидно, что практика их применения не носила системного характера.

Несмотря на сложности, которые наблюдались в деле приобщения аборигенов Сибири к православию, усилия Церкви и светских властей достигли определенных результатов. В середине 1780-х гг. Тобольский и Березовский нижние земские суды имели основания сообщить о «новопросвященных» и «просвященных в давних летах Святым крещением» остяках и вогулах следующее: «…и в церковь Божию по времянам, когда от промыслов бывают свободныя, на церковное и святое молитвословие хождение имеют; и по вся годы с женами и детьми своими исповедаются также немалою частию, и по удостоинствам и Святых тайн приобщаются», причем и жившие по отдаленным юртам «к преподаниям церковным также и к священническому чину уважение должное имеют» и «для моления в праздничные дни в погост приезжают», все они «по обложению ясашною комиссиею, разделя на волости, и ясак в казну Ея Императорского Величества с тех времен платят оной бездоимочно» [ТИАМЗ, ТМ-12864, л. 7–7 об., 57 об.]. В этих фактах можно отчетливо видеть ответ на дар, обещанный при крещении Церковью, и дар «нового времени», обещанный властью.

Христианизация сибирских народов стала важным шагом в процессе их «природнения», превращения из «чужих» в «своих». В этом смысле к середине XVIII в., когда принятие православия в России уже перестает быть способом вступления в подданство, была решена задача, поставленная предшествующим столетием. Симптоматично исчезновение к 1760-м гг. из официальных документов термина «иноземцы» в качестве номинации ясачного населения региона. Не случайно и то, что государство повсеместно сворачивает практику награждения деньгами и отходит от выдачи подарков одеждою и тканями рядовым ясачным. Ключевую роль в этом процессе сыграл сенатский указ от 6 апреля 1764 г. Отныне «новокрещенам» полагалось выдавать

[3] В литературе ошибочно относят крещение этого князца к 1742 г. [Миненко, 1975, с. 266; Перевалова, 2004, с. 70], при этом исследователи ссылаются на архив Сулоцкого [ГБУТО ГАТ, ф. И144, оп. 1, д. 45а] и работу Н.А. Абрамова [1857, с. 336]. Но из содержания изданных черновиков А.И. Сулоцкого [2001, с. 259] и «Дела о крещении князьцов и остяков по Березовскому и Самаровскому ведомствам» [ГБУТО ГАТ, ф. И156, оп. 1, д. 130] следует, что крестился Василий Мурзин Тайшин в 1745 г.

«только по кресту медному или серебряному и по иконе». Вместо назначенного сентябрьским указом 1740 г. «денежнаго и одежнаго награждения наличными вещами» предписывалось исчислять сумму, сверх трехлетней льготы в уплате ясака, необходимую на это «одежное награждение», и записывать ее в особые квитанции. По прошествии льготных лет она засчитывалась «в платеж подушного сбора» [ПСЗ, т. XVI, 1830, с. 706]. Льготы в податях, права на смягчение наказаний по уголовным делам и освобождение от кабальной зависимости [Миненко, 1975, с. 272–273] определяли специфику положения новокрещенных среди «верноподданных ясашных» вплоть до Сибирской реформы 1822 г.

Подводя итоги, выделим следующие моменты.

Соглашаясь на Таинство крещения, «иноземец»/«иноверец» вверял себя в руки Церкви и государства. Эта готовность являлась важным условием для выстраивания между ними новых взаимообязывающих отношений. Принятие православной веры в России до первых десятилетий XVIII в. выходило за рамки смены исповедания, играя значимую роль в превращении человека в полноценного подданного русского царя. Власть, санкционируя крещение сибирского «ясачного иноверца», стремилась укрепить свой суверенитет над новообращенным, который еще на этапе оглашения принимает ее добровольный дар — обещанное ему «новое время», новое качество подданства, предполагающее не только лояльность и покорность, но и соответствующий режим благоприятствования. В ответ на факт крещения государство отдаривало деньгами и новой одеждой, устанавливало льготы. Неполучение обещанных подарков и льгот могло быть одной из причин отпадения от новой веры или мотивом повторного крещения. Особое значение на протяжении всего рассматриваемого периода придавалось христианизации элиты. При этом качество и размер подарков светских властей и восприемников выступали маркером, подчеркивающим статус дарителя и одариваемого, указывая на принадлежность человека к определенной социальной группе. Волостные «князцы», получая после крещения подтверждение своих властных полномочий, обязывались содействовать распространению и укреплению православия среди своих соплеменников. Эти обязательства в XVIII в. могли закрепляться соответствующими документами.

В XVII в. существовала региональная специфика в «жаловании» иноверцев-автохтонов за крещение. В ней отражались отличия ясачных Сибири от ясачных Поволжья, где с 1680-х гг. выдача подарков трансформируется в практику льгот как способа экономической поддержки «новокрещенов». В XVIII в., в период массовой христианизации народов Поволжья и Сибири, правительство унифицирует формы и нормы «награждений» и податных льгот неофитам. В Сибири новокрещенные, оставаясь уже в ясачном окладе, превращаются в особую, льготируемую категорию автохтонного населения. Замещение денежных выплат и подарков льготами отражало результаты процесса христианизации, взгляды правительства на статус ясачных народов региона и обусловленные этим изменения их положения в системе империи.

Все это, в совокупности с уже полученными ранее результатами изучения практик дарообмена на западно-сибирском Севере [Конев, 2017], служит подтверждением того, что основанные на обмене дарами реципрокные и иерархические отношения на ранних этапах русского освоения Сибири (XVII–XVIII вв.) были универсальной формой взаимодействия между государством и аборигенными социумами, способом интеграции аборигенов в число верноподданных. Надеемся, что представленные в статье материалы и выводы послужат ориентиром для дальнейшего исследования темы и дискуссии по ней.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Абрамов Н.А. Описание Березовского края // Записки ИРГО. СПб.: Тип. Император. академии наук. 1857. Кн. 12. С. 327–448.

АИ. Т. 2. СПб., 1841. 438 с.

ГБУТО ГАТ. Ф. И144. Оп. 1. Д. 45а; Ф. И156. Оп. 1. Д. 130, 1143.

ГБУТО ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 4717.

ДАИ. СПб., 1862. Т. 8. 350 с.

ДРВ. М., 1788. Ч. III. 476 с.

Олеарий А. Описание путешествия в Московию / Пер. с нем. А.М. Ловягина. Смоленск: Русич, 2003. 408 с.

Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего Синода. СПб.: Синодальная типография, 1909. Т. XXXI. 806 с.

Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. Тобольск, 1884. С. 17–47.

Патканов С.К. Сказания о поездках остяцких князей к русским царям // Живая старина. СПб.: Тип. князя В.П. Мещерского, 1898. Вып. III и IV. С. 351–356.

ПСЗ. СПб., 1830. Т. VI. 817 с.; Т. XI. 988 с.; Т. XVI. 1018 с.

ПСПР. СПб., 1890. Т. VII. 654 с.

ПСРЛ. Т. 36: Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиповской летописи. М.: Наука, 1987. 379 с.

Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским / Пер. с ар. Г. Муркоса. Изд. второе. М.: О-во сохранения лит. наследия, 2012. 728 с.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1; Ф. 248. Оп. 4. Кн. 180. Ч. 1.

РИБ. СПб., 1875. Т. 2. 1236 ст.

Сулоцкий А.И. О крещении сибирских инородцев // А.И. Сулоцкий. Сочинения: В 3 т.: Т. 3: Из архива Александра Сулоцкого / Под ред. В.А. Чупина. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2001. С. 256–267.

ТИАМЗ. ТМ-12864.

Тобольский архиерейский дом в XVII веке // История Сибири: Первоисточники. Вып. IV / Подготовка: Н.Н. Покровский, Е.К. Ромодановская. Новосибирск: Сиб. хронограф, 1994. 291 с.

Штаден Г. О Москве Ивана Грозного: Записки немца опричника / Пер. и вступ. статья И.И. Полосина. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1925. 183 с.

Литература

Анаволий // Православная Энциклопедия. Электронная версия / Под ред. Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла. URL: http://www.pravenc.ru/text/114664.html.

Бахрушин С.В. Научные труды. Т. III. Ч. 2: История народов Сибири в XVI–XVII вв. М.: Из-во АН СССР, 1955. 300 с.

Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков: Просопографическое исследование. Рязань: «Рязань. Мір», 2011. 512 с.

Белякова Е.В., Мошкова Л.В., Опарина Т.А. Кормчая книга: От рукописной традиции к печатному изданию. М.; СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 480 с.

Загидуллин И.К. Социальные аспекты христианского просвещения новокрещен в Казанском крае во второй половине XVI — начале XVII в. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. № 8. С. 146–166.

Конев А.Ю. Дар, дань и торговля: Антропология взаимодействия автохтонов Сибири и русских в XVII–XIX вв. // Этнографическое обозрение. 2017. № 1. С. 43–56.

Ларкина Т., Юдин Г. Теория дарообмена и формирование сообществ: Материалы исследовательского семинара «Социология религии». Сер. Теория дарообмена. М.: ПСТГУ, 2015. 29 с.

Мосс М. Опыт о даре: Форма и основание обмена в архаических обществах // М. Мосс. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / Сост., пер. с фр., предисл., вступ. статья, комментарии А.Б. Гофмана. М.: КДУ, 2011. С. 134–285.

Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в.: Историко-этнографический очерк. Новосибирск: Наука, 1975. 307 с.

Огрызко И.И. Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII в. Л.: Учпедгиз, 1941. 147 с.

Опарина Т.А. Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии. Новосибирск: Наука, 1998. 431 с.

Очерки истории и культуры города Верхотурья и Верхотурского края / В.И. Байдин, И.Н. Белобородов, Е.М. Главацкая и др. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1998. 287 с.

Перевалова Е.В. Северные ханты: Этническая история. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 414 с.

Перевалова Е.В. «Белый царь» в угро-самодийской традиции // Народонаселение Сибири: Стратегии и практики межкультурной коммуникации (XVII — начало XX века). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2008. С. 155–185.

Пономарев В. Справочник православного человека. Ч. 2: Таинства Православной Церкви. Таинство крещения [Электрон. ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/spravochnik-pravoslavnogo-cheloveka-chast-2-tainstva-pravoslavnoj-tserkvi/2.

Сподина В.И. Цвет и его место в геосимволике // Вестник угроведения. 2013. № 1 (12). С. 143–156.

Шауро И.Г. К вопросу о крещении в православие как способе принятия русского подданства в Московском государстве в XVI–XVII веках // Мир юридической науки. 2011. № 2. С. 49–54.

Юрганова И.И. Деятельность Русской Православной Церкви в Якутском крае: Инкорпорация в Русскую государственность (XVII — нач. XX вв.): Автореф. дис. … д-ра ист. наук. Иркутск, 2017. 44 с.

Deller W.S. The First Rite of Passage: Baptism in Medieval Memory // Journal of Family History. 2011. Vol. 36. No 1. P. 3–14.

Hobbes T. (1651). Leviathan / Ed. with an introduction by J.C.A. Gaskin. Oxford: Oxford University Press, 1998. 508 p.

Kim M. A Comparative Missiological Study of Sinhalese Buddhist and Sinhalese Christian Attitudes toward the puberty Ritual // Missiology: An International Review. 2012. Vol. XXXVIII. No 4. P. 411–430.

Ssorin-Chaikov N. Two Lenins. A Brief Anthropology of Time. Chicago: HauBooks, 2017. 154 p.

Sykes K. Arguing with Anthropology: An Introduction to Critical Theories of the Gift. L.; N. Y.: Routledge, 2005. 244 p.

A.Yu. Konev, R.O. Poplavskiy
Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: aldimoks@mail.ru;
roman.poplavskiy@gmail.com

THE GIFT IN THE POLICY AND PRACTICE OF SIBERIAN NON-ORTHODOX PEOPLE CHRISTIANISATION (BASED ON MATERIALS FOR WESTERN SIBERIA IN THE LATE 16th — 18th CENTURY)

In almost all societies, the rites of passage are accompanied by the ritual of gift giving. Baptism is one of the key transition rites in the Christian tradition. At the first stages of the Russian conquest of Siberia, the conversion of heterodox believers from the indigenous population into the Orthodox faith involved two intersecting processes, with the first being aimed at religious conversion itself and the second — at making the indigenous population to be further rooted in the Russian allegiance. In this article, we set out to approach these processes using the gift theory pioneered by M. Mauss and elaborated by contemporary economists and social anthropologists. Since M. Mauss developed his theory using the example of stateless societies, our research was based on findings achieved by N.V. Ssorin-Chaikov. His research into the phenomenon of gift relations between the state and its citizens is mainly based the Hobbesian concept. We found out that, until the first decades of the 18th century, the process of conversion into the Orthodox Church not only concerned the religious aspect, but also played an important role in turning a yesterday's «non-Orthodox» into a fully valid subject of the Russian Tsar. By allowing a non-Orthodox believer to be baptized, the state sought to establish or strengthen its sovereignty over a new convert. As early as at the proclamation stage, new converts accepted a free gift from the state — a «new time», and, a new quality of allegiance, which implied their loyal service. In return for the Christianisation, the state gifted new subjects with money and new clothes. In the second half of the 18th century, the gifts were substituted by privileges in tribute payment. The baptized representatives of the Siberian native elite could gain acceptance and prolong their status of «volost strongmen». The quality and amount of gifts presented by secular authorities and godparents were intended to mark the status of both the donator and the gifted, building up a system of hierarchical relations and incorporating newly baptized people into a particular social group.

Key words: Christianization, gift theory, non-Orthodox («inovertsy»), Siberia, conversion, allegiance.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-165-174

REFERENCES

Baidin V.I., Beloborodov I.N., Glavatskaia E.M. et. al. (1998). *Sketches on history and culture of Verkhoturie town and Verkhoturie region*, Ekaterinburg: Izdatelstvo UrGU.

Bakhrushin S.V. (1955). *Scientific papers. Vol. III. Part 2: History of Siberian peoples in 16th–17th centuries*, Moscow: Izd-vo AN SSSR.

Beliakov A.V. (2011). *Chingissids in Russia in 15th–17th centuries: A prosopographic study*, Riazan': Riazan'. Mir.

Beliakova E.V., Moshkova L.V., Oparina T.A. (2017). *Kormchaia Book: From handwritten tradition to a print publication*, Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.

Deller W.S. (2011). The First Rite of Passage: Baptism in Medieval Memory. *Journal of Family History, 36*(1), 3–14.

Hobbes T. (1998). *Leviathan*, Oxford: Oxford University Press.

Iurganova I.I. (2017). *Activities of the Russian Orthodox Church in Yakutsk region: Incorporation into the Russian nationhood (17th — beginning of the 20th centuries)*. Avtoreferat dis. … d-ra ist. nauk, Irkutsk.

Kim M. (2012). A Comparative Missiological Study of Sinhalese Buddhist and Sinhalese Christian Attitudes toward the Puberty Ritual. *Missiology: An International Review, XXXVIII*(4), 411–430.

Kirill, the Patriarch of Moscow and All Russia (Ed.). Anavoly. *Pravoslavnaia Entsiklopediia.* Retrieved from http://www.pravenc.ru/text/114664.html.

Konev A.Y. (2017). Gift, tribute, and trade: An anthropology of interaction between the Natives of Siberia and the Russians in the 17th–19th centuries. *Etnograficheskoe obozrenie*, (1), 43–56.

Larkina T., Iudin G. (2015). Gift theory and formation of communities. *Materialy issledovatel'skogo seminara «Sotsiologiia religii». Seriia Teoriia daroobmena*, Moscow: PSTGU.

Mauss M. (2011). *Societies. Exchange. Personality. Works on Social Anthropology*, Moscow: KDU.

Minenko N.A. (1975). *North-Western Siberia in the 18th — first half of the 19th centuries: A historical and ethnographic essay*, Novosibirsk: Nauka.

Ogryzko I.I. (1941). *Christianization of the Northern Tobol peoples in 18th century*, Leningrad: Uchpedgiz.

Oparina T.A. (1998). *Ivan Nasedka and polemic theology of the Kievan archdiocese*, Novosibirsk: Nauka.

Perevalova E.V. (2004). *The Northern Khanty: Ethnic History*, Ekaterinburg: UrO RAN.

Perevalova E.V. (2008). «White Tsar» in Ugrian-Samoyedic Tradition. *Narodonaselenie Sibiri: Strategii i praktiki mezhkul'turnoi kommunikatsii (XVII — nachalo XX veka)*, Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii SO RAN, 155–185.

Ponomarev V. *Handbook of an Orthodox person. Part 2: Sacraments of the Orthodox Church. Sacrament of Baptism.* Retrieved from https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/spravochnik-pravoslavnogo-cheloveka-chast-2-tainstva-pravoslavnoj-tserkvi/2.

Shauro I.G. (2011). Baptism into Orthodoxy as a mean of receiving allegiance in the Muscovite State in 16th–17th centuries. Mir iuridicheskoi nauki, (2), 49–54.

Spodina V.I. (2013). Colour and its place in Geosymbolics. *Vestnik ugrovedeniia*, (1), 143–156.

Ssorin-Chaikov N. (2017). *Two Lenins. A Brief Anthropology of Time*, Chicago: Hau Books.

Sykes K. (2005). *Arguing with Anthropology: An Introduction to Critical Theories of the Gift*, London; New York: Routledge.

Zagidullin I.K. (2016). Social aspects of Christian enlightening of newly-baptized people in Kazan region in the second half of the 16th — beginning of the 17th centiries. *Srednevekovye tiurko-tatarskie gosudarstva*, (8), 146–166.

.

Г.Ш. Мавлютова

Тюменский государственный университет
ул. Володарского, 6, Тюмень, 625003
E-mail: gmavlyutova@mail.ru

ПРАВОВОЙ СТАТУС МУСУЛЬМАНСКОГО ДУХОВЕНСТВА ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XX в.

Рассматриваются особенности правового положения мусульманских духовных лиц Тобольской губернии в конце XVIII — начале XX в. В конце XVIII в. правительство создало орган управления мусульманами — Оренбургское магометанское духовное собрание, возложив на него обязанность по принятию экзаменов для назначения на должности священнослужителей. Но в первой трети XIX в. часть мусульманского духовенства Тобольской губернии осуществляла свои обязанности, не пройдя испытания в духовном собрании, действуя на основе норм обычного права. Государственная власть обязала исламское духовенство выполнять ряд государственных функций: регистрации актов гражданского состояния, нотариата, судопроизводствоа, при этом вознаграждения от государства представители духовенства не получали. По решению общины мусульманские священнослужители могли быть освобождены от уплаты повинностей. Они, как и все мусульмане Тобольской губернии, не несли рекрутской повинности.

Ключевые слова: ислам, Тобольская губерния, мусульманское духовенство, правовой статус, Оренбургское магометанское духовное собрание, татары, бухарцы.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-175-183

Исторически Российское государство складывалось как многонациональное и многоконфессиональное. С середины XVI и до конца XIX столетия к нему присоединялись территории, население которых исповедовало ислам. Увеличение численности мусульман заставляло власть искать пути их вхождения в структуру российского православного общества. Государственная конфессиональная политика, реализуемая среди приверженцев ислама, в регионах России в разные периоды имела определенные особенности. Сибирь, став частью Русского государства, оказалась окраинной провинцией на востоке страны, населенной мусульманами.

В отечественной исторической науке работы, посвященные исламу в Сибири, стали появляться в начале 1990-х гг. О внимании к проблемам ислама в Сибири в этот период свидетельствуют материалы Международной научной конференции «Исламская цивилизация в преддверии XXI века (к 600-летию ислама в Сибири)» [Ислам, общество и культура…, 1994]. Отдельные аспекты истории ислама в Тобольской губернии исследовались И.Б. Гарифуллиным [2000, 2003], В.П. Клюевой [2004]. Конфессиональные вопросы жизнедеятельности сельской общины тоболо-иртышских татар в XVIII — начале XX в. были изучены Г.Т. Бакиевой [2003]. В последующих своих работах Г.Т. Бакиева обратилась к вопросам о роли мусульманского духовенства в дореволюционной жизни общины сибирских татар. В частности, ею рассмотрены требования, предъявляемые к духовным лицам, и выполнение ими функций судопроизводства, нотариата [2011a, 2011b]. Несмотря на то что исследователями изучены отдельные стороны религиозной жизни мусульман Тобольской губернии, до сих пор не осуществлен комплексный анализ правового статуса мусульманского духовенства Тобольской губернии в дореволюционный период.

Проживавшее на территории Тобольской губернии тюркское население, состоявшее из татар и бухарцев, исповедовало ислам суннитского направления. В 1773 г. правительство страны законодательно закрепило принцип веротерпимости, но в Тобольской губернии он практически реализовывался со времени присоединения региона к России. При этом существовали ограничения в жизнедеятельности сибирских мусульман [Мавлютова, 2015, с. 133–135].

Новый этап отношений между государством и населением, исповедовавшим ислам, начался в конце XVIII в. с организации Оренбургского магометанского духовного собрания, учрежденного по указу Екатерины II от 22 сентября 1788 г. в г. Уфе [ПСЗ, собр. 1-е, т. 22, № 16710]. Юрисдикция ОМДС распространялась на всю Россию, за исключением Таврической области. Созданием Оренбургского духовного собрания российской властью был сделан шаг по пути реализации одного из главных принципов конфессиональной политики имперского периода — государст-

венного контроля над религиозными институтами. Согласно указу об учреждении ОМДС его основной задачей являлось проведение испытаний для назначения на должности «мулл и прочих духовных чинов Магометанского закона». Обязав ОМДС проводить экзамен на занятие духовных должностей, власть «сверху» стремилась регулировать религиозную жизнь мусульман.

По мнению отечественных исследователей, термин «мусульманское духовенство» является условным, так как в исламе нет особого духовного сословия и нет института церкви, служащего посредником между верующими и Аллахом [Ислам в Российской империи…, 2001, с. 32]. Традиционно в исламе любой совершеннолетний мусульманин, обладающий необходимыми знаниями и высокими морально-нравственными качествами, имеет право руководить жизнью религиозной общины без специальной процедуры посвящения в сан.

По сложившейся практике, мулла, как традиционно называли духовных лиц мусульмане Тобольской губернии, избирался членами религиозной общины. Созданное магометанское духовное собрание по предписанию губернских властей должно было проводить испытание кандидатов на занятие духовной должности, получивших избирательный приговор прихожан. По завершении экзамена испытуемым выдавали свидетельства. Духовные должности могли занимать люди надежные и «доброго поведения». Их морально-нравственные качества подтверждались членами религиозной общины в избирательном приговоре. В дальнейшем эти сведения проверялись полицейскими органами путем опроса прихожан и должностных лиц общественного самоуправления. Полученная информация предоставлялась губернской администрации. Вслед за тем региональная власть утверждала духовных лиц, издавая указ. Лицо, прошедшее процедуру утверждения на духовную должность, именовали «указным муллой». Порядок избрания на должности мулл был законодательно закреплен в 1837 г. Согласно утвержденному порядку при избрании духовных лиц выразить свое согласие должно было не менее 2/3 старейшин прихода [ПСЗ, собр. 2-е, т. 12, № 10594].

Жизнедеятельность мусульман Тобольской губернии находилась под юрисдикцией ОМДС. Лица, стремившиеся занять духовные должности в мусульманских общинах Тобольской губернии, являлись в духовное собрание для сдачи экзамена. Например, в 1804 г. испытание в нем прошли ясашные татары Тюменской округи Кашегальской волости К. Шабин, Н. Тухтаров, А. Урусов, А. Аптраимов, Т. Ятаматеев и С. Маштаков. Духовное собрание доносило в Тобольское губернское правление, что они прошли испытание и первые пятеро могут исполнять обязанности имамов и учителей, а последний — имама и мударриса [ГБУТО ГАТО, ф. И-10, оп. 1, д. 3795, л. 13–13 об.]. В том же году испытание на должность имама прошел Тюменской округи Енбаевских юрт бухарец Казбулат Шарыпов [Там же, л. 7–7 об.].

Духовное собрание принимало экзамены у лиц, назначаемых на священнослужительские должности ахунов (старшие муллы, ведавшие несколькими мечетями), мухтасибов (муллы, которые пресекали публичное нарушение норм мусульманской морали), хатыбов (ораторы, проповедники), имамов (духовные руководители мусульманской общины) и муэдзинов (лица, провозглашающие призыв на молитву), а также на педагогические должности мударрисов (преподаватели медресе), мугаллимов (учителя мусульманских учебных заведений). В программу экзаменов, разработанных ОМДС для различных духовных званий и учительских должностей, входили требования на знание догматов веры, шариата, арабского языка, порядка богослужения.

В первой трети XIX в. часть мусульманского духовенства Тобольской губернии выполняла свои обязанности, не пройдя испытания в духовном собрании. Как и прежде, процесс занятия духовных должностей осуществлялся на основе норм обычного права. Так, в 1828 г. Тюменский земский суд представил в ОМДС ведомость «О неутвержденных никем духовных чиновниках и не испытанных на сие звание в духовном собрании» [ГБУТО ГАТО, ф. И-10, оп. 1, д. 3787, л. 4–4 об.]. Там говорилось, что в 16 мечетях трех волостей Тюменского округа служили духовные лица, не экзаменованные духовным собранием и не утвержденные гражданской властью (табл.). В 1828 г. в Тюменском округе действовала всего 31 мечеть [ГБУТО ГАТ, ф. 329, оп. 2, д. 54, л. 25–34]. Таким образом, в половине из них служили лица, не прошедшие официальной процедуры назначения на духовную должность

В качестве мер борьбы со священнослужителями, не прошедшими через официальную процедуру назначения на должности, т.е. с «простолюдинами», как называли их в ОМДС, предлагалось убеждать мусульман отказаться «от самовластия» и соблюдать установленный порядок. Если одних убеждений оказывалось недостаточно, следовало запретить «простолюдинам»

исполнять духовные обязанности, а в случаях неподчинения — предавать суду [ГБУТО ГАТО, ф. И-10, оп. 1, д. 3787, л. 1–3].

Список неутвержденных служителей мусульманского духовенства Тобольской губернии в 1828 г.

List of unapproved of the Muslim clergy of Tobolsk province in 1828

Кашегальская волость	
Кайчабрские юрты	Ясашный Аптыгарит Юмашев
Андреевские юрты	Ияп Калимов
Кыштылинские юрты	Аптусалим Аптрахимов
Муллашевские юрты	Мулла Ермухамет Аллабердин
Есаульские юрты	Мулла Рафик Бичинбетов
Казаровские юрты	Мулла Ильяс Абычаев
Новые Шабабинские юрты	Мулла Вельямин Сеитов Шабабин
Калымская волость	
Красноярские юрты	Мулла Месин Рафик Наурусов
Сакиндыковские юрты	Мулла Тюлмет Апташев и муэдзин Тюлмет Речапов
Канчебургские юрты	Муэдзин Бугоммет Янгуров
Боровские юрты	Мулла Аптымен Катырметов и пономарь Кутаберда Туганов
Тарханские юрты	Мулла Измаил Атрашитов
Карбанские юрты	Мулла Мукмет Абдулвалиев и пономарь Бузай Утабаев
Кердинская волость	
Шайтановские юрты	Мулла Сеит Енбаев
Варваринские юрты	Мулла Диен Турушев и пономарь Мамет Юсупов
Матмасовские юрты	Мулла Ремгул Енеев и пономарь Махмут Утабаев

В 1833 г. в ОМДС поступило прошение от жителей Тарского округа Подгородной волости д. Аиткуловой. Они просили утвердить заочно указным муллой бухарца Абдучалика Хильвадеева, который не мог лично явиться на испытание в духовное собрание в связи с болезнью. В прошении указывалось, что Абдучалик Хильвадеев уже 30 лет служит муллою «беспорочно, с похвалою» [ЦГИА РБ, ф. И-295, оп. 3, д. 1083, л. 1–1 об.]. В ходе рассмотрения прошения ОМДС выяснило, что А. Хильвадеев действительно занимает должность муллы в течение указанных лет. При этом он «не был надлежащим порядком утвержден начальством в духовном звание». В октябре 1833 г. духовное собрание отказалось утверждать А. Хильвадеева заочно. Собрание обязало Тарский земский суд провести расследование и А. Хильвадеева наказать, «как того требует закон». С него следовало взять подписку о запрещении выполнять обязанности «духовного чиновника». Жители же деревни обязаны были не допускать А. Хильвадеева к выполнению духовных обязанностей, в случае нарушений их необходимо было предать суду [Там же, л. 9–10]. Согласно материалам дела, А. Хильвадеев был отстранен от должности муллы в д. Аиткулловой, но произошло это только через два года — 5 июля 1835 г. [Там же, л. 30]. В дальнейшем встречались единичные случаи нарушения процедуры занятия мусульманских духовных должностей на территории Тобольской губернии. Например, в 1865 г. в ОМДС рассматривалось дело о незаконном проведении духовных обрядов в Тюменском уезде татарином Юманчином Азановым [Там же, д. 6228, л. 2–2 об.]. Основная часть мусульманского духовенства занимала свои места по закону.

Срок службы приходского духовенства округа ОМДС законодательно не был установлен. Обычно священнослужители исполняли свои обязанности в течение всей жизни. Но члены прихода могли инициировать отстранение муллы от должности.

Во второй половине XIX в. требования к кандидатам на занятие священнослужительских мест округа ОМДС возросли. Для них был введен возрастной ценз. Закон от 14 февраля 1855 г. установил возраст для ахунов, мухтасибов и мударисов — не моложе 25 лет, для хатыбов и имамов — не моложе 22 лет, для муэдзинов — не моложе 21 года [ПСЗ, собр. 2-е, т. 30, № 29040].

С 1 января 1891 г. вступил в силу закон «Об установлении по округу Оренбургского магометанского духовного собрания образовательного ценза для духовных лиц магометанского исповедания», согласно которому кандидаты на должности мусульманского духовенства должны были сдать экзамен на знание русского языка [Там же, т. 25, отд. 1, № 23932]. Изменение образовательного ценза для исламского духовенства округа ОМДС было направлено, с одной стороны, на их русификацию, с другой — на дальнейшее вовлечение в административную систему

Российской империи. В зависимости от того, на какую должность претендовал кандидат, требования на знание русского языка варьировались. Так, кандидатам на должности священнослужителей в городах (ахунов, хатыбов) предписывалось владеть русским языком в объеме курса одноклассного начального народного училища, на должности сельских имамов — русской разговорной речью и умением читать [Там же]. Без экзамена по русскому языку на все духовные должности принимались лица, закончившие одно из государственных светских учебных заведений (уездное, городское или двухклассное сельское народное училище) либо прошедшие курс первых четырех классов средних учебных заведений [Сборник законов…, 1902, с. 17–18].

Порядок проведения испытаний и выдачи свидетельств о знании русского языка определялся правилами, утвержденными министерством народного просвещения 30 декабря 1890 г. [Там же, с. 18–20]. Для приема экзаменов в городском училище (имевшем не менее трех классов) уездных и губернских городов формировалась комиссия. В ее состав должны были входить начальник учебного заведения и два преподавателя светских предметов, один из которых — учитель русского языка. В случае отсутствия положенного учебного заведения комиссия создавалась при одном из следующих образовательных учреждений: уездном училище, учительской семинарии, учительском институте, классической прогимназии, гимназии, реальном училище. Например, в г. Тобольске такая комиссия действовала в уездном училище.

Закон от 16 июля 1888 г. «Об установлении по округу ОМДС образовательного ценза…» не распространялся на мусульманское духовенство, приступившее к своим обязанностям до 1 января 1891 г. [ПСЗ, собр. 3-е, т. 8, № 5419]. Но даже эта норма не остановила волну возмущения среди мусульман Тобольской губернии и других регионов империи. Поверенные различных мусульманских приходов обращались в местные и центральные органы с прошениями об отмене образовательного ценза по русскому языку для мусульманских духовных лиц. В сложившейся ситуации Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД предписал Тобольскому губернатору сделать распоряжение о необходимости объявления на сельских сходах мусульманских общин, что закон от 16 июля 1888 г. не отменен, никаких изменений в него не внесено и все дальнейшие ходатайства по этому вопросу бессмысленны. Власть, объясняя свою позицию по этому делу, приводила следующие аргументы: закон направлен на изучение русского языка, который необходим духовным лицам для ведения метрических книг, и требования, предъявляемые к сельским муллам, весьма умеренны [ГБУТО ГАТ, ф. 686, оп. 1, д. 325, л. 1–1 об.].

К концу XIX в. процедура оценки кандидатов на священнослужительские должности стала носить многоступенчатый характер. В этом процессе участвовали различные государственные органы и учреждения. Претендовавший на должность муллы мечети юрт Чубургинских Тобольской городовой инородной волости 21-летний Абдул-Мачит Кутайгулов в прошении, направленном в Тобольское губернское правление в 1895 г., указывал, что выдержал требуемые испытания. Подтверждением этому служили прилагаемые документы: 1) приговор прихожан соборной мечети юрт Чубургинских о единогласном избрании на должность имама; 2) свидетельство ОМДС, подтверждавшее способности исполнять обязанности имама и мугаллима; 3) свидетельство Тобольского уездного училища о знании русского языка; 4) собственноручная подписка о непринадлежности к вредным сектам [Там же, ф. 152, оп. 35, д. 557, л. 1–6].

При вступлении в должность священнослужители приносили на Коране присягу «верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови» самодержцу [Там же, л. 12–12 об.].

Основной функцией мусульманского духовенства являлось осуществление религиозного и морального руководства общиной единоверцев, сохранение религиозного знания. Выполнение данной функции определяло круг обязанностей священнослужителей. Они руководили ежедневными пятикратными молитвами, проводили обряды, обучали детей.

В 1828 г. вышло распоряжение Сената о введении метрических книг для мусульман. В связи с этим ОМДС потребовались точные данные о мечетях и служащих в них духовных лицах. Оренбургское духовное собрание в 1828 г. запросило сведения о муллах Тобольской губернии. Именно тогда в Тюменском округе и были выявлены духовные лица, не прошедшие официальной процедуры назначения на должности. На основе получаемых данных ОМДС должно было ежегодно предоставлять губернскому начальству по два экземпляра прошнурованных книг для рассылки «приходским имамам или другим духовным чинам, действительно исправляющим духовные должности в известном приходе» [ПСЗ, собр. 2-е, т. 3, № 2296]. Обязанностью мусульманских духовных лиц стала регистрация актов гражданского состояния: рождения, смерти, бракосочета-

ния и развода. По окончании календарного года один экземпляр метрических книг должен был пересылаться ближайшему земскому или уездному суду для отправки через губернскую власть в ОМДС, один экземпляр книг оставался в мечетях [Там же]. Таким образом, мусульманское духовенство, так же как и православное, стало выполнять государственную функцию по юридическому закреплению гражданского статуса и прав граждан Российской империи. В дальнейшем на приходских мулл округа ОМДС была возложена обязанность составлять метрические выписи.

Приходское духовенство округа ОМДС было наделено судебными и нотариальными функциями. За священнослужителями было закреплено право разбора исков по завещаниям и по разделу имущества, о неповиновении детей родителям, о нарушениях супружеской верности [СЗРИ, т. XI, ч. I, ст. 1418]. Помимо приходских мулл судопроизводство осуществляли ахуны. На должности ахунов могли выдвигаться только имамы и хатыбы, прослужившие не менее трех лет [Бакиева, 2011b, с. 50]. В ведении ахуна должно было находиться от 25 до 100 приходов. В округах (уездах) Тобольской губернии в период с 1882 по 1918 г. выбиралось по одному ахуну. Исключение составлял Тобольский уезд, в нем действовало два ахуна — имам юрт Кызылбаевских Вагайской волости М. Мухаметрахимов и имам юрт Исеневских волости Оброчных Чувальщиков А. Ануваров; в Тюменском уезде ахуном был житель юрт Ново-Шабабинских Бухарской волости; в Ялуторовском уезде — житель юрт Авазбакеевских одноименной волости М. Хамитов [Там же].

Духовенство Оренбургского магометанского округа состояло в подушном окладе и поэтому должно было выполнять все повинности того сословия, к которому принадлежало. Данная норма на протяжении XIX в. подтверждалась различными законодательными актами [ПСЗ, собр. 2-е, т. 1, № 564; т. 25, отд. 1, № 23932; т. 32, отд. 1, № 31918]. До принятия в 1822 г. «Устава об управлении инородцами» мусульмане Тобольской губернии относились к податным категориям ясашных, захребетных, служилых, оброчных чувальщиков, бухарцев. После выхода «Устава об управлении инородцами» большая часть мусульман была приписана к податной категории оседлых инородцев, выходцы из поволжско-приуральского региона отнесены к крестьянскому сословию, та часть бухарцев, которая занималась торговлей, причислена к городскому сословию.

По решению прихожан духовенство могло быть освобождено от уплаты повинностей, в этом случае их бремя брала на себя община. Эта норма закреплялась Сенатским указом от 31 августа 1826 г. [ПСЗ, собр. 2-е, т. 1, № 564]. Служивший в мечети юрт Токуских Уватского округа указной имам Ноурус Сабанчеев в 1864 г. обратился в духовное собрание с просьбой. В присланном рапорте он сообщал, что служит имамом мечети указанных юрт уже 52 года и планирует выполнять требуемые обязанности до самой смерти. В качестве награды за продолжительную и беспорочную деятельность Н. Сабанчеев хотел бы, чтобы ему позволили выйти из числа платящих подати. Рассмотрев его просьбу, ОМДС сообщило, что оно не вправе освободить его от платежей, а решение этого вопроса зависит от воли того общества, которому он служит [ЦГИА РБ, ф. И-295, оп. 3, д. 6026, л. 1–3]. Стремление священнослужителей к освобождению от повинностей во многом было связано с особенностями их деятельности. Постоянная занятость в приходе не позволяла духовным лицам регулярно заниматься крестьянским трудом, торговлей или ремеслами. Они получали дополнительный доход за счет совершения духовных треб, но этих средств было недостаточно для уплаты налогов.

Духовные лица, служившие на местах и называемые государственной властью «духовными чиновниками», жалованья из казны не получали. Общины мусульман Тобольской губернии оказывали материальную поддержку духовенству. Так, жители юрт Нижнебехтеревских Тобольского округа выплачивали имаму один сноп сена из десяти и по завершении Рамазана с каждой души по 4 фунта пшеницы [Там же, д. 1083, 6711, л. 1]. Тяжелое экономическое положение прихожан не всегда позволяло им содержать духовных лиц. В Тюменском уезде в 1870 г. в 22 мечетях муллы должны были получать от членов общины пятую часть хлебов. «Однако из-за частых наводнений и неурожаев только 1/3 часть населения могла выделять мулле хлеба, а остальные не могли этого сделать из-за бедности» [Бакиева, 2011b, с. 58]. Согласие приходской общины взять на себя содержание духовенства могло подтверждаться избирательным приговором. Например, прихожане Градо-Тарской соборной мечети в 1895 г. при избрании на должность имама-хатыпа и мугаллима бухарца Изатуллы Мухамадеевича Иноятова в приговоре указывали, что берут на себя обязательство содержать его [ГБУТО ГАТ, ф. 152, оп. 35, д. 555, л. 3 об.].

Таким образом, в XIX в. мусульманским духовным лицам Тобольской губернии, так же как и остальной части духовенства округа ОМДС, со стороны государства податная льгота не предоставлялась, но они могли быть освобождены от нее по решению прихожан.

Во второй половине XIX в. духовные лица получили некоторые налоговые льготы. Положение о государственном налоге с недвижимых имуществ в городах, посадах и местечках, принятое в 1863 г., освобождало от налога собственность религиозных учреждений, не приносивших дохода путем сдачи в наем. Органы городского самоуправления были наделены правом использовать эту норму в отношении служебных домов приходского духовенства всех вероисповеданий [Денисов, 2011, с. 117].

Мусульманское духовенство, выполняя общественные и государственные функции, играло важную роль в жизнедеятельности общины. В случае призыва духовного лица на военную службу прихожане до утверждения его преемника в течение долгого времени не могли удовлетворять свои религиозные и иные общественные потребности, поэтому для мусульман этот вопрос был актуальным. Государственная власть на протяжении XIX в. решала его различным образом: от установления рекрутской повинности для духовных лиц и освобождения от нее лиц, занимающих те или иные духовные должности, до полного освобождения от нее. В июне 1912 г. в Устав о воинской повинности были внесены изменения, согласно которым все лица высшего магометанского духовенства и приходского духовенства округа Оренбургского духовного собрания — хатыпы, имамы и муллы, а также маязины, избранные на эту должность в возрасте не моложе 22 лет, освобождались от воинской повинности, но при этом призывной возраст был изменен, он начинался с 20 лет [ПСЗ, собр. 3-е, т. 32, № 37417]. Таким образом, государственная власть, освободив в начале XX в. мусульманское духовенство от воинской повинности, фактически освободила их от военных сборов и мобилизации.

До принятия в 1822 г. «Устава об управлении инородцами» основная часть мусульман Тобольской губернии относилась к тем податным категориям населения, которые были освобождены от воинской повинности. «Устав об управлении инородцами» подтвердил это положение (§ 18) [ПСЗ, собр. 1-е, т. 38, № 29126]. Следовательно, мусульманское духовенство Тобольской губернии не являлось военнообязанным. Эта норма наделяла его представителей равным правом с другими членами прихода, но отличала их от духовных лиц округа ОМДС, для которых освобождение от рекрутчины являлось привилегией.

Для священнослужителей ОМДС была предусмотрена юридическая ответственность. В случаях нарушения своих обязанностей духовные лица, относящиеся к округу Оренбургского магометанского собрания, подлежали суду и взысканиям духовного начальства. При совершении иных преступлений мусульманское духовенство подлежало суду светскому [СЗ, т. XI, ч. I, ст. 1420].

Принадлежа к податным категориям населения, мусульманское духовенство Тобольской губернии за уголовные правонарушения подвергалось наказанию наравне с иными лицами, исповедовавшими ислам [ПСЗ, собр. 2-е, т. 25, отд. 1, № 23932]. Среди наказаний, распространявшихся на духовных лиц, было телесное. Унижение чести и достоинства духовного лидера, даже со стороны власти, оскорбляло чувства верующих и могло привести к выражению недовольства и возмущения с их стороны. В связи с этим Сенат в 1822 г. дал разъяснения о том, что приходские муллы податных сословий могут подвергаться телесным наказаниям только после снятия с них духовного сана [Денисов, 2011, с. 117]. Высочайшим указом от 20 февраля 1850 г. в «Уложение о наказаниях» были внесены поправки, согласно которым ахуны, хатыпы, муллы и имамы округа ОМДС освобождались от этого вида наказания [ПСЗ, собр. 2-е, т. 25, отд. 1, № 23932]. Таким образом, данная норма закрепляла льготное положение духовных лиц в мусульманских общинах.

В начале XX в. в социально-политической жизни России произошел ряд важных событий: учреждение Государственной думы, декларирование свободы слова, собраний, союзов и совести. Провозглашение свободы вероисповедания заставило правительство искать пути ограждения православных от влияния иных конфессий, в том числе от мусульман, которые активизировали свою пропаганду. Это способствовало ужесточению притязаний к мусульманским духовным лицам со стороны государственной власти. Традиционно исламское духовенство должно было соответствовать высоким этическим требованиям, оно не могло совершать поступков, порочащих его честь и достоинство. Но помимо этого к представителям мусульманского духовенства стали предъявляться требования политического характера: быть благонадежными и лояльными по отношению к власти, к ее распоряжениям и мероприятиям. Своим циркуляром 14 сентября 1906 г. МВД подтвердило положение «о несовместимости государственной службы с принадлежностью к политическим организациям противозаконного направления». Чуть позже глава ведомства П.А. Столыпин сделал пояснения, что данное требование распространяется и на

мусульманских духовных лиц и в случае обнаружения подобных фактов они подлежат увольнению [Денисов, 2012, с. 145].

В дальнейшем, опасаясь распространения среди мусульманского духовенства крамольных идей, министр внутренних дел предписал не утверждать на мусульманские духовные должности иностранных граждан и русских подданных, получивших богословское образование за границей, преимущественно в Египте и Турции, считавшихся источниками «национально-религиозного сепаратизма» среди российских мусульман. Подозрения в лояльности вызывали и выпускники некоторых российских исламских учебных заведений: «Мухаммадия» в Казани, «Хусаиния» в Оренбурге и «Галия» в Уфе. Властью подчеркивалось, что получившие образование в подобных школах могут быть утверждены в духовных должностях только при наличии необходимых данных о политической благонадежности [Там же].

Таким образом, учреждением в конце XVIII в. ОМДС российская власть разделила исламское духовенство на высшее (члены ОМДС) и низшее (приходское духовенство). Высшее исламское духовенство было вовлечено в процедуру назначения на должности ахунов, мухтасибов, мударрисов, мугаллимов, хатыбов, имамов и муэдзинов. В первой трети XIX в. часть мусульманского духовенства Тобольской губернии занимала должности, не будучи наделенным правами со стороны государства, а приобретя их на основе норм обычного права. В дальнейшем в Тобольской губернии встречались единичные случаи нарушения официальной процедуры занятия мусульманских духовных должностей. В течение XIX — в начале XX в. государственная власть ужесточала требования к кандидатам на должности мусульманских духовных лиц и порядок их назначения путем введения возрастного и образовательного цензов, сдачи экзамена по русскому языку, установления ограничений политического характера. Государством не был регламентирован срок занятия исламских духовных должностей.

Вовлечение исламских институтов в систему административного управления Российской империи осуществлялось также возложением на приходское духовенство реализации государственных функций: регистрации актов гражданского состояния, нотариата, судопроизводства. При этом исламские «духовные чиновники», служившие в приходах, вознаграждения от государства не получали и не были им освобождены от уплаты повинностей, они состояли в подушном окладе. Исламское духовенство Тобольской губернии могло получить податную льготу по инициативе общины, но не всегда экономическое положение прихожан позволяло им взять на себя содержание духовных лиц. Как и все члены общины, мусульманские священнослужители Тобольской губернии были освобождены от военной службы. За совершение правонарушений мусульманское духовенство подлежало взысканиям и суду духовному либо светскому. В 1850 г. оно получило льготу в виде освобождения от телесного наказания.

По роду своей служебно-профессиональной деятельности мусульманское духовенство Тобольской губернии составляло особую группу, обладавшую определенными привилегиями. С конца XVIII в. вхождение в нее осуществлялось с позволения государственной власти. Правительство закрепило за мусульманскими священнослужителями ряд обязанностей. При этом со стороны государства мусульманскому духовенству Тобольской губернии было предоставлено незначительное количество льгот.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

ПСЗ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 22. № 16710; Т. 38. № 29126.
ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1830. Т. 1. № 564; Т. 3. № 2296.
ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1838. Т. 12. № 10594.
ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1851. Т. 25. Отд. 1. № 23932; Т. 30. № 29040.
ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1858. Т. 32. Отд. 1. № 31918.
ПСЗ. Собр. 3-е. СПб., 1888. Т. 8. № 5419.
ПСЗ. Собр. 3-е. СПб., 1912. Т. 32. № 37417.
СЗ. Пг., 1914. Т. XI. Ч. I. Ст. 1418, 1420.
ГБУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 35. Д. 555, 557; Ф. 329. Оп. 2. Д. 54; Ф. 686. Оп. 1. Д. 325.
ГБУТО ГАТО. Ф. И-10. Оп. 1 Д. 3787, 3795.
ЦГИА РБ. Ф.И-295. Оп. 3. Д.1083, 6026, 6228, 6711.
Сборник законов о мусульманском духовенстве в Таврическом и Оренбургском округах и о Магометанских учебных заведениях. Казань: Типо-литография Имп. ун-та, 1902. 53 с.

Литература

Бакиева Г.Т. Сельская община тоболо-иртышских татар (XVIII — начало XX в.). Тюмень; М., 2003. 259 с.

Бакиева Г.Т. Мусульманское духовенство у сибирских татар в XIX — начале XX в. // Оренбургское магометанское духовное собрание и духовное развитие татарского народа в последней четверти XVIII — начале XX вв. Казань, 2011a. С. 12–27.

Бакиева Г.Т. Обычай и закон: Очерки правовой культуры сибирских татар в XVIII — начале XX века. Новосибирск: Гео, 2011b. 214 с.

Гарифуллин И.Б. Очерки истории татарского населения Тюменской области. Тюмень, 2000. 220 с.

Гарифуллин И.Б. Обучение основам ислама в Тюменской мусульманской школе-медресе «Белем» // Сулеймановские чтения-2003: Тезисы докладов и сообщений науч.-практ. конф. Тюмень, 2003. С. 54–55.

Денисов Д.Н. Мусульманское духовенство как привилегированная группа в социальной структуре Российской империи XIX века // Вестник ЧелГУ. 2011. № 12 (227). История. С. 117–119.

Денисов Д.Н. Требования к кандидатам на мусульманские духовные должности в округе Оренбургского Магометанского Духовного Собрания (конец XVIII — начало XX века) // Вестник Оренбург. ун-та. 2012. № 5 (141). С. 142–147.

Ислам, общество и культура: Материалы Междунар. науч. конф. «Исламская цивилизация в преддверии XXI века: (К 600-летию ислама в Сибири)». Омск, 1994. 205 с.

Ислам в Российской империи: (Законодательные акты, описания, статистика) / Сост. и автор вводной статьи, коммент. и прил. Д.Ю. Арапов. М.: Академкнига, 2001. 367 с.

Клюева В.П. О пожертвовании тюменского бухарца С. Речапова в пользу тюменской мечети // Сулеймановские чтения-2004: Материалы VII межрегион. науч.-практ. конференции. Тюмень, 2004. С. 32–33.

Мавлютова Г.Ш. Законодательное регулирование жизнедеятельности мусульман Западной Сибири в XVII–XVIII веках // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. 2015. № 12-2 (62). С. 133–136.

G.Sh. Mavlyutova
Tyumen State University
Volodarsky st., 6, Tyumen, 625003, Russian Federation
E-mail: gmavlyutova@mail.ru

LEGAL STATUS OF MUSLIM CLERGY IN THE TOBOLSK PROVINCE AT THE END OF 18th — BEGINNING OF THE 20th CENTURY

The establishment of the Orenburg Muslim Spiritual Assembly at the end of the 18th century marked a new stage in the relationship between the state and the Islamic community in the Russian Empire. The state took another step towards the implementation of such a key principle in its confessional policy, as the state control over all religious institutions in the country. During the period under study, the government regulated the procedure for the occupation of Muslim religious positions by having delegated the right of conducting clergy exams to the Orenburg Muslim Spiritual Assembly. However, in the first third of the 19th century, a part of the Muslim clergy in the Tobolsk province fulfilled their duties without passing such exams, acting on the basis of the customary law norms. In later periods, only single cases of the violation of the official procedure for the occupation of Muslim clergy positions were recorded. During the 19th — early 20th centuries, the government tightened the requirements for candidates for the positions of Muslim clerics and the procedure for their appointment by introducing restrictions in terms of age, education, knowledge of the Russian language, etc. The involvement of Islamic institutions in the system of administrative management in the Russian Empire was also carried out by delegating some state functions, such as civil registration, notary service and court procedures, to the Islamic clergy. At the same time, Islamic «spiritual officials» who served in the parishes did not receive any state allowance and were not exempted from paying their duties. They were allowed to get a tax benefit at the initiative of their communities; however, parishioners were frequently unable to take on the maintenance of their clergy due to a poor economic situation in the Tobolsk province. The Muslim clergy in the Tobolsk province, similar to all Muslims, were exempted from military service. This provision gave them equal rights with other members of the parish, although distinguishing them from their colleagues in the Orenburg district. For the latter, exemption from the state military service was a privilege. In the case of committing offenses, the Muslim clergy were subject to penalties and were to face Islamic or secular trial. In 1850, they received exemption from corporal punishment. By the nature of their professional activities, the Muslim clergy in the Tobolsk province constituted a specific social group endowed with certain privileges from the state.

Key words: Islam, Tobolsk province, Muslim clergy, Orenburg Muslim Spiritual Assembly, legal status, Tatars, Bokharan.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-175-183

REFERENCES

Arapov D.Yu. (Ed.) (2001). *Islam in the Russian Empire: (Legislative acts, descriptions, statistics)*, Moscow: Akademkniga.

Bakieva G.T. (2003). *Rural community of Tobol-Irtysh Tatars (18th — beginning of 20th century)*, Tyumen; Moscow.

Bakieva G.T. (2011a). The Muslim clergy of the Siberian Tatars in the 19th — early 20th century. *Orenburgskoe magometanskoe duhovnoe sobranie i duhovnoe razvitie tatarskogo naroda v poslednej chetverti XVIII — nachale XX vv.*, Kazan, 12–27.

Bakieva G.T. (2011b). *Custom and the law: Essays on the legal culture of the Siberian Tartars in the 18th — early 20th century*, Novosibirsk: Geo.

Denisov D.N. (2011). The Muslim clergy as privilegirovanny group in the social structure of the Russian Empire of the 19th century. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, (12), 117–119.

Denisov D.N. (2012). The requirements for candidates for the Muslim clerical positions in the district of the Orenburg Muslim Spiritual Assembly (the end of 18th — beginning 20th century). *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, (5), 142–147.

Garifullin I.B. (2000). *Essays on the history of the Tatar population of the Tyumen region*, Tyumen.

Garifullin I.B. (2003). Learning the basics of Islam in Tyumen Muslim school-madrasah «Belem». *Sulejmanovskie chteniya-2003: Tezisy dokladov i soobshchenij nauchno-prakticheskoj konferencii*, Tyumen, 54–55.

Klyueva V.P. (2004). For a donation of Tyumen Bukharan S. Rechapov in favor of the Tyumen Mosques. *Sulejmanovskie chteniya-2004: Materialy VII mezhregional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii*, Tyumen, 32–33.

Mavlyutova G.Sh. (2015). Legislative regulation of activity of Muslims West Siberia at the 17th–18th centuries. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie iyuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie: Voprosy teorii i praktiki,* (12-2), 133–136.

Tomilov N.A. (Ed.) (1994). *Islam, society, and culture: Materials of the International scientific conference «Islamic civilization on the eve of the 21st century (600th anniversary of Islam in Siberia)»*, Omsk.

Г.Т. Бакиева

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: gulsifa-bakieva@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ УЧИТЕЛЕЙ ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ШКОЛ ЗАУРАЛЬЯ В 1930–1950-е гг. (НА ПРИМЕРЕ ТОБОЛЬСКОГО ТАТАРСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УЧИЛИЩА)

Рассматривается деятельность татарского педагогического училища, работавшего в г. Тобольске в 1934–1955 гг. Это было единственное в Зауралье учебное заведение, готовившее педагогические кадры для татарских начальных и неполных средних школ. Впервые на основе материалов архива г. Тобольска и полевых исследований предпринята попытка восстановить картину организации учебно-воспитательного процесса в училище. Несмотря на все трудности училище каждый год выпускало квалифицированных учителей. Реформы образования в СССР привели к постепенному вытеснению татарского языка и культуры из содержания общего образования, поэтому в 1955 г. татарское педагогическое училище в Тобольске было закрыто.

Ключевые слова: татарское педагогическое училище, Тобольск, начальное обучение, неполные средние школы, учебные планы, педагогическая практика, трудоустройство.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-184-192

Работа выполнена по госзаданию согласно Плану НИР ТюмНЦ СО РАН на 2018-2020 гг., протокол № 2 от 08.12.2017 г. Приоритетное направление XII.186; Программа XII.186.4; проект № 0371-2018-0033.

Начало национальной политике в сфере образования было положено постановлением народного комиссариата просвещения 1918 г. «О школах национальных меньшинств». Под национальной школой Российской республики подразумевалась школа, которая обслуживала меньшинство населения, «отличающееся от большинства своим языком и бытовыми особенностями. Преподавание в такой школе ведется на родном языке» [Народное образование…, 1974, с. 145]. Программа РКП(б) 1919 г. устанавливала: «Полное осуществление принципов единой трудовой школы, с преподаванием на родном языке, с совместным обучением детей обоего пола, безусловно, светской, т.е. свободной от какого бы то ни было религиозного влияния, проводящей тесную связь обучения с общественно-производительным трудом, подготовляющей всесторонне развитых членов коммунистического общества» [Там же, с. 18].

Основой для первых советских школ у сибирских татар стали мектебе и медресе — начальные и средние мусульманские учебные заведения. Они были включены в сеть государственных школ первой ступени, а преподавателями в них продолжали работать те, кто получил «старое» мусульманское образование. При этом школы сохранили два важных признака дореволюционных учебных заведений — национальный принцип формирования и преподавание на родном языке. В 1920-х гг. власти поставили задачу — переобучить учителей, получивших образование в конфессиональных учебных заведениях, что было реализовано путем организации краткосрочных педагогических курсов [Бакиева, 2016, с. 136–137].

С введением в 1930 г. всеобщего обязательного начального обучения детей (в объеме четырехлетнего курса начальной школы) остро встала проблема подготовки большого числа педагогических кадров для национальных школ региона. В 1922 г. для подготовки учителей в татарские школы Тюменской области открылось тюрко-татарское отделение в Тюменском педагогическом техникуме [ГБУТО ГАТ, ф. Р-167, оп. 1, д. 108, л. 4]. В 1930 г. оно было преобразовано в самостоятельный педагогический татаро-башкирский техникум, который располагался в г. Тюмени на улице Семакова, д. 10. Возглавлял его директор Ш. Шайхутдинов [Гарифуллин, 2000, с. 137]. Однако после четырех лет работы техникум перевели в г. Тобольск и преобразовали в Тобольское областное татарское педагогическое училище. В течение двух десятков лет оно являлось единственным в Зауралье учебным заведением, которое готовило педагогические кадры для начальных и неполных средних школ региона (в то время Омской области).

Перевод педагогического техникума в Тобольск был обусловлен тем, что в Тюмени не нашлось достаточных материальных ресурсов для обеспечения педагогов и учащихся всем необходимым для полноценной учебной деятельности. Согласно акту, составленному бывшим директором Ш. Шайхутдиновым, с 7 июля 1934 г. учебная и финансовая части передавались вновь назначенному директору Б. Рагачурину [Ф. Р-934, оп. 1, д. 16. л. 1]. Местные власти в Тобольске смогли обеспечить татарское училище учебными корпусами и общежитиями. Оно получило в аренду здание по адресу: Тобольск, Красная площадь, д. 4, а также два каменных одноэтажных дома по ул. Клары Цеткин (д. 7) и по ул. Б. Октябрьская (д. 35) [Там же, д. 7, л. 3, 5, 8]. В 1941 г. татарское педучилище было переведено в каменное здание на 160 ученических мест по адресу: Красная Площадь, д. 6 (бывшее здание губернского музея), в котором оно функционировало до закрытия в 1955 г. [Там же, д. 75, л. 5].

В настоящей статье мы продолжаем развивать тему становления национального образования у сибирских татар Тюменской области, начатую в других наших публикациях [Бакиева, 2008, 2009, 2016]. Впервые предпринимаем попытку восстановить картину организации учебно-воспитательного процесса в Тобольском татарском педагогическом училище, описываем успехи и проблемы национального образования, показываем причины закрытия училища. Статья написана на основе материалов фонда Тобольского татарского педагогического училища (ГБУТО ГАТ, ф. Р-934, оп. 1), а также дел из фондов Тобольского уездного [ГБУТО ГАТ, ф. Р-676, оп. 1, д. 82] и Тобольского окружного [ГБУТО ГАТ, ф. Р-167, оп. 1, д. 108] отделов народного образования. Все эти материалы впервые вводятся в научный оборот. Важная информация, уточняющая детали деятельности училища, была записана в ходе интервью с его выпускниками разных лет.

Специальных научных работ, посвященных деятельности Тобольского татарского педучилища, до настоящего времени не имелось. Краткие сведения об училище встречаются лишь в краеведческих книгах И.Б. Гарифуллина [2000, с. 138–139] и Л.Б. Хабибуллиной [2008, с. 280–286], а также в одной из монографий, посвященных истории и культуре сибирских татар [История и культура…, 2015, с. 330, 336].

Педагогический коллектив и состав учащихся

К открытию училища в Тобольске сформировался педагогический коллектив из 16 преподавателей во главе с директором Б.Г. Рагачуриным. Все они имели опыт преподавания в различных учебных заведениях, однако разный уровень образования: шесть педагогов были с высшим педагогическим образованием — Б.Г. Рагачурин, М.С. Сагататдинов, К.М. Исмаилов, П.И. Копылкова, Н.Р. Кутков, Е.М. Попов; восемь — со средним образованием и два — с начальным. Кроме того, в послужном списке директора Б.Г. Рагачурина имелась еще учеба в аспирантуре Туркменского пединститута (г. Ашхабад), правда, аспирантуру он не закончил [ГБУТО ГАТ, ф. Р-934, оп. 1, д. 15, л. 31, 95].

Педагоги являлись выходцами из Тобольского, Вагайского, Самаровского районов тогдашней Омской (с января по декабрь 1934 г. — Обско-Иртышской) области, г. Тобольска, а также из других регионов — гг. Свердловска, Надеждинска (Серова), Казани, Московской и Ленинградской областей [Там же, л. 95]. Следует отметить, что педагогический коллектив татарского училища не был постоянным, преподаватели часто увольнялись: одни из них покидали училище, чтобы получить дальнейшее образование, других направляли для работы в иные учебные заведения или отделы образования, третьи уходили по семейным обстоятельствам. Часто по разным причинам сменялись и директора училища; за 20 лет существования учебного заведения руководителями были Б. Рагачурин, З. Габдракипов, К. Исмаилов, Х. Ильясов, З. Бекшенев.

Состав учащихся Тобольского татарского педучилища формировался из выпускников татарских неполных средних школ (семилетки) Омской области после сдачи ими вступительных испытаний. При этом строгого отбора при зачислении в училище не проводилось. Например, в 1938–1939-м учебном году в училище взяли 57 чел. с плохими оценками в аттестатах [Там же, д. 60, л. 21]. Однако в 1940–1950-е гг., по словам бывших выпускников училища, конкурсный отбор стал довольно серьезным [ПМА, 2018].

Общая численность учащихся в 1934 г. составила 224 чел., из них 190 обучалось на школьном отделении и 34 — на дошкольном [Ф. Р-934, оп. 1, д. 15, л. 11]. Одновременно в татарском педучилище было открыто заочное отделение для учителей школ, не имевших педагогического образования. При поступлении в училище они освобождались от вступительных экзаменов [Там же, д. 96, л. 2]. В 1938 г. сюда было зачислено 223 слушателя из 19 районов Омской области

[Там же, д. 58, л. 12–15]. Подавляющее большинство учащихся составляли сибирские татары из деревень Тюменской и Омской областей, незначительное число — поволжские татары, переселившиеся в Сибирь в ходе Столыпинской реформы.

Организация учебной деятельности

Главная задача образовательных учреждений — подготовка учителей начальной школы, «вооруженных теорией и практикой учебно-воспитательной работы в советской школе», предусматривала изучение общеобразовательных предметов, педагогику, методику преподавания отдельных учебных дисциплин в начальной школе и педагогическую практику. Отмечалось, что на основные общеобразовательные предметы — математику, физику, химию, историю выделялся такой объем часов, чтобы лица, окончившие педучилище, получили знания, необходимые для самостоятельной подготовки к поступлению в высшую школу [Ф. Р-934, оп. 1, д. 59, л. 17]. Дополнительно в программу обучения татарского училища были включены родной язык и литература, методика родного языка. Здесь следует заметить, что под «родным языком» подразумевался литературный язык казанских татар, который для большинства учащихся родным не был. Тобольское педучилище обеспечивалось программами, методическими пособиями и художественной литературой из Наркомпроса Татарской АССР [Там же, д. 63, л. 10]. Другой особенностью татарского педучилища являлось то, что здесь использовалась письменность на основе латинской графики, на которую татарские школы Поволжья и Сибири стали переводить с арабской в 1928 г. [Ф. Р-676, оп. 1, д. 82, л. 3–4, 67, 71, 80]. В 1938–1939-м учебном году в татарских учебных заведениях произошла смена алфавита с латиницы на кириллицу. В педучилище в связи с этим были организованы специальные занятия по изучению нового алфавита и обучению учащихся чтению написанных на нем учебников и книг [Ф. Р-934, оп. 1, д. 44, л. 86].

В первые годы Тобольское татарское педучилище столкнулось с тем, что со стороны вышестоящих организаций — Наркомпроса и Омского облоно руководство осуществлялось не в должной мере. Директор З. Габдракипов в своем отчете за 1936 г. отмечал, что училище получило три варианта учебного плана для нерусских педучилищ, «притом с недостаточно верным распределением учебных часов по отдельным дисциплинам (недостаточное количество на родной язык и отсутствие иностранного языка)». Наркомпрос не обеспечил татарское училище программами по основной дисциплине — педагогике. По словам директора, облоно не оказывало методическую помощь, не проводились совещания заведующих учебной частью и директоров училищ, а поэтому они вынуждены были строить свою работу «по личному умению и усмотрению». В некоторых случаях руководство училища вынуждено было приспосабливать к своему учебному процессу программы русских училищ [Там же, д. 63, л. 10].

Во всех педагогических училищах был установлен следующий распорядок: учебный день начинался с восьми утра и продолжался до двух часов; до шести часов вечера был предусмотрен отдых для студентов, после чего — двухчасовая подготовка к урокам в классах под непосредственным руководством консультанта педагога. Учебный год начинался 1 сентября и заканчивался 30 июня. Зимние каникулы устанавливались с 30 декабря по 12 января, а весенние — с 24 по 30 марта [Там же, д. 8, л. 3]. В конце учебного года осуществлялись переводные испытания, а после окончания училища — выпускные экзамены. Согласно инструкции о переводных и выпускных испытаниях, утвержденной Наркоматом просвещения РСФСР в 1938 г., в нерусских педучилищах проводились: в первом классе (курсе) — 3 письменных, 6 устных экзаменов; во втором — 4 и 7 соответственно; в третьем — 4 и 9 соответственно [Там же 1, д. 55, л. 1–1 об.].

Во время обучения в педучилище учащиеся обязательно проходили педагогическую практику, состоявшую из следующих видов:

1) наблюдательная практика;
2) дача пробных уроков учащимися;
3) однодневная практика;
4) непрерывная практика;
5) показательные уроки учителей и методистов училища [Там же, д. 89, л. 3].

По воспоминаниям выпускников училища, на втором курсе студенты проходили пассивную (наблюдательную) практику в детских садах и детском доме для татарских детей-сирот. Учащихся знакомили с организацией работы детских учреждений, меню их столовых. На третьем курсе учащиеся проходили однодневную педагогическую практику в базовой школе, а на четвертом — двухнедельную непрерывную практику, во время которой вели уроки и внеурочную работу со школьниками (пионерская работа) [ПМА, 2018].

Для прохождения педагогической практики при училище имелась базовая начальная школа, располагавшаяся по адресу ул. Р. Люксембург, д. 17. Здесь занимались дети из татарского детского дома № 50 г. Тобольска [Там же]. Практику проходили и в других тобольских школах: №№ 9 и 15, а также в семилетних школах татарских юрт Саусканских, Епанчинских и начальных школах юрт Медянских, Иртышатских, Устамакских [Ф. Р-934, оп. 1, д. 192, л. 2]. Список школ, в которых практиковались в будущей профессиональной деятельности учащиеся татарского педучилища, постепенно пополнялся по мере открытия новых национальных школ. Например, учащиеся училища Мансур Аминов и Закарья Рахматуллин в 1953 г. были направлены для прохождения практики в Урман-аул (юрты Подъемные) Тобольского района [ПМА, 2018].

Для реализации учебных задач в училище имелись предметные кабинеты — биологии, химии, физики, географии, военный, истории, педагогический, музыкальный, физкультуры [Ф. Р-934, оп. 1, д. 51, л. 65]. Библиотека насчитывала 14 132 тома книг [Там же]; для урочных и кружковых занятий музыкой имелся комплект музыкальных инструментов (два пианино, мандолины, домбры, балалайки, гармония, гитары, контрабас, скрипки), а также патефон [Там же, д. 166, л. 26–27 об.]. До 1951 г. на собственном приусадебном участке выращивали зерновые культуры и овощи. Большая часть овощей оставалась в училище, часть шла на продажу [Там же, д. 183, л. 4].

Татарское педучилище ответственно подходило к трудоустройству своих выпускников. После сдачи выпускных испытаний педагогический совет в отношении каждого выпускника готовил заключение с краткой характеристикой и рекомендациями, на какой работе он может быть использован. Например, в 1938 г. из 47 чел., окончивших татарское педучилище, большинство получили направление учителями в начальные школы, 17 выпускникам рекомендовали трудоустроиться заведующими школами, а некоторым предлагалось работать учителями-«предметниками». Трое выпускников изъявили желание продолжить образование в высших учебных заведениях [Ф. Р-934, оп. 1, д. 56, л. 10–11]. Позже, в 1950-х гг., при отсутствии мест в школах некоторых выпускников татарского педучилища определяли заведующими клубами. Например, в 1955 г. из 21 выпускника заведующими в сельские клубы были направлены 7 чел. [ПМА, 2018].

Организация воспитательной работы

В Тобольском татарском педучилище с момента его открытия большое внимание отводилось организации воспитательной работы с учащимися после уроков. Цели и задачи внеклассной работы состояли в привлечении учащихся к активному участию в общественно полезной деятельности, в стимулировании их инициативы и самостоятельности, в развитии индивидуальных интересов и способностей. Значительное место в воспитательной работе занимала кружковая деятельность. Руководителями кружков являлись преподаватели училища [Ф. Р-934, оп. 1, д. 63, л. 9]. В 1936 г. здесь работали следующие кружки: литературный, музыкальный, шахматный, изучения автомобильного двигателя, драматический, физкультурный, стрелковый, фотокружок и краеведческий [Там же, д. 39, л. 2]. В 1937 г. появились новые кружки — педагогический, струнных инструментов и художественный [Там же, д. 53, л. 3].

Как видим, в училище работало много кружков эстетической направленности, способствовавших организации коллективной творческой деятельности. Здесь учащиеся приобретали навыки, которые использовались не только в их будущей профессии учителя, но и в других сферах жизнедеятельности. Занятия в кружках способствовали воспитанию у учащихся кругозора и культуры, творческого отношения к труду, умению работать в коллективе. Участники кружков регулярно демонстрировали свои умения и навыки. Газета «Тобольская правда» от 8 февраля 1940 г. писала: «Культурно и весело проводят свой досуг учащиеся татарского педучилища. Часто устраиваются вечера художественной самодеятельности. В настоящее время литературный кружок готовит большой чеховский вечер. К 22-й годовщине РККА драмкружок готовит пьесу автора-орденоносца Т. Гиззат “Ташкынар”. Одновременно готовится еще одна большая пьеса того же автора “Бишбуляк” (“Пять подарков”) на татарском языке. В спектакле участвуют лучшие силы драмкружка педучилища» [Там же, д. 70, л. 45]. Спектакли с участием учащихся ставились для показа не только в педучилище, но и в городском драматическом театре для жителей г. Тобольска [Там же, д. 70, л. 46]. Умения и таланты учащиеся демонстрировали и во время вечеров, посвященных празднованию знаменательных дней — 7 ноября и 1 мая. В концертном отделении вечера учащиеся пели песни, танцевали, декламировали стихи, исполняли произведения на музыкальных инструментах [Там же, д. 145, л. 18–18 об.]. Наряду с кружками в татарском училище действовали различные добровольные общества и секции [Там же, д. 108, л. 33].

Татарское педучилище не оставалось в стороне от антирелигиозной агитационной деятельности, развернувшейся в стране в 1930-е гг. Как показывают материалы архива, с 1938 г. здесь существовал кружок «Алласызлык» («Безбожник») [Там же, д. 63, л. 9]. Основной лозунг его работы провозглашал, что «борьба против религии есть борьба за победу скорейшего перехода от социализма к коммунизму, за победу коммунизма во всем мире». Согласно плану кружка учителя рассказывали о происхождении мусульманской религии, о религиозных праздниках [Там же, д. 70, л. 42]. В военные годы в учебно-воспитательной работе произошли значительные изменения, в том числе отказались от антирелигиозной работы. По словам учащихся тех лет, не возобновилась она и в 1950-х гг. [ПМА, 2018]. Большое место в воспитательной работе занимали лекции, которые имели целью пропаганду советско-партийной идеологии. К примеру, в 1939–1940-м учебном году 45 раз были проведены читки-беседы о жизни и деятельности вождей революции, героев Гражданской войны, коммунистов — В.И. Ленина, М.В. Фрунзе, В.М. Молотова [Ф. Р-934, оп. 1, д. 70, л. 26].

Основная нагрузка по учебной и воспитательной работе учащихся педучилища лежала на классных руководителях. Круг их обязанностей был чрезвычайно широк. Они регулярно проводили классные собрания с беседами и обсуждением тем, связанных с успеваемостью, дисциплиной в училище, общежитии, общественных местах. Классные руководители следили за выполнением домашних заданий каждого учащегося, «повседневно боролись за преодоление пережитков капитализма в сознании учащихся», «за ликвидацию политической отсталости», проверяя знания учащихся по краткому курсу истории ВКП(б) и политграмоту по книге «Наша родина», проводили беседы, громкие читки по вопросам текущей политики, разъясняли избирательный закон. Работу не оставляли и в выходные дни, организуя с учащимися коллективные посещения кинотеатров, музея и т.п. [Там же, л. 36–36 об.]. Большую помощь классным руководителям оказывали комсорги групп [ПМА, 2018]. Часто для учащихся педучилища устраивались просмотры фильмов с помощью кинопередвижек. В кинотеке того времени значились такие фильмы, как «Человек с ружьем», «Каторга», «Дочь родины», «Сокровище погибшего корабля», «Реванш», «Врачи», «Заключенные», «Цирк». Для отражения всех сторон учебно-воспитательной и бытовой жизни педучилища выпускалась стенгазета [Ф. Р-934, оп. 1, д. 63, л. 9].

Таким образом, внеурочная работа с учащимися представляла собой органическую часть и важный элемент всей учебно-воспитательной деятельности, являлась продолжением и дальнейшим развитием той работы, которая проводилась на занятиях в соответствии с обязательными программами, но не дублировала ее.

Тобольское педучилище в годы Великой Отечественной войны

Во время Великой Отечественной войны Тобольское татарское педучилище продолжало свою деятельность по подготовке учителей начальных классов. В начале войны были внесены некоторые изменения в учебный план. Согласно приказу наркома просвещения от 16 августа 1941 г. учебные занятия в педучилищах должны были начинаться с 1 октября, обучение заканчивалось 15 июня; переводные и выпускные испытания приказывалось провести с 16 июня по 1 июля, а перерывы в занятиях в период школьных весенних каникул отменялись. В 1941–1942-м учебном году требовалось ввести дополнительные занятия по иностранному языку и одно занятие по военной подготовке [Там же, д. 98, л. 36]. В 1942 г. учебный год в татарском педучилище начался 1 ноября [Там же 1, д. 108, л. 26].

В начале войны несколько педагогов училища ушли на фронт. Руководство с большими трудностями нашло им замену, но, по словам директора, качественный состав преподавателей снизился. К примеру, преподаватель математики К. Ахметов, мобилизованный в РККА, имел высшее образование, а принятый на его место И. Хамидуллин до устройства в училище работал в неполной средней школе и заочно учился на первом курсе учительского института. Учителя истории Мусина, призванного в армию, заменили Габдулкаевым, окончившим татарское педучилище и первый курс учительского института [Там же, л. 7, 8]. В военные годы в татарском училище работали и учителя, прибывшие в эвакуацию из Ленинграда и других городов центральной части страны [ПМА, 2018].

В начале 1941–1942-го учебного года директор К. Исмаилов на общем собрании педагогического коллектива выступил с докладом, в котором озвучил задачи, поставленные перед училищем: «Воспитать учащихся патриотами своей священной родины на примерах героической борьбы советского народа… Подготовка учащихся к обороне родины путем серьезной подготовки военно-физкультурной и военно-санитарной работы. Обеспечить активным передовым

участием учащихся, преподавателей и других работников в мероприятиях по укреплению обороны родины. Поднять идейно-политический и культурный уровень учащихся и работников. Борьба за грамотность учащихся, как по родному, так и по русскому языку. Вести повседневную работу за сохранение контингента учащихся. Усилить работу в помощь учителям национальных школ» [Ф. Р-934, оп. 1, д. 108, л. 25].

В течение 1941–1942-го учебного года из училища по разным причинам ушли 19 учащихся, четверо из них были мобилизованы [Там же, л. 25]. Для сокращения отсева и привлечения в училище абитуриентов в 1942–1943-м учебном году предпринимались следующие меры: облоно направляло директорам татарских школ письма о ведении разъяснительной работы среди учащихся (об организованной явке на испытания и об организации консультаций по русскому языку и математике в целях помощи в летнее время учащимся для поступления в педучилище); педагоги училища писали письма родителям, чтобы они приложили усилия для того, чтобы до конца учебного года их дети не оставляли учебу в училище. Директор и завуч постоянно проводили индивидуальные беседы с учащимися, желающими оставить учебу, воспитывая их на примерах героев отечественной войны. На общем собрании прочитали доклад на тему «Значение подготовки учительских кадров в условиях отечественной войны и роль учителя в советской школе в военный период» [Там же, д. 102, л. 28].

Весной 1942 г. в училище резко ухудшилось питание, и в связи с этим некоторые учащиеся попытались оставить училище. Руководство учебного заведения организовало бригаду из учащихся-отличников для ловли рыбы, с тем чтобы как-то решить эту проблему. В результате проведенной работы до конца учебного года в училище остались 13 чел., которые неоднократно просили директора об отчислении [Там же, д. 108, л. 26]. О трудностях военного времени вспоминает С.К. Маметова, учившаяся в татарском педучилище в эти годы: «Не хватало тетрадей, писали между строк на страницах старых книг. Питание было плохое — 400 грамм хлеба в день по карточкам. И в училище, и в общежитии было холодно — дров было мало. Занимались и спали в верхней одежде. Весной учащиеся заготавливали дрова» [ПМА, 2018].

Вся учебная деятельность татарского педучилища в военные годы осуществлялась в соответствии с лозунгом «отличная учеба есть отпор немецким оккупантам» [Ф. Р-934, оп. 1, д. 108, л. 26]. Повышения качества учебы добивались различными путями. Например, заключались договоры как между отдельными учащимися, так и между классами. Классный руководитель 1А курса (класса) М.В. Прозорова организовала из лучших учащихся курса «фронтовую бригаду», которая ставила своей целью учиться только на «отлично» и «хорошо». С целью поощрения отличников и мобилизации остальных учащихся в училище была создана галерея отличников с фотокарточками, проводились слеты отличников с приглашением ударников (хорошистов) и остальных учащихся. Также была налажена взаимопомощь — отличники помогали слабоуспевающим [Там же, л. 26–26 об.].

В свою очередь, учителя татарского педучилища в военные годы приложили максимум усилий для того, чтобы поднять успеваемость учащихся. Преподаватель татарского языка и литературы завуч Х.Т. Ильясов благодаря «умелой и старательной работе» к концу учебного года добился 100%-ной успеваемости учащихся по своим предметам. Усилия преподавателя русского языка и литературы И.А. Лонкевич привели к тому, что учащиеся 3 класса (курса) татарского педучилища писали не хуже, чем учащиеся русского педучилища, хотя при поступлении учащиеся-татары делали по 80–100 ошибок [Там же, л. 29]. В 1942–1943-м учебном году русский язык и литературу в педучилище вела опытный преподаватель Ф.Г. Гали-Акберова. Она добилась «серьезных результатов» по русскому языку на третьем курсе, в конце полугодия у нее не успевали только шесть учащихся. В отчете директора отмечалось, что ее «уроки исключительно стройные и учащиеся усваивают материал вполне удовлетворительно. Для лучшей успеваемости помогает сравнение русского языка и татарского. Литературу преподает очень интересно и все напрягает на чтение изучаемых произведений самими учащимися во внеурочное время». Алгебру, геометрию, физику в 1942–1943-м учебном году вел демобилизованный Муталипов. Директор училища в своем отчете указал, что он «исключительно старательный; учащиеся хорошо усваивают преподнесенный им материал» [Там же, д. 109, л. 5]. В преподавании педагогики в 1942–1943-м учебном году впервые по каждой теме была проведена практика в детских учреждениях и в школах. В результате этого педагогика как предмет, по оценке руководства училища, давалась учащимся легко. Преподавание естествознания (учитель М.В. Прозорова) в том же учебном году было связано теоретически и практически с сель-

ским хозяйством. В преподавании химии также был сделан акцент на практическом применении знаний в сельском хозяйстве и противохимической обороне [Там же, д. 108, л. 29–29 об.].

В воспитательной работе в годы войны в татарском педучилище обращалось особое внимание на привитие чувства любви к родине, личной ответственности перед государством. Классные руководители проводили политинформации, знакомившие учащихся с событиями войны, беседы, читки о героях войны, рассказывали о зверствах, чинимых фашистами в оккупированных районах, организовывали коллективные просмотры фильмов на тему войны. Классные руководители должны были строить беседы об Отечественной войне «в увязке с учебно-производственной работой (героизм Красной Армии и чему обязывает учащихся Отечественная война и потребность в хорошо подготовленных кадрах)». Учащиеся оказывали и практическую помощь: организовывали сбор теплых вещей для солдат, распространяли денежно-вещевую лотерею, принимали участие в распространении займа среди учащихся и населения города. В военные годы в училище были созданы дополнительные кружки: по изготовлению моделей (посещало 40 чел.), опытнический на пришкольном участке (35 чел.) [Там же, л. 36].

Таким образом, несмотря на то что все ресурсы страны были мобилизованы на отпор врагу, коллектив училища продолжал работать, находя силы для преодоления всех трудностей в организации учебы и для помощи фронту. Педагоги и учащиеся вносили свой вклад в дело победы над фашизмом. В военные годы в татарском педучилище произошла перестройка всей учебно-воспитательной работы. Особое внимание уделялось повышению роли идейно-политического, патриотического воспитания учащихся, улучшению военно-физической подготовки и укреплению дисциплины.

Татарское педучилище в послевоенный период

В послевоенный период татарское педучилище продолжало ежегодно выпускать учительские кадры для школ области (рис.). Например, в 1947 г. его окончило 44 чел. Из них двое — Хамитов Галиаскар и Шакиров Котдус — на «отлично» и шестеро — на «хорошо» и «отлично». При этом отличники кроме похвальной грамоты получили премию в виде отрезов мануфактуры и художественных книг, а хорошисты — только книги [Там же, д. 128, л. 16–16 об.]. Увеличивалось число выпускников, направляемых для продолжения учебы в вузы. Например, в 1954 г. по пять выпускников были направлены в Тобольский и Тюменский пединституты, два — в Казанский пединститут, один — в Физический институт г. Казани, а выпускницам Бакиевой М. и Мадьяровой Н. предлагалось самостоятельно выбрать учебное заведение [Там же, д. 162, л. 107].

Рис. Педагогический коллектив училища. 1950 г.
Fig. Pedagogical staff of the college. 1950.

Воспитательная работа в училище продолжала играть большую роль и в это время. Учащиеся проводили концерты, вечера самодеятельности, политические часы и беседы [Там же, д. 145, л. 9, 18]. Они были задействованы в культурно-массовых мероприятиях даже в канику-

лярное время. К примеру, в период зимних каникул 1948–1949-го учебного года учащиеся организовали комнату отдыха с настольными играми, оборудовали бильярд; провели экскурсии на лесохимический завод, в литейный цех судоремонтной мастерской, в музей, на электростанцию; организовали культпоход в подшефный колхоз «Красный труд»; провели шахматный турнир; организовали прогулку на лыжах; провели лыжные соревнования; посетили лекцию о международном положении [Там же, д. 145, л. 13].

Закрытие училища

В 1955 г. татарское педагогическое училище было слито с русским училищем. Преподавателей и учащихся перевели в деревянное здание по ул. Семакова. Здесь в 1956 г. состоялся последний выпуск учителей для татарских школ. В 1958 г. в Тобольское педагогическое училище им. В.И. Ленина был объявлен набор выпускников средней школы по подготовке учителей русского и татарского языков для национальных школ. В отличие от русских групп, которые проходили двухгодичное обучение, программа для татарской группы была рассчитана на три года. Татарский язык, татарскую литературу и методику этих предметов продолжали вести преподаватели, работавшие до этого в татарском педучилище: Р.Б. Алимова и С.К. Маметова. Однако состоялся всего один выпуск татарской группы (из 25 поступивших его окончило всего 12 чел.) [ПМА, 2018]. В период с 1954 по 1965 г. подготовка учителей русского и татарского языков для национальных школ осуществлялась на русско-татарском отделении Тобольского педагогического института [Хабибуллина, 2008, с. 293].

Закрытие Тобольского областного татарского педучилища, а затем и русско-татарских отделений в педучилище и педагогическом институте было обусловлено объективными причинами — изменением политики властей в отношении национального образования. К концу 1940-х — началу 1950-х гг. наметился отход от главного принципа национального образования — преподавания на родном языке. С переходом в 1949 г. к всеобщему семилетнему образованию преподавание всех предметов осуществлялось на русском языке по единым учебникам, а родной язык преподавался лишь как дополнительный предмет. Реформы образования в конце 1950-х гг. привели к дальнейшему вытеснению родного языка и культуры из содержания общего образования. Происходила унификация образования, без учета национальных особенностей, в связи с чем постепенно исчезла потребность в учебных заведениях, готовивших учителей для татарских школ.

В **заключение** подчеркнем, что Тобольское татарское педагогическое училище в течение 1934–1955 гг. являлось единственным в Зауралье учебным заведением, готовившим педагогические кадры для татарских начальных и неполных средних школ. Учебная программа училища соответствовала принципам национальной школы: преподавание на родном языке, светскость образования, тесная связь обучения с общественно-производительным трудом, подготовка всесторонне развитых членов коммунистического общества. Благодаря деятельности училища национальные школы региона были полностью обеспечены педагогическими кадрами. Важная социальная роль татарского педучилища заключалась и в том, что его выпускники явились основой формировавшейся социальной группы — интеллигенции из числа сибирских татар.

Список информантов:

Абайдуллин Ризмухамет Каримович, 1936 г.р., г. Тобольск.
Аминов Мансур Нурмухаметович, 1935 г.р., г. Тобольск.
Ашманова Нуригуль Шахимардановна, 1926 г.р., с. Ембаево, Тюменский р-н Тюменской обл.
Бакиева Рашида Курмановна, 1937 г.р., с. Маслово, Тобольский р-н Тюменской обл.
Бекенин Сунгатулла Хакимчанович, 1938 г.р., г. Тобольск.
Маметова Сара Каюмовна, 1926 г.р., г. Тобольск.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

ГБУТО ГАТ. Ф. Р-167. Оп. 1. Д. 108.

ГБУТО ГАТ. Ф. Р-676. Оп. 1. Д. 82.

ГБУТО ГАТ. Ф. Р-934. Оп. 1. Д. 7, 8, 15–17, 39, 44, 51, 53, 55, 56, 58–60, 63, 70, 75, 89, 96, 98, 102, 108, 109, 128, 145, 162, 166, 183, 192.

Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа: Сб. документов. 1917–1973 гг. / Сост. А.А. Абакумов и др. М.: Педагогика, 1974. 560 с.

ПМА, 2010 (с. Ембаево, Тюменский р-н Тюменской обл.).
ПМА, 2018 (г. Тобольск, с. Маслово Тобольского р-на).

Литература

Бакиева Г.Т. Реализация джадидистской реформы в школьном образовании сибирских татар в конце XIX — начале XX в. // Материалы Междунар. науч. конф. «Вторые исторические чтения Томского государственного педагогического университета». Томск, 2008. Ч. 1. С. 12–20.

Бакиева Г.Т. О развитии женского образования у сибирских татар в конце XIX — первой трети XX в. // Актуальные вопросы истории Сибири: Седьмые науч. чтения памяти проф. А.П. Бородавкина: Сб. материалов науч. конф. Барнаул: АлтГУ, 2009. С. 17–19.

Бакиева Г.Т. Образование у сибирских татар с 1918 по 1930-й г.: Задачи, проблемы, итоги (по материалам Тобольского уезда) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 4 (35). С. 133–142.

Гарифуллин И.Б. Очерки истории татарского населения Тюменской области. Тюмень, 2000. 222 с.

История и культура татар Западной Сибири. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ: Артифакт, 728 с.

Хабибуллина Л.Б. Себердә татар мәгарифе. XX гасыр («Из истории народного образования Тюменской области в XX веке»). Тюмень: Тюм. дом печати, 2008. 528 с. (На тат. яз.).

G.T. Bakieva
Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: gulsifa-bakieva@yandex.ru

PROBLEMS OF TRAINING TEACHERS FOR NATIONAL SCHOOLS IN THE TRANS-URALS IN 1930s–1950s (ON THE EXAMPLE OF THE TOBOLSKY TATAR PEDAGOGICAL COLLEGE)

The article discusses the activities of the Tatar Pedagogical College, which was functioning in the city of Tobolsk in the 1934–1955 period. It was the only educational institution in the Urals, whose activity was aimed at training pedagogical personnel for Tatar primary and secondary schools. For the first time, based on materials from the archives of the city of Tobolsk and field research, an attempt was made to restore the picture of the organization of the educational process in the school. It is revealed that the school periodically encountered such problems as the shortage of teaching staff, insufficient provision of educational and methodological literature and inept leadership on the part of higher authorities. Despite all the difficulties, the school graduated qualified teachers every year. It is noted that the teaching of basic subjects was conducted in the school in the Tatar literary language, which was not native to the majority of students. The educational reforms in the USSR led to the gradual ousting of the Tatar language and culture from the content of general education, therefore in 1955 the Tatar Pedagogical College in Tobolsk was closed.

Key words: Tatar Pedagogical College, Tobolsk, elementary education, incomplete secondary schools, curricula, pedagogical practice, employment.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-184-192

REFERENCES

Bakieva G.T. (2008). Implementation of the Jadidist reform in the school education of the Siberian Tatars in the late 19th and early 20th centuries. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Vtorye istoricheskie chteniia Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta»*, (1), Tomsk, 12–20.

Bakieva G.T. (2009). On the development of women's education among the Siberian Tatars in the late 19th — first third of the 20th century. *Aktual'nye voprosy istorii Sibiri: Sed'mye nauchnye chteniia pamiati professora A.P. Borodavkina: Sbornik materialov nauchnoi konferentsii*, Barnaul: AltGU, 17–19.

Bakieva G.T. (2016). Education among the Siberian Tatars from 1918 to 1930: Objectives, problems, results (based on the materials of Tobolsk district). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (4), 133–142.

Garifullin I.B. (2000). *Essays on the history of the Tatar population of Tyumen region*, Tiumen'.

Khabibullina L.B. (2008). *Education in Siberia. The 20th century («From the history of public education in Tyumen region in the 20th century»)*, Tiumen': Tiumenskii dom pechati. (In the Tatar language).

Tychinskikh Z.A. (Ed.). (2015). *History and culture of the Tatars of Western Siberia*, Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT: Artifakt.

И.В. Бобров, М.С. Черепанов

Независимый исследователь
E-mail: bobrov-tyumen@yandex.ru
ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: maximcherepanov@yandex.ru

ИСЛАМСКИЙ ЛАНДШАФТ ГОРОДСКОГО ОКРУГА ТЮМЕНЬ: МЕСТА, ЧИСЛЕННОСТЬ И СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ СОСТАВ МОЛИТВЕННЫХ СОБРАНИЙ

Представлены результаты анализа эмпирического исследования социально-демографического состава и динамики численности участников пятничных и праздничных коллективных молитв в городском округе Тюмень в 2009–2016 гг. Основным методом исследования являлось невключенное структурированное наблюдение. Полученные данные уточнялись в ходе экспертных интервью с религиозными специалистами и анализа мусульманских средств массовой информации и коммуникации. В результате нами установлена положительная динамика численности участников догматически обязательных молитвенных собраний и зафиксирован их социально-демографический состав. Наиболее крупной группой участников коллективных молитв являются мужчины молодого и среднего возраста, большую часть которых составляют внутренние мигранты с Северного Кавказа и внешние мигранты из Центральной Азии и с Южного Кавказа.

Ключевые слова: исламский ландшафт Российской Федерации, мусульмане, Тюменская область, религиозные практики, структурированное наблюдение.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-193-203

Статья выполнена по госзаданию согласно Плану НИР ТюмНЦ СО РАН на 2018–2020 гг., протокол № 2 от 08.12.2017 г. Приоритетное направление XII.186.; Программа XII.186.4; проект № 0371-2018-0033.

Одним из перспективных направлений исследований российского ислама остается его изучение в качестве живой религии[1]. Этнографы, антропологи, историки и социологи описывают проявления ислама в представлениях и поведении мусульман, обогащая знания об исламском ландшафте Российской Федерации. Результатом становятся описания специфических локальных практик и интерпретаций исламского вероучения [Бобров и др., 2015; Бобровников, 2006; Габдрахманова, Уразманова, 2018; Селезнев, Селезнева, 2004; Селезнев и др., 2009; Ярлыкапов, 2006; и др.].

Однако несмотря на большой массив работ по данной тематике в исследованиях исламского ландшафта зачастую без ответов остаются вопросы, насколько распространены те или иные практики среди верующих, какова динамика этой распространенности, кем являются люди, исповедующие ислам тем или иным образом. Сведения о численности и социально-демографическом составе мусульман России отражают чаще всего результат анкетирования [Россияне…; Синелина, 2013; WV6…; и др.]. Но в этом случае мы имеем дело лишь с данными о гражданах, заявляющих о своей принадлежности к исламу. И если можно считать, что нам известно о людях, которые заявляют о себе как о мусульманах, то существенно сложнее быть уверенными, что у нас есть информация о тех, кто действительно включен в те или иные религиозные практики. Определенным выходом могло бы стать анкетирование верующих в процессе самих религиозных практик. Однако и здесь исследователи указывают, что результаты подобного рода опросов не учитывают прихожан со слабым зрением, а главное — тех, кто отказывается принимать в таких опросах участие [Халтурина, 2002, с. 133].

В то же время исследований, замеряющих численность и социально-демографические характеристики практикующих мусульман с помощью наблюдений и этнографических опросов, не так много. Чаще всего эти данные демонстрируются в контексте описания религиозного ланд-

[1] Подходы и проблемы в исследовании ислама в России достаточно подробно описаны в обзорных работах А.Г. Селезнева и И.А. Селезневой [2014] и В.О. Бобровникова [2017].

шафта, не являясь основным объектом анализа, а географически охватывают в основном Москву [Бабич, 2016, с. 10; Сафаров, 2014 с. 115–118; Хайретдинов, 2002, с. 125] и Северный Кавказ [Бабич, 2017, с. 32; Ярлыкапов, 2006, с. 59]. Провинции, где ислам является религией меньшинства, практически не исследованы, что ставит под вопрос полноту знания об исламском ландшафте российского общества. В этой связи особенно остро встает проблема необходимости создания маршрутизаторов по исламским ландшафтам регионов России, разрабатываемых на основе качественных методов социологического исследования. Е.А. Островской и Е.В. Алексеевой [2018] была впервые представлена модель «маршрутизатора по религиозному ландшафту». Ее методологической основой является комбинация стратегии сплошного описания Н. Дензина и структурированного наблюдения в авторской операционализации. Результатом эмпирической апробации данной модели стало создание социологического маршрутизатора по православному ландшафту г. Екатеринбурга. В качестве ключевых единиц анализа маршрутизатора выступают организационно-религиозные взаимодействия, воспроизводящиеся в культовых объектах. Авторы достаточно подробно показали методологию построения и операционализации структурных единиц наблюдения организационно-религиозного взаимодействия, предоставив коллегам возможность использовать эту разработку для изучения православного ландшафта в других городах России и адаптировать ее к социологическому изучению нехристианских организаций. В настоящей статье мы предпринимаем первые шаги по адаптации методологического инструментария Е.А. Островской и Е.В. Алексеевой к изучению мусульманских молитвенных собраний, описывая опыт создания маршрутизатора по исламскому ландшафту городского округа Тюмень.

Тюменский городской округ помимо собственно города включает 19 прилегающих населенных пунктов. В 2010 г. здесь проживало 604 816 чел. [Итоги…, 2012, с. 24]. В 2017 г. число жителей возросло до 756 456 чел. [Среднегодовая численность…, 2017]. Как представляется, реальная численность населения значительно больше, учитывая влияние миграционного фактора [Численность…, 2018]. Население городского округа полиэтнично и поликонфессионально. По результатам переписи 2010 г., наибольшее число жителей идентифицировало себя с русскими (83,8 % от всей численности населения), татарами (8,1 %), украинцами (1,3 %), казахами (1 %) и азербайджанцами (0,7 %) [Итоги…, 2013, с. 48]. Наиболее многочисленные и общественно заметные религиозные организации относятся к православию, исламу и пятидесятничеству [Религиозные организации…, 2018].

Ислам на территории Тюменского региона был исторически представлен в культуре населения, определяемого в современной этнографической и исторической литературе как сибирские татары, западно-сибирские казахи и поволжско-уральские татары [Селезнев, Селезнева, 2004, с. 12; Ислам в истории…, 2004, с. 7–19]. В позднесоветский период ислам исповедовался в основном в форме народной религии, сочетавшей догматико-обрядовые элементы ханафитского мазхаба, суфизма и народных обычаев [Ислам в истории…, 2004, с. 28–29]. В связи с ликвидацией мечетей обряды зачастую проводились в частных домах и на кладбищах. Религиозные функции выполнялись престарелыми мужчинами, а в ряде случаев — женщинами. Считалось, что религиозные обычаи должны соблюдать люди пенсионного возраста, а молодым это не обязательно [Кабдулвахитов, 2004, с. 155].

После смены политико-правового режима свободы совести в начале 1990-х гг. исламский ландшафт региона активно меняется. Представители местного населения стали все чаще выезжать в страны СНГ и арабского Востока для обучения исламу, использовать источники исламского вероучения мировых просветительских центров. В то же время продолжались внутренняя и внешняя миграции на территорию Тюменского региона из Средней Азии, Северного и Южного Кавказа, в результате которых население городов, исповедовавшее и проповедовавшее ислам, становилось все более поликультурным. Увеличение культурного разнообразия городов, появление мусульман, получивших специальное образование, включенных в международные сети мусульманской коммуникации, увеличивало и догматико-обрядовые интерпретации исламского вероучения, воспроизводившиеся в Тюменской области [Ислам в истории…, 2004, с. 31].

В настоящее время, согласно анкетным опросам, 7 % населения, проживающего в тюменском городском округе, заявляют о своей принадлежности к исламу [Социально-политическая ситуация…, 2016, с. 20]. Большинство мусульман Тюменской области исповедуют суннитское направление вероучения. С шиизмом соотносит себя численно небольшая, но религиозно активная тюменская община выходцев из Азербайджана. В рамках суннизма выделяются те, кто

соотносит себя исключительно с ханафитским или шафиитским мазхабом, мусульмане, придерживающиеся религиозных традиций тарикатов Кадирийа и Накшбандийа. Также имеет место воспроизводство различных вариаций народного ислама и салафизма.

Мусульмане городского округа Тюмень совершают молитвы в одних и тех же мечетях вне зависимости от догматико-обрядовых предпочтений за исключением шиитской общины и мусульман-кадиритов, выстроивших отдельные молитвенные дома в г. Тюмени. Религиозную жизнь верующих организуют представители трех духовных управлений: Духовного управления мусульман Тюменской области (ДУМ ТО), Центрального духовного управления мусульман России (ЦДУМР) и Казыятского управления мусульман Духовного управления мусульман азиатской части России (КУМ ТО ДУМ АЧР).

Объектом нашего исследования являлись социально-демографический состав и динамика численности мусульман, включенных в религиозные практики на территории городского округа Тюмень. В качестве таких практик были выбраны коллективные пятничные (джума-намаз) и праздничные молитвы по случаю Ураза-байрама и Курбан-байрама. Мы хотели понять, насколько распространены данные практики среди мусульман городского округа, какова динамика этой распространенности, каков половозрастной и этнический состав верующих, выполняющих обязательные догматические предписания.

Джума-намаз — догматически обязательная религиозная практика, проводящаяся в мечети и предваряемая проповедью. Она позволяет получить представление о численности и социально-демографических характеристиках мусульман, религиозные предписания для которых являются повседневно значимыми. Кроме того что эти верующие совершают доктринально предписываемые религиозные действия, они, в случае тюменского городского округа, еженедельно преодолевают определенные повседневные сложности. Например, прерывают рабочий или учебный день, едут до богослужебного здания, совершают омовение и пытаются найти место на время сорокаминутной проповеди в переполненных мечетях. Также именно они составляют аудиторию проповедей, предваряющих молитвы, используют площадки взаимодействий, где актуализированы исламские смыслы и нормы.

В то же время выбор джума-намаза в качестве площадки исследования социально-демографических характеристик и динамики численности практикующих мусульман имеет два существенных ограничения. Во-первых, это доктринальная необязательность для женщин посещать коллективные молитвы в мечети. Во-вторых, это актуализация в среде местного населения старшего возраста иных наборов практик, выражающих их религиозность: Ураза-байрам, Курбан-байрам, Мавлид-байрам, хатымы, зияраты.

Учитывая эти ограничения, в выборку практик мы включили и ежегодные праздничные молитвы по случаю Ураза-байрама и Курбан-байрама. Они также проводятся в мечети и предваряются проповедью. Эти практики позволяют определить социально-демографический состав и динамику участия мусульман, владеющих знанием молитв и умением совершать молитвы в связи с периодическим их совершением. Дело в том, что праздничные молитвы, так же как и другие, предусматривают определенный порядок действий, и для участия в коллективном намазе нужно знать этот порядок. Таким образом, на праздничных молитвах могут быть как те, кто выполняет еженедельные джума-намазы, так и те, кто их не посещает, но периодически совершает молитвы. Мусульмане, участвующие в коллективных праздничных молитвах,— это люди, для которых религиозное поведение не ограничивается ритуалами жизненного цикла (рождение, свадьба, похороны, поминки, материальные приобретения и т.д.), они знают порядок молитвенных действий.

Исследование проводилось в 2007–2016 гг. Однако в настоящей статье иллюстрируются данные, полученные с 2009 по 2016 г., поскольку только в этот период удалось одновременно фиксировать коллективные молитвы во всех богослужебных зданиях Тюмени. Также необходимо отметить, что в сравнении с протоколом структурированного наблюдения, представленным в модели маршрутизатора Е.А. Островской и Е.В. Алексеевой [2018, с. 75–79], в наблюдениях нашего исследования отсутствовали такие единицы, как «религиозный специалист», «цель и средства достижения», «тема и контекст», являющиеся ключевыми для анализа организационно-религиозного взаимодействия. Наша цель в период исследования ограничивалась только фиксированием численных характеристик и социально-демографического состава мусульман, включенных в обязательные в исламе религиозные практики. Таким образом, на основании анализа данных проведенного исследования невозможно показать всю полноту организацион-

но-религиозного взаимодействия, какая предполагается в модели Е.А. Островской и Е.В. Алексеевой. Однако наши данные позволяют получить такие характеристики исламского ландшафта, как места, численность и социально-демографический состав молитвенных собраний. Также, благодаря тому что исследование проводилось на протяжении семи лет, мы можем делать выводы об изменениях этих характеристик ландшафта. Таким образом, в предлагаемом маршрутизаторе по исламскому ландшафту отражены только такие единицы наблюдения, как «время», «пространство» и «участники богослужений», соответствующие таким единицам маршрутизатора коллег, как «сакральное пространство», «сакральное время» и «прихожане».

Основным методом проведенного нами полевого исследования было структурированное невключенное наблюдение. Для протокола наблюдения по каждой из практик, в соответствии с задачами фиксации социально-демографического состава и численности мусульман, включенных в коллективные молитвы, были выведены следующие единицы: время, пространство, участники богослужений.

Единица «время» — это дни и часы проведения коллективных молитв на джума, Уразабайрам и Курбан-байрам. Джума-намаз проводится еженедельно по пятницам. Коллективные богослужения на Ураза-байрам и Курбан-байрам — это ежегодные мероприятия, осуществляемые в соответствии с мусульманским лунным календарем, что обусловливает их ежегодный сдвиг относительно григорианского календаря. Кроме того, часы проведения коллективных намазов имеют сезонные различия, поскольку зависят от циклов восхода и заката солнца.

Ознакомиться со временем проведения джума-намазов можно в печатных изданиях, распространяемых в мечетях и магазинах мусульманской продукции, на исламских интернет-сайтах. Несколько сложнее узнать о времени проведения коллективных молитв на Ураза-байрам и Курбан-байрам. Поскольку религиозные специалисты могут использовать разные ориентиры (данные Саудовской Аравии, решения российских мусульманских лидеров и т.д.), дни и часы проведения коллективных праздничных молитв в разных мечетях могут различаться. О времени проведения Ураза-байрама и Курбан-байрама мы узнавали, созваниваясь с религиозными специалистами, организующими эти практики.

Время начала наблюдения выбиралось с учетом необходимости зафиксировать численность и состав участников, уже находящихся в здании. Время окончания наблюдения обусловливается тем, что коллективная молитва после проповеди заканчивается примерно через 20 минут. Наблюдение за джума-намазом начиналось, как правило, в зависимости от вместимости мечети за 30–60 минут до проповеди, предваряющей молитву, и заканчивалось примерно через 20 минут после начала молитвы, когда верующие начинали выходить из мечети. В случае с практиками Ураза-байрама и Курбан-байрама наблюдение начиналось в зависимости от вместимости мечети за 2–4 часа до проповеди и заканчивалось так же, как на джума-намазе.

Большая часть наблюдений проводилась весной, летом и осенью. Это связано с тем, что для обзора участников богослужений в наполненной мечети исследователь в процессе наблюдения перемещался в сторону выхода из здания и в случае его переполненности продолжал наблюдение уже на уличной территории. В зимнее время года из-за низкой температуры это было трудновыполнимо. Тем не менее нужно отметить, что мы смогли провести выборочное наблюдение на джума-намазах в нескольких мечетях и в зимнее время, и полученные данные о численности и социально-демографических характеристиках участников коррелируются с данными по этим мечетям в другие сезоны.

Единица «пространство» — место, где совершаются коллективные молитвы на джума, Уразабайрам и Курбан-байрам. Местами совершения джума-намазов в тюменском городском округе являются мечети и молитвенные дома. На Ураза-байрам и Курбан-байрам в наиболее крупных мечетях такими местами становятся также прилегающие к богослужебным зданиям уличные территории.

Согласно исламским канонам джума-намазы и праздничные молитвы на Ураза-байрам и Курбан-байрам должны исполняться в специально построенных или перестроенных для совершения молитв зданиях, открытых для посещения всех желающих. Источником информации об их местонахождении могут служить списки зарегистрированных мусульманских религиозных организаций Министерства юстиции Российской Федерации [Информация…, 2018]. Существенным ограничением этого источника для целей нашего исследования являлось то, что он отражает только местоположение зарегистрированных организаций. В то же время коллективные намазы могут проводиться в зданиях, по адресам которых мусульманские организации не зарегистрированы. Однако, поскольку религиозный статус помещений, где исполняются коллектив-

ные молитвы на джума, Ураза и Курбан, обусловливает их известность и доступность для мусульман населенного пункта, эффективными источниками информации об их местонахождении стали материалы экспертных интервью религиозных специалистов и анализа средств массовой информации и коммуникации.

В результате анализа списка Министерства юстиции нами было выявлено 11 адресов, по которым зарегистрированы 12 местных мусульманских организаций и один некоммерческий фонд содействия мусульманским организациям. По четырем адресам из одиннадцати находились мечети, по следующим четырем — жилые помещения, по оставшимся трем — офисные помещения. С учетом догматических требований к помещениям, где совершаются коллективные пятничные и праздничные молитвы, а также на основании экспертных интервью с религиозными специалистами, в выборку мест совершения коллективных молитв на джума, Ураза и Курбан из этого списка мы включили только четыре мечети. Кроме того, результатом анализа средств массовой информации и коммуникации и экспертных интервью стало выявление еще трех молитвенных домов, по адресам которых не было зарегистрировано религиозных организаций, но где проводились исследуемые практики.

Таким образом, в выборку мест совершения джума-намазов и праздничных молитв на Ураза-байрам и Курбан-байрам в тюменском городском округе были включены семь богослужебных зданий.

Единица «пространство» представлена в четырех структурных позициях: расположение, направление ислама, вместимость, реальное существование. Позиция «расположение» включает такие компоненты, как «близко к центру» и «удалено от центра». При этом компонент «близко к центру» означает, что время нахождения в пути на общественном транспорте от центра города до богослужебного здания составляет до 40 минут, компонент «удалено от центра» — до 1,5 часа.

Позиция «направление ислама» выражает преобладающие в богослужебном здании практики совершения молитв и включает компоненты: «суннизм», «суннизм (кадириты)», «шиизм». Первая компонента означает, что практики осуществляются в рамках всех направлений суннизма кроме суфизма. Вторая — заметное присутствие среди других суннитов приверженцев суфизма (кадиритов), проводящих громкий зикр. Третья компонента — совершение практик в рамках шиизма.

Позиция «вместимость» означает, на какую численность прихожан рассчитано богослужебное здание. Она важна при анализе распределения численности участников молитв по тем или иным мечетям. Компонентами этой позиции являются: «большая вместимость», «средняя вместимость», «малая вместимость». В первом случае здание вмещает более 1000 участников богослужения, во втором — от 300 до 1000 чел., в третьем — до 300 чел.

Техника исследования в мечетях во многом определяется наличием отдельных помещений для молящихся мужчин и женщин. Входы в эти помещения могут находиться с разных сторон мечети, что затрудняет наблюдение. В такие мечети для наблюдения требуется два исследователя — мужчина и женщина. В случае с крупными мечетями необходимо большее количество наблюдателей.

Единица наблюдения «участники богослужений» состоит из следующих позиций: число прихожан, совершивших коллективную молитву, их пол и возраст.

«Число прихожан». Эта позиция показывает, сколько человек приняло участие в коллективной молитве. В период исследования мы, за редкими исключениями, не сталкивались с таким явлением, когда верующий опаздывает на коллективную молитву или уходит в середине богослужения. Как правило, все верующие собирались к моменту начала коллективной молитвы и оставались в мечети до ее окончания. Поэтому мы считали всех людей, заходивших в мечеть либо в связи с нехваткой места располагавшихся на улице для совершения коллективной молитвы.

Для конкретизации позиции «возраст» мы ввели следующее разделение на основе визуальных различий: «молодой» (до 35 лет), «средний» (до 60 лет), «пожилой» (старше 60 лет), «дети» (до 16 лет).

Дифференциация по полу осуществлялась только в отношении взрослых людей. Дети обоих полов составляли в протоколах наблюдений отдельную категорию, учитываемую в общей численности участников.

Также необходимо отметить, что сложность проведения исследования на Ураза-байрам и Курбан-байрам из-за их массовости стала причиной учета состава их участников только по полу.

Дополнительными методами получения и уточнения данных выступили экспертные интервью с религиозными специалистами и анализ фото- и видеодокументов. Анализ фотодокумен-

тов компенсировал отсутствие данных наблюдений в молитвенном доме Центра ингушской культуры «Магас» на Ураза-байрам в 2016 г. Интервью с имамами и председателями мусульманских объединений позволяли получать экспертные оценки в отношении этнического и возрастного распределения молитвенных собраний. Нами были опрошены религиозные специалисты всех действовавших на 2016 г. богослужебных зданий. Для получения данных по этническому распределению респондентов просили выделить наиболее крупные группы прихожан по следующим позициям: представители среднеазиатских регионов, представители кавказских регионов, татары. Во время опроса религиозных специалистов, организующих практики в богослужебных зданиях малой вместимости, мы получали уверенные указания на преобладание той или иной этнической группы. Имамы мечетей средней и большой вместимости не могли точно говорить о распределении конкретных этнических групп, выделяя лишь их совокупности в категориях «большинство», «меньшинство», «иногда приходят». Категория «большинство» означает, что с представителями этнических групп данных регионов ассоциировано не менее 2/3 прихожан, «меньшинство» — составляют не более 5–10 % от общей численности, «иногда приходят» — малочисленные группы этнически ассоциированных прихожан, эпизодически включающиеся в коллективные практики молитвенного собрания.

Для уточнения данных по возрастному распределению экспертов просили выделить наиболее крупные группы прихожан в соответствии с компонентами позиции «возраст» протокола структурированного наблюдения.

Рассмотрим разработанный нами маршрутизатор. В табл. 1 характеризуется специфика выявленных богослужебных зданий в городском округе Тюмень, где в период 2009–2016 гг. проводились коллективные молитвы на джума, Ураза-байрам и Курбан-байрам. Далее представлены таблицы, отражающие динамику численности участия мусульман в практиках джума-намаза (табл. 2), Ураза-байрам и Курбан-байрам (табл. 3), демографический состав молитвенных собраний (табл. 4–6), этнический состав участников коллективных молитв (табл. 7).

Таблица 1

Специфика мусульманских богослужебных зданий городского округа Тюмень

Table 1

Special features of Muslim religious buildings of Tyumen City District

№ п/п	Название богослужебного здания	Расположение	Направление ислама	Вместимость	Реальное существование
1	Соборная мечеть им. Умара ибн аль-Хаттаба — ДУМ ТО	Близко к центру	Суннизм	Большая	Действует с середины 1990-х
2	Молитвенный дом (ул. Мельникайте) — ЦДУМР	Близко к центру	Суннизм	Средняя	Действует с 2004 г.
3	Молитвенный дом (ул. Чехова) — КУМ ТО ДУМ АЧР	Близко к центру	Суннизм	Малая	Действовал в 2011–2015 гг.
4	Мечеть «Хадиджа» — ДУМ ТО	Удалено от центра	Суннизм	Средняя	Действует с 2001 г.
5	Мечеть «Абу Бакр» — ДУМ ТО	Удалено от центра	Суннизм	Средняя	Действует с 2003 г.
6	Молитвенный дом Центра ингушской культуры «Магас»	Удалено от центра	Суннизм (кадириты)	Малая	Действует с 2013 г.
7	Молитвенный дом «Ахль аль-Бейт»	Удалено от центра	Шиизм	Малая	Действует с 2015 г.

Таблица 2

Динамика численности участников джума-намазов

Table 2

Dynamics of the number of participants in Jumu'ah

	Джума-намаз 17.04.2009	Джума-намаз 27.06.2014	Джума-намаз 27.05.2016
Соборная мечеть им. Умара ибн аль-Хаттаба	710	995	1048
Мечеть «Хадиджа»	87	100	117
Мечеть «Абу Бакр»	47	139	135
Молитвенный дом (ул. Мельникайте)	233	364	479
Молитвенный дом (ул. Чехова)	—	25	—
Итого	1077	1623	1779

Для определения динамики численности участников джума-намазов мы использовали данные наблюдений от 17.09.2009, 27.06.2014 и 27.05.2016. Наблюдения по первой дате охватили все действовавшие на тот момент богослужебные здания, по второй — пять богослужебных зданий из шести действовавших, по третьей — четыре богослужебных здания из шести действовавших. В молитвенных домах, не вошедших в наблюдения по контрольным датам, исследо-

вания проводились в другие даты: 11.07.2014 и 23.10.2015. Выявленная численность этих собраний не превышает 6 % от общей численности практикующих джума-намазы мусульман в городском округе. Таким образом, отсутствие результатов наблюдений по этим богослужебным зданиям в контрольные даты 27.06.2014 и 27.05.2016 не мешает увидеть общие тенденции динамики численности участников джума-намаза за семь лет.

Таблица 3

Динамика численности участников праздничных намазов

Table 3

Dynamics of the number of participants in feast prayers

	Ураза-байрам 09.09.2010	Ураза-байрам 30.08.2011	Курбан-байрам 15.10.2013	Ураза-байрам 05/06.07.2016
Соборная мечеть им. Умара ибн аль-Хаттаба	2476	2828	3935	3 615
Мечеть «Хадиджа»	131	179	216	282
Мечеть «Абу Бакр»	20	63	151	151
Молитвенный дом (ул. Мельникайте)	241	879	1756	2 769
Молитвенный дом (ул. Чехова)	—	23	19	—
Молитвенный дом «Ахль аль-Бейт»	—	—	—	66
Молитвенный дом Центра ингушской культуры «Магас» (данные анализа фотоматериала)	—	—	—	Около 150
Итого	3050	3995	6096	Около 7000

Таблица 4

Демографический состав участников джума-намазов

Table 4

Demographic composition of participants in Jumu'ah

№ п/п	Название богослужебного здания (дата наблюдения)	Общая численность	м	ж	Молодой	Средний	Пожилой	Дети (учтены в общей численности, без различения по полу)
1	Соборная мечеть им. Умара ибн аль-Хаттаба (27.05.2016)	1048	970	41	353	547	111	37
2	Молитвенный дом (ул. Мельникайте) (27.05.2016)	479	424	48	283	165	24	7
3	Мечеть «Хадиджа» (27.05.2016)	117	109	0	6	98	5	8
4	Мечеть «Абу Бакр» (27.05.2016)	135	123	4	86		41	8
5	Молитвенный дом (ул. Чехова) (27.06.2014)	25	25	0	—	—	—	—
6	Молитвенный дом Центра ингушской культуры «Магас» (11.07.2014)	50	50	0	Большинство		Меньшинство	0
7	Молитвенный дом «Ахль аль-Бейт» (23.10.2015)	60	60	0	5	45	10	0

Таблица 5

Демографический состав участников коллективных молитв на Курбан-байрам

Table 5

Demographic composition of participants in Eid al-Adha collective prayers

№ п/п	Название богослужебного здания (дата наблюдения)	Общая численность	м	ж
1	Соборная мечеть им. Умара ибн аль-Хаттаба	3935	3816	119
2	Молитвенный дом (ул. Мельникайте)	1756	1712	44
3	Мечеть «Хадиджа»	216	177	39
4	Мечеть «Абу Бакр»	151	141	10
5	Молитвенный дом (ул. Чехова)	19	19	0

Для определения динамики численности участников праздничных намазов мы опирались на данные наблюдений от 09.09.2010, 30.08.2011, 15.10.2013 и 05/06.07.2016, дополнив недостающие данные анализом фотоматериала [Праздник…, 2016]. Наблюдения по первой, второй и третьей датам охватили все действовавшие на тот момент богослужебные здания. Данные по последней дате получены в результате наблюдений в пяти богослужебных зданиях из шести, а недостающие данные компенсированы за счет анализа фотоматериалов.

Социально-демографический состав участников джума-намазов определен нами по данным наблюдений 27.05.2016, 27.06.2014, 11.07.2014, 23.10.2015, охвативших все действовавшие в исследуемый период богослужебные здания.

Для дифференциации по полу участников Курбан-байрама нами использованы данные наблюдения 15.10.2013, охватившего все действовавшие на этот день богослужебные здания.

Дифференциация по полу участников Ураза-байрама проведена нами по данным наблюдений 05/06.07.2016, охвативших пять из шести действовавших на этот день богослужебных зданий. Для получения данных по молитвенному дому Центра ингушской культуры «Магас» использовался анализ фотоматериала [Праздник…, 2016].

Для определения этнического состава мы использовали данные экспертных интервью с религиозными специалистами богослужебных зданий, проводившихся в 2014–2016 гг. Нужно отметить, что эти данные совпадают и с нашими оценками, сложившимися в результате наблюдений и анализа фотоматериала. Кроме этнических групп, указанных в таблице, религиозные специалисты отмечали присутствие на богослужениях и прихожан со славянской внешностью. Однако по отношению к общей численности это единичные случаи.

Таблица 6

Демографический состав участников коллективных молитв на Ураза-байрам

Table 6

Demographic composition of participants in Eid al-Fitr

№ п/п	Название богослужебного здания (дата наблюдения)	Общая численность	м	ж	Дети
1	Соборная мечеть им. Умара ибн аль-Хаттаба	3 615	3 500	115	—
2	Молитвенный дом (ул. Мельникайте)	2 769	2 710	59	—
3	Мечеть «Хадиджа»	282	248	34	—
4	Мечеть «Абу Бакр»	151	132	15	4
5	Молитвенный дом (ул. Чехова)	—	—	—	—
6	Молитвенный дом Центра ингушской культуры «Магас» (данные анализа фотоматериала)	150	150	0	0
7	Молитвенный дом «Ахль аль-Бейт»	66	64	0	2

Таблица 7

Этнический состав участников коллективных молитв

Table 7

Ethnic composition of participants in collective prayers

№ п/п	Название богослужебного здания (дата наблюдения)	% от общей численности участников коллективных молитв Тюмени (среднее значение)	Представители регионов Средней Азии	Представители регионов Южного и Северного Кавказа	Татары
1	Соборная мечеть им. Умара ибн аль-Хаттаба	55	Большинство		Меньшинство
2	Молитвенный дом (ул. Мельникайте)	30	Большинство		Меньшинство
3	Мечеть «Хадиджа»	5	Большинство		Меньшинство
4	Мечеть «Абу Бакр»	4	Большинство (наиболее заметны дагестанцы)		Меньшинство
5	Молитвенный дом (ул. Чехова)	1	Приходят иногда	Приходят иногда	Большинство
6	Молитвенный дом Центра ингушской культуры «Магас»	3	Приходят иногда	Большинство вайнахи (ингуши и чеченцы)	Приходят иногда
7	Молитвенный дом «Ахль аль-Бейт»	2	Нет	Большинство азербайджанцы	Меньшинство

Представленные данные позволяют сделать ряд выводов о динамике численности практикующих мусульман, их распределении по мечетям и социально-демографическом составе молитвенных собраний. За период с 2009 по 2016 г. нами зафиксирован рост численности мусульман, посещающих пятничные и праздничные молитвенные собрания в городском округе Тюмень. Почти в два раза возросло число мусульман на пятничных полуденных молитвах, более чем в два раза — на праздничных богослужениях. Это число, однако, остается значительно меньшим в сравнении с численностью граждан, заявляющих о своей принадлежности к исламу в анкетных опросах. Так, по данным социологических исследований, до 7 % респондентов отмечают свою приверженность исламу. Однако численность мусульман, посещающих джума-намазы в мечетях, не превышает 0,3 % населения города, в абсолютных цифрах — не более 2 тыс. чел. На праздничных богослужениях в мечетях присутствует большее число людей, но они составляют 1,2 %, или около 7 тыс. чел.

Наиболее посещаемы в тюменском городском округе Соборная мечеть и молитвенный дом на ул. Мельникайте. По данным на 2016 г., Соборная мечеть собирает 57 % от численности всех участников пятничных молитвенных собраний городского округа и 51 % от численности

праздничных молитвенных собраний. Молитвенный дом (ул. Мельникайте) посещает 26 % от численности всех пятничных молитвенных собраний и 39 % от численности праздничных молитвенных собраний. Эта популярность, вероятнее всего, связана с их наиболее удобным расположением относительно городского центра, а также большей вместимостью в случае Соборной мечети.

Во всех молитвенных собраниях, проводившихся в 2009–2016 гг., очевидно значительное преобладание мужчин. В среднем они составляют 90 % от всех участников коллективных молитв городского округа. С 2009 по 2016 г. наиболее крупные возрастные группы прихожан джума-намазов составляли люди среднего и молодого возрастов.

Согласно результатам экспертных интервью, большинство мужчин, посещающих мечетные собрания, ассоциированы с выходцами из регионов Средней Азии, Южного и Северного Кавказа. Присутствие татар в молитвенных собраниях городского округа, как правило, оценивается в 5–10 % от всех присутствующих. Исключением являлся этнический состав молитвенного дома на ул. Чехова, представленный преимущественно татарами. Религиозные собрания в Центре ингушской культуры и молитвенном доме «Ахль аль-Бейт» этнически однородны: в первом случае это вайнахи (ингуши и чеченцы), во втором — азербайджанцы.

Таким образом, можно говорить о продолжающемся изменении исламского ландшафта городского округа. Растет численность мусульман-мужчин, включающихся в догматически обязательные мечетные практики. Это происходит главным образом за счет мужчин молодого и среднего возраста, большую часть которых составляют внутренние мигранты с Северного Кавказа и внешние мигранты из Центральной Азии и с Южного Кавказа. В связи с этим увеличивается и количество богослужебных зданий, в частности, появляются молитвенные дома для мусульман, придерживающихся традиций суфизма и шиизма.

Благодарности

Авторы признательны всем людям, без участия которых эта статья не была бы написана. С.В. Бобровой — за ценнейшую работу по составлению листов наблюдения за религиозными мероприятиями и полезные предложения по изменениям в тексте настоящей статьи, А.Л. Шишелякиной (сотрудник ИПОС (ТюмНЦ) СО РАН до 2018 г.) — за самоотверженное участие в проведении наблюдений и прекрасную организацию работы наблюдательниц в женских частях богослужебных зданий, Р.О. Поплавскому, В.П. Клюевой, М.Г. Агапову (сотрудники ТюмНЦ СО РАН), О.Ю. Лобановой (сотрудник ИПОС (ТюмНЦ) СО РАН до 2017 г.) — за активное участие в проведении наблюдений, студентам Института истории и политических наук ТюмГУ под руководством сотрудников ИПОС (ТюмНЦ) СО РАН — за значительную помощь в проведении наблюдений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Информация о зарегистрированных некоммерческих организациях // Информационный портал Министерства юстиции Российской Федерации. 02.10.2018. URL: http://unro.minjust.ru/NKOs.aspx.

Итоги Всероссийской переписи населения — 2010. Ч. 1: Численность населения и его размещение в Тюменской области. Тюмень: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, 2012. 93 с.

Итоги Всероссийской переписи населения — 2010. Ч. 3. Т. 1: Национальный состав и гражданство населения в Тюменской области. Тюменская область. Тюменская область (без автономных округов). Тюмень: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, 2013. 175 с.

Праздник Ураза-байрам в вайнахской общине // Информационно-просветительский портал «Аль-Хакк». 14.07.2016. URL: http://alhakk.ru/photo/123/.

Религиозные организации, действующие на территории Тюменской области по состоянию на 01.04.2018 г. // Портал органов государственной власти Тюменской области. 01.04.2018. URL: https://admtyumen.ru/ogv_ru/society/religion/more.htm?id=10388762@cmsArticle.

Россияне считают себя верующими, но в церковь не ходят // Левада-центр. 17.08.2018. URL: https://www.levada.ru/2013/12/24/rossiyane-schitayut-sebya-veruyushhimi-no-v-tserkov-ne-hodyat/.

Социально-политическая ситуация на юге Тюменской области в 2016 г. Приложение № 3: Восприятие населением текущего состояния межнациональных и межконфессиональных отношений в Тюменской области в 2016 г. / Фонд содействия изучению общественного мнения «ВЦИОМ». М.; Тюмень, 2016. 22 с.

Среднегодовая численность населения в разрезе городских округов и муниципальных районов Тюменской области без автономных округов за 2017 г. // Сайт УФС государственной статистики по Тюменской области, ХМАО и ЯНАО. URL: http://tumstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tumstat/resources/

9bd66f0044f89f668d1fafde4cdebdf4/%D0%A1%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%BD%D0%B5%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F+%D0%AE%D0%B3.htm.

Численность и миграция населения Российской Федерации // Сайт Федеральной службы государственной статистики. 02.05.2018. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906.

WV6 (2010–2014) // World Values Survey. 17.08.2018. URL: http://www.worldvaluessurvey.org/WVS DocumentationWV6.jsp.

Литература

Бабич И.Л. Особенности межрелигиозной жизни в современной Москве // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: ИЭА РАН, 2016. Вып. 252. 39 с.

Бабич И.Л. Религиозное разнообразие и этническая идентичность на Северном Кавказе*:* на примере Республики Адыгея // Этническое и религиозное многообразие России. М.: ИЭА РАН, 2017. С. 316–340.

Бобровников В. Родовые святилища рутульцев: гибридная религиозность у мусульман Дагестана // Религиозные практики в современной России. М.: Нов. изд-во, 2006. С. 236–253.

Бобровников В.О. Российский ислам в гуманитарных исследованиях: Подходы и проблемы // Мусульмане в новой имперской истории. М.: Садра, 2017. С. 8–22.

Бобров И., Черепанов М., Шишелякина А. Роль ислама в современной жизни // История и культура татар Западной Сибири. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. С. 632–639.

Габдрахманова Г.Ф., Уразманова Р.К. Мусульманский культ святых у татар Волго-Уральского региона: Особенности формирования и трансформации // ЭО. 2018. № 2. С. 58–75.

Ислам в истории и культуре Тюменского края (в документах и материалах) / И.Б. Гарифуллин, А.П. Ярков (ред.). Тюмень: Экспресс, 2004. 173 с.

Кабдулвахитов К. По следам тюменских шейхов. Тюмень: Печатник, 2005. 240 с.

Островская Е.А., Алексеева Е.В. Структурированное наблюдение как метод изучения религиозного ландшафта // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 2. С. 71–115.

Сафаров М.А. Посещение мечети в современной религиозной практике московских татар // Антропологический форум. 2014. № 23. С. 108–122.

Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Сибирский ислам: региональный вариант религиозного синкретизма. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. 72 с.

Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Изучение ислама в Сибири: Достижения и разногласия // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Материалы II Всерос. науч.-практ. конф. (Курган, 17–18 апр. 2014 г.). Курган: Изд-во КургГУ, 2014. С. 126–132.

Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Белич И.В. Культ святых в сибирском исламе: Специфика универсального. М.: Марджани, 2009. 216 с.

Синелина Ю.Ю. О динамике религиозности россиян и некоторых методологических проблемах его изучения: (Религиозное сознание и поведение православных и мусульман) // Социологическое обозрение. 2013. № 10. С. 104–115.

Хайретдинов Д.З. Этнический состав мусульманской общины Москвы // Мусульмане изменяющейся России. М.: Рос. полит. энциклопедия, 2002. С. 118–127.

Халтурина Д.А. Портрет московского мусульманина по материалам социоантропологического опроса в мечетях Москвы // Мусульмане изменяющейся России. М.: Рос. полит. энциклопедия, 2002. С. 133–141.

Ярлыкапов А. «Народный ислам» и мусульманская молодежь Центрального и Северо-Западного Кавказа // ЭО. 2006. № 2. С. 52–74.

I.V. Bobrov, M.S. Cherepanov
Independent researcher
E-mail: bobrov-tyumen@yandex.ru
Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: maximcherepanov@yandex.ru

THE MUSLIM LANDSCAPE OF THE URBAN DISTRICT OF TYUMEN: PLACES, SIZE AND SOCIO-DEMOGRAPHIC COMPOSITION OF PRAYER MEETINGS

The studies of Muslim landscape in Russia demonstrate a severe deficiency in works dedicated to the analysis of how the Muslims are included into religious practices. This issue is especially relevant for regions where Islam is a minority religion. This article introduces the results of an empirical study of socio-demographic composition and dynamics of the number of participants of Friday and feast collective prayers in the Urban District of Tyumen in 2009–2016. Non-participant structured observation was used as the main research method. In addition, expert interviews with religious specialists and analysis of Muslim media were applied to collect and to verify the data. As a result, we have observed a positive dynamics of the number of participants in dogmatically obligatory prayer meetings and documented their socio-demographic composition. The number of Muslims at Friday

afternoon prayers has almost doubled. Their number at festive worships has grown more than twice. Men significantly predominate at all prayer meetings. On average, they account for 90 % of all participants at collective prayers in the urban district. Middle-aged and young people represent the largest age groups of believers at Jumu'ah prayers. According to the experts, most of the men attending mosque meetings come from different regions of Central Asia, the Southern and Northern Caucasus. Tatars represent from 5 % to 10 % of all the parishioners at prayer meetings in the urban district.

Key words: Muslim landscape of Russia, Muslims, Tyumen region, religious practices, structured observation.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-193-203

REFERENCES

Babich I.L. (2016). Features of interreligious life in modern Moscow. *Issledovaniia po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii*, (252), Moscow: IEA RAN.

Babich I.L. (2017). Religious diversity and ethnic identity in the North Caucasus: The example of the Republic of Adygeya. *Etnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie Rossii,* Moscow: IEA RAN, 316–340.

Bobrovnikov V. (2006). Generic sanctuaries of Rutulians: Hybrid religiosity among the Muslims of Dagestan. *Religioznye praktiki v sovremennoi Rossii*, Moscow: Novoe izdatel'stvo, 236–253.

Bobrovnikov V.O. (2017). Russian Islam in Humanitarian Studies: Approaches and Problems. *Musul'mane v novoi imperskoi istorii*, Moscow: Sadra, 8–22.

Bobrov I., Cherepanov M., Shisheliakina A. (2015). The role of Islam in modern life. *Istoriia i kul'tura tatar Zapadnoi Sibiri*, Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 632–639.

Gabdrakhmanova G.F., Urazmanova R.K. (2018). The Muslim cult of saints near the Tatars of the Volga-Ural region: Features of formation and transformation. *Etnograficheskoe obozrenie*, (2), 58–75.

Garifullin I.B., Iarkov A.P. (2004). *The Islam in the history and culture of the Tyumen region (in documents and materials)*, Tyumen: Ekspress.

Iarlykapov A. (2006). The folk Islam and Muslim youth of the Central and North-Western Caucasus. *Etnograficheskoe obozrenie*, (2), 52–74.

Kabdulvakhitov K. (2005). *In the footsteps of Tyumen sheikhs*, Tyumen: Pechatnik.

Khairetdinov D.Z. (2002). The ethnic composition of the Muslim community of Moscow. *Musul'mane izmeniaiushcheisia Rossii,* Moscow: Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia, 118–127.

Khalturina D.A. (2002). The portrait of a Moscow Muslim based on a socio-anthropological survey in mosques in Moscow. *Musul'mane izmeniaiushcheisia Rossii*, Moscow: Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia, 133–141.

Ostrovskaia E.A., Alekseeva E.V. (2018). Structured observation as a method of studying the religious landscape. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, (2), 71–115.

Safarov M.A. (2014). The visit to the mosque in the modern religious practice of the Moscow Tatars. *Antropologicheskii forum*, (23), 108–122.

Seleznev A.G., Selezneva I.A. (2004). *The Siberian Islam: A regional version of religious syncretism*, Novosibirsk: IAET SO RAN.

Seleznev A.G., Selezneva I.A. (2014). The study of Islam in Siberia: Achievements and disagreements. *Istoriia, ekonomika i kul'tura srednevekovykh tiurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoi Sibiri*, Kurgan: Izdatel'stvo Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta, 126–132.

Seleznev A.G., Selezneva I.A., Belich I.V. (2009). *The cult of saints in Siberian Islam: The specificity of the universal*, Moscow: Mardzhani.

Sinelina Y.Y. (2013). About the dynamic of religiosity of Russians and some methodological problems of its study: (Religious consciousness and behavior of Orthodox and Muslims). *Sotsiologicheskoe obozrenie*, (10), 104–115.

Е.А. Островская, Е.В. Алексеева

Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., д. 7–9, Санкт-Петербург, 199034
E-mail: e.ostrovskaya@spbu.ru
Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина
ул. Мира, 19, Екатеринбург, 620000
E-mail: ekaterinaalexeeva@urfu.ru

ИСПОВЕДЬ В ЦИФРОВОМ ИЗМЕРЕНИИ: ЕДИНИЦЫ СТРУКТУРИРОВАННОГО НАБЛЮДЕНИЯ

Статья посвящена анализу структурных единиц наблюдения исповеди в цифровом пространстве взаимодействия. Современные социологи и антропологи религии проводят исследования в принципиальным образом изменившейся социокультурной реальности. Специфика этой реальности такова, что полноту транслируемых ею смыслов и коммуникаций можно уловить лишь при условии обследования всего многообразия коммуникативных пространств религиозных взаимодействий. Полевое наблюдение религиозных сообществ и организаций в его актуальном формате с необходимостью предполагает два измерения — непосредственное, лицом к лицу, и виртуальное, онлайн, отслеживание структурных единиц наблюдения. Такая синхронизация открывает возможность установления разнообразия контекстов наблюдаемого взаимодействия и полноту коммуникаций, известных акторам, но далеко не всегда очевидных для исследователя. Авторы наглядно демонстрируют свою уникальную методологическую разработку — применение метода сплошного структурированного наблюдения к объекту в его онлайн-самопрезентации. С помощью контент-анализа авторы выявляют, какие структурные единицы исповеди оказываются коммуникативно востребованы в контексте тематизированного взаимодействия vk.com-сообществ православных храмов Екатеринбурга. В статье содержится анализ параметров представленности каждой из коммуникативных единиц анализа исповеди в контексте взаимодействия сетевых сообществ православных храмов Екатеринбурга на их собственных сайтах и на платформе YouTube.

Ключевые слова: сплошное структурированное наблюдение, контент-анализ, религиозное взаимодействие по типу исповедь, религиозные коммуникации, цифровое пространство храмов.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-204-212

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-03-00-387.

В реальности цифрового общества XXI в. социологи и антропологи религии, проводящие полевые исследования, располагают возможностью изучения коммуникативных аспектов взаимодействия путем наблюдения религиозных ландшафтов Интернета. Современные технологии позволяют применить техники «сплошного описания» (thick description) и структурированного наблюдения к сообществам, пространству, времени и коммуникациям на тематических интернет-сайтах и профилях в социальных сетях. Анализ цифрового формата жизнедеятельности религиозных сообществ и организаций — сравнительно свежий разворот социологических исследований как в России, так и за рубежом. В настоящий период изучение цифрового измерения общества пока закреплено за digital sociology, смело вторгающейся в различные дисциплинарные проблематики. Это новое направление социологических исследований ставит в центр внимания создание коммуникативных интернет-площадок, на которых ученые одной или нескольких смежных дисциплин могли бы обмениваться собранными данными, наработками, гипотезами, обсуждать методы и выводы. Особый акцент делается на использовании цифровых методов в гуманитарных исследованиях, на технической возможности актуализировать новое знание как наглядно транслируемое в своих интерфейсах и доступное для исследователей из разных стран [Marres, 2017, p. 217].

Основной проблемой исследования жизнедеятельности религиозного сообщества в сетевом ландшафте становится операционализация структурных единиц наблюдения. В своем привычном формате структурированное наблюдение предполагает очное присутствие и даже включение социолога/антрополога в деятельность религиозного сообщества. И в этой связи со всей очевидностью встает вопрос, а что именно станет единицами наблюдения в интернет-

пространстве того или иного религиозного ландшафта. Ответ на этот вопрос может быть получен только путем проведения подобного исследования, которое и выступает основной темой настоящей статьи.

В настоящей статье мы предлагаем анализ цифровых единиц структурированного наблюдения исповеди в формате интернет-коммуникации. Непосредственным объектом нашего исследования выступает религиозное взаимодействие по типу исповедь как интернет-коммуникация екатеринбургских православных приходов. Данное исследование является заключительной частью проекта, осуществленного в период январь — август 2017 г. — март — июль 2018 г. На отрезке январь — август 2017 г. мы операционализировали методологию «сплошного/толстого описания» применительно к полевому наблюдению исповеди — разработали структурные единицы этого наблюдения с выкладкой по протоколам и провели структурированное наблюдение исповеди как взаимодействия в 34 храмах г. Екатеринбурга по квотной выборке [Островская, Алексеева, 2018].

Наблюдение исповеди в цифровом формате мы проводили в марте — июле 2018 г. Здесь мы также использовали методологию сплошного структурированного наблюдения для изучения компонентов исповеди как взаимодействия в их коммуникативном интернет-формате. Выборка выстраивалась как сплошная, многоступенчатая, квотная. Из 34 православных приходов, изученных путем структурированного наблюдения на предшествующей стадии исследования, в нее попали только 24, представительствующие квоты храмов центра города, храмов спальных районов, храмов окраинных районов. Ключевым критерием отбора стало наличие собственных сайтов и профилей в популярных социальных сетях. Необходимо отметить, что из всего многообразия социальных сетей и интернет-ресурсов в выборку попали лишь vk.com, facebook.com и YouTube. Такая подборка интернет-ресурсов была обусловлена тем, что екатеринбургские храмы не обнаруживаются в социальных сетях Odnoklassniki.ru, Telegram, Instagram. За рамками нашего рассмотрения остались также сайты, содержащие описание архитектуры храмов, координаты или общие сведения (prihod.ru, sobory.ru, tripadviser, храмы-екатеринбурга.рф и др.). Используя схему, разработанную для презентации квотной выборки полевого наблюдения, мы получили сводные таблицы по всем единицам цифрового измерения исповеди в 24 храмах, попавших в выборку (табл. 1–3).

Ключевыми методами сбора и анализа данных на этапе изучения исповеди в цифровом пространстве храмов Екатеринбурга явились сплошное структурированное наблюдение и контент-анализ. Остановимся подробнее на каждом из методов применительно к объекту исследования.

Сплошное структурированное наблюдение представленности в интернет-коммуникации компонентов исповеди как взаимодействия мы проводили с использованием комбинации стратегии thick description в версии Н. Дензина [Denzin, 2002, p. 33, 55; Denzin, Lincoln, 2005, p. 429, 824, 832] и структурированного наблюдения в разработанной нами операционализации. Специфика метода сплошного описания в версии Дензина состоит в том, что наблюдению подлежат все без исключения структурные единицы взаимодействия. Внимание должно быть сосредоточено не только на ключевых акторах взаимодействия, их цели и средствах, но также на пространственно-временном его аспекте, теме и контексте [Denzin, 1969, p. 930; 2001, p. 55]. Применительно к нашему объекту привлечение стратегии «сплошного описания» позволило разработать протоколы наблюдения, охватывающие всю полноту компонентов взаимодействия и операционализировать их в структурные единицы. В цифровом пространстве жизнедеятельности приходов нас интересовал прежде всего коммуникативный аспект каждой из составляющих исповеди как взаимодействия. В свете избранной методологии потенциальными единицами изучения стали представители коллективов, пространство, время, общность цели и сообразные ей средства, тема, контекст.

Необходимо отметить, что в нашем исследовании речь шла не о наблюдении видеотрансляций или прямого тематизированного взаимодействия, а о выявлении смысловых корреляций каждой из выделенных единиц наблюдения исповеди. В фокус внимания был поставлен антропологический, или смысловой, компонент исповеди. Одним из центральных стал вопрос — каким образом исповедь как коммуникация (смысловой аспект взаимодействия) представлена в цифровом измерении жизни екатеринбургских приходов? В силу этого каждая из единиц наблюдения была операционализирована таким образом, чтобы отследить их тематизацию в сетевых пространствах приходов. Рассмотрим этот методологический аспект подробнее по единицам.

Таблица 1

Храмы центральных районов

Table 1

Temples of the central areas of the city

№ п/п	Храм	Священник	Прихожане	Собственные сайты; группы в vk.com; YouTube	Исповедь в расписании служб	Исповедь как ритуал	Исповедь как таинство
1	Свято-Троицкий кафедральный собор	Нет	Нет	st-tks.ru/; vk.com/club25347261	Ежедневно в 17.00	Нет	Нет
2	Всех святых, в земле Российской просиявших (Храм-Памятник на Крови)	Нет	Нет	hram-na-krovi.cerkov.ru/ vk.com/club25347261	Ежедневно с 16.30 до 18.00	В группе vk на интерактивной стене один пост (от 15.04.2018) о связи исповеди и причастия: цитата из речи патриарха Кирилла о взаимосвязи причастия и исповеди — о необходимости частого причащения, условием которого является исповедь	Нет
3	Вознесения Господня	Нет	Нет	voznesenka.cerkov.ru/ vk.com/ voznesenka_ekb	Ежедневно в 16.50–17.00	Нет	Нет
4	Православный Приход Святителя Николая Чудотворца	Нет	Нет	nikolahram.com/ oglasitelnye-besedy.html vk.com/nikolahram	Не обозначена. В группе vk имеется рубрика «Расписание богослужений», исповедь в ней не обозначена	На сайте в разделе «Медиа» записи телепередачи «Точка опоры», тема которых — исповедь и причастие. В цикле из 3 программ исповедь обсуждается как часть ритуала причащения	На сайте в разделе «Медиа» есть запись беседы священника об исповеди, раскрывающая смысл таинства покаяния; а также записи лекций свящ. К. Корепанова, где разбирается покаянный канон Андрея Критского, запись передачи «Беседы с батюшкой» ТК «Союз», где подробно раскрывается смысл покаяния, предложены ответы на вопросы телезрителей о церковных предписаниях по исповеди
5	Всех Святых на Михайловском кладбище	Нет	Нет	ekbsobor.ru/ vk.com/ekbsobor	Ежедневно в 16.30. В группе vk в рубрике «Расписание богослужений» указано время исповеди	Нет	Нет
6	Часовня святой великомученицы Екатерины	Нет	В vk.com есть альбом с подписанными фотографиями прихожан «Приход в лицах»	ekbsobor.ru/ vk.com/ekbsobor	Еженедельно по субботам в 18.00; по воскресеньям в 9.00. В группе vk.com имеется рубрика «Расписание богослужений», время исповеди указано	На интерактивной стене группы vk отчет о беседе со священником об исповеди; там же рассуждения бывшего православного пастора (ныне православный священник) о важности исповеди	Нет
7	В честь иконы Божией Матери «Порт-Артурская»	В группе vk. видеозапись передачи ТК «Союз» «Вторая половина» о матушке прихода	Нет	portarturural.ru/ — vk.com/portarturura	Ежедневно кроме воскресенья в 17.00	Нет	В группе vk.com обнаруживаются посты о важности участия в церковных таинствах; об их духовном смысле, о подготовке к ним
8	Иоанно-Предтеченский собор	Описана роль священника в обряде исповеди, а также духовный смысл роли священника при покаянии	Нет	xn-90agcbp5abiibfu0e.xn-p1ai/ vk.com/ivanovka_ekb	Ежедневно в 17.00	Основные темы встреч прихрамового молодежного клуба, анонсированные в vk.: исповедь, покаяние, причастие, забота о ближнем. На сайте разъяснению обрядов исповеди и причастия посвящен специальный раздел. В нем рассмотрены: время проведения исповеди в храме, подготовка к обряду, порядок проведения. Здесь же есть рубрика, поясняющая разницу между индивидуальной и коллективной исповедями, и о значении записок, приведены примеры исповедей	На сайте подробно говорится о духовном содержании исповеди как таинства и имеется отдельная рубрика о «напрасном страхе» перед исповедью и роли священника в покаянии
9	Казанской иконы Божией Матери, Площадь центрального рынка, 6	Нет	Нет	kazansky.cerkov.ru/ vk.com/hramkazansky_ekb	Ежедневно кроме воскресенья в 17.00	На сайте в разделе «Вопрос священнику» обнаруживаются вопросы прихожан об исповеди и о причастии. Все вопросы связаны в основном с конкретикой ритуала, подготовкой к нему	Нет
10	Во имя Святителя Иннокентия, митрополита Московского	Нет	Нет	propovednik2100.ru/ vk.com/st.innocentiy	По вторникам и пятницам в 17.00	Нет	Нет
11	Православный приход церкви «Большой Златоуст»	Нет	На сайте в разделе «вопрос священнику» задан вопрос как надлежит выглядеть женщине в храме	bolshoi-zlatoust.ru; vk.com/club63682021	Время исповеди в расписании служб не обозначено. На сайте vk.com рубрика «Расписание богослужений», исповедь в ней не указана	Рубрика собственного сайта «Блог настоятеля» содержит вопросы прихожане о трудноразрешимых ситуациях, связанных с ритуалом исповеди, и конкретные рекомендации священника. В vk.com в рубрике «Обсуждения» есть тема «Вопросы батюшке», которая содержит вопросы по исповеди с ответами священника	Нет

Применительно к единицам «священник» и «прихожане» надлежало отследить описания/обсуждения ценностно-нормативных аспектов их деятельности как акторов взаимодействия по типу исповедь. Структурная единица «пространство» в цифровом измерении — это «интернет-пространство конкретных приходов»: собственные сайты, группы в социальной сети vk.com, каналы на платформе YouTube. Отдельное внимание мы заострили на анализе всей полноты коммуникативного контента цифрового пространства приходов, его превалирующих тем и транслируемых смыслов. Такое расширение нам представлялось необходимым в перспективе определения доли коммуникации исповеди в общем объеме цифрового коммуникативного пространства приходов.

Таблица 2

Храмы «спальных» районов

Table 2

Temples «sleeping» areas of the city

№ п/п	Храм	Священник	Прихожане	Собственные сайты; группы в vk.com; YouTube	Исповедь в расписании служб	Исповедь как ритуал	Исповедь как таинство
1	Градо- Екатеринбургская Симеоновская церковь-школа	Нет	На сайте указание на надлежащий внешний вид женщин	simeone.ru; vk.com/simeone_ekb	В пятницу и субботу в 17.00	На сайте тема «исповедь» помещается в разделе «Таинства». Здесь рассмотрены последовательность и правила ритуала исповеди, приведена молитва, которую положено читать перед ним	Нет
2	Православный приход во имя Святого Преподобного Серафима Саровского	Нет	Нет	prihodserafima.ru/zhizn-pri-hoda/videosyuzhety/7867	Ежедневно в 17.00 кроме понедельника	Нет	Нет
3	В честь Святых Целителей Космы и Дамиана Асийских	На сайте подробно разъясняется роль священника как духовного наставника в процессе покаяния	Нет	parishioners.ucoz.ru/ vk.com/parishioners	Ежедневно в 16.00 кроме воскресенья	На сайте подробное описание проведения обряда исповеди, процесса подготовки, правильного поведения после, отдельно разъясняется, как правильно причащаться детям. Видеозапись фильма митрополита Иллариона «Человек перед Богом», посвященного исповеди	На сайте подробное описание духовного смысла исповеди
4	Приход во имя Успения Пресвятой Богородицы (ВИЗ)	Нет	Нет	www.sobor-uspenie.ru/contacts vk.com/sobor_uspenie www.youtube.com/ channel/ UCVTTQESVhlCk_59Y WpnDO_Q	Ежедневно в 15.50 кроме понедельника	На сайте видеозаписи проповедей настоятеля о роли исповеди, причастия и покаяния	На сайте аудиозаписи проповедей о причастии и исповеди; на YouTube видеозапись беседы со священником о покаянном настрое
5	Приход во имя святой Великой княгини Елисаветы Феодоровны (Обитель Милосердия)	Нет	Нет	www.sv-elisaveta.ru/ www.youtube.com/ channel/UCDkKq7Nl4rgS 1UBqEFlr5UA	Нет расписания	Нет	Нет
6	Во имя Святого Великомученика Георгия Победоносца	Нет	В сообществе vk. помещен список прихожан, ответственных за различные направления работы храма со ссылками на их профили vk	http://hram-ekb.ru/ https://vk.com/georgi_xram https://vk.com/kino_xram https://www.youtube.com/ channel/UCYdpWAP lM6fJR2a9MH7LgWw	В расписании служб не обозначена. В группе vk.com имеется рубрика «Расписание богослужений», время исповеди не указано	Нет	Нет
7	Во имя Успения Пресвятой Богородицы (Эльмаш)	Нет	Нет	https://vk.com/ uspenie.elmash	По вторникам и пятницам в 8.00. В группе vk.com имеется рубрика «Расписание богослужений», исповедь в расписании не обозначена	Нет	Нет
8	Во имя преподобного Сергия Радонежского и преподобной мученицы Елисаветы	Нет	Нет	pravuralmash.ru/Sergiev-Elizabethan-temple vk.com/club45369030	Ежедневно с 9.30. В группе vk.com имеется рубрика «Расписание богослужений», время исповеди указано	В группе vk пост о правилах подготовки ребенка к исповеди, подробный рассказ о подготовке и проведении обряда и об отличиях между взрослыми и детскими исповедью и причастием.	Нет
9	Храм Рождества Христова (Уралмаш)	Нет	Нет	pravuralmash.ru/ vk.com/hramrojdestva-hristova www.youtube.com/ channel/UC_aO29teMndIr mLZCXIpk-g	В расписании не обозначена	Нет	Нет
10	Во имя Святой Блаженной Матроны Московской	Нет	Нет	svma-trona.ru/content/hram-matrony-moskovskoy-v-ekaterinburge vk.com/mosmatrona	Нет расписания	Нет	Нет

Коммуникативный аспект единицы «время» операционализирован как интернет-расписание недельных служб. Смысловая составляющая единицы «цель и средства» — это исповедь как ритуал или это совокупность обсуждений, проповедей, лекций и т.п., раскрывающих смысл действий, нормативных и обязательных для данного ритуального взаимодействия.

Структурная единица «тема» применительно к изучению коммуникативного аспекта исповеди операционализирована как таинство. И, наконец, единица «контекст», как и в случае непосредственного наблюдения,— это комбинация перечисленных единиц в цифровом измерении конкретных храмов/приходов. Данные, полученные в результате сплошного структурированного наблюдения цифрового измерения исповеди, мы представили в виде таблиц, демонстрирующих все компоненты исповеди как коммуникации в их контекстуальности (табл. 1–3).

Таблица 3

Храмы окраинных районов

Table 3

Temples of the outskirts of the city

№ п/п	Храм	Священник	Прихожане	Собственные сайты; группы в vk.com; YouTube	Исповедь в расписании служб	Исповедь как ритуал	Исповедь как таинство
1	Архиерейское подворье во имя святителя Саввы Сербского	Нет	Нет	http://savva.cerkov.ru/ https://vk.com/	В расписании не обозначена	Нет	
2	Святого Равноапостольного Князя Владимира	Нет	Нет	http://vladimir-ekbru https://vk.com/ vladimirekb.ru	Ежедневно кроме вторника и четверга в 16.00. В группе vk имеется рубрика «Расписание богослужений», время исповеди указано	Нет	
3	Владимирской иконы Божией Матери на Семи Ключах	Нет	Нет	http://vladprihod.ru https://vk.com/ vladprihod https://www.youtube.com/channel/ UC8lHBxJ4b2L LevrzMEDh2aA	Ежедневно кроме четверга в 16.00. В группе vk имеется рубрика «Расписание богослужений», время исповеди указано	Нет	На сайте Проект «Школа покаяния» — цикл бесед-занятий со священником. Позволяет прихожанину научиться осознанно подготовиться к исповеди и причастию; на YouTube циклы передач ТК «Союз»: «Школа покаяния», где очень подробно разбирается духовный смысл исповеди

Метод контент-анализа мы использовали при изучении частотности тех или иных коммуникативных тем взаимодействия прихожан и священников сетевых сообществ храмов. И здесь необходимо отметить, что собственно о взаимодействии можно говорить только применительно к сетевым сообществам храмов в vk.com. Самопрезентация храмов на собственных сайтах и на платформе YouTube не является интерактивной и позволяет наблюдать единицы исповеди только в аспекте информации о них. Обратимся теперь к рассмотрению каждой из структурных единиц исповеди в их коммуникативной представленности в интернет-пространстве храмов.

Цифровое пространство храмов — это их собственные сайты, vk.com и YouTube. Каждое из этих сетевых пространств отличается спецификой своего ландашафта — набором коммуникативных тем и взаимодействием вокруг них. Важно отметить, что только 3 из 24 обследованных приходов — храм-часовня великомученицы Екатерины, храм в честь Святителя Иннокентия, митрополита Московского, и приход во имя святой Великой княгини Елисаветы Феодоровны (Обитель Милосердия) имеют собственные сообщества в Facebook (аккаунты «Приход Собора Святой Великомученицы Екатерины», «Храм во имя святителя Иннокентия, митрополита Московского» и «Храм Святой Елисаветы»). Кроме того, храм-часовня великомученицы Екатерины ведет собственное Google-сообщество (аккаунт «Собор Святой Екатерины (Екатеринбург)»); а храм в честь Святителя Иннокентия, митрополита Московского, единственный есть в Instagram (аккаунт «propovednik 2100»).

Из 24 храмов, попавших в выборку, собственными сайтами располагают 23. Сайты структурированы разным количеством рубрик — от 6 до 32. В числе высокочастотных оказались рубрики: «Новости» — 21, «История храма или прихода» — 19, «Расписание богослужений» — 18, «Контакты» — 17. Среднечастотными являются рубрики: «Воскресная школа» — 15, «Служба милосердия» — 11, «Пожертвовать» — 10, «Фото/видео» — 8, «Святые» — 6, «Молодежный клуб» — 5. К низкочастотным относятся рубрики: «Слово пастыря» — 4, «Таинства» — 2. Контент-анализ подборки коммуникативных тем сайтов показал, что к высокочастотным относятся

расписание служб и торжественных богослужений, престольных праздников — 17 случаев из 23. Коммуникативная тема «Жизнь прихода» (встречи, паломнические поездки, беседы со священником, дни рождения) попала в среднечастотные — 11 случаев из 23. В числе низкочастотных оказались темы коммуникации об истории прихода или истории храма — 4 случая из 23. Исповедь как коммуникативная единица мало представлена на собственных сайтах храмов и обнаруживается только некоторыми своими единицами: исповедь как таинство; исповедь в расписании служб; исповедь как ритуал.

Коммуникативное разнообразие взаимодействия храмовых сетевых сообществ в самом презентном виде обнаруживается в социальной сети vk.com. Из 24 обследованных храмов собственными группами в социальной сети vk.com располагают 22. Среднее число подписчиков для сетевых сообществ vk.com екатеринбургских храмов — 486 чел. Коммуникативное содержание взаимодействия в этих группах структурировано с помощью 11 рубрик, которые являются стандартными для этой социальной сети: «Информация», «Новости», «Участники», «Ссылки», «Фото», «Видео», «Мероприятия», «Контакты», «Аудио», «Обсуждения», «Документы». Вместе с тем подборка рубрик из этого стандартного набора создается администраторами групп. Анализ этих подборок позволяет утверждать, что в 21 случае из 22 наиболее востребованными в сетевом взаимодействии прихожан оказываются следующие: «Информация», «Контакты», «Участники», «Фото», «Видео», «Ссылки». Контент-анализ частотности тем коммуникации на интерактивных стенах групп и под указанными рубриками позволил выделить три наиболее востребованные темы — православное воспитание и образование (14 случаев из 22); жизнь прихода — службы и молебны, беседы, паломнические поездки (8 случаев из 22); расписание служб (6 случаев из 22). Исповедь принадлежит к числу низкочастотных коммуникативных тем для взаимодействия внутри храмовых сообществ vk.com.

Применительно к ландшафту платформы YouTube мы обнаружили, что из 24 храмов лишь 7 располагают собственными каналами. Наряду с этим 10 храмов Екатеринбурга, не имеющих собственных каналов, представлены на платформе YouTube роликами православного телеканала «Союз» (табл. 1, № 1–4, 6–8, 11; табл. 2, № 8; табл. 3, № 1). Из 7 каналов только 2 (табл. 2, № 4; табл. 3, № 3) содержат коммуникацию «исповедь».

«Исповедь в расписании служб». Из 23 сайтов храмов 2 сайта не содержат рубрики «Расписание служб». Из 21 сайта, на которых есть расписание, время исповеди указано на 17. Расписание служб храмов центра структурировано по-разному. В одних храмах оно вообще не обновляется и представлено информацией за прошедшие годы. В других — обновление проводится либо раз в два месяца, либо раз в неделю. В расписании, как правило, обозначено, какой сегодня день по церковному календарю, память какого святого почитает церковь, какие службы проводятся, будет ли проходить исповедь. Содержание расписания в храмах варьируется по комбинациям этих рубрик. В некоторых случаях обнаружено подробное расписание служб на неделю, но время исповеди в нем не указано. В храмах «спальных» районов ситуация обстоит иначе: в 2 случаях (табл. 2, № 5, 10) на сайте нет расписания; в 4 случаях (табл. 1, № 11; табл. 2, № 6, 9; табл. 3, № 1) расписание служб представлено на сайте, но время исповеди в нем не указано; в 1 случае (табл. 2, № 1) исповедь проводится еженедельно по пятницам и субботам, в вечернее время. Из трех сайтов храмов окраинных районов расписание служб имеется у каждого, но исповедь указана только у двух (табл. 3, № 2, 3).

Как показал анализ взаимодействия сетевых сообществ храмов в vk.com, структурная единица «время» — расписание служб — является высокочастотной темой коммуникации. Однако применительно к исповеди коммуникативная единица «время» оказалась мало актуализируемой — в большинстве сообществ время исповеди в расписаниях служб вообще не указано. Исповедь представлена единицей «время» в двух сетевых сообществах храмов центра (табл. 1, № 5, 6), в одном vk.com-сообществе храма «спального» района (табл. 2, № 8), двух сообществах храмов окраинных районов (табл. 3, № 2, 3). Отметим, что эти указания соотнесены с информацией на собственных сайтах соответствующих храмов.

«Священник». В цифровом пространстве храмов упоминание о священнике встречается два раза (табл. 1, № 8; табл. 2, № 3) — рассматривается роль священника в исповеди с точки зрения проведения обряда и принятия покаяния прихожанина. В храмах окраинных районов упоминаний о священнике нами не обнаружено.

«Прихожане». На собственных сайтах храмов коммуникативная единица «прихожане» встречается редко, и соответственно ценностно-нормативная составляющая религиозного дей-

ствия прихожан не в фокусе коммуникации. Нами обнаружено два упоминания (табл. 1, № 11; табл. 2, № 1) о регламентации поведения и самопрезентации прихожанок — в рекомендации приступать к причастию в надлежащей одежде без макияжа и в ответе священника на вопрос прихожанки о внешнем виде на исповеди. Еще в одном случае (табл. 2, № 6) представлен список прихожан храма, ответственных за различные направления деятельности прихода, со ссылками на их профили в vk.com. В контексте нашего исследования структурных единиц исповеди информативной оказалась рубрика «Контакты» сетевых vk.com-сообществ приходов. Ее изучение позволило установить, что именно прихожане являются в большинстве случаев создателями храмовых сообществ vk.com. Лишь в 5 случаях из 22 создателями выступили настоятели приходов (табл. 1, № 6, 10, 11; табл. 2, № 6; табл. 3, № 3). В одном случае группу администрирует матушка прихода (табл. 2, № 7). Следует отметить, что в vk.com возможно отследить, кто администрирует контент, но остается открытым вопрос о модерировании и тематизации самого взаимодействия сообщества в vk.com. Кроме того, в одном из сетевых сообществ (табл. 1, № 6) обнаружен фотоальбом «Приход в лицах».

«Исповедь как ритуал». На собственных сайтах храмов коммуникативная единица исповедь как ритуал введена в 7 случаях из 23. Отметим, что подробное рассмотрение процедурных правил исповеди как ритуала в цифровом пространстве храмов центра имеется в 4 случаях (табл. 1, № 4, 8, 9, 11). На сайтах храмов «спальных» районов информация о ритуальной стороне исповеди обнаружена в 3 случаях (табл. 2, № 1, 3, 4). Среди сайтов храмов окраинных районов информации об исповеди не содержит ни один ресурс. В сетевых vk.com-сообществах коммуникативная единица исповедь как ритуал обнаружена в 5 случаях из 22: в 4 группах храмов центра и в 1 храме «спального» района (табл. 1, № 2, 6, 8, 11; табл. 2, № 8). На канале YouTube из 24 храмов коммуникацией о взаимодействии по типу исповедь как ритуал располагает лишь 1 храм (табл. 3, № 3): в рамках цикла передач под общим названием «Школа покаяния» имеются беседы-уроки о покаянии и об исповеди, в которых предложены ответы на часто задаваемые прихожанами вопросы.

«Исповедь как таинство». На собственных сайтах храмов коммуникация исповедь как таинство обнаруживается в 7 случаях их 22. В храмах центральных районов рассмотрение исповеди как таинства встречается в 2 случаях из 11 (табл. 1, № 4, 8). В разделах подробно обсуждаются вопросы покаяния, частоты и нормативных правил совершения обряда. На сайтах храмов «спальных» районов специальных разделов, посвященных исповеди, нет. Исповедь как таинство вскользь упоминается в беседах со священником и записях проповедей в двух случаях (табл. 2, № 3, 4). В храмах окраинных районов исповедь как тема найдена лишь в одном случае (табл. 3, № 3) как курс бесед-лекций для прихожан в рамках проекта «Школа покаяния». На сайте YouTube из 7 представленных там храмов коммуникативная единица исповедь как таинство обнаружена лишь на одном канале (табл. 2, № 4), где содержится беседа со священником об исповеди как таинстве, длительностью 46 минут.

В сетевых сообществах vk.com подробное интерактивное рассмотрение исповеди как таинства обнаружено в 3 случаях из 22: храмы центрального и «спального» районов (табл. 1, № 6, 8; табл. 2, № 4). В каждом из трех случаев коммуникация единицы «таинство» раскрывается в беседах прихожан со священниками по темам духовной соотнесенности исповеди и причастия, доктринального смысла покаяния, ценностное содержание этого таинства.

Подведем итог. Наше исследование включало операционализацию структурных единиц наблюдения коммуникативного аспекта исповеди в интернет-формате приходов Екатеринбурга. Цифровое коммуникативное содержание исповеди как взаимодействия рассматривается в соответствии со следующими ее структурными единицами — священник, прихожане, сайты (пространство взаимодействия), время служб, исповедь как ритуал, исповедь как тема. Мы разработали демонстративный способ выкладки единиц анализа в табличном виде. В таблицах по квотам храмов представлен наглядный формат контекста исповеди как коммуникации в виртуальном пространстве храмов.

Цифровое пространство конкретных приходов ограничено только их собственными сайтами, каналами на платформе YouTube и профилями в социальной сети vk.com. Единицы «священник» и «прихожане» не могут быть разложены на дробные компоненты, поскольку за редким исключением какая-либо информация или обсуждение по ним отсутствуют. Изучение тематизированности исповеди в контексте сетевого взаимодействия храмовых сообществ в vk.com позволило установить, какие структурные единицы исповеди в принципе востребованы в циф-

ровом взаимодействии храмовых сообществ и каков содержательный объем коммуникации по теме исповедь. Исповедь как коммуникация здесь относится к числу редко встречающихся тем. Отдельные единицы исповеди как коммуникации обнаружены только в 9 храмовых сообществах vk.com. Проведенный анализ показывает, что из единиц исповеди в коммуникации отмечаются такие единицы, как «время», «ритуал», «таинство» и «прихожане».

Отдельного внимания заслуживает тот факт, что антропологическая составляющая исповеди, ее ценностно-нормативный аспект, вообще слабо прочерчена в цифровом пространстве храмов. Так, нормативные процедуры и правила взаимодействия по типу «исповедь» обсуждаются во взаимодействии сетевых сообществ vk.com только в 4 случаях из 22. На собственных сайтах храмов единица «исповедь как таинство» в большинстве случаев находится в рубриках, посвященных причастию, или в рубрике «Вопросы и ответы». За редким исключением такие обязательные коммуникативные составляющие исповеди, как цель и средства, вообще не обнаруживаются в интернет-взаимодействии. Проведенное исследование показывает, что коммуникативный аспект взаимодействия по типу «исповедь» слабо востребован в цифровом пространстве взаимодействия приходов Екатеринбурга. Полная номенклатура единиц наблюдения отмечена лишь в трех храмах (табл. 2, № 8; табл. 3, № 2, 3). Здесь обнаруживают себя пять единиц из введенных в наблюдение шести: раскрывается исповедь как тема взаимодействия и как контекст, описаны последовательность выполнения обряда и его духовное содержание.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Островская Е.А., Алексеева Е.В. Структурированное наблюдение как метод изучения религиозного ландшафта // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 2. С. 71–115. doi: 10.14515/monitoring.2018.2.04.

Denzin N.K. Symbolic interactionism and ethnomethodology: a proposed synthesis // American Sociological Review. 1969. Vol. 34. Iss. 6. P. 922–934.

Denzin N.K. Interpretive Interactionism: (Applied social research methods). 2nd ed. London: Sage, 2002. 208 p.

Denzin N.K., Lincoln Y.S. The SAGE Handbook of Qualitative Research. 3rd ed. Thousand Oaks, CA: Sage. 2005. 1210 p.

Denzin N.K., Lincoln Y.S. The SAGE Handbook of Qualitative Research. 4th ed. Thousand Oaks, CA: Sage. 2011. 784 p.

Marres N. Digital Sociology. Cambridge: Polity Press, 2017. 232 p.

Приход Собора Святой Великомученицы Екатерины // Facebook. 2018. URL: https://www.facebook.com/ekbsobor1/.

Собор Святой Екатерины (Екатеринбург) // Google+. 2018. URL: https://plus.google.com/communities/115980374045531792124.

Храм во имя святителя Иннокентия митрополита Московского // Facebook. 2018. URL: https://www.facebook.com/groups/propovednik/about/.

Храм святой Елисаветы // Facebook. 2018. URL: https://www.facebook.com/groups/350413231701998.

propovednik 2100 // Instagram. 2018. URL: https://www.instagram.com/propovednik2100.

E.A. Ostrovskaya, E.V. Alexeeva
Saint Petersburg State University
Universitetskaya nab., 7/9, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation
E-mail: e.ostrovskaya@spbu.ru
Ural Federal University
Mira st., 19, Ekaterinburg, 620000, Russian Federation
E-mail: ekaterinaalexeeva@urfu.ru

DIGITAL DIMENSION OF CONFESSION: RESULTS OF STRUCTURED FIELD OBSERVATION

This article investigates the digital dimension of confession using the methods of structured observation and content analysis. When investigating religious practices, contemporary sociologists and anthropologists undertake their inquiry in an essentially changed social and cultural reality. The specifics of this reality can only be understood provided that the whole range of communicative spaces of religious interactions is taken into account. Field observations of religious communities necessarily involve two dimensions of analysis: face-to-face and virtual forms of interaction. Virtual analysis implies the online monitoring of structural observation units. Synchronization of online and offline analysis dimensions allows the diversity of the interaction contexts under study to be revealed. In addition, it enables a researcher to grasp the communication that is taking place between the actors in

its completeness, which is always a hard task. In this paper, for the first time, confession is investigated by analysing communication within Internet communities organized by Orthodox temples in the city of Ekaterinburg. Research data was collected using the methods of structured observation (on the complete enumeration basis) and content analysis. The research was carried out in the March 2018 — July 2018 period. For the analytical purposes, we defined confession as a social interaction presented in structured units. These units included the priest, congregation, time of confession, space, confession as a ritual and confession as a sacrament. The results of the online structured observation of these units were presented in the form of tables. A unique methodological feature of this research consists in the application of the method of structured observation to an object in its digital self-presentation. The studied digital resources included the websites of Ekaterinburg Orthodox temples, YouTube channels and themed vk.com pages of believer communities. Using content analysis, we have identified which structural units of confession most frequently appear in virtual themed communication threads in Ekaterinburg.

Key words: structured observation, structural units of observation, content analysis, thick description, religious communication, Orthodox digital landscape of Yekaterinburg.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-204-212

REFERENCES

Denzin N.K. (1969). Symbolic interactionism and ethnomethodology: A proposed synthesis. *American Sociological Review, 34*(6), 922–934.

Denzin N.K. (2002). *Interpretive Interactionism: (Applied social research methods)*, 2nd ed., London: Sage.

Denzin N.K., Lincoln Y.S. (2005). *The SAGE Handbook of Qualitative Research*, 3rd ed., Thousand Oaks, CA: Sage.

Denzin N.K., Lincoln Y.S. (2011). *The SAGE Handbook of Qualitative Research*, 4th ed., Thousand Oaks, CA: Sage.

Marres N. (2017). *Digital Sociology*, Cambridge: Polity Press.

Ostrovskaya E.A., Alekseeva E.V. (2018). Structured observation as a method of the religious landscape studying. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, (2), 71–115. doi: 10.14515/monitoring.2018.2.04.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«Вестник археологии, антропологии и этнографии» публикует на своих страницах работы теоретического, научно-исследовательского и информационного характера по вопросам археологии, антропологии, этнографии и смежных научных дисциплин. Направляемые для публикации материалы должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в настоящем издании. Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала. Основные разделы «Археология», «Антропология», «Этнология» включают как аналитические работы, так и статьи, представляющие собой исчерпывающие публикации материалов конкретных археологических памятников, антропологических серий, этнографических коллекций и т.д. В отдельные номера журнала включаются рубрики «Рецензии» и «Хроника».

1. Рукопись статьи высылается в адрес редакции по e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru в виде одного файла Word, озаглавленного по фамилии автора, а также дополнительных файлов с иллюстрациями.

Рукопись должна включать:

а) сведения об авторе (авторах) статей: ФИО (полностью); место работы — название головной организации (подразделения не указываются); адрес учреждения: улица, № дома, город, почтовый индекс; e-mail; телефон;

б) название статьи (строчными буквами; не используйте заглавные буквы для всего названия);

в) аннотацию, в которой необходимо четко сформулировать цели, главные положения и результаты работы, на русском языке **объемом не более 500 знаков**;

г) ключевые слова;

д) основной текст работы (рекомендуется выделять цель работы; методику или методологию проведения исследований, если присутствует определенная новизна или оригинальность; результаты работы; основные выводы);

е) библиографический список;

ж) при наличии иллюстраций — иллюстрации и подрисуночные подписи на русском и **английском** языках, вставленные в текст после ссылок на рисунки (если рукопись снабжена иллюстрациями). Иллюстрации высылаются в графических файлах, желательно в векторном формате, в одном слое, с разрешением более 300 dpi;

з) при наличии таблиц — таблицы, представленные без разрывов при переходе с одной страницы на другую. Все таблицы должны иметь общую нумерацию арабскими цифрами и заголовки на русском и **английском** языках. Диагональное членение ячеек в таблицах не допускается;

и) список сокращений.

В конце рукописи авторы представляют на английском языке (резюме — на русском и английском языках):

— фамилии, имена авторов;

— место работы авторов (данные об аффилировании авторов author affiliation);

— адрес организации (улица, № дома, город, почтовый индекс);

— e-mail авторов;

— заглавие статьи;

— резюме — summary **(2000–2500 знаков с пробелами)**, с более подробным, чем в аннотации, изложением проблематики, методики, результатов исследования;

— ключевые слова.

Кроме того, в конце рукописи должен быть представлен список литературы («References») в романском алфавите (латинице) в хорошем качестве, с тем чтобы эти ссылки могли быть учтены при цитировании публикаций авторов и журналов. Для этого нужно воспользоваться автоматическим транслитератором на сайте «Convert Cyrillic»: www.convertcyrillic.com/Convert.aspx. Пошаговая инструкция по оформлению списка литературы на латинице находится на странице журнала: http://www.ipdn.ru/rics/va. Список «References» должен быть полным, включать и публикации из библиографического списка на европейских языках, не требующие транслитерации.

При предоставлении некорректных текстов на английском (название статьи, резюме, ключевые слова, переводы для списка «References») редакция отклоняет статью.

2. После ознакомления с содержанием статьи, оценки ее соответствия научным направлениям журнала, требованиям к оформлению статьи автору направляется ответ, в котором сообщается о возможности и сроках публикации, либо мотивированный отказ. После проведения внешнего и внутреннего рецензирования в течение 2–3 недель при наличии замечаний редакция направляет рецензию. После доработки статьи авторы направляют печатный вариант статьи по адресу: 625003, а/я 2774, ТюмНЦ СО РАН (ИПОС), редколлегия журнала. Между автором (авторами) и гл. редактором журнала «Вестник археологии…» заключается лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале.

3. Общий объем рукописи (включая основной текст статьи, таблицы, иллюстрации, библиографический список, транслитерацию) не должен превышать 1 авт. л. (40 тыс. знаков) для основных разделов «Вестника...» и 0,3 авт. л. для разделов «Рецензии» и «Хроника». Статья должна содержать не более 4–5 иллюстраций. Одна иллюстрация размером 160×225 мм приравнивается к 1/8 авт. л.

4. **Рукописи объемом свыше 1 уч.-изд. л., а также с нарушениями технических требований к оформлению статей, неадекватным переводом на английский язык не рассматриваются.**

5. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

6. Не допускается:

— производить табуляцию;

— выделять слова разрядкой (между словами, знаками должен быть один пробел);

— форматировать заголовки, фамилии авторов (должны быть набраны обычным текстом), сам текст, делать принудительные переносы, пользоваться командами, выполняющимися в автоматическом режиме, использовать макросы, сохранять текст в виде шаблона;

7. В качестве иллюстраций к статье могут выступать графические изображения (рисунки, чертежи и т.д.), фотографии, а также графики, диаграммы. **Номера позиций на рисунках набираются курсивом.**

Все прилагаемые к рукописи иллюстрации должны иметь общую нумерацию в соответствии с порядком их расположения в тексте статьи (рис. 1, 2, 3 и т. д.).

В подрисуночных подписях необходимо расшифровать все условные обозначения на иллюстрациях, соблюдая точное соответствие обозначений и нумерации на рисунках, в подрисуночных подписях и основном тексте рукописи. Иллюстрации не должны быть перегружены текстовыми пояснениями.

8. Сноски к тексту статьи следует размещать внизу соответствующих страниц. Нумерация сносок сквозная, арабскими цифрами.

9. Библиографический список приводится в алфавитном порядке, при этом первыми в нем должны стоять работы, изданные на кириллице. В этот же список при необходимости включаются под заголовком «Источники» публикации документов, архивные материалы, отчеты о полевых исследованиях. Труды одного автора располагаются в хронологической последовательности, а вышедшие в одном и том же году — в алфавитном порядке с добавлением к году издания данной работы соответствующих **латинских литер**: **a, b, c, d** и т.д. **Для работ, опубликованных в течение последних десятилетий, обязательно указываются издательство и страницы.** Кроме того, следует указать doi (при наличии соответствующих данных).

Ссылки на использованную литературу приводятся в тексте рукописи в **квадратных скобках** в алфавитном порядке (например: [Деревянко и др., 2000, с. 24; Древние культуры…, 1994, с. 115; Зданович, 1984b, с. 201; Морозов, 1976]).

При оформлении списка литературы нужно придерживаться следующего порядка библиографического описания книг, статей и отчетов (ФИО авторов или название работы набираются курсивом, в инициалах авторов между именем и отчеством пробел не ставится):

Агапов М.Г. «Яптик-сити»: В поисках идентичности северного села // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 3 (42). С. 181–191. doi: 10.20874/2071-0437-2018-42-3-181-191.

Анисимов А.Ф. Космогонические представления народов Севера. М.; Л.: Наука, 1966. 243 с.

Зах В.А., Скочина С.Н. Каменное сырье комплексов Тоболо-Ишимья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2. С. 4–11. URL: http://www.ipdn.ru/rics/va.

Квашнин Ю.Н. К вопросу о личных именах и связанных с ними обычаях // Словцовские чтения — 2000: Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. Тюмень, 2000. С. 235–238.

Кузьмина Е.Е. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1988. 34 с.

Матвеева Н.П., Берлина С.В., Чикунова И.Ю. Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 228 с.

(Необходимо указывать фамилии и инициалы всех авторов монографии; не использовать *и др*. или *et al.*)

Морозов В.М. Отчет об археологических работах, произведенных в Тюменской области в 1975 г. Свердловск, 1976 // Архив ИА РАН. Р-I, № 5278.

Шилов С.Н., Рябинина Е.А. Комплекс памятников «Дачный» в системе взаимодействий культур раннего железного века на правобережье р. Миасс // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы III регион. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. Челябинск, 2006. С. 102–105.

Budd P. Alloying and metallworking in the copper age of Central Europe // Bull. of the Metals Museum. Sendai, 1992. Vol. 17. P. 3–14.

Radivojevic M., Rehren T., Pernicka E. On the origins of extractive metallurgy: New evidence from Europe // Journal of Archaeol. Science. 2010. № 37. P. 2775–2787. doi: 10.1016/j.crpv.2014.06.004.

10. Текст статьи должен быть тщательно выверен и подписан (с указанием — перед подписью — фамилии, имени и отчества полностью) каждым из авторов.

Плата за публикацию статей не взимается.

Адрес редакции:
625003, Тюмень, а/я 2774, ТюмНЦ СО РАН (ИПОС)
Тел. (345-2) 22-93-60; 68-87-68.
Адрес сайта: http://www.ipdn.ru
E-mail: vestnik.ipos@inbox.ru (с указанием в теме письма раздела «Вестника археологии, антропологии и этнографии»).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией
АН РТ — Академия наук Республики Татарстан
АН СССР — Академия наук СССР
ВАУ — Вопросы археологии Урала
ГБУТО ГАТ — Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»
ГБУТО ГАТО — Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив Тюменской области»
ГИМ — Государственный исторический музей
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ДАИ — Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией
ДВО РАН — Дальневосточное отделение РАН
ДРВ — Древняя Российская Вивлиофика
ИА РАН — Институт археологии РАН
ИАЭТ СО РАН — Институт археологии и этнографии СО РАН
ИПОС СО РАН — Институт проблем освоения Севера СО РАН
ИРГО — Императорское Русское географическое общество
ИЭ — Институт этнографии
ИЭА РАН — Институт этнологии и антропологии РАН
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИАР — Материалы и исследования по археологии России
МОИП — Московское общество испытателей природы
ПМА — полевые материалы автора
ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи
ПСПР — Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РА — Российская археология
РАН — Российская академия наук
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией
СА — Советская археология
СЗ — Свод законов Российской империи
СМАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии (Кунсткамеры) АН СССР
СО РАН — Сибирское отделение РАН
СЭ — Советская этнография
ТИАМЗ — Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник
УИИЯЛ УрО РАН — Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН
УрО РАН — Уральское отделение РАН
ФИЦ — Федеральный исследовательский центр
ХакНИИЯЛИ — Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ХМАО — Ханты-Мансийский автономный округ — Югра
ЦГИА РБ — Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан
ЭО — Этнографическое обозрение
ЯНАО — Ямало-Ненецкий автономный округ

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук

Издатель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук

Сетевое издание

Вестник археологии, антропологии и этнографии

№ 4 (43)

2018

Главный редактор
доктор исторических наук А.Н. Багашев

Редактор	Е.М. Зах
Верстка	М.В. Крашенинина, С.А. Иларионова
Художник	С.А. Иларионова
Перевод на английский и редактирование	Н.Г. Попова

Точка зрения авторов публикуемых материалов не всегда отражает точку зрения редакции.
При перепечатке материалов ссылка на статьи журнала
«Вестник археологии, антропологии и этнографии» обязательна

Подписано в печать 20.12.2018. Уч.-изд. л. 23,1. Объем 52 Mb.
Минимальные системные требования: Pentium 330 МГц, ОС Windows 98 и выше,
ОЗУ 512 МБ, Internet Explorer, Adobe Reader 5.0 и выше

Адрес редакции: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, 86, тел. (3452) 406-360
E-mail: vestnik.ipos@inbox.ru
Размещение журнала: http://www.ipdn.ru

ISSN 977-2071-0437-05

Дом с главным входом с уличного фасада
(д. Карай Братского района). Фото Л. А. Аболиной

Воложинский район Минской области,
Беларусь. Фото Л. А. Аболиной

Дом с козырьком,
центральная Беларусь.
Фото Л.А. Аболиной

Крепление козырька, д. Зарбь Братского района. Фото Л. А. Аболиной